

СЕРГЕЙ ГОГСКНИ ■ ТАГЕМ ЦАГ И ГРОЗНОГО СВЕТАНА КОЛОСОВСКАЯ ■ ЧУМНАЯ ВОЛНА

СМОНА

ISSN 0131 — 6656

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ ■ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ БЕЗ ШУКШИНА

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ ■ НАЕМНЫЙ

3'94

УБИЙЦА

▲ КАРЛ БРЮЛЛОВ. Портрет сестер Шишмаревых. 1839 г. (Читайте стр. 10)

394

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

АЛЕКСАНДРА ГРИШИНА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 21.12.93.
Подписано к печати 21.01.94.
Формат 84×108¹/₂.
Бумага «Газетная».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 177 600 экз.
Заказ № 1133.
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел рекламы
и реализации.
250-49-98 — отдел писем.
Факс (095) 250-59-28.
Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. № 166.
Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

3 (1553) МАРТ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

2

На нашей
обложке:
актриса
ИРИНА
АЛФЕРОВА.
(Читайте
стр. 276.)
Фото
ИГОРЯ
ГНЕВЫШЕВА

Проза

38

ИВЛИН ВО. ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
Рассказ

74

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ. ДРЕВНЯЯ ТАЙНА ЛЮБВИ
ХАКАНА ЧИНГИСХАНА
Новеллы

178

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ. НАЕМНЫЙ УБИЙЦА
Детектив

Поэзия

16

НАТАЛЬЯ РОЖКОВА, СВЕТАНА ФЕТИСОВА

71

АНАТОЛИЙ КУДРЯВИЦКИЙ, СЕРГЕЙ ТЕЛЮК

174

АЛИНА ВИТУХНОВСКАЯ

Человек и общество

4

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ БЕЗ ШУКШИНА

20

СВЕТАНА КОЛОСОВСКАЯ. ЧУМНАЯ ВОЛНА

54

ОЛЬГА НЕКРАСОВА. МОРОК

86

ВИКТОР ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. ЭХО

140

СЕРГЕЙ ГОРСКИЙ. ГАРЕМ ЦАРЯ ГРОЗНОГО

163

ТЕ, КТО РЯДОМ
Фотовернисаж

Наука

130

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ВЛАСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ

Культура, музыка, искусство

47

«ФРАГМЕНТ»

Конкурс знатоков мировой живописи

100

АЛЕКСАНДР БЕНУА. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
В XIX ВЕКЕ

138

АЛЛА АЛЕКСАНДРОВА. КАЖДАЯ ПЕСНЯ — СПЕКТАКЛЬ

276

ИРИНА АЛФЕРОВА: «ЛЮБЛЮ ЛЮДЕЙ, УМЕНЮЩИХ ПРОЩАТЬ»

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

4•94

3

■ **ВЛАДИМИР ЗАХАРОВ.** «ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ».

Каковы действительные обстоятельства трагической гибели Михаила Юрьевича Лермонтова? Автор предлагает убедительную версию известных событий...

■ **ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР.** «СЕКРЕТ ПАДЧЕРИЦЫ».

Главным персонажем в 72 детективных романах Гарднера выступает адвокат Перри Мейсон, которому помогают очаровательная секретарша Делла Стрит и владелец частного детективного бюро Пол Дрейк. Мейсон никогда не проигрывает, даже, казалось бы, в самых безнадежных делах. На судебный процесс он приходит, не имея, как правило, и половины аргументов в защиту своих подопечных, но блестяще владея умением вести перекрестный допрос свидетелей.

Легкость слога, головоломный темп, в котором чередуются события, запутанный сюжет, постоянный риск и сокрушительная победа в финале — таковы достоинства предлагаемого читателям романа «Секрет падчерицы».

■ **ЛЕВ КАНЕВСКИЙ.** «НОСТРАДАМУС».

«— Если твой сын родится с двенадцатым ударом часов ровно в полдень, то он станет светилом науки и одним из вселенских учителей...»

В это время большие бронзовые часы на башне монастыря Святого Павла начали отсчитывать полдень. Когда прозвучал последний, двенадцатый удар, из каменного дома послышались вопли женщины и резкий крик новорожденного.

Мишель Нострадам — знаменитый Нострадамус — появился на свет с двенадцатым ударом часов ровно в полдень!»

АНОНС:

Двадцать лет

Давно гляжу: лежит в магазине пятый том шукшинского собрания сочинений, выпущенного в 1992 году в Екатеринбурге, кирзово-фуфаечный, бедноватый в оголтелом (голотелом) окружении зазывных, броско-наглых обложек, и даже на взгляд ему там неуютно. Догадываюсь, что когда ночами повторяется история его горькой сказки «До третьих петухов», в которой Иван-дурак, оставляя на библиотечных полках своих серьезных «коллег», идет по их просьбе добывать справку, что он умный, этот невзрачный том «наводит шороху» среди публичной обложечной шушеры, так что перед открытием магазина эти «лакомые кусочки» и «рабыни секса», «дьявольские уловки» и «поцелуи на краю смерти» долго не могут найти своих мест. Но днем они свое возьмут. Новый читатель, уже успевший втянуться в этот глянецевый, хищно рвущий внимание мир, обойдет бедную обложку, как придорожный камень. А между тем и том-то ведь не публицистики, на которую не всяк охотник, а самых лучших рассказов. Для памятливого человека одно оглавление — чистая музыка: «Жена мужа в Париж провожала», «Миль пардон, мадам», «Страдания молодого Ваганова!» Несколько бы лет назад — удержи-ка такой том на полке долее дня!

Так что же? Всею свое место под солнцем? И забвение, подкрадывающееся к Шукшину, естественно: другие времена — другие песни? Нет, тут эстетическим вздохом не отделаешься: за ним не то что не вся правда, а, кажется, и вообще правды нет. В этом наглядно подступающем забвении есть кое-что посущественнее и поболезненнее для каждой души. И речь не о старении творчества хотя бы некогда и очень близкого художника, а о состоянии нашей души, нашего народного сердца, нашего национального ума. За трескотней про возрождение России (кого ни возьми — всяк за возрождение: и президент, и противники президента, и предприниматели, и торговцы разбавленным спиртом) мы успели подзабыть живого русского человека, который эту самую Россию и составлял. Да и не позабыли даже, а как-то исподтишка подменили пустой оболочкой, лубочной картинкой, и вот дивимся, что ничего у нас не выходит. Чтобы скрыть внезапно обнаружившуюся пустоту, стали русского мужика где поглубже искать: одни во временах Калиты и Ивана Васильевича, другие в днях Александра Освободителя или Петра Столыпина. Свой, недавний, оказался негоден для рефор-

без Шукшина

маторской переработки, слился в какого-то плакатно-безликого «колхозника», который гириями повис на ногах преобразователей и не давал шагу ступить. А поскольку именно этого неудобного для социальных экспериментов мужика писала «деревенская литература» и именно в нем мы наконец после всех идеологических обмороков стали различать свои настоящие корни и во всех передрыгах уберегшейся голос живой традиции, то, значит, пришлось заодно и «деревенскую литературу» освистать, нарочито опорочить ее как «казенную» и «поощряемую государством».

Для такой постыдной работы ума много не надо и охотники нашлись скоро, но расплачиваться за эту открытую ложь придется всем, в том числе и самим иронистам, если они не успеют переменить отечества (у них это быстро). С бумажным мужиком много не наработаешь — все равно придется к реальному на поклон идти, а для этого его надо видеть и знать. Можно хлопотать о фермерстве, о частной собственности, о новых принципах хозяйствования, но мужик-то все равно остается тот же — русский, со всем его непредсказуемым размахом, с его никуды не девавшейся волей, с его леню и его неутоленной работоспособностью, с его хвастовством и его скромностью, пьянством и злом, бескорыстием и жадностью — со всем тем, что лучше, вернее, ярче, полнее всего написал Василий Макарович Шукшин.

Да и не написал он (не то это слово). Не будет ни обиды, ни неправды, если сказать, что он не был только писателем, хотя деревенская проза и числила его своим, и сам он себя по этому «ведомству» проводил. В том-то и секрет, и сила, и тайна, и чудо его жизни, что он писал, играл, ставил свои фильмы, ни на минуту не выводя себя на позицию только «автора», властителя текста или киноматериала. Он всем этим жил. Кажется, он автором-то только и был в то краткое мгновение, когда замысел еще только брезжил и горячил воображение, а как доходило до дела, то с первой строки и первого кадра он уже варился в середине действия, плача, смеясь, страдая, ненавидя, мучаясь от тоски и любви, непонимания и восторга.

Это как будто и вообще свойственно русским художникам — сбиваться на прямое участие в сочинении, но Шукшин даже в этом требовательном ряду был очевидным исключением. Теперь уже несомненно, что он был явлением подлинно единствен-

ным, не знающим подобия ни в мировой, ни в русской практике. Писателями, актерами, режиссерами в одном лице были многие, но сжатой воплощенной мыслью, живущей идеей был он один.

Не потому ли в каждой отдельной области он был как бы не полон и эту неполноту чувствовал. Да и зрители и читатели это знали и в книгах «дописывали» актера, а в актерских работах «дочитывали» писателя, все время как бы говорили себе: это еще что! Здорово, конечно, но вот еще послушайте, как он об этом пишет, или посмотрите, как он это играет или как он это снял... Для коллег во всех областях он как будто был немного дилетантом, и всяк из них норовил его сунуть до одной профессии, к себе перетянуть. А смерть не дала.

Нам всем полегче, и мы подольше живем, потому что «свидетелями» умеем быть, не везде в участники суемся, кое-что и мимо пропускаем. Посетuem про себя — вот сволочи, что делают! — но обойдем за версту. А он так и не научился этому житейскому искусству и, кажется, даже попытки не сделал выучиться, а сразу летел в самый клубок ситуации и уже махал кулаками, кричал, срывал голос и изнашивал сердце, так что в 45 лет, когда он ушел, оно, по свидетельству врачей, было, как у 80-летнего. Он пустил жизнь «в себя», и она взялась в нем за жаркое самоосмысление, пока не разорвала его.

6 Это был очень народный способ существования — почему профессионалы и подозревали его в «дилетантизме», да и сам он, по примечанию дружившего с ним Г. Буркова, был затаенно неуверен и от неуверенности делался только резче и откровеннее. Мы-то вот тоже рядом с целым человечеством живем, а нет этого зренья, этой сорастворенности, при которой другой становится тобой и мучается в тебе невысказанный, жжет тебя своей правдой, пока ты ее не выговоришь. Да и свою правду в себе не удержишь. Не оттого ли у него так часто спорят, хватают друг друга за грудки, доискиваются истины? Никаких пейзажей, никаких обстоятельных вступлений, словно и самому автору не терпится узнать, до чего договорятся герои, что им откроется. Встретились — и вперед!

Может быть, от этого и мерещился дилетантизм. Ждали «прозы», а оказывались в уличной свалке или наедине со сбившимся человеком, который без стыда выкладывает все как на исповеди. И никак не хотели увидеть, что тут страсть сродни страстям Достоевского. Оказалось, что не в одном выморочном Петербурге мается человек, а тень этого безумного города уже и на всю Россию легла и до сибирской деревни дотянулась. Боюсь, что тут и умозрения никакого нет, а подлинно, как Петр вывихнул Россию, сселив ее в европейское болото, так выпарившаяся из этого петербургского неживого нерусского болота революция сорвала с места, казалось, навек устойчивого деревенского человека и понесла его по земле — то в город, то в тюрьму, а то и в родном вроде остался селе, а все равно будто в поле без крыши над головой. И он заводится, защищаясь, отбиваясь налево и направо, изо всех сил отстаивая себя, волю свою и право. У Достоевского-то русский человек с этой волей уже как бы лишнего требует, Бога допрашивает, «тварь дрожащую» в себе гонит, чтобы «пра-

во иметь», насилует жизнь. А у Шукшина он обороняется, от смерти себя бережет, не лишнего ищет, а глядит, как бы хоть свое отстоять, душу живую в унылом общем равнодушии не погубить.

А не узнали мы тень Достоевского, потому что уж больно «простовато» глядит шукшинский герой и слишком в нем еще много крепкой природной жизни и в отличие от достоевских сумерек все будто в полдень происходит — летит и переливается, сверкает и поет, все через край и вперебор, с бесконечной чрезмерностью. Да и по традиции у нас за мужиками иные, некрасовски-толстовские да тургеневские добродетели числились, а не доискивание жизненных смыслов.

«Ведь отчего так много дерьма в жизни: сделал один человек другому доброе дело, а тот завернул оглобли — и поминай, как звали... А потом скулим: плохо жить», — это Ефим Валиков из рассказа «Суд».

«Ду ю спик инглиш, сэр? А как насчет картошки дров поджарить? Лескова надо читать, Лескова! Еще Лескова не прочитали, а уж слюни насчет неореализма пустили. Лескова, Чехова, Короленку... Потом Толстого, Льва Николаевича», — а это «психопат» Сергей Иванович Кудряшов.

«Вообще грустно, дел. Почему так? Ничего неохота... как это... как свидетель. Я один раз свидетелем был: один другому дал по очкам... И вот сижу я на суде и не могу понять: я-то зачем здесь?..» Это Иван из рассказа «В профиль и анфас».

«Вот у тебя есть все — руки, ноги... и другие органы. Какого размера — это другой вопрос, но все, так сказать, на месте... Но у человека есть также — душа! Вот она здесь — болит! — Максим показывал на грудь. — Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую — болит». Это Максим Яриков («Верую»).

Я нарочно выписываю именно эти косноязычные невнятности, это на интеллигентный взгляд растительное страдание, которое вроде и страданием-то не назовешь. (Не могу забыть, как по поводу другого, казаковского, героя из рассказа «Трали-вали», героя вполне шукшинского по заправке, тогдашний авторитетный критик Лариса Крячко писала на мои восторги с раздражением, что ей «не интересно слушать жалобы гориллы на ветру».) Но мужики критики не читают. Гонит их тоска, гнетет «незаполненная», хлябающая душа. Все время какой-то «зазор» остается, злая пустота покоя не дает. Тонкости тут мало, но боль-то, может, и поострее интеллектуальной, потому что причины не знает и в слова не облачается (чеховскому-то да и достоевскому страдальцу иногда довольно того, что он возьмет да и хорошо сформулирует свою боль и уже этим и развеет или хоть поослабит ее — красота-матушка по внутреннему своему милосердию спасет). А этим куда податься? Попали в какое-то межеумье, в «промежуток» — и пошло-поехало. Мачеха-история, о которой они и думать не думают, выбила их из здорового порядка жизни, осмеяла, отняла их старую наследованную жизнь, а вместо новой подсунула какую-то мякину, которая им поперек души. И вот они маются по тюрьмам, как Степка из одноименного рассказа или Егор Прокудин из «Калины красной», и дерутся, и плачут, и никому вокруг не дают покоя. На месте не постоят. У Егора это

виднее всего: почти не властен в себе, душа все время обгоняет рассудок и несет его как на огонь. Он бы все равно сгорел, сорвал жизнь, потому что ему надо все, и чтобы в этом всем сила и воля была во весь размах, в полный русский простор.

Он, он это — простор наш, бескрайность русская горит в каждой шукшинской душе. Герой «Печек-лавочек» не зря в конце у себя на Пикете сидит, в родных шукшинских Сростках. Оттуда как раз всю Россию выдать. Каждый год я любил ездить на «чтения» для этого лучшего мига — встать там на вершине и поглядеть вокруг. Все его герои отсюда, с Пикета, все тут себе душу открывали, и потом никак уже равного ничего не находили — все тесно, все какие-то тараканьи норы и щели. Никак уже этого простора не заполнишь. Тут бы лететь только, а жизнь все норовит их в рамочку вставить, в быт запереть, в «моральный кодекс», выписанный на доску у правления.

Мы, к сожалению, как следует этой тоски шукшинских героев не поняли. Сами еще обманывали себя затхлою стабильностью и хоть предчувствовали, что долго так не протянется, но отсиживались, тянули, надеялись на спасительное «авось». А он уже знал, что в таком «межеумье» человеку не жить. Нас обманывала форма, «одежка» героев, чудачество и дурачество их. Мы вроде и знали, что дурак на Руси один правду говорит, но как-то, как всегда, только к историческим дуракам и блаженным это относили, а на своих глядели с обычной снисходительностью «умных и знающих». А дело-то тоньше. Один умный европеец отлично заметил, что Дон Кихот — это великий человек, становящийся дураком из-за отсутствия цели. Есть тут что-то сродное. И все шукшинские «дураки» — мающиеся «без причины» мужики, у которых душа болит, и несчетные его вралі, начиная с Пашки Колокольникова («Живет такой парень») до Броньки Пупкова («Миль пардон, мадам»), вовсе не по вывиху душевному так выпадают из реальности. Они и врут-то потому, что старые связи навек порвались, а новых они не чувствуют, и вот им скучно жить, мало вялой нищенской правды повседневности. Такого вранья, пожалуй, ни на один язык не переведешь. Анекдот останется, а таким странным образом выпросившаяся наружу воля уйдет. Останется трепло и дурак, а не ненасытная душа, которая убогой бедности дня предпочтет цветистый сон и во имя этого сна не устыдится и в посмешищах походить. И вон уж Пашка поглядывает на свою спутницу.

«— По-французски говорите?

— Нет, а что?

— Так, поболтали бы... — Пашка закурил.

— А вы что, говорите по-французски?

— Манжерокинг.

— Что это?

— Значит, говорю...»

И Бронька Пупков идет стрелять в Гитлера.

«В руке у меня большой пакет, в пакете — браунинг, заряженный разрывными отравленными пулями. Подходит один генерал, тянется к пакету: давай, мол. Я ему вежливо ручкой — миль пардон, мадам, только фюреру. На чистом немецком языке говорю, фьжорэр...»

А маляр-шабашник Малафейкин в темноте купе изводит соседа ночной, выверенной в бессонницах биографией: «Прислужито? Полно! Я люблю сам!.. Знаете, иногда думаешь: «Да на кой черт мне все эти почести, ордена, персоналки?.. Жил бы вот так вот в деревне, топил бы печку...» («Генерал Малафейкин»).

Они что — не знают истинного-то своего положения? Со стороны себя не видят? Да нет, знают и видят, а вот подойдет час, и опять поднимет их счастливая волна, и они вознесутся над родной деревней и проживут чужую, неслыханную, ослепительную жизнь и хоть на этот краткий миг утолят рвущуюся на простор душу. А не представится случай соврать — спокот с такой силой и звоном, что вся душа в песне изойдет. Поглядите-ка, ведь чуть не в каждом рассказе песня, и в романе, и в фильме, и в «Степане» его мучительном, где под песню «охота как-нибудь вывихнуться, мощью своей устроить, заорать, что ли, или одолеть кого-нибудь». Даже и вовсе вроде в комической ситуации, когда черти в монастырь рвутся («До третьих петухов»), да привратник не пускает, даже и тут, когда Иван подсказал «секретное оружие», то и тут Шукшин сразу «забывает сюжет»: «Маэстро кивнул головой, и шестеро грянули:

*По диким степям Забайкалья,
Где золото роят в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах...*

Здесь надо остановить повествование и, сколь возможно, погрузиться в мир песни. Это был прекрасный мир, сердечный и грустный. Звуки песни, негромкие, но сразу какие-то мощные, чистые, ударили в душу. Весь шабаш отодвинулся далеко-далеко; черти, особенно те, которые пели, сделались вдруг прекрасными существами, умными, добрыми, показалось вдруг, что смысл их истинного существования не в шабаше и безобразиях, а в ином — в любви и сострадании.

...Стражник прислонил копьё к воротам и, замерев, слушал песню... А в пустые ворота пошли черти.

А песня лилась, рвала душу, губила суету и мелочь жизни — звала на простор, на вольную волю».

И не то же ли томление неполноты рождает несчетных шукшинских «чудиков» вроде Андрея Ерина, который на последние деньги купил микроскоп, разглядел микробов в крови и вознегодовал на «заговор» ученых, скрывающих это: «Не хотят расстраивать народ. А чего бы не сказать? Может, все вместе-то и придумали бы, как их уничтожить. Нет, сговорились и молчат. Волнение, мол, начнется» («Микроскоп»). И как назвать Моню Квасова, который изобрел вечный двигатель «и даже не испытал особой радости, только удивился: чего же они столько времени головы-то ломали?» («Упорный»). И от одной ли скуки «забуксовал» советский механик Роман Звягин, услышав, как сын учит гоголевскую «птицу-тройку», и потеряв покой оттого, что в тройке-то, оказывается, летит Пал Иваныч Чичиков и это перед ним «косясь посторониваются» народы и государства? Чего бы Роману Звягину до Пал Иваныча, а вот «забуксовал», и все.

Тихие, занозистые, злые и беспечные — все они как-то неуловимо походят друг на друга, будто братья. Все заводные и та-

лантливые. И теперь, коли как следует подряд все собрание перечитать, это особенно бросается в глаза (не зря он часто из рассказов в сценарии перетаскивал своих героев, прибавляя каждому и отсюда, и отсюда помаленьку, и они не расходились «на склейках»). Эта похожесть в том, что все они болеют его шукшинской мыслью, живут его даром, его волей и нетерпением. По существу, он писал непрерывную автобиографию страждущей своей души и мысли, допрашивал мир о его правилах и не хотел согласиться с социальным загоном, с узкой «нишей», куда общество для своего удобства заталкивает человека и потом гонит его к смерти тесным коридором, приглядывая, чтобы он не особенно вываливался из границ. Кажется, он эти пути чувствовал непрерывно и рвал их враньем, чудачеством, прямым выяснением, дракой.

...«Стеньку застали врасплох... Он любил людей, но он знал их... он делил с ними радость и горе... Когда пришлось очень солоно, они решили выдать его... Рухнул на колени грозный атаман, и на глаза его пала скорбная тень: «Выбейте мне очи, чтобы я не видел вашего позора», — сказал он».

Он понимал Стеньку и понимал Васёку, который этого «Стеньку» делал ночами: «У Васёки перехватило горло от любви и горя... Он любил свои родные края, горы свои, мать... всех людей. И любовь эта жгла и мучила — просилась из груди. И не понимал Васёка, что нужно сделать для людей. Чтобы успокоиться».

И Василий Макарович любил горы свои, родные края, мать и всех людей и, как Васёка, не знал, что сделать для них, «чтобы успокоиться». И делал того же Стеньку. По сути, во всех рассказах и во всех ролях и сценариях он писал его. Его и себя, которые были одно. Сколько раз писали о том, что Шукшину не дали снять «Разина», что начальство разными способами сопротивлялось запуску картины и тем, конечно, подталкивало Шукшина к смерти. Что же смущало начальство-то? Чего боялись власти в сюжете о вполне народном герое, который казался навсегда канонизированным большевистской идеологией? А смущал сам Василий Макарович, его правда, которая и в самых веселых его рассказах перла поперек и выбивала читателя и зрителя из узаконенной колеи. Во ли боялось начальство. Как Разин уже из клетки спокойно говорил, что он дал эту волю, так из своей клетки дал ее и Шукшин. Еще до «Разина» дал. И героями своими, и самим собой, бытием своим среди нас. Это особенно видно в кино: и в собственных работах Шукшина, и там, где он играл у других режиссеров — у С. Герасимова («У озера»), у Г. Панфилова («Прошу слова»), у С. Бондарчука («Они сражались за Родину»). И в чужих-то картинах это как раз особенно бросалось в глаза. Он везде как-то выпадал из «ансамбля», везде на особицу стоял. Обязательно оказывался шире персонажа и как бы по роли ни звался, а сразу было видно, что это Шукшин и что он гнет свою правду со всей беззащитностью и прямоотой, что ему, как всегда, «больше всех надо». Его любили, и за него было как будто чуть неловко, как это всегда бывает, когда кто-то начинает ломить правду среди людей, не желающих ее слышать, — правила игры нарушает.

Вместе с тем есть какая-то мистическая предопределенность

в том, что он не снял «Разина». Не в одном начальстве дело. Тут будто судьба удерживала его от какого-то главного разочарования. Не историческая картина нужна была Шукшину, не канонический народный заступник. Он воскрешал во всей силе и первоначальности неуправляемую, не подчиняющуюся закону, мягущуюся и измученную, вольную и грозную народную душу, раздувал ее из-под почти уж затянувшего ее пепла, опять готов был устыдить расслабленного человека и искусить его могучей тоской по силе и призванности. Беспокойный свой автопортрет ставил, и это уже пугало как социальная опасность — вот и навалились кучей те, кого он «любил и знал», и повязали по рукам и ногам и даже казнить не стали, поняли, что самая-то страшная казнь — это как раз связанные руки. Но что-то все-таки тайлось как будто и в самой мечте внутренне неосуществимое. Уж и сценарий был готов и даже отмечен премией, и каждый кадр был до детали известен, а что-то все будто дребезжало внутри и не приносило того ясного покоя, с которым уже, в сущности, и не важно, снята картина или нет. Обидно и больно от неосуществленности, но внутренне картина есть, и душа может «отдохнуть» на другой мысли. А тут она как-то неотвязно все крутилась вокруг неухватимого центра, палила душу и не умела найти разрешения.

Не знаю, может, мне это только мерещится, но не по одному «Степану», а и по большинству его вещей видно, что Шукшин оттого и страдает и не знает покоя, что вольная его душа отовсюду уходит с так и не разрешенным внутренним вопросом. Ведь этот его усталый не то крик, не то страшный шепот: «Что с нами происходит?» — вырвавшийся в «Кляuze», а до этого точивший его все сознательные годы, он и в «Разине» на глубине слышен. Что гнало эту пылкую, могучую натуру? Не наши же школьные исторические обоснования! Почему его воля, такая естественная, такая сродная милому домашнему простору, такая русская, вырезает такими дикими и часто страшными плодами, что его в русских соборах в адских котлах пишут (Шукшин окаменел, впервые столкнувшись с этим). Не оттого ли он никак не мог найти фильму удовлетворяющего финала?

Мы уже говорили о герое «Калины красной» (Шукшин это знал первый), что смерть его была неизбежна, что пахарь из него уже не получился бы. Его все равно гнала бы жадная, рвущая сила, тот превосходно написанный и страшный ликующий злой напев, с которым он бежит от милиционеров тотчас по выходе из тюрьмы, и сама эта бессмысленная гонка по краю доставляет ему острое наслаждение. Кажется, Шукшин начинал отрезвляюще сознавать, что волю-то, как Степан, можно дать, но с одной волей человек не живет, потому что она воспаляет и опьяняет душу и в конце концов дожигает ее, если на каком-то пределе не переходит в свободу, которая вовсе не родня воле, потому что строится на дисциплине и вере, любви и праве, ответственности и духовной трезвости. Похоже, «Разин» вывел Шукшина как раз к осмыслению свободы и дал особенно остро почувствовать, что от нее человек еще дальше, чем от воли, и самое тревожное, не видит этого разрыва. Незадолго до смерти он говорил в интервью «Сибирским огням»: «Теперь, я думаю, надо обострять, обострять

как можно активнее, безжалостнее. Доводить разговоры до предела...» — и дальше настаивал, что особенно высоко надо ставить «вопрос совести». Можно только предполагать, до какой степени «безжалостности» и «обострения» он мог возвысить свое творчество. Сердце указало этот предел: разорвалось ночью так стремительно, что не успела рассосаться таблетка валидола под языком. Как всегда, до предела он довел прежде всего себя.

Несколько лет назад В. Г. Распутин горько и верно написал: «Что-то мы не сделали после Шукшина, что-то необходимое и важное, в чем-то, за что он бился, мы его не поддержали». Теперь по всему строю выпотрошенной, лишенной содержания жизни видно, что не только не поддержали, а вообще устремились в совершенно иную сторону, от которой он бежал и с которой боролся — бился, как сильнее и вернее сказал Распутин. Пошлость и духовное истощение жизни, стремительно расходящаяся трещина между человеком и человеком, которые так мучили и залили его, стали вдруг не только не стыдны и не опасны, а законны и поощряемы. Он верил, что все неурядица и сбой человеческой природы есть только измена настоящему существу жизни, и простодушно надеялся на опаматование человека, на выздоровление общества. Этой святой наивной верой проникнуто каждое его слово.

Вот, для примера, в «Печках-лавочках» как много он об учителях говорит — и профессорскими устами, и сына профессора, и сам Иван норовит ввернуть о них словцо. А для чего это все? Почему так настойчиво? А это он правительству объясняет, что надо сделать. Верит, что услышат и поймут, что там только не знают, не видят, а вот услышат и переменят. Он доверяет искусству с деревенской чистотой и даже на минуту не может допустить, что один человек может что-то не делать для другого просто нарочно, от скуки, от неприязни, от лени, наконец, не делать — и все. Это он уж потом в «Кляузе» почувствует всю губельную низость подступающей новизны, где до человека уже не будет дела, поймет, что мы исподволь, почти незаметно глазу, но необратимо изменили себе.

Он приходил напоследок показать, что такое русский человек в его замысле, в его Богом данной святой полноте, и мы еще успели почувствовать это и в час его смерти на мгновение вздрогнули, увидев, чем мы могли быть и что предали в себе, какая даль еще была возможна в нас, какой еще полный во весь огляд Родины простор и какая воля! И как будто в отместку себе потом с удвоенной стремительностью покатылись в равнодушные, в предательство истории, в наживу и уничтожение остатков нравственных институтов, в небывалое по размаху разуршение, в теперь уже истинно «религиозное» исповедание принципа «кто был ничем, тот станет всем».

Теперь он не мог бы выжить и дня. Такой мы стали страной для своих лучших детей. И теперь нам уже не дожидаться рождения другого такого нашего сына и брата, потому что уничтожена почва для появления искреннего человека. Он до смертного часа оглядывался на Алтай, на милые Сростки, заговаривал себя возможностью возвращения: «Я думаю, что русского человека во многом выручает сознание этого вот — есть еще куда отступать,

есть где отдышаться, собраться с духом», — и грел, грел себя мыслью об этом отступлении: «Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда».

Мы и сами следом за ним, следом за врачевавшими нас «деревенщиками» надеялись, что ничего не потеряно, что где-то ждут нас родные корни, крепкие и живые, чистые и невредимые, пока не очнулись посреди чужой страны, чужого языка, чужих нравственных законов, как в изгнании, и теперь перечитываем его со странным чувством: неужели это было с нами, в нашей России, и это мы были таким талантливым народом с такой становящейся летящей душой?

Как хороши воспоминания о нем Г. Буркова, Г. Горьшина, А. Заболоцкого, Ю. Скопа, Ю. Соловьева. Люди всё разные вспоминают, а делаются будто на одно лицо, и лицо это — шукшинское. Он сквозь каждого проступает, будто в каждом выводит на свет Божий самое простое и здоровое, и они на минуту забывают свое актерство или писательство и становятся такими же чистыми, здоровыми, коренными людьми, каким был Шукшин, и уже через эту позабытую простоту сердца понимают и пишут его, и он выходит живой, тоже прежде всего именно открытый родной человек.

Однажды мне рассказывал о нем директор музея С. М. Эйзенштейна Наум Клейман — человек по-эйзенштейновски предельно интеллектуальной, напряженной, какой-то уж разреженной культуры, совсем вроде далекой от Шукшина, а и у него рассказ как будто внутри скорректировался Шукшиным. Я приведу его, как запомнил, потому что каждое воспоминание дорого и хоть нового к образу не прибавляет, но как бы на мгновение и воскрешает живую шукшинскую душу. А это само по себе немало.

14 «Году в 63-м мы затеяли молодежное объединение и ездили в Сибирь «обкачать» его. Вася вез показать землякам свой диплом «Из Лебяжьего сообщают», а я — «Ивана Грозного». Вася «Грозного» не любил («Ни одного живого кадра — всё башкой. У нас его и смотреть не будут»). Приехали, показали. Оба простыли. Матушка Васина Мария Сергеевна настряпала воз пельменей, и мы принялись лечиться. И как-то между делом, будто само собой, Мария Сергеевна сказала: «Не приведи Бог царем-то быть. Не пожелала бы я этого ни себе, ни Васе». «Грозный», оказывается, засел в ней и не давал покоя. Вася поглядел на мать, на меня и как-то счастливо хмыкнул — не удивился, а обрадовался — за мать, за земляков. А потом мы поехали на приiski в Бодайбо. Везли нас куда-то в поселок узкоколейкой. Ночь метельная. Прожектор паровозный режет снег, паровоз мотается на стыках, и луч выхватывает слева и справа вышки, проволоку, зону за зоной. Машинист привычно рассказывает: «Тут были бабы, их, если кого не хватало на проверке, сажали на снег без штанов, половина так и замерзала. А тут — мужики, этих и сажать на снег не надо было, их из шахт не выпускали...» И так километрами. Хотелось уже, чтобы он перестал. Страшная была поездка. В гостинице у нас был один номер, я включил радио, а там Яхонтов прямо с первой строки читает: «Во глубине сибирских руд/Храните гордое терпенье...» И Вася как-то сразу так тяжело, обвально заплакал, что и я не

устоял. И мы уже потом не забывали этого мгновения».

Для меня все эти воспоминания — лучшее подтверждение, что Шукшин был наиболее личным из русских художников. Никак не литератором только, ни актером, ни режиссером. Мы даже как будто были «умнее» его и относились именно как к младшему брату — непутевому, заводному, всякую минуту готовому загнать нас в сомнительную ситуацию, из которой неизвестно как выпутываться, но чистому душой и оттого чуть снисходительно любимому. Наше бедное интеллектуальное знание какой-то своей частью стыдилось его, как стыдятся хороших, но не умеющих повернуться деревенских родственников, а в душе мы тосковали и про себя верили, что и сами еще можем вернуться к этой здоровой наивной чистоте. Мы благодарили его за то, что он «легализовал» наше загнанное в подполье лучшее, позволил не стыдиться того, что мы торопились загородить «воспитанием» и комплексующей оглядкой на чужое суждение, на скверно понятую нами городскую культуру, за которой уже маячила «культура рыночная». Увы, всем последующим своим поведением мы доказали, что хватило нас ненадолго, что не устояли мы на шукшинской ноте, не помогли ему, не поддержали и в конце концов оказались все-таки раздавлены своей вечной унижительной оглядкой на «цивилизованные страны», предали свою волю и правду за чечевичную похлебку цветистой пошлости, с которой воюет ночами на книжных прилавках бедный рабочий том Шукшина.

Этим предательством мы не просто столкнули Шукшина в «культурные чудики», в милое, но уже невозвратное культурное предание, хотя одно это должно было насторожить нас, — мы своротили с наследованного живого народного пути и теперь надолго обречены множить только «посторонние» («как это... как свидетель»), «букеровские» книги и жить «со стороны».

Есть в воспоминаниях Юрия Скопа пронзительный и на глубине символический эпизод.

«На «Странных людях»... снималась массовка — проводы гармониста в армию. В фильм он не попал, но дело не в этом...

День выдался самое то... Человек сто, а может, и поболее вышло на расставанье. С песней... Живет в народе такая — «Последний нынешний денечек...». Мотор! Пошли... Головная актерская группа вроде бы ладно взяла песню, а хвост массовочный не тое... Позабыли, оказалось, песню-то... Дубль, другой... Макарыч яриться начал... Пленка горит, а в результате — чепуха сплошная. Вот тогда и взлетел Макарыч на пригорок, чтобы все его видели, остановил яростным взмахом движение и как рявкнет:

— Вы что?! Русские или нет? Как своих отцов-то провожали?! Детей! Да как же это можно забыть? Вы что?! Вы вспомните! Ведь вот как, братцы... И начал: — Последний нынешний денечек... — зычно, разливно, с грустью и азартом бесшабашным за всю массовку вложил в голос. Откуда что берется?.. И вздохнула деревня, прониклась песней...

Когда расходились, сам слышал, как мужики и женщины толковали: вот уж спели так спели! Ах...»

Мы все спели с ним последний раз. Теперь песня кончилась. И уже некому устыдить нас: «Да как же это можно забыть?!»

И некому отозваться...

ДЕРЕВО ЦЕЛИ

*Деревом цели называется связный орграф,
не содержащий петель.*

Дефиниция

*Оглушенная звоном капли,
Позабыв о недавней борьбе,
Тонкий саженец дерева цели
На своей посадила судьбе.
Молодая. И горя мне мало,
И урок поколений не впрок,
Как легко у чужого причала
Детский след мой впечатан в песок!
Я держу на ладони планету,
И от тяжести ноет рука,
Звонко тянется деревце к свету
И не помнит, что жизнь коротка.
Невзирая на беды былые,
Мое дерево тянется ввысь.
Крепко в строгое небо России
Эти ветки, как корни, впились.*

КАРДИОГРАММА

*По бумаге торопливо
Нитка черная прошла,
Вверх подпрыгнула ретиво,
Словно жизнью обожглась.
Все удачи и невзгоды
В этой линии одной,
Стать ее заставят годы
Идеальной и прямой.*

≡

*Мне снится вновь, что космос бел,
как чистая бумага,
а звездочки черны, как многоточья
или следы от пуль,
и слышу нежный звон.
Проснусь на лавке в зале ожидания,
юродивый прозрачною слюной
мне капает на куртку, и звенят
монеты в его старенькой кепчонке.*

≡

*Казалось: прожито так мало,
И даль незримая звала,*

*Я старше Лермонтова стала,
Но ничего не поняла.
О, слишком быстрый век двадцатый!
С тобой мы оба виноваты...*

≡
*Будут месяца рожки
В синих тучах тонуть,
У забытой сторожки
Я окончу свой путь.
Бросят посох мой в печку,
И горит он дотла...
А звезда смотрит в речку,
Безнадежно светла.*

ВОЗРАСТ

*Возраст подходит неслышно
как большая мягкая кошка
вспрыгивает на спину,
когти вонзает в плечи.
Вздвогну от боли внезапной,
голову поведу влево.
Что там за девочка на портрете?
Я? Не может быть!
Снова вонзятся когти,
гляну на зеркало справа:
кто эта женщина? Я...*

ОЩУЩЕНИЯ

*Ощущение глины в руке,
хоть одних я уродцев леплю,
ощущение губ на виске
при любви твоей, равной нулю.
Ощущение боли во мне
из чужого и глупого сна,
ощущенье сиянья во тьме,
там, где церковь давно снесена...*

≡
*Я одна. Только снег и луна,
что белее из них — не понять,
слышу, кто-то по следу идет,
и боюсь оглянуться назад.
Кто шуршит за спиной? Может, те,
что меня так желали вернуть?
Обернусь, не скажу ничего,
только в точки зрачков загляну.
Никого... но замедлю шаг,
пропущу вперед свою тень.*

≡
 Вспыхнул свет в окне.
 Вспыхнул и погас.
 Может, страшный сон
 Потревожил вас?
 Или вы заметили
 То же, что и я:
 Ангела небесного
 В пламени огня.

≡
 Того, кто скрылся, не узнала.
 Того, кто рядом, не понять.
 Где заключение, где начало,
 Где откровения искать?
 В себе? Расплескивать не стоит
 Росу на поле голубом.
 В судьбе? Она мне не откроет,
 Где мой капкан, а где мой дом.
 Просить прощенья без причины
 Или самой всю жизнь прощать?
 Менять светильник на лучины?
 Поступком сердце догонять?..

СУМЕРКИ

Ветер, в стороны не глядя,
 О колосья спотыкался,
 Как распахнутое сердце
 Об осколки темноты.

Солнце медленно садилось,
 За собой сгущая сумрак
 И со дня стирая краски,
 Словно крошки со стола.

Слов застывшие сосульки
 На ветвях еще висели,
 И тропинки не согрелись
 От прохлады голых ног.

Сердце крупной слезою
 Уместилось на ромашке,
 И казались шалашами
 Сена темные стога.

Может, я не понимала
 Полосатых взглядов жизни
 И нечаянно надела
 Одноцветный балахон.

Тревожного света полосы
Скользили по мокрой земле.
Казалось, что робкие люди
Искали друг друга во мгле.

И встречи, казалось, не будет.
Им жизнь не успеет помочь.
Но это лишь корни деревьев
Мерцали в осеннюю ночь.

Я, отвергнутая всеми,
Окунусь в листву, как в лес.
Тихим шорохом осенним
Ускользну я в глубь небес.

Там меня не встретят люди.
Жизнь мне станет далека.
В ней всегда за что-то судят
Тех, кто верит в облака.

Ты садись со мною
Рядышком, вот здесь.
И люби за то, что
Я на свете есть.

Ведь меня не будет
Больше никогда.
Вот такой привычной,
Как в реке вода.

В тонкости событий
Не вникай, дружок.
Я была, как тихий
Маленький лужок.

Весь в живых ромашках,
Крошечных, больших.
Из семейства солнечных,
Рода травяных.

В запухованные ели
Прямо с мостика нырнуть
И рукою из метели
Снега зачерпнуть...

А потом в природе белой,
Где свобода и покой,
Стать на миг осиротелой,
Стать собой.

ЧУМНАЯ

Волна

СВЕТЛАНА
КОЛОСОВСКАЯ

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Горе

Уже год, как Марина, единственная дочь Ольги Петровны, в Белом Братстве. Мы встречаемся с О. П. после выхода моей статьи на эту тему. Ей кажется, я могу ей помочь...

Долго говорим. Сколько знаю таких историй! И каждый раз соглашаюсь с родителями: невероятно. Хорошие семьи, развитые дети — художественные склонности, привычка к чтению, широкий кругозор... Теплые, дружеские отношения, вот как у Ольги Петровны с Мариной. На первые сборы Белого Братства они приходили вместе. «Мариночка, по-моему, здесь что-то не то». «Нет-нет, мама, кажется, это то, что я искала. Надо поближе познакомиться».

Через два месяца, бросив второй курс института, Марина уехала с «братьями». «Олюнчик! — писала она матери. — Пойми, это Зов, я не могла иначе. Я знаю, тебе плохо без меня. Брось все, прими мою богиню Марию Дэви. И мы снова будем вместе. Посмотри вокруг: за что можно держаться в этом мире?! Чему здесь можно отдать жизнь? Идем со мной».

Со временем письма становились все более стандартными, такого типа послания получали и другие родители. И с той же частотой — примерно раз в месяц. Очевидно, таков тип послушания. В письмах была пропаганда учения, листовка. Дети описывали, какие понимающие и добрые люди их окружают.

Что касается родителей, причины беды они называют самые разные: от разгула шарлатанства до глубоко внутренних и нравственных. Ольга Петровна сказала: «Я знаю, это расплата... Муж обожал дочку. Потом начал пить. Зампо-

лит части ходил, уговаривал меня, но я все равно развелась: больной зуб надо рвать сразу! Вот и у меня ее забрали. Как и он тогда, я ничего не могу с этим поделать. Он любил ее не меньше. А может быть, и больше». Многого стоит это прозрение, пришедшее через двадцать лет.

Я много общалась с родителями, дети которых попали в секты и убедились, что это как раз тот вариант «тюрьмы и сумы», который в наше время должна иметь в виду каждая семья. Поверьте, речь идет не о чьих-то неблагоприятных детях, речь о «наших» детях. Эта установка очень полезна практически. А может быть, и профилактически.

«Наше» или «привозное»

Прежде чем говорить о сектах, во множестве появившихся в последние годы, необходимо заметить: хорошо ли, плохо ли было при «железном занавесе», но таких сект не знали! Стало быть, это приобретение нерегулируемой свободы и в большей мере «привозное». Говорят также, что именно в «смутные времена» из темных углов лезет всякая чертовщина.

Конечно, «смутное время» способствовало распространению сект. С ног на голову поставленные ценности, крах прежних идеалов, образовавшиеся духовные пустоты — все это требовало новой пищи, нового заполнения. Наверное, было бы несколько проще, будь это бедой только наших трудных лет. Увы, все сложнее. Секты являются бедствием многих стран, которые отнюдь не переживают «смутных времен».

Следствие «нерегулируемой свободы», правовой незащищенности? В западных странах, ибо явление это там появилось много

раньше, разработаны различные государственные и общественные механизмы, реабилитационные программы. Существуют информационные центры, созданные родителями, где вам предоставят данные обо всех сектах, общественные фонды помощи пострадавшим, многое другое. Однако и западные страны не выработали пока ни идеального законодательного закона, ибо секты и там существуют и множатся, ни каких-либо других эффективных мер для борьбы с этим бедствием. Явление очень сложное, и однозначного определения «чума» или «шарлатанство» недостаточно для понимания. Это и «чума», и «шарлатанство», но и что-то большее.

Наконец, «наше» или «привозное»? «Привозного» действительно очень много. Многие как западные, так и восточные секты пытаются открыть или уже открыли свои филиалы у нас. Устремились, как говорят, на пустующий рынок идей. Есть все от западной «сайентологии» до «тантризма», берущего начало в древнеиндийской храмовой проституции. В Москве по крайней мере можно встретить практически полный набор. Одни секты щедро финансируются, другие на все лады занимаются вымогательством: создают платные курсы, консультации, практикумы.

Какова судьба этих филиалов и отделений в России? Предсказания — дело неблагоприятное. И все же рискну сказать, что большая часть этих сект, основанных на чуждой нам культурной или ценностной традиции, в России не приживется. Разве что на уровне частных клубов. Нынешний шабаш — это фейерверк новизны, который еще ничего не доказывает.

Гораздо большего внимания заслуживают другие секты, кото-

рые на фоне западно-восточной экзотики выделяются уже сейчас. Речь идет об околоправославных Белом Братстве и Богородичном Центре, укорененных в национальной и культурной отечественной традиции. На ней и спекулирующих. Эти объединения не избежали западных, а отчасти и восточных влияний. Но внешняя поддержка или воздействие — не более чем аранжировка или соус. Эти современные секты обнажили наши собственные, внутренние проблемы. Если мы еще раз сождемся на праведный гнев по поводу «тлетворного влияния Запада», мы очень многое упустим, просмотрим. А запретительством лишь загоним проблему внутрь. Когда-то она выйдет на свет, но в еще более уродливой и кошмарной форме.

Основная причина распространения сект в современном мире — это усилившаяся потребность человека в духовном. У нас это совпало с общим процессом религиозного возрождения. Как наивны оказались надежды, что с падением тоталитарной системы чудесно и вдруг проявятся к жизни новые, непременно чистые духовные формы. Неоправданно высокими оказались и надежды на православную Церковь. Обескровленная в советский период, Церковь сама нуждается в поддержке... Однако тот факт, что сектанство уже давно является проблемой на Западе, говорит о том, что и там институт традиционной духовности — Церковь, как католическая, так и протестантская, — не удовлетворяет потребности человека в духовном, не учитывает развивающуюся психику человека, его интеллект.

Сектанство в наше время базируется как раз на современных психологических знаниях и разработках. В расчет берутся также и традиционные духовные знания,

хранимые православием, католицизмом, буддизмом.

Духовный бизнес

Отличительной особенностью современных сект является то, что это, несомненно, бизнес. Но бизнес преступный. Выгоды ради идет атака на духовную природу человека. В итоге психическая, затем физическая деградация, а зачастую смерть, самоубийства. Личность разрушена, и жизнь в физическом теле смысла уже не имеет...

Доказательством превращения сектантства в бизнес является тот факт, что большое число сект становятся умеренными. Их лидеры не конфликтуют с властями, не нарушают законов (по крайней мере явно), благополучно вживаются в общество, то есть обеспечивают внешнюю безопасность для своего бизнеса. Организуют оздоровительные группы (по одной из восточных систем), художественные студии, где и начинается исподволь манипуляция сознанием. У человека постепенно меняются взгляды и потребности. Он оставляет семью, бросает службу и начинает работать на секту, у которой, как правило, есть свои предприятия: типографии, художественные мастерские... Платят там раз в десять меньше, а то и вовсе символически. Но человека это не занимает, ибо структура потребностей, взгляды у него изменились. По-настоящему он живет только внедренной в его сознание идеей или страхом. В этом случае мы имеем дело с современным роботом, который во внешней жизни может вовсе не выделяться. Он может даже жить в семье, но говорить и думать он будет только на одну тему. И не дай Бог родные не будут проявлять терпимости!

Это, так сказать, «мягкий» вариант сект, руководители которых, преступно эксплуатируя психику своей паствы, в запредельные миры вовсе не стремятся, а хотят жить на этой земле. Причем комфортно. Они расчётливы, в своих амбициях умеренны, что обеспечивает достаточно долгий век их сектам.

Другой вариант — более «классический». Эти секты имеют много общего с теми, что существовали и в прежние века. Во главе и здесь, как правило, незаурядная личность, вокруг которой формируется группа. В них господствует полнейшее подчинение, основанное на психологической зависимости, лишении человека собственной воли. Мания исключительности или святости переходит от руководителя ко всей группе. Фанатично убежденные, что являются единственными носителями истины, секты начинают диктовать обществу свои законы. Постепенно разрастается конфликт. Не в силах обуздать амбиций (часто основанных на незаурядных, исключительных способностях) либо наобещав много лишнего, руководитель бывает вынужден «идти до конца». Он уводит секту в глушь, подальше от мира, который оказался его недостойн, и начинает строительство «идеального города», чаще всего Нового Иерусалима. Либо «осуществляется» непосредственный переход в мир иной.

Случаи массовых самоубийств, поражающих своей нелепостью, нередки и в наше время. Наиболее впечатляющая история секты «Народный храм». Ее руководитель, некий Джим Джонс, увел в 1977 году своих сторонников из Сан-Франциско в Гайану (Южная Америка) и заложил там «идеальный город». На деле это оказался «идеальный ГУЛАГ»: рабочий день до 12 часов в болотных испа-

рениях, скудное питание (в основном рис), жестокие пытки за нарушение режима. Проповеди Джонса передавались по динамикам с утра до вечера, молитвенные собрания длились до трех часов ночи... Сам Джонс отнюдь не постился. Содержал военизированную охрану и предавался радостям жизни.

Когда информация об этом «идеальном городе» все же просочилась наружу, комиссия, направленная туда для расследования, обнаружила лишь горы трупов — 911 человек. Сам Джонс пытался скрыться, но его убил собственный охранник.

И совсем недавний пример. Разросшийся конфликт в секте «Ветвь Давида» в Техасе привел также к массовому самоубийству. Покончил с собой и ее лидер Дэвид Кореш...

Идеи

А как же религиозные идеи, доктрины, лежащие в основе мировоззрения сект? Разве это не есть то главное, что подвигает человека на жертвы?

На поверку идеи имеют ничтожно малое и в то же время определяющее значение. Ибо важны только на первой стадии. Здесь играют большую роль национальные, культурные особенности, традиционные верования, тип психологии. Это то, к чему человек порой неосознанно предрасположен. В России — тайная ностальгия по прошлому. Православная

вера предков, дававшая им столь необходимый душевный комфорт, являвшаяся лейтмотивом всей русской культуры... Вера предков, о которой не дают забыть купола и стены древних монастырей, для нынешнего поколения — закрытые врата. Мучимые духовной жаждой, они-таки не могут переступить порог Храма. Мешает пропасть глубиной в семьдесят лет. Каких трудов должно стоить ее преодоление! И всем ли это по плечу?.. А тут появляются некто Кривоногов или Береславский и говорят, что все очень просто. Никакой пропасти нет. А в Храм вы не можете войти не потому, что не готовы, а потому, что сам Храм теперь не хорош. Туда и ходить не надо, теперь это нечто противное первоначальному замыслу. И даже больше: это прибежище Сатаны. В каждом из вас живет православная вера, ей нужно только открыться. Вот вы пойдете за мной и поймете, где путь спасения для вас и всего человечества. От вас потребуются многие жертвы, но знайте, только это — Путь! Ваша жизнь будет отдана высокому служению, а не ежедневной суете!

На такие аргументы открываются, «ловятся» в России¹. К тому же, если вы один на один со своим сокровенным, с этим недостающим вам, если в семье нет понимания в вопросах, для вас самых важных, а собственного опыта (ибо вы очень молоды) недостает, чтобы критически осмыслить невероятно прекрасное, вдруг вошедшее в вашу жизнь, остается одно: полностью дове-

¹ А вот пример, на что в России не «ловятся». Несмотря на значительные усилия, несмотря даже на заполненные залы, не воспринимается у нас западный протестантизм, особенно американской чеканки. Вера в России вследствие трагической истории минорна, глубоко личностна, интимна, сокрыта от взоров. Скачущий по сцене энергичный и жизнерадостный американский проповедник может вызвать любопытство, интерес, но никогда не станет духовником в понимании россиян.

риться людям, подарившим вам чудесную мечту.

Идеи, на которые вы откликнулись при вступлении в секту, в дальнейшем не будут иметь значения. Начнется «психотехника». Очень возможно, вы станете служить чему-то прямо противоположному, но осознать это уже не сумеете, ибо будете лишены воли.

Секты Белое Братство и Богородичный Центр получили достаточно широкое распространение именно потому, что основываются на православной тематике, идеях, в России укорененных. Поразительно, как быстро мы выросли до «мировых стандартов». Эти два объединения являют как раз два типа описанных выше сект. «Жесткий», нацеленный на «конец» (Конец Света, Страшный Суд, «переход в иную форму существования» и пр.) — Белое Братство. Не «мягкий», но «смягченный», постепенно приспособляющийся к общественным и политическим реалиям — Богородичный Центр.

Однако в России все даже типичные явления гиперболизированы либо «своеобразны» до неузнаваемости. Такова, в частности, секта Белое Братство, аналог которой найти чрезвычайно трудно.

Белое Братство

Белое Братство возникло в Киеве в июне 1990 года. Ее основатель — Юрий Кривоногов (53 года, кандидат технических наук), он же Юоанн Свами, Иоанн Креститель, Илья-пророк, апостол Петр II и т. д. В секте проповедуется вера в живую богиню Марию Дэви. Это жена Кривоногова Марина Цвигун, бывший комсомольский работник.

Нас уверяют, что эти «двое» спустились на землю, чтобы призвать людей к покаянию накануне

Страшного Суда, который назначался ими на 24 ноября 1993 г. Спустились не одни, а вместе с Белым Братством. Это 144 тысячи святых (такая цифра есть в Библии; в другой связи там упоминаются и «двое»). Вочеловечившись, живут обычной жизнью. Возможно, даже не знают о своей святости, но, если почувствуют в своем сердце отклик на Зов живой Богородицы, значит, они принадлежат к братству святых. «Божьим избранныкам» следует оставить земные дела и привязанности (работу, учебу, семью), идти в мир, звать людей к покаянию накануне Страшного Суда.

Наибольшую опасность представляет тема жертвоприношения, которая на все лады муссировалась в газетах Братства («Атма», «Юсмалос»), листовках, брошюрах. В листовке, датированной 1992 годом, Ю. Кривоногов писал: «Земле нужны жертвы за грехи человеческие. На эту жертву согласны только истинные христово-богородичные братья и сестры...» — и далее: «Дети мои! Вас будут мордовать и рубить вам головы! Но эта кровь нужна Земле! Мы с Марией Дэви «уйдем» последними. Наши трупы пролежат на улице три дня. Затем мы воскреснем и вознесемся. Начнется преображение Земли. И — Христос воссияет во Славе!» Вот так все это «виделось» в 1992 году. Летом 1993 года девушка, вручившая мне листовку с портретом «богини», сказала, проникновенно глядя в глаза: «Накануне Страшного Суда она будет распята, как Христос в Иерусалиме!» «А что же будет с вами, Белыми Братьями, она возьмет вас с собой в Белый Небесный Дом?» — процитировала я другую листовку. «Это знает только Бог — Мария Дэви», — уклончиво ответила девушка.

Иные скажут: «Бред! Клиниче-

ский случай! Нельзя же об этом всерьез! На страницах печати!»

Не торопитесь. Существует вполне земная жизнь организации. Она подчинена единой жесткой воле и имеет вполне определенные цели, сокрытые от рядовых «братьев и сестер».

Психологическая зависимость

«Святым» Белые Братья искали главным образом среди 15—16-летних. Первоначально они появлялись в секциях восточных единоборств, йоги. Затем, осмелев, устремились прямо в школы. Неразборчивые учителя и директора школ представляли новым «духовным инструкторам» школьные аудитории вплоть до третьего класса, где детям рассказывали о грядущем Страшном Суде и прочих ужасах. Во спасение желающих тут же «крестили» — выводили по одному в коридор, касались лба... Эта практика особенно широко распространилась на Урале и в Поволжье. Трезвели от благодущия, когда начали исчезать дети. В Нижнем Тагиле после одноразовой обработки «крестителями», обладающие, как правило, способностью гипнотического внушения, едва не увезли целый класс.

Полнейшее и беспрекословное подчинение старшим на фоне психологического состояния, когда иная манера жизни невыносима, переносится достаточно легко. Но как только появляются посторонние мысли или сомнения (а может быть, депрессия?), об этом немедленно следует доложить старшим. Чаще всего в таких случаях следует приказ: «К крестителю!» Акт «крещения» повторяется. Происходит некоторая гипнотическая подзарядка. Затем дается вино

причастия. Один из юношей, Сережа К., который усилиями родных и психиатров был извлечен из «братства», так описал свои ощущения после «крещения-причастия»: «Было такое состояние, будто в меня медленно вливались силы. Они переполняли меня. Им было мало места во мне, а они все прибывали... Это как счастье».

Заведующая отделением 12-й клинической больницы Москвы Э. И. Панченко, ряд других московских психиатров, имеющих пациентов из Белого Братства, не исключают использования в «вине причастия» психотропных средств.

А Кривоногов между тем писал в своих листовках: «О чем вы беспокоитесь — ваши дети счастливы!»

Организация

Когда мы говорим о Белом Братстве, следует иметь в виду, что, во-первых, и главным образом это — организация. И действует по законам организации. Возникнув в Киеве, «братство» быстро распространилось по Украине, перешагнуло в Белоруссию и в Россию. Судя по звонкам в «Общественный комитет защиты молодежи от псевдорелигий», редакции газет, к лету 1993 года Белое Братство распространилось как минимум в 45 городах России. Данные, естественно, неполные. Экстраполируя, можно утверждать, что эти организации существуют практически в каждом областном городе.

Помимо первых лиц и рядовых членов организации существует еще 12 апостолов (то есть особо приближенных), категория «крестителей», о которых говорилось выше, а также вербовщиков. Последние, как правило, не покидают работу, занимаются распро-

странением литературы, проводят первоначальные беседы, часто предоставляют организации свои квартиры. В одном поволжском городе этим занималась педагог музыкального училища, в другом — известный в городе художник, преподававший в студии. Возможно, работа вербовщиков платная.

Руководство, как это часто бывало в революционной практике России, осуществлялось из-за границы, куда переместилась чета Кривоноговых, там же, судя по всему, писались листовки, воззвания, делался набор газеты «Юсмалос». Связь осуществлялась через руководящее звено, тех самых «особо приближенных», часто выезжающих за границу.

Тактика, акции

28 Проникнуть в замысел организации чрезвычайно сложно. Заволаживающая двусмысленность, нелогичность, просто бредовость... Однако, если цели есть — они-таки проявляются. Летние акции Белого Братства пролили наконец долгожданный свет.

Рост организации к лету 1993 года скорее всего завершился. Братья продолжали, конечно, проповедовать в местах, где концентрировалась молодежь — парках, электричках, в Москве даже в театре «Сатирикон». Но это уже не было главным. От проповедей, то есть акций умеренного плана, «братья» перешли к акциям активным, я бы сказала — скрыто-агрессивным. Начались поиски конфронтации.

Тем самым стала проявляться и беспокоящая всех тема жертвоприношения. Весной Кривоногов написал в своей брошюре, что к 1 июня 1993 года будет убито 12

тысяч из числа «святых». И это окажутся самые счастливые, ибо на небесах сразу попадут под жертвенник святых. Именно «убиты», ведь самоубийство почитается грехом.

Как показали события прошлого лета, своих потенциальных врагов «братья» искали в религиозной среде православного и околоправославного толка. То, что православная Церковь — «прибежище Дьявола», «помойка», «попы — служители Сатаны», просматривалось в самых первых листовках. Летом выпады против православной Церкви приобрели вид конкретных акций. Группами, среди которых были и девушки, «Белые Братья» врываются в храмы, срывают богослужения, бесчинствуя прямо в алтаре, и объявляли войну попам-чернорысникам.

Из беседы с упоминавшимся Се-режей К.

— Кто же должен был вас убивать?

— Старшие говорили, что убивать нас будут, когда мы будем врывать в храмы. Нас учили, как это делать. Но эта смерть — самая желанная...

Волна драк и потасовок прокатилась летом по православным церквям. Прихожане прогоняли хулиганов, но крови «Белые Братья» добиться так и не смогли. Люди, планировавшие акции, плохо знают Россию, мирный и добрый нрав ее верующих людей.

Весной обозначился второй потенциальный противник Братства — Богородичный Центр. Впрочем, объединяет эти секты гораздо больше, чем разъединяет.

Личная размолвка первых лиц — то есть четы Кривоноговых и Иоанна Береславского — произошла, если судить по газете «Юсмалос», из-за расхождения во мнениях, надлежит Богородице быть живой, как в Белом Братстве,

или изваянной «кукле», как в Богородичном Центре. При личной встрече «пророк божьей матери И. Береславский» не узнал в Марине Цвигун Богоматерь и не поклонился ей. Проводил со словами: «Ишь возомнила!» Оскорбленная Богородица, естественно, не признала его своим пророком, праведный гнев на «предателя и нечисть жидовскую» излила в стихах в том же номере «Юсмалос».

И началось. «Дети мои! — пишет Кривоногов. — Лжепророк И. Береславский натравливает своих прихожан и монахов на Марию Дэви и Белое Братство. Очень скоро Иоанн и его злобные попы будут убивать вас. Но, знайте, это великая милость, ибо эта кровь нужна для спасения нашей грешной Земли». И далее Кривоногов пишет, что главным врагом Белого Братства может стать именно Богородичный Центр.

Таким образом, обозначился и второй враг, надо было лишь заставить его убивать. Яркая провокационная акция произошла в С.-Петербурге, где в июне 1993 года проходил «Всероссийский покаянный собор» Богородичного Центра. Белые Братья врывались в зал, к алтарю, на сцену, где разыгрывалось музыкальное действо литургии, кричали: «Церковь Сатаны!» — и всячески стремились устроить потасовку. Здесь им не удалось даже это. «Береславцы» подчеркнуто спокойно выводили хулиганов и сдавали на руки милиции. Участвовать в отработке программы Белого Братства они не пожелали.

Неудавшиеся летние акции, судя по всему, не смутили организаторов Белого Братства. Они продолжали настойчиво искать реакции общества. Любой, но лучше негативной. Их пропаганда стала назойливой. Клеить листовки на

фонарных столбах они перестали и передают теперь «из рук в руки». Участились визиты в редакции газет и журналов со слезными просьбами напечатать их продукцию. Мне известен ряд попыток закупить газетные площади якобы в рекламных целях. Слава Богу, неудачных.

Финансирование

Мы не располагаем данными об источниках финансирования Белого Братства, но расходы у организации немалые. Заграничные вояжи четы Кривоноговых в Болгарию, Венгрию, Югославию, Польшу, Чехословакию, Швейцарию, Канаду, Израиль. Челночные поездки за рубеж к Кривоноговым их «апостолов». Значительные расходы на издание литературы, которая большей частью распространяется и доходов не приносит. Листовками, воззваниями, портретами «живой богини» оклеены людные места наших городов.

К лету 1993 года произошла экипировка Братства. Они сняли белые одежды и приоделись в однотипные спортивные костюмы, кеги. За плечами у них рюкзаки. На московской квартире, где побывала одна из матерей в поисках своей дочери, она увидела склад спортивных костюмов.

А транспортные расходы, связанные с частыми перемещениями «братьев»?.. Ведь больше трех дней на одном месте им находиться не рекомендуется? А регулярная доставка литературы во все города, поддержание связи? Плюс масштабы страны... Возможность платить за целые газетные полосы...

Вряд ли можно согласиться с журналистами «Известий» (№ 140 от 28 июля 1993 г.) в том, что для существования организа-

ции достаточно средств, полученных от продажи нескольких частных домов в Киеве, к тому же в ценах 1990 года. Не много могли прибавить и ценности, взятые юными паломниками у себя дома. Как свидетельствуют родители, деньги и ценности брались отнюдь не всегда.

Гораздо плодотворнее искать источники финансирования, исходя из целей союза. Летние акции отчетливо продемонстрировали эти цели: организация кровавых столкновений внутри исключительно спокойного православного мира страны. Искусственность, придуманность, чужеродность этой идеи бьет в глаза. Двух мнений быть не может: финансировать организацию с такими целями внутри страны некому. Это очевидно. Однако следует иметь в виду, что «очевидность» бывает и обманчивой.

Несомненно, внешнеполитический аспект проблемы существует. Это дело соответствующих служб. С одной стороны, Белое Братство — «нормальная» секта со всеми атрибутами: лидером-организатором, верой-идеологией, методами вербовки, психотехникой и др... С другой — в чем Белое Братство, несомненно, уникально — это организация, имеющая провокационные политические цели. Именно в славянском мире бывшего Союза спокойнее всего, ибо чувство национального эгоизма, в особенности у русских (что отмечал еще Вл. Соловьев), развито крайне слабо. Вот «кто-то» и решил разыграть религиозную карту, дабы уравнять славянский мир с менее спокойными окраинами. Но эта часть программы организаторам не удалась, лишь обнаружилась слабое знание России. Чему не бывать — тому не бывать, сколько денег на это ни бросай.

Но, наблюдая трагедии детей,

не расплачиваемся ли мы за собственную бездуховность? Наши дети поставили нас перед самыми главными проблемами, которые мы в своей жизни оставляли «на потом». Горько, грустно, но ведь мы ничего не нашли, нам нечего предложить детям, нечем ответить на их духовный поиск. Нам всем надо начинать сначала. Заново искать свои пути в этом мире.

Финал

Финал у Белого Братства получился как в том детективе, когда достигшее предела напряжение ожидания кончается ничем. Все чувствуют себя обманутыми. Оказалось, что этого, запланированного на 24 ноября, а потом перенесенного на 14 ноября 1993 года, Страшного Суда ждали не только Белые Братья, их родители и правоохранительные органы. Такого скопления журналистов, жаждущих запечатлеть нечто невероятное, Киев не помнит! И что же?

Грандиозное кровавое шоу с вознесением красавицы богини, знаменующим начало Страшного Суда, не состоялось. Афера крупного масштаба предотвращена в зачатке. Ни одного мало-мальски «жареного» факта. О чем писать? Не делать же слащавые репортажи о хорошей работе МВД Украины!

А писать между тем есть о чем. Например, о планировании этой провокации. Планы в отношении ноябрьских событий были откорректированы руководством Белого Братства, судя по всему, сразу после известных прошлогодних сентябрьских событий в Москве.

В конце сентября прозвучал наконец долгожданный Зов Марии Дэви. Она собирала «своих детей» к 1 ноября в Киев на «Нагорную проповедь». В Москве и С.-Петербур-

бурге эта листовка среди Белых Братьев появилась уже к 1 октября. Были разработаны даже маршруты «исхода» в Киев. Северо-западный, например, проходил через Минск.

Родители, отчаявшиеся удерживать своих детей (тех немногих, что жили дома, а не странствовали) от похода в древний город, вознамерились их сопровождать. В надежде спасти, не дать случиться роковому.

Сценарий рисовался так. Белые Братья соберутся на высоком берегу Днепра и там будут встречать Марию Дэви. Она явится к ним в сиянии своего божества, обратится с проповедью!.. И все? Отнюдь. В листовках, адресованных «братьям», черным по белому написано, что Белое Братство на территории Украины запрещено, что властями против них готовятся «репрессии», призывают быть готовыми пострадать за веру Христову.

Белые Братья были однозначно настроены на смерть. И, чем раньше в преддверии Страшного Суда это произойдет, тем лучше. Земле же, во искупление грехов человеческих нужна кровь! Вознесение Белых Братьев должно было произойти, стало быть, через кровавую жертву. Если иметь в виду весь этот пропагандистский фон, скопление фанатизированной молодежи могло стать действительно взрывоопасным. Подобное собрание Белых Братьев, правда, в гораздо меньших масштабах, происходило на Пасху (в апреле 1993 года) под Владимиром.

Из беседы с Сереей К.

— Мы все, ехавшие на этот Собор, ждали чего-то совершенно необыкновенного!..

— Чего именно?

— На нас должен был сойти Дух Святой... И, если бы нам сказали, что для этого нужно бро-

ситься в огонь, что только с последним вздохом, в последний миг жизни мы ощутим в себе этот Дух Святой... мы бы это сделали. Воодушевление было таким, что трудно передать!

Мы не можем судить об истинной цели схода под Владимиром, но акция была явно свернута, ибо съезд религиозной молодежи контролировался милицией, которая заранее была оповещена об этом родителями.

Забываясь о массовости предстоящего мероприятия, руководители Белого Братства приглашали в Киев... родителей. Мне известно о провокационных звонках из Киева (еще до 1 ноября) в родительские комитеты ряда российских городов.

— Немедленно все бросайте и выезжайте в Киев. Детей хватают, сажают в КПЗ, «психушки». Над ними там творят такое!.. Похуже, чем в Белом Братстве. Надо что-то делать. Кто же, если не мы, родители?!

Планировалось, стало быть, использовать и взрыв родительского негодования.

Прибывающие в Киев группы фанатизированной молодежи локализовывались, отправлялись в другие города Украины, после несостоявшегося Страшного Суда — по месту жительства. Прежнему. Чета Кривоноговых задержана профессионально, без лишнего шума и эксцессов.

На все лады гадают, что же теперь будет с Белым Братством, столь организованно действовавшим в масштабе огромной страны? Не-ет, их деятельность просто так не прекратится, говорят многие.

Думаю, что прекратится. Хотя бы потому, что прекратится финансирование. За три года на организацию израсходованы огромные деньги, а результат не выдан.

Планировались кровавые столкновения в православных приходах летом, масштабное столкновение с МВД в Киеве. Скорее всего ожидалось перманентно возникающие кровавые очаги, подобные тем, что пылают на окраинах бывшего Союза. В результате — этот конфуз с несостоявшимся Страшным Судом... Чета Кривоноговых не оправдала «доверия». Белое Братство приобрело дурную репутацию. А без финансирования эта организация в прежнем виде и с прежними амбициями уже, естественно, не сохранится. Даже если какие-то ее фрагменты уцелеют, это будет нечто другое.

Самое тревожное из последствий — серьезно подорванное психическое здоровье бывших Белых Братьев. Судьба этих юных, сломавшихся в самом начале своего жизненного пути, во многом зависит от того, как они будут встречены обществом, из которого ушли во имя «высокого служения». Дай им Бог встретить любовь, понимание, уважение к пережитому ими опыту.

О. Иоанн и его детище

Главное отличие Богородичного Центра (далее — БЦ) от странствующего племени Белого Братства состоит в том, что эта секта «стационарна», со штаб-квартирой в Москве. Часто говорят просто — Московский БЦ, и это верно. Хотя свои отделения БЦ имеет в двадцати городах России, на Украине и в Белоруссии, политика секты, именующей себя Церковью Божьей Матери Преображающейся, делается именно в Москве. Здесь же живет сам Пророк Божьей Ма-

тери, глава этой Церкви о. Иоанн (Береславский). И вообще в отличие от Белого Братства здесь все даже внешне солидно, по-церковному. И это производит известное впечатление. Солиден сам о. Иоанн (не молод, но крепок и бодр, красив, с бородкой а-ля о. А. Мень). Солидно и до мелочей продумано все, что его окружает. Может быть, это связано с тем, что о. Иоанн был священником православной церкви. Но был отлучен (по сути, он поп-расстрига). С другой стороны, возникновение отдельной общины очень современно: разошелся во взглядах с официальной Церковью и организовал в той же сфере свое дело. О. Иоанн очень грамотно и убедительно излагает богословскую сторону расхождений. Это вам не Кривоногов, где на одной странице вы почерпнете сведения из учения Кришны, Библии, цитаты из популярных книжонок по психознергетике и тут же узнаете, что у него лично есть «нейтрализатор от гравитации».

В отличие от Белого Братства, носимого ветром по стране, ото всех скрывающегося, БЦ официально зарегистрирован. В конце 80-х годов — как профсоюз, а совсем недавно — как религиозная община. И это опять же солидно. Никакого нарушения законов, уважение со стороны властей, льготы как организации зарегистрированной. Накануне проведения Собора, например, БЦ делает заявку органам внутренних дел с тем, чтобы они обеспечили охрану мероприятия. Имеет право. И знает это.

Пророк о. Иоанн¹ — личность незаурядная и многоталантливая. Основывая свою церковь, первоначально он решил вопросы ре-

¹ История становления «пророка», излагаемая им самим, такова. В середине 80-х годов ему было видение или откровение Богоматери — она и назвала его своим пророком. Он и основал Церковь в честь Богоматери.

кламы и признания, а также проблему финансов.

В конце 80-х, в самые первые годы церковного раскрепощения, власти, пресса, все общество страдали, как все мы помним, обостренным комплексом вины перед Храмом видимым, попранной духовностью. Но были крайне слабо осведомлены во всем, что касается Церкви. И Береславский, как никто другой, сумел воспользоваться ситуацией. Начал с прессы; ряд изданий дал рекламу его церкви. При содействии влиятельной прихожанки он в скором времени был принят — ни больше, ни меньше — несколькими генералами Главного политического управления, а затем и министром обороны Д. Т. Язовым. Претендовали «три священника с улицы» (это самокритичное выражение принадлежит самому Береславскому) на... проведение под своим началом реформы института политработников в масштабе всей армии и флота. И хотя цели они не достигли, но теплый прием министра обороны имел «благословенные последствия». Очевидно, церкви оказали материальную поддержку. «Дмитрий Тимофеевич Язов — божий человек» — так назвал И. Береславский свою статью в газете БЦ «Рыцарь веры», которая, кстати, издавалась на средства Минбумпрома (данные Московского патриархата). У нас нет сведений о других спонсорах, но они, наверное, были. Особенно в первое время. Когда времена изменились и на богатые жертвования уже нельзя было более рассчитывать, БЦ, учитывая конъюнктуру, открывает мелкие производства: мастерскую художественной резки по дереву, пекарню, швейный цех, детский сад для детей прихожан...

В то же время о. Иоанн получает московскую землю под строительство «скиний» для своей об-

щины, проявив при этом незаурядные организаторские и дипломатические способности.

Не желая прослыть провинциалом, Береславский ищет в православном мире, а также в католической и протестантской среде контактов с соответствующими общинами. В церковь привлекается молодежь со знанием языков, образованная, способная работать в библиотеках, собирать и обобщать материал по странам и определенным темам. Им обещают поездки за рубеж.

Береславским написана целая библиотека книг, на которых основываются воззрения его секты, противоречащие основным канонам православия. Как литератор он заявил себя в «Записках юродивого», опубликованных журналом «Человек» (псевдоним Вениамин Яковлев). Здесь он обнаружил отнюдь не поверхностные знания института юрودивости в России, а также сумел передать внутренний мир юродивого.

Рок-литургия

И все же вершина талантов о. Иоанна — сценарий и режиссура главного мистического действия БЦ, литургии (богослужения). Правда, богослов А. Дворкин на семинаре по «тоталитарным сектам» заметил, что со сходным сценарием литургии он познакомился, когда читал описание богослужения американской околупротестантской секты «Свидетели ЛИ». Но тем не менее. Аранжировка, приспособление к православной тематике, исполнение — все «богородичное». Сразу поясню заглавие: богослужение происходит под музыку в стиле рок.

Литургию БЦ можно послушать каждую субботу с 11 до 17 часов в том или ином московском Доме

культуры. Если вы пришли сюда впервые, будете ошеломлены, ибо ничего подобного не видели.

При входе юноши и девушки, одетые в ярко-синее, длинное, кланяются вам в пояс. В холле продаются книги Береславского, газеты БЦ, воззвания, листовки, изделия промыслов БЦ, в том числе свежий хлеб.

Само действие разыгрывается в зале. На сцене — все в цветах изваяние Богоматери, хоругви и другая православная атрибутика. Установлены многочисленные микрофоны. Все диапазоны звука, вплоть до шепота и вздоха, одинаково слышны в разных концах зала.

Начинают без предупреждения. Вы встаете вместе со всеми. Песнопения и возгласы Славы Богородице сразу же подхватывает зал. Иногда их сопровождает записанная органная музыка. Вы узнаете слова молитв, хотя никак не предполагали, что их можно исполнять под популярные эстрадные мелодии. Люди в ярко-синем на сцене, почти пританцовывая, совершают ритуальные действия, становятся на колени перед изваянием. Многие присутствующие делают то же. Начинаются мелодичные песнопения, слышится «Аллилуйя!». Переполненный зал как один человек вторит: «Слава Пресвятой Деве Богородице!», «Свят господь Иисус!»

Мелодичные песнопения сменяются ритмичными, и весь зал вслед за «ведущим» энергично вскидывает и опускает руки под какой-то речитатив — многократно, до утомления. Вашего утомления. Но не остальных присутствующих. Потом свет медленно гаснет, горят только многочисленные свечи на сцене. Все берется за руки и начинают медленно покачиваться из стороны в сторону, что-то напевая — монотонно, дол-

го, усыпляюще. Транс... В этот момент на сцене появляется сам «пророк» с Библией в руке. Воцаряется молчание. Проникновенно, со слезами на глазах, прерывающимся и чуть вибрирующим голосом он читает страницы страстей Христовых. Полная тишина нарушается чьими-то всхлипываниями, потом рыданиями. В проходе упала женщина и бьется в истерике. Ей не мешают, и постепенно она успокаивается. Мне кажется, что этой реакцией «пророк» доволен.

Потом снова орган, ритмичные подергивания, пританцовывания, возгласы Славы, молитвы...

Вдруг неожиданность, заставляющая вас улыбнуться, явно диссонансирующая со всем, как ни разнообразна «программа». Ведущий, патетично поднимая руку, запекает: «И славим мы август девяносто пер-во-го-о...» В три часа дня начинается проповедь о Иоанна.

Театр одного актера? Вариант Кашпировского? Несомненно, для многих присутствующих литургия — способ снятия напряжения, психотерапия. Это тот большой круг, из которого постепенно отбираются члены собственной секты. Сначала их привечают, льстят, называя святыми... А потом все то же, что и во всех сектах. Крещение, вино причастия, обязательное прослушивание кассет с проповедями Береславского, обработка в духе неприятия матери (блудница она уже потому, что вступила в связь с мужчиной и родила. Она и на сына втайне посягает, только не всегда признается. Прочь, подальше от нее).

Исподволь сознание меняется. Свою однокомнатную квартиру вы поменяете на комнату в коммунальной квартире, где таким образом соберутся и другие общинники. У вас начнется монашеская жизнь. Например, вы начнете ра-

ботать на одном из промыслов церкви. Но, не дай Бог, если будет замечено, что работа вам нравится. Послушание тут же поменяют. Ломать будут до тех пор, пока и следов собственной воли не останется. И все это на фоне хронического недосыпания (сон — три часа в сутки, причем каждый час следует просыпаться, фиксировать себя) и недоедания (печеная картошка, вода), под прокручивание проповедей о. Иоанна.

Эволюция И. Береславского

Секта Береславского зачиналась как классическая и «жесткая». Организационные успехи первого периода, появившиеся деньги, успешная обработка паствы, то есть обеспечение абсолютно послушной, молодой и здоровой рабочей силы, полные залы, которые собирала его литургия, — все это, как и другие факторы, способствовало тому, что Береславский стал себя, мягко говоря, переоценивать (оно и понятно: живой человек, голова то и вскружилась). Москве, если она не примет его богородичной веры, он грозил разгулом чумы и моровой язвы. Обещал, что летом 1993 года на улицах Москвы будут валяться тысячи трупов. Родителям, начавшим образовывать общественный комитет для защиты своих детей, он пригрозил, что если они не прекратят своей деятельности и общения с прессой, то вообще никогда не увидят детей, ибо он навсегда уведет их в Сибирь.

И действительно, в ДК перед литургией в развешанных на стене листовках я прочла (это было в апреле 1993-го), что БЦ намеревается покинуть Москву, но «победителем» (?). В Сибири планировалось начать строительство Белого Иерусалима. То есть все

классически. Угрозы действовали. Родители просили журналистов не указывать их фамилий. Да и просто боялись, что отношение к их детям со стороны Береславского еще более ужесточится. Иные ломались. О. Иоанн не просто лишил общения с детьми. Назначалась, например, такая цена: родителям следовало прийти к нему, покаяться в «грехе выступления» против БЦ и начать работать на эту церковь. Я знаю родителей, заплативших эту цену. Впрочем, они, наверное, просто прониклись «богородичной истиной» и вошли в БЦ вслед за детьми...

Между тем остро вставшие финансовые проблемы вынудили организовать дополнительные производства, построить «скинии». То есть появилась собственность! Ну какая тут Сибирь, чем плохо в Москве? Первые трудности отрезвили достаточно умного и гибкого предпринимателя, каким оказался о. Иоанн. Накануне слушаний в ВС вопроса о новых религиозных объединениях он устраивает в С.-Петербурге торжественно обставленный (естественно, с охраной милиции) «Всероссийский покаянный собор». И начинает публично каяться. Во всех, во всех своих ошибках и заблуждениях. И как же это он, как же это он, ай-ай-ай! Ну никак не ожидал, что его книги вызовут ненависть детей к матерям, что молодые пары, входящие в БЦ, прекратят супружеское общение, никак! Ах, какой же он грешник! Он просит Деву Марию принять его покаяние. Просит всех простить его.

Постепенно начинает изымать книги, где черным по белому о женщинах написано такое!..

Короче, о. Иоанн стал теперь совсем другим. Поменялся. И умно поступил. Действительно, зачем лезть на рожон, конфликтовать с властями, когда от этого

может пострадать дело, целое предприятие, созданное такими трудами. Журналистам не нравится отношение БЦ к женщине и семье? Хорошо, хорошо, он все это снимет, старые книги уничтожит. Доказательства? В конце августа было заявлено, что две пары из членов его церкви поженились. Одна пара уже ждет ребенка.

Что еще? Чем еще недовольна общественность? О. Иоанн и БЦ все примут во внимание. Почему ради дела умному человеку не пойти на внешнюю ретушь? В конце концов Бог с ними, пусть женятся! Они все равно внутри общины. А там порядки заводит он. Главное обеспечить внешние условия для бизнеса.

Возможна ли дальнейшая эволюция БЦ-Береславского? Почему нет? Если изменятся внешние обстоятельства, пожалуй, он еще раз может пойти на изменение своей «богородичной доктрины» и покается даже перед официальной Церковью. Если ему дадут, например, Храм, именуемый в честь Богородицы, сохранят общину, кое-что из хозяйства. Почему нет?

А вот в Сибирь он не пойдет. Думаю, что не пойдет.

Требуются... идеалы

Я много думала о личности И. Береславского. Во многом исключительной, талантливой личности. Он обладает не только психологическими, но и традиционными духовными знаниями. Знает и восточные премудрости. Дипломатичный и гибкий организатор, актер, режиссер, писатель. Человек, обладающий экстрасенсорными способностями, развивший их. Наверное, есть и другие таланты. Действительно, как реализовать себя человеку, которого так много?! О. Иоанн знает ответ

на этот вопрос. Когда человеку много дано, ему «по росту», как правило, даны воля и ум, чтобы сделать нравственный выбор, преодолеть свою «самость», которая порой все перечеркивает, сводит на нет, уничтожает самое личное.

Секты существуют, множатся, приобретают самые различные обличья на Западе, на Востоке.

Чумная волна докатилась до нас.

Несомненно, в борьбе с этим бедствием необходимо использовать опыт других стран: постоянная гласность о деятельности сект (этого они боятся больше всего), превентивная информация в воспитательной практике и разумные законы, не ущемляющие свободы личности.

Но главное, как мне представляется, следует не упускать из виду особенностей страны, в которой мы живем, ее традиций. Молодежи, живущей в России, как нигде нужны мотивации (лучше светские) для того, чтобы реализовать свой духовный потенциал.

Жизнь без идеалов в нравственном вакууме становится для нее непереносимой...

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ
«СМЕНЫ» —
МОСКВИЧИ И ЖИТЕЛИ ПОДМОСКОВЬЯ!**

Если вы хотите и впредь читать наш журнал, но не имеете возможности платить лишние деньги почте за доставку или киоскерам, продающим «Смену» с большой наценкой, приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем вас с любого номера по цене, указанной в Каталоге. К тому же при получении журнала в редакции вы застрахованы от пропажи из почтового ящика.

Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

257-30-55, 212-15-07.

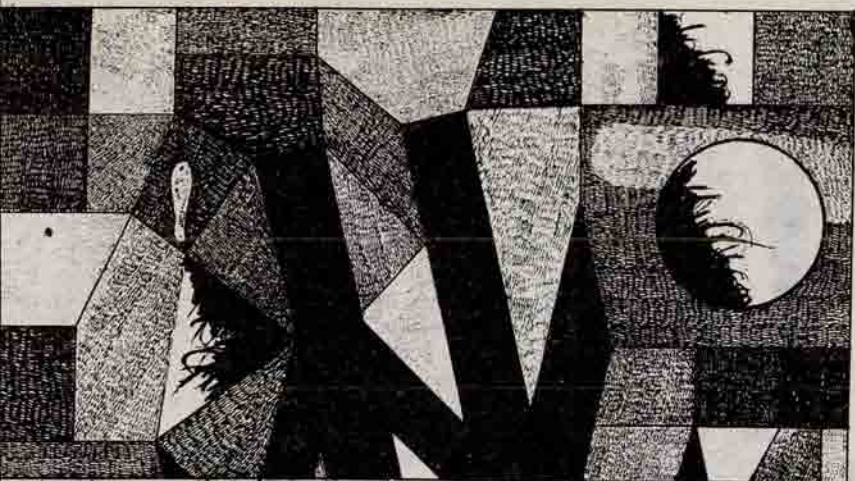

ИВЛИН ВО

ТЕЛО- ХРАНИТЕЛЬ

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

У Милисент Блейд были прекрасные белокурые волосы и мягкий, покладистый характер, а выражение лица с молниеносной скоростью менялось от дружелюбного до смешливого и от смешливого до почтительно заинтересованного. Но главное, что внушало к ней любовь сентиментальных англосаксонских мужчин, был ее нос.

Многие, конечно, предпочли бы нос покрупнее; он не понравился бы художникам, поскольку не имел определенной формы — просто маленький комочек без какой-либо костной структуры; у обладателя такого носа отсутствовали надменность, самоуверенность и коварность. Носа такой формы не могло быть ни у гувернантки, ни у виолончелистки, ни даже у работницы почты, но именно этот нос безусловно подходил мисс Блейд, он пробивал тонкую оболочку сердца англичанина и проникал в самую середину его теплой, мягкой плоти, унося мысли английских мужчин в прошлое: к занятиям в школе, одноклассникам с детскими пухлыми лицами, на которых они выплескивали свою первую нежность, к воспоминаниям о переезде в другую комнату и о смене церкви. Правда, три англичанина из пяти в своей зрелой жизни начинают относиться свысока к таким вещам и отдают предпочтение носу более внушительному, но два из пяти — вполне разумная норма, которая должна удовлетворить девушку скромного достатка.

Гектор поцеловал ее в самый кончик носа, и сразу же его чувства в восторге унеслись в прошлое. Он увидел ноябрьские сумерки, туман, опускающийся на игровые площадки, разгоряченных юношей, дерущихся за мяч, одноклассников, нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу на дощатом настиле во время спортивного построения и потирающих руки в ожидании победы своей школьной команды.

— Ты будешь меня ждать? — спросил он.

— Да, дорогой.

— И будешь мне писать?

— Да, дорогой, иногда... по крайней мере постараюсь. Я, знаешь ли, не очень-то умею писать письма.

— Я буду постоянно думать о тебе Там, — сказал Гектор. — Все это так ужасно: мили бездорожья, слепящее солнце, львы, москиты, враждебные туземцы, лихорадка, холера, работа с рассвета до заката и я — один против сил природы... Но скоро я смогу прислать за тобой, и мы будем вместе.

— Да, дорогой.

— Мне непременно повезет. Я разговаривал с Бекторпом — это тот парень, что продает мне ферму. Понимаешь, до сих пор урожай полностью пропадал — сначала кофе, потом сизаль, потом табак; в тот год, когда Бекторп вырастил сизаль, все делали ставку на табак, а сизаль никому не был нужен, тогда он вырастил табак, но к тому времени ему нужно было выращивать кофе, и так далее. Он продержался девять лет. Если рассчитать математически, Бекторп говорит, что через три года непременно вырастет нужный урожай. Я не могу точно объяснить, почему, но это как в рулетке, понимаешь?

— Да, дорогой.

Гектор посмотрел на ее маленькую бесформенную подвижную пуговку, и у него вновь все поплыло перед глазами... «Играй, играй!», и запах пышек, поджаренных на газовой горелке в школьном кабинете после матча...

В тот же вечер он обедал с Бекторпом и все больше погружался в уныние.

— Завтра в это время я уже буду в море, — говорил он, играя опустевшим стаканом.

— Не падай духом, — успокаивал его Бекторп.

Гектор налил себе в стакан портвейна и с нарастающим отвращением осмотрел прокуренную столовую клуба Бекторпа.

— Так вот, я пытался рассчитать. Ты говорил, что через три года будет нужный урожай, правильно?

— Да, старик.

— А по моим расчетам может пройти восемьдесят один год, прежде чем вырастет то, что надо.

— Да нет, старик, три или девять, в крайнем случае двадцать семь.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Ну, хорошо... понимаешь, так ужасно оставлять здесь Милли. Представь, а что, если нужный урожай вырастет через восемьдесят один год? Это чертовски долго, девушка может и не дожидаться. Появится какой-нибудь гад. Ты понимаешь, о чем я?

— В средние века использовали пояс целомудрия.

— Я думал об этом. Но, похоже, он очень неудобный. Сомневаюсь, что Милли его наденет, даже если бы я и знал, где его можно достать.

— Вот что я тебе скажу, старик. Подари ей что-нибудь.

— Черт побери, да я ей все время что-нибудь дарю. Она то ломает, то теряет, то забывает, откуда у нее та или иная вещь.

— Ты должен подарить ей что-то такое, что всегда будет при ней и долго прослужит.

— Восемьдесят один год?

— Ну, хотя бы двадцать семь. Что-то такое, что будет напоминать о тебе.

— Я мог бы подарить ей фотографию, но за двадцать семь лет моя внешность несколько изменится...

— Нет, нет, это совершенно не годится. Фотография — совсем не то. На твоём месте я подарил бы ей собаку.

— Собаку?

— Здорового щенка, привитого от чумки. Она могла бы назвать его Гектором.

— А это было бы хорошо, Бекторп?

— Самое лучшее, старина.

На следующее утро, перед тем как сесть в поезд, Гектор поспешил в один из лондонских зоомагазинов, где его проводили к клеткам.

— Я хочу купить щенка.

— Да, сэр. Какой породы?

— Которая долго проживет. Восемьдесят один год или по крайней мере двадцать семь.

Продавец с сомнением посмотрел на него.

— У нас, конечно, есть несколько прекрасных здоровых щенков. Но ни на одного нельзя дать гарантию. Если же вас интересует лишь долгий срок жизни, могу порекомендовать приобрести черепаху. Они живут чрезвычайно долго и совершенно безопасны на дорогах.

— Нет, мне нужен пес.

— Может быть, лучше попугай?

— Нет, нет, пес. И я бы хотел, чтобы его звали Гектор.

Они прошли мимо обезьян, котят и какаду к помещению, где были собаки. Даже в столь ранний час здесь скопилось немало восторженных почитателей. В проволочных клетках находились щенки всех пород; они поднимали уши, виляли хвостиками, шумно вымаливая внимание. Довольно бездумно Гектор выбрал пуделя. Когда продавец отошел, чтобы принести сдачу, он наклонился на минуту, чтобы пообщаться с животным, которое выбрал, и, всматриваясь в остренькую маленькую мордочку, торжественно произнес:

— Ты должен присмотреть за Милли, Гектор. Проследи, чтобы она не вышла замуж за кого-нибудь другого, пока я не вернусь.

И щенок Гектор вильнул обрубком хвоста.

42
...Милисент пришла его проводить, по рассеянности не на тот вокзал. Но это не имело значения, потому что она все равно опоздала на двадцать минут. Гектор с пуделем ходили вдоль ограждений, высматривая ее, а когда поезд тронулся, он перебрал животное на руки Бекторпа и велел доставить его по адресу Милисент.

Вечером, когда корабль качало у маяков при проходе вдоль канала, Гектор получил радиограмму: «Несчастью не проводила тебя приехала как идиотка Паддингтон спасибо спасибо за милую собачку я его люблю папа страшно ждет пиши про ферму не влюбись в сирену с любовью Милли».

В Красном море он получил еще одну радиограмму: «Берегись сирен щенок укусил мужчину по имени Майк».

Больше от Милисент ничего не было, кроме рождественской открытки, пришедшей в конце февраля.

В общем, роман Милисент с каким-либо конкретным молодым человеком продолжался не более четырех месяцев. Разница заключалась лишь в том, насколько сильно он успевал влюбиться и как происходил процесс охлаждения — внезапно или постепенно.

Что касается Гектора, то ее нежное чувство к нему иссякло примерно тогда, когда она стала его невестой. Милисент искусственно продлила это чувство еще на три недели, в течение которых он честно пытался найти работу в Англии, а с его отъездом оно окончательно умерло. Соответственно щенок Гектор приступил к исполнению своих обязанностей с первых же дней, как попал в дом. Он был еще молод и совершенно неопы-

тен, и нельзя винить его за ошибку, которую он совершил в случае с Майком Босвеллом.

Этот молодой человек был другом Милисент с детских лет. Он видел ее волосы при любом освещении, в комнате и на улице, видел ее вздернутый нос при любой погоде и даже иногда в шутку сжимал его между большим и указательным пальцами. Но никогда, ни на одну минуту она не волновала его.

Вряд ли можно было ожидать от ценка Гектора понимания. Он видел только высокого привлекательного мужчину пригодного для брака возраста, обращавшегося с его хозяйкой с той фамильярностью, которая в кругу дам, росших с ним в собачьем питомнике, означала только одно.

Молодые люди пили чай. Гектор некоторое время наблюдал за ними с дивана, едва сдерживая рычание. Кульминация наступила, когда в процессе совершенно невинной беседы Майк наклонился вперед и похлопал Милисент по коленке. Укус не был серьезным, Гектор лишь легонько прихватил его маленькими зубками, острыми, как булавки. Быстро и нервно Майк отдернул руку, из-за которой произошло кровопролитие, выругался, обернул руку носовым платком и после уговоров Милли показал три или четыре ранки. Милисент резко отчитала Гектора, нежно заворковала с Майком и поспешила к мамину шкафу за пузырьком с йодом.

Ни один англичанин, каким бы флегматиком он ни был, не может не влюбиться в ту же секунду, когда ему мажут йодом руку.

Майк и прежде видел этот нос бесчисленное количество раз, но в тот вечер, когда нос склонился над его укушенным большим пальцем, а Милисент спросила: «Я сделала очень больно?» — и, подняв к нему лицо, добавила: «Ну вот, теперь все будет в порядке», — Майк вдруг увидел его таким, каким видели другие влюбленные. С этого момента в течение трех месяцев, пока Милисент дарила ему свою благосклонность, он был ее поглупевшим поклонником.

Щенок Гектор быстро осознал свою оплошность и решил больше никогда не давать Милисент повода подойти к шкафчику с йодом.

В целом у него была нетрудная задача, поскольку можно было просто положиться на капризный от природы характер Милисент, как правило, доводивший влюбленных юношей до крайней степени раздражения. К тому же она полюбила собачку. Письма от Гектора приходили очень регулярно — каждую неделю по три-четыре в зависимости от работы почты. Милисент вскрывала их, часто читала до конца, но содержание писем ее не впечатляло, и постепенно автор их уходил в забвение. Когда ее спрашивали: «Ну, как там наш милый Гектор», — она, не задумываясь, отвечала: «Боюсь, он не любит жару и очень сильно линяет, наверное, мне придется его подстричь», — вместо того, чтобы сказать: «У него был приступ малярии, а весь урожай табака съел червяк».

Играя на чувствах Милисент, которые с каждым днем росли, Гектор разрабатывал технику отваживания молодых людей. Са-

мым опасным временем суток было вечернее чаепитие, потому что Милли разрешалось развлекать гостей в своей комнате, и соответственно, несмотря на свою врожденную склонность к мясным блюдам, Гектор героически симулировал любовь к сахару ценой собственного пицеварения. Он научился с легкостью переключать интерес Милли на свои трюки: он служил, подавал лапу, ложился, становился в угол и поднимал переднюю лапу к уху.

«А где у нас САХАР?» — спрашивала Милисент, а Гектор обходил чайный столик и с серьезным видом клал свой нос у сахарницы.

— Он все понимает, — победно говорила Милисент.

Когда фокусы не действовали, Гектор требовал, чтобы его выпустили из комнаты. Молодому человеку приходилось прерывать разговор, вставать и открывать дверь. Оказавшись с другой стороны двери, Гектор начинал скрестись и проситься обратно.

В самые опасные моменты Гектора тошнило — это было трудно проделать после ненавистного сахара. Он вытягивал шею и шумно рыгал до тех пор, пока Милисент не брала его на руки и не выносила в холл, где мраморный пол более подходил для этой цели, после чего нежная атмосфера рассеивалась, сменившись другой, лишенной всякой романтики.

Полный набор накопленных трюков тактично предлагался всякий раз, когда разговор переходил в более интимное русло. Так он отвлекал одного молодого человека за другим и в конце концов выпроваживал их окончательно, сбитых с толку и отчаявшихся.

44
Каждое утро Гектор лежал на кровати Милли, пока она завтракала и читала газету. Этот час, с десяти до одиннадцати, был посвящен телефону, именно в это время молодые люди, с которыми она танцевала вечером накануне, пытались возобновить дружбу и согласовать план на день. Поначалу Гектор пытался — и небезуспешно — помешать разговорам, заворачиваясь в телефонный провод, но вскоре он придумал более хитроумную и оскорбительную тактику. Он стал делать вид, что тоже разговаривает по телефону. Как только раздавался звонок, Гектор пролезал к Милисент под мышку и дышал в трубку. «Послушай, — смеялась она, — кое-кто хочет с тобой поговорить. Ну, не прелесть ли он?» И молодой человек на другой стороне провода с удивлением слушал твяканье. Милли это так нравилось, что по временам она даже не удосуживалась выяснить, кто звонит, а сразу протягивала трубку к черной мордочке. Бедолага, находящийся за полмили и, возможно, неважно чувствующий себя в столь ранний час, облаивался, не успев произнести ни единого слова.

Некоторые молодые люди, слишком увлекшиеся носом, делали попытки сопровождать Милисент в Гайд Парк, куда она выводила Гектора на прогулку. Гектор поначалу терялся, бросался на других собак, кусал маленьких детей, чтобы постоянно находиться в центре ее внимания, но потом избрал другую тактику: носил сумочку Милисент. Он вышагивал впереди пары и, когда считал, что разговор желательно прервать, бросал сумку. Молодому

человеку приходилось поднимать ее, чтобы передать Милли, а затем, по ее просьбе, собаке.

Немногие молодые люди были достаточно преданны, чтобы выдержать подобные унижения более чем на время одной прогулки.

Так прошло два года. Письма из Кении приходили постоянно, полные верности и неприятностей — насекомые напали на сизаль, саранча съела кофе, проблемы с рабочими, засуха, наводнение, местное правительство, мировой рынок. Иногда Милисент вслух читала письма собаке, но обычно оставляла их непрочитанными на подносе для завтрака.

Они с Гектором ходили на различные увеселительные мероприятия. И где бы ни появлялся ее нос, двое из пяти мужчин подходящего для брака возраста мгновенно влюблялись, но как только возникал Гектор, их обожание сменялось раздражением, чувством стыда и отвращения. Знакомые Милисент сочувственно недоумевали, почему такая прелестная девушка как Блейд до сих пор не вышла замуж.

...В конце концов на третий год этого режима предстала новая проблема в лице майора Александра Дреднота, баронета, члена парламента. Гектор сразу сообразил, что перед ним нечто, оказавшееся гораздо грознее всего, с чем до сих пор ему приходилось иметь дело.

Сэр Александр был вдовцом сорока пяти лет. Богатый и сверхъестественно терпеливый, он был еще и довольно выдающейся личностью: совладельцем самой большой коллекции гончих в Мидлэнде и парламентским секретарем министра. Родители Милли пришли в восторг, когда увидели, что ее нос оказывает на него нужное действие. Сначала Гектор принял сэра Александра в штюки и продемонстрировал все свое мастерство, отточенное за два с половиной года до совершенства. Но он ничего не добился. Трюки, доводившие дожину молодых людей до бешенства, в сэре Александре, похоже, лишь укрепляли нежную заботливость. Карманы его вечернего костюма были постоянно набиты кусочками сахара для Гектора, а когда Гектора тошнило, он первым оказывался на коленях со страничкой «Таймс». Гектор вспоминал старую тактику насилия и стал кусать его часто и больно, но сэр Александр лишь спокойно говорил: «Думаю, малыш ревнует. Это так приятно». А в те моменты, когда в нем просыпалось тщеславие, он обращался к Гектору со словами «мой маленький соперник».

Однажды он пригласил Милисент с мамой погостить в его загородном доме и приписал в конце письма: «Разумеется, приглашение относится и к мальцу Гектору».

Пребывание с субботы до понедельника в гостях у сэра Александра стало для пуделя кошмаром. Он работал, как никогда прежде. Все хитрости, с помощью которых он мог бы сделать свое присутствие невыносимым, были проделаны, и проделаны впустую. Правда, только в отношении хозяина дома. Остальные домочадцы реагировали достаточно активно, и Гектор получил хорошего пинка из-за своей собственной недалекости, когда оказался один на один со вторым лакеем, которого он успеш-

но заставил опрокинуть поднос с чашками во время чаепития.

Поведение Гектора в целом воспринималось с невозмутимостью. В доме были другие собаки — взрослые, солидные, воспитанные животные. Они грустно отворачивались, когда Гектор оглушал их пронзительным воинственным лаем, и лениво уходили от него подальше. Сэр Александр запер их на все оставшееся время визита.

Гостиную украшал великолепный обюссонский ковер, которому Гектор ухитрился нанести невосполнимый ущерб, а сэр Александр сделал вид, что ничего не заметил.

Гектор нашел в парке какую-то дохлятину, вывалился в ней — хотя ему было неприятно — и, вернувшись домой, прошелся в гостиной по всем стульям. Сэр Александр лично помог Милисент вымыть его и принес ароматные соли для ванн из своей собственной комнаты.

Гектор спрятался и был всю ночь — половина прислуги искала его с фонарями. Он придушил несколько молодых фазанов и сделал попытку напасть на павлина. Все тщетно. Правда, ему удалось отсрочить формальное предложение — один раз в Детском садике, один раз по дороге к конюшне и один раз во время мытья.

В понедельник утром сэр Александр, прощаясь, сказал: «Надеюсь, Гектору здесь понравится, и теперь мы будем с ним видеться очень часто». Гектор понял, что потерпел поражение. Оставалось только ждать.

Как-то среди ночи Гектор проснулся и услышал, как Милисент сообщает по телефону подругам радостную весть о помолвке.

46

После долгой внутренней борьбы Гектор пришел к отчаянному решению. Он любил свою хозяйку и очень часто, когда она прижималась лицом к его мордочке, сочувствовал длинной веренице молодых людей, которых он по долгу службы спровадил восвояси. Но принцип чистопородных собак — деньги решают все. Тому, кто купил, а не тому, кто кормит и любит, должна безраздельно принадлежать его преданность. Той руке, что когда-то комкала денежные купюры в зоомагазине, а сейчас пашет неплодородную землю в Экваториальной Африке.

Всю ночь в воскресенье и во время прогулки в понедельник Гектор обдумывал проблему. Наконец решение было принято — нос должен исчезнуть...

Это оказалось совсем легко. Один аккуратный укус, когда она наклонилась над его корзинкой, и работа сделана. Милли отправилась к хирургу-косметологу и вернулась через несколько недель без единой царапины. Но нос изменился — теперь это был прекрасный аристократический клюв, достойный старой девы, которой Милисент, похоже, вот-вот станет. Как все старые девы, она с нетерпением ждет почты из-за границы и запирает на ключ шкатулку с удручающей информацией о проблемах сельского хозяйства, и, как всех старых дев, ее повсюду сопровождает стареющая моська...

**Перевод с английского
ТАТЬЯНЫ ШАШКОВОЙ.**

«ФРАГМЕНТ»

Конкурс знатоков

мировой живописи

ТРЕТИЙ ТУР

Напомним, что условия конкурса опубликованы в первом номере журнала за нынешний год. В том же, январском, а также февральском номере — задания первых двух туров.

Предлагаем вашему вниманию еще 12 фрагментов картин известных мастеров живописи. По этим фрагментам вам предстоит точно назвать авторов, а также сами произведения, украшающие музеи России и мира.

Ответы на вопросы мартовского тура нужно отправить в редакцию «Смены» не позднее 15 июня (срок отправки — по почтовому штемпелю).

В письмах просим указывать свою профессию и возраст. На конверте сделайте пометку: «На конкурсе «Фрагмент». III тур».

Об итогах конкурса, его победителях и призерах — авторах наиболее подробных писем с ответами вы узнаете в одном из последних номеров 1994 года.

29

30

33

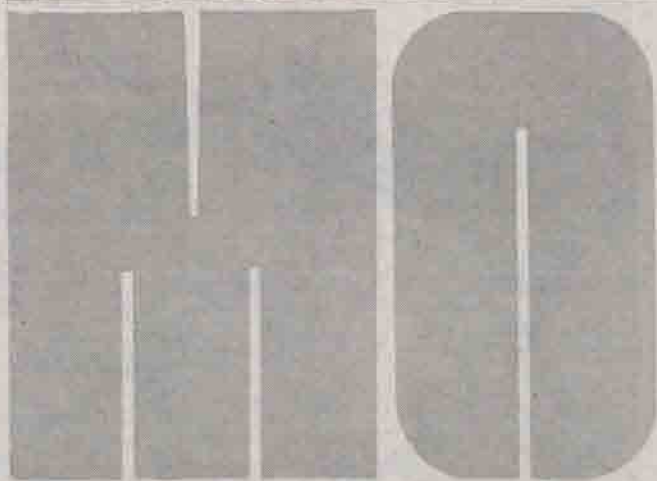
34

35

36

БИЗНЕС И

54

В жизни хуже всего страусам и петухам. Первым потому, что прячутся от реальности и всяк может пнуть их в незащищенное место. А петухи, заметив рациональное зерно, начинают об этом кричать, за что им первым сносят голову...

НЕТ БОГАТЫХ — НЕТ ТОВАРА...

Из числа таких «петухов» и «страусов», замороченных общественными процессами, и вербуют своих сторонников нынешние «вожди» и «фюреры», обещая ни много ни мало — уничтожить социальное неравенство и выгнать заразу предпринимательства и частного капитала. А то ишь — на «фордах» ездят...

Надеюсь, даже самые доверчивые понимают, что выпады против социального неравенства не более

чем фигура речи. Ведь общество, где одинаково ценится труд грузчика в винном магазине и капитана дальнего плавания или министра, лишено стимулов к развитию.

К такому «идеалу» мы уже было приблизились, насколько это вообще возможно: средний рабочий, получающий столько же, сколько пьяница и прогульщик, старается и работать, сколько пьяница и прогульщик. При этом все косятся на передовика — на деле «сегодня рекорд — завтра норма» означает: «завтра из-за него, умника, норму повысят». Чиновник берет взятки, научный сотрудник разводит собак или разгружает вагоны, и все по мере возможности бездельничают... Нормально кормиться с этой малоэффективной машины могут лишь единицы — номенклатура. Она и кормится. Где тут социальное равенство?

Теперь о «фордах». На Западе

ПРАВСТВЕННОСТЬ

он, хотя бы подержанный, доступен очень многим. А ведь когда-то автомобиль был чисто миллионерской забавой, пока Генри Форд не придумал конвейер. Все новое, прежде чем стать массовым, было штучным и дорогим. Если заказчик — государство, оно не особенно интересуется стоимостью, скажем, оборонных разработок, ему главное — подавай танки, а их цена — уж как получится. Но чтобы рентабельным было производство товаров массового спроса, оно почти неизбежно должно начинаться с товаров немассовых, товаров для богатых. Нет в обществе богатых — нет и новых товаров. Мы же в этой области передираем у Запада все — от литой подошвы для ботинка до автомобилей.

Пока дело касается автомобилей, ботинок или, скажем, посудомоечных машин, это можно пережить, отсидеться за «железным за-

навесом». Ну, не знает наша домохозяйка о том, что посудомоечные машины существуют, и слава Богу.

Но грянула компьютерная революция, и с ней пришло новое мышление — не то, горбачевское, а новый менталитет. Наши банки себя рекламируют: за три дня переводим деньги в другие регионы. Зарубежные то же делают за несколько секунд. Материалы наших ежедневных газет сдают в набор в основном за сутки-двое до выхода в свет и только часть оперативных материалов — за несколько часов. «Там» парижский корреспондент набирает свою заметку прямо в полосе нью-йоркской газеты, и ее начинают печатать в тот момент, как он поставит последнюю точку. «Там» на бирже торгуют товарами, которые будут произведены в будущем так называемыми «фьючерсными контрактами». А если не найдется покупатель, то и выпустать этого не будут. Срав-

нив такое планирование «от потребителя» с нашим планированием «сверху», осуществляемым госмонополиями, мы придем к поразительному выводу. На Западе уже была ситуация, подобная недавней советской, когда монополии производили не сколько нужно потребителю, а сколько могли. Это было в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Только «ихние» монополии могли произвести больше, чем нужно потребителю, что вызвало знаменитый кризис перепроизводства, а наши — меньше, что было причиной хронического дефицита товаров...

Мы оказались экономическими, финансовыми, информационными паралитиками. И уже нельзя, как прежде, шкандыбать на костыле плановой экономики в счастливом неведении о жизни соседей, ибо нет «железного занавеса». Нет не потому, что подкупленные политики «сдались» Западу, а потому, что гонка вооружений проиграна. Ибо гонка вооружений — суть гонка экономических систем. Мы в ней теряли последние штаны, они оттачивали новые технологии, создавали новые рабочие места и, как это на ваш взгляд ни странно, богатели.

Разберемся теперь, какая альтернатива есть частному капиталу, частной собственности. Всенародный(ая)? Хорошо. А какова в нем (в ней) наша доля? Ваучер, то есть 10 000 рублей в ценах 1991 года? Маловато, но ведь и младенцам давали, и алкашам (социальное равенство!). Ладно, а как бы нам теперь получить эту свою долю — в нынешнем масштабе цен не меньше пяти миллионов? Да никак. Продажная цена ваучера смешотворна. Его, объясняют нам, нужно вложить в акции, «и тогда-а...», как говорит ведущий «Поля чудес»... Здесь вспоминается ге-

рой романа Джозефа Хеллера — он, герой, заставлял работать на себя знакомых и сослуживцев, утверждая, что дело, мол, у них общее, у каждого свой пай. А когда кто-то потребовал этот свой пай, пройдоха написал на бумажке: «пай» — и отдал.

Собственность, которой мы не можем распоряжаться, не наша. Никакая еще не «всенародная», а государственная. Управляемая государственными чиновниками, практически не заинтересованными в ее приумножении, но имеющими несомненный личный интерес в том, чтобы ее растащить. Это и послужило нашему удручающему отставанию от Запада.

Когда мы проходили в школах насчет засилья монополий на Западе, многие ли отдавали себе отчет в том, что самый разнузданный монополизм царит в стране советов? Что дефицит, брак, хамство обслуживающего персонала не «родимые пятна капитализма», а порождение этого беспрецедентного госмонополизма во всех сферах производства и сбыта? Госмонополизм — невозможность выбора. Это не выбор — между колбасой по два двадцать, купленной в «нашем» гастрономе у Зои, которая орет, и той же колбасой в «угловом» у Зины, которая обвешивает. Нажалуемся на Зою, поймаем с полочным Зину, и через некоторое время обнаружится, что кто-то теперь орет в «угловом», а кто-то обвешивает в «нашем». Ибо наниматель один — государство, продукт один — колбаса по два двадцать, неизбежная, как победа коммунизма, и мы лишены возможности проголосовать рублем за обслуживание получше и продукт повкуснее.

Да, времена нынче тяжелые. Изобилие на прилавках получено не благодаря нормальной конкуренции производителей, а за счет

взвинчивания цен. Причем особенно в этом усердствует частный капитал. Тут есть социальный парадокс. По большому счету, как представитель своей страны (социальной группы) капиталист не заинтересован в разорении масс, ибо, если все, кроме него, станут нищими, кто будет покупать его товары? Но в то же время капитал на том и составляется, что разоряет конкурентов, мало платит и дорого продает. На острие этого противоречия и выставляется социальная структура, складывается уровень жизни.

Частный капитал ненасытен и безжалостен, но растет как на дрожжах и, когда это выгодно, движет технический прогресс, меценатствует и даже помогает сиротам. Государственный капитал, хотя он, как и частный, безразличен к судьбе отдельного человека, в большей мере считается с обществом, вкладывается в неприбыльные, но социально важные сферы, защищает или, во всяком случае, должен защищать граждан. Став монополистом в какой-либо области, любой капитал «забывает» о потребителе, начинает фокусничать с ценами, качеством, дефицитом. В первую очередь — с дефицитом, что мы сейчас и наблюдаем: чем искать резервы снижения себестоимости, производителю выгоднее снизить уровень производства и поднять цены. Однако, например, в бытовой электронике дело обстоит уже иначе. В изобилии появилась относительно дешевая импортная видеотехника, и отечественные «Электронны» и «Рубины» стали явно лучше. Вопрос, стало быть, в том, чтобы нащупать баланс частного и государственного капитала в экономике, который бы обеспечил ей подъем — при социальных гарантиях для бедных и стимулах к труду для среднего класса.

А бизнесмен пускай себе катается на «форде». Я вообще не понимаю, почему он вызывает больше отрицательных эмоций, чем коррумпированный госчиновник, который катается тоже не на палочке верхом. Не понимаю я, как можно бесперечь попадаться на одну и ту же удочку. Вроде бы очевидно, что наемным работникам все равно, на какой капитал трудиться — государственный или частный, — лишь бы платили. И сейчас самой престижной работой считается работа именно на частника, еще лучше — на СП. Очевидно и то, что мы будем стараться покупать там, где товар лучше и дешевле, не обращая внимания на вывеску — государственный это магазин, акционированный или частный...

Самая эксплуатация и обираловка начинается при монополизме, каков бы он ни был — государственный или частнокапиталистический. Если частник конкурирует с государством — монополизма уже нет. И с этой точки зрения бизнесмен в обществе необходим и опасен, как автомобиль. Автокатастрофы уносят больше жизней, чем локальные войны, однако в телеге далеко не уедешь.

РЫНОК ДЛЯ СВОИХ

Не знаю лично и не слышала о человеке, который по идейным соображениям отказался бы работать за достойную плату на капиталиста. Зато вижу, что противники нынешних реформ — сплошь люди, не нашедшие себя в новых условиях, замороченные. Вопрос: кто и когда их заморочил и насколько заморочен каждый из нас, вплоть до самых крутых бизнесменов, убежденных, что уж они-то прекрасно разбираются в ситуации?

Понятно, что начать придется

с уклада советской жизни, где, казалось, не было места понятиям «частный капитал», «предпринимательство», «рынок». Натываясь в газете на заголовок типа «Бизнесмены из Ивантеевки», мы заранее знали, что это фельетон. В массовом сознании бизнесмен читался как «рвач», «деляга», «махинатор»... Но — внимание! — в то же время секретарь райкома вполне мог сказать в похвалу оборотистому хозяйственнику: «Ну, ты бизнесмен!»

Рулевые планового социалистического хозяйства прекрасно знали, что реальная экономика включает в себя наряду с официальной еще теневую экономику — элементы рыночной системы, необходимые для того, чтобы подправить огрехи планирования. (Подробно я писала об этом в «Смене» № 12 за 1993 год.) По экспертным оценкам, доля «тени» в социалистической экономике доходила до 30 процентов. Вопреки господствующей идеологии в нее входили элементы рынка — однобокие, в силу обстоятельности мафиозные (мафиозные не только в смысле отчасти криминальные, но и корпоративные, которые связывали функционеров круговой порукой, создавали «семью», клан). Понятно, что это был рынок для своих, нечто вроде цеховского распределителя.

Двойственность отечественного теневого рынка требовала огромных затрат на идеологическую упаковку: стили Мишалкова, отряд имени Павлика Морозова... Отдавая часть произведенного нами в «тень», мы не меньше отдавали на собственное обольщение. Платили за то, чтобы нас морочили инструкторы, парторги, преподаватели, журналисты, которые сами были в достаточной степени заморочены, ибо в идеологической упаковке каждый из них

был частью своего слоя, слепой и полузадохшийся под навороченными сверху другими слоями.

Рынок вызрел в недрах социалистического хозяйства. Нынешние бизнесмены, коммерсанты, менеджеры — в прошлом, как правило, номенклатурные работники, они используют старые официальные и теневые связи, они управляют процессом приватизации госсобственности. Теперь небольшое отступление — кто есть кто?

...Говоря совсем просто, *бизнесмен* существует во всем экономическом пространстве: и производит, и реализует товар, а если ему в данный момент выгодно — только перепродает то, что произвели другие, или бросает свой капитал в финансовый бизнес. То есть бизнесмен — это собственник капитала, чья основная задача вложить его как можно выгоднее.

Коммерсант — более узкое понятие. Он занимается торговлей в самом полном, утраченном при социализме смысле этого слова, куда входят и биржевые, и банковские операции, связанные с товаром. Собственником товара он не является. Зарабатывает на торговой надбавке.

Менеджер — организатор дела, ответственный за оптимальное использование вверенных ему (или частично принадлежащих) ресурсов, их умножение в интересах фирмы и ее хозяев — бизнесменов. Обратите внимание на «частично принадлежащих» — менеджеры, особенно занимающие иерархические вершины предприятия — по западной терминологии, топ-менеджеры, — обычно являются его совладельцами, отсюда их ответственность и определенная самостоятельность в принятии управленческих решений. В этом менеджеры — и, понятно, бизнесмены — качественно отли-

чаются от социалистических руководителей: они рискуют своим и приумножают свое, подчиняясь по большому счету только экономической целесообразности. В то время, как 9,6 млн. руководителей различных статусных групп в бывшем СССР управляли «общенародным», то есть не своим, имея над собой, помимо непосредственных начальников, еще и прямое начальство вплоть до министра. Другими словами, советский руководитель был передаточным звеном в огромной цепи, замыкавшейся на политический генералитет страны.

Момент выхода теневики на свет созрел объективно: с одной стороны, СССР не поспел за мировым компьютерным (и в целом технологическим) рывком, с другой — отечественные теневики набрались сил, чтобы подчинить своим интересам экономику.

Первое заставило отказаться от противостояния социальных систем. Советский Союз наверстать свое многолетнее технологическое отставание от Запада в условиях изоляции уже не мог. Ведь НТР приобрела лавинообразный характер, и если принять социалистические темпы ее развития за единицу, а западные, для простоты, за два, то через пресловутые 15 — 20 лет, когда мы удвоили бы темпы, Запад бы ушел в четыре раза дальше. С отказом же от политического противостояния с такими его «прелестями», как изматывающая гонка вооружений, научно-техническая и товарная изоляция, в России появляется множество западных товаров и, главное, технологий. Хотя рынок есть рынок, а не благотворительная раздача супа, развитые страны, в свою очередь, получают возможность так опутать нас кредитами, что расплатиться не смогут и наши внуки.

Второе — то, что теневики уже вовсю манипулировали официальной экономикой, — облегчило принятие курса на рынок. У социализма просто не оказалось серьезных сторонников. Старая (по возрасту) номенклатура благополучно вымерла, относительно молодая либо была среди тех, кто затевал перестройку, либо заделалась сторонниками рынка, увидев, что идет дележ госсобственности, который ведь можно и прозевать. Окончательно победили «рыночники» в процессе ГКЧП — не на баррикадах в августе 1991-го, а именно в судебном процессе, бесконечном, исполненном самого трепетного отношения к подсудимым и практически не затронувшем их ближайшее окружение. Даже социалистически ориентированная номенклатура поняла, что преследований за старые грехи не будет, и ринулась занимать места в рядах победителей.

Прошлогодняя октябрьская попытка переворота, затеянная совсем новой, перестроечной номенклатурой, уже не была выступлением сторонников социализма против «рыночников». Иные боевики выдвигали социалистические требования, но вообще люди там были с бору по сосенке, и каких только лозунгов не несли, в том числе «Инородцы, вон из Москвы!» — это под окнами Руслана Имрановича!

Короче говоря, к объективной необходимости менять порядок в стране прибавилось желание номенклатуры отхватить себе на старость и детишкам на молочишко кусок госсобственности, и вариантов не осталось: рынок. Даже записные коммунисты из номенклатуры организуют ТОО, АО, МП, СП и так далее, и так далее. Дескать, с волками жить — по-волчьи выть. Тем более обидно за тех, кто пошел за ними в октябре и пролил свою и чужую кровь.

ВЕРХИ ХОТЯТ И... МОГУТ

Казалось бы, выйдя из тени на свет, вылупившись из прежней идеологической упаковки, рынок распахнул двери чуть ли не для каждого: входите, организуйте собственное дело — к примеру, семейные предприятия. Помните, не так давно публицисты деляли образ старичков пенсионеров, которые откроют маленькие кафе в противовес клоакам общепита?

Где они, те старички? Почему не трогательная пара ветеранов труда, а накачанные парни предлагают нам отнюдь не домашние рогалики, но сомнительные шашлыки, перед которыми общепитовские кажутся амброзией? Да потому, что парни сильнее, а нанявший их капитал больше, чем сожранные инфляцией старичковские сбережения. Происходит монополизация областей, занятых в странах с развитой рыночной экономикой мелким бизнесом. Социальный механизм этого явления очевиден: бешеная эмиссия, отсутствие права собственности на землю, в которую можно было бы вложить тающие сбережения, и жесточайший дефицит мало-мальски ценных, долгоживущих товаров. А параллельно — режим благоприятствования всяческим комсомольским диско- и видеотекам, НТТМ, словом, коммерческим структурам, которые формально были еще не частными, но уже и не совсем государственными, что позволяло перекачивать государственные или, скажем, комсомольские деньги на параллельные счета, «крутить» их, а позже, встав на ноги, отпочковываться от организации-учредителя. Таким образом, старички теряли свои сбережения, а распорядители кредитов вкладывали «всенародные» средства

в параллельную экономику, зарабатывали там первичный капитал и затем присваивали его. Разумеется, все в рамках закона, ибо реформы начались сверху, законы писались тоже, естественно, сверху, и возможность направлять госсредства в параллельную экономику тоже была у людей, стоящих на верху. Так сказать, сам пью, сам играю, сам пляшу.

Понятно теперь, что занять нишу мелкого бизнеса наши старички просто не могли — их разорили. А средние хозяева из бывшей и нынешней номенклатуры скупили не отдельные «точки» типа лотка и мангала, а целые зоны и сферы, как территориальные, так и по роду бизнеса. Например, один является хозяином всех шашлычников на данной территории, а другой контролирует выход со станции метро с торгующими там шашлычниками, лоточниками, цветочниками, газетчиками...

Только не надо скрежетать зубами в благородной классовой ненависти. Мы уже договорились, что для нас, как покупателей, главное, чтоб хороший и недорогой был товар. С этой точки зрения важна не личность частника, будь он старичок или бывший инструктор райкома ВЛКСМ, а то, что государственная монополия в мелкой розничной торговле сменяется монополиями частными. Хотя масштабы этих явлений несравнимы — выход из метро все же не территория СССР. К тому же можно надеяться, что «мини-монополисты» со временем достаточно разбогатеют, чтобы открыть нечто вроде «Макдональдсов», и оставят мелкий бизнес мелким предпринимателям. Вот тогда на самом деле заработает конкуренция со всеми ее для нас плюсами: снижением цен, улучшением качества товара и обслуживания. А может, и не заработает, потому что

теневого хозяина того же выхода из метро может в будущем купить эту землю и вполне законно драть со старичков три шкуры за право на ней торговать. А старички будут драть три шкуры с нас...

Однако уровень жизни определяется не мелким бизнесом, а (как, помнится, писали раньше) Большой Энергетикой, Большой Химией и так далее. Причем это все было такое большое, что летишь, летишь над страной, переводя стрелки часов, а прилетаешь как домой: все те же пятызтажки и очереди за апельсинами. Для меня шоком было купить в Благовещенске блокнот со знакомой маркой московской фабрики на обложке. И цена та же, отпечатанная раз и навсегда: 14 копеек. Это ж подумать: везли этукую ерунду за тысячи километров, жгли горючее, платили работавшим на грузоперевозках... А блокнот вроде и не подорожал. Государственная монополия в действии! Именно государственная, потому что частнокапиталистическая, возникни у нее необходимость возить блокноты самолетами, взвинтила бы цену раз в десять. А при нормальной конкуренции (невозможной при монополизме) частный капитал открыл бы в Благовещенске бумажную фабрику, и блокнот стоил бы примерно те же 14 копеек — реальную свою цену, определяемую спросом в условиях конкуренции производителей.

Социалистическая экономика позволяла себе быть затратной — в частности, катать товары по стране, не учитывая этого в их цене. Для нее это было перекачиванием денег из кармана в карман: государственная торговая организация заплатила государственной транспортной организации; деньги как были государственные, так и остались. Но в одном они были без кавычек всенародными: это мы с вами их

заработали, это нам их недоплатили, чтобы скомпенсировать бездарные траты. А упаковали сей бессмысленный грабеж опять же в химеру социальной справедливости: у нас-де жители самых отдаленных регионов не чувствуют своей отдаленности...

Спросите, зачем об этом вспоминать? А затем, что при нынешней приватизации монополии сохраняются!

Обменяли вы свой ваучер на акцию родного завода — похвально, однако средств заводу вы не принесли, рассчитывать на реконструкцию производства за счет ваших ваучеров, сколько бы их ни набралось, нельзя. Вдобавок при заводе возникло множество ТОО, АО, МП, НЧП... Возможно, вы подрабатываете на одном из них, поскольку на основном производстве платят мало. Но в этом дочернем предприятии у вас нет даже символической доли, а вот часть оборудования и средств оно оттягало у завода-«папы», акцию которого вы приобрели на свой ваучер. Следующий этап — ограбленный дочерними предприятиями «папа» разоряется, ваша акция обесценивается, и вы ее продаете. Акции «папы» скупают хозяева «дочерних» МП, ТОО, НЧП, которые за сим опять сливаются в завод-«папу». Новые акционеры вливают в «папу» капиталы, заработанные на «дочках», всю идет реконструкция, завод становится прибыльным. А вы как стояли у станка, так и стоите.

То же самое происходит в масштабе отраслей — и вот уже какой-нибудь Минпром превращается в концерн «Российская бумага», которому по-прежнему принадлежит монополия на производство тех же блокнотов. И тогда хозяева начинают продавать блокноты за ту цену, за какую захотят. А мы возмущаемся — дорого!

А мы морщимся — рынок виноват... Нет, не рынок как система, а наш путь к рынку, предначертанный верхами для верхов. На Западе, видите ли, монополии собираются по кусочкам, поглощая конкурентов в мучительной борьбе, осложненной государственными антимонопольными мерами. А у нас уже есть государственные монополии, которые приватизируются государственными аппаратами (и не у кого искать от них защиты). Приватизируются как есть, куском.

Получается, опять нас надувают. Нам говорили, что рынок и частный капитал — плохо, а сами жили в своем теневом рынке, накапливая и контролируя теневые капиталы, чтобы потом выйти с ними на свет и с их помощью заполучить капиталы официальные. Теперь, понятно, говорят, что рынок — хорошо, а плохо — государственность, давай ускорять приватизацию (в которой, как мы поняли, рядовым гражданам ничего не светит).

В нынешней ситуации раздела сфер влияния, первоначального накопления капиталов, приватизации «всенародной» собственности наша замороченность необходима хозяевам не меньше, чем некогда политической верхушке, да, как правило, хозяева — это и есть бывшая и нынешняя политическая верхушка. Байка о широко открытых воротах в бизнес, пожалуй, еще коварнее байки о том, что все мы — хозяева страны.

БЕЗ ЧЕГО НЕ ВЫЖИВЕШЬ?

При социализме основной эксплуатируемой единицей был наемный работник, будь он профессор или слесарь. При всех усилиях партийных идеологов он соз-

нательно или полусознательно знал, что трудится «на дядю», и не особенно напрягался — за исключением, разумеется, периодов карьерного рывка, когда светило повышение по службе или пора было защищать диссертацию. У людей оставался нереализованный творческий потенциал — вещь коварная, способная угробить того, кто не умеет ею распорядиться.

Пирамида потребностей Маслоу, основанием коей служат потребности физиологические («голодной куме все хлеб на уме»), венчается потребностью в самореализации. Выше этого, стало быть, ничего нет. Но нет и меньше, незаметнее в повседневной жизни. Ведь не случайно пирамида, а не шкала — в основании основное, без чего не выживешь. Пять минут без воздуха, пять суток без сна, пять недель без пищи... А без самореализации выжить можно, особенно если не знаешь этого слова. Полбанки за воротник, набить кому-нибудь морду — и «грызь душевная» прошла. Рецепт, конечно, универсальный, не знающий границ, — Запад тоже обеспокоен проблемой алкоголизма, но там пьют рантье, что называется, с жиру, да антисоциальные элементы. А такого повального пьянства среди социально адаптированных, работающих людей — опоры экономики — Запад не знает. И Россия при проклятом царизме не знала. Это чисто советское явление.

Нам уже никогда не узнать, сколько погибло в миллионах наших опустившихся сограждан — художников, фермеров, политиков... Химера социального равенства не дала им стимула к самореализации, а то и сделала самореализацию преступной или вовсе невозможной. Человек, может, с детства менял перышки на ла-

стики, ластики на жвачку — в иных условиях вырос бы коммивояжером, а у нас — спекулянтом, уголовником.

Иное дело семья. Из трех основных сфер реализации — профессиональной, интимной, коммуникативной — семье принадлежат две, но можно ведь принести домой и не востребованные на казенной службе профессиональные «излишки». Вот еще один чисто советский феномен. В остальном мире хобби — занятие для иждивенцев (в широком смысле): рантье, учащейся молодежи из обеспеченных семей, пенсионеров. А имеющие работу работают, используя досуг для того, чтобы трудиться лучше: поправить здоровье (больной никому не нужен), повысить квалификацию... Только у нас добротный фотограф-любитель мог быть квалифицированнее профессионала из фотоателье и при этом не зарабатывать на своем мастерстве, а тратить на него далеко не лишние деньги. Западный турист — экскурсант, а наш турист, который одиннадцать месяцев в году шил рюкзаки, палатки, штримовки, мастерил прочее снаряжение от котелка до байдарки, а двенадцатый, отпускной, месяц проводил на порожистой реке километрах в двухстах от ближайшего поселка — такой вот наш турист для Запада фигура полумифическая. И щетинистому супермену с рекламы «Кэмела» далеко до фанатизма нашего любителя, ибо только последний, как уже говорилось, реализует в хобби свой профессиональный потенциал.

Представим себе шкалу, на одном конце которой абсолютно свободный производитель, присваивающий все результаты своего труда (что, конечно, достижимо разве что на необитаемом острове), на другом — раб. Для первого

время — эквивалент денег («тайм из мани!»), и отдых воспринимается как купленный на эти самые «мани». Мало того, что он принадлежит себе и на работе, и на отдыхе, — он отдает работе предпочтение как занятию более результативному. Рабу, чтоб трудился, необходимо палка, а к палке — надсмотрщик, а к надсмотрщикам — старший, и то все будет по возможности сачковать. Чем выше уровень эксплуатации, тем ближе человек к рабу, тем ниже эффективность системы «раб — надсмотрщик». Это мы, конечно, изучали в институтах, но как-то не применяли к нашей социалистической действительности. Задача капитала как эксплуататора — будь это частный капитал или государственный — в том, чтобы по характеру приблизить труд к рабскому, а по эффективности — к труду свободного производителя. Для чего издревле существовали, говоря по-современному, психотехнические приемы заморачивания работников.

Традиции тут древнейшие, основанные на господствующей в данной стране религии, меняющиеся от Востока к Западу на диаметрально противоположные. А цель одна и результаты сходные.

Японцу и особенно китайцу с его муравьиной растворенностью в нации можно вывесить лозунг: «Богатеет государство — богатеет мы». Индивидуалист американец убежден, что «богатею я — богатеет государство».

Японец идет в пожизненную кабалу к «родной» фирме за скромную (по европейским меркам) квартиру, набитую дешевой электроникой, четыре дня отпуска в году и выходное пособие к старости. Американец кладет жизнь на то, чтобы из кабалы вырваться, открыв собственное дело, и сменить наемную квартиру на соб-

ственный коттедж. Развитая система кредитования подталкивает его воплотить свою мечту скорее — в долг. На погашение кредитов с процентами уходят порой десятилетия, в течение которых он фактически не является собственником ни дела своего, ни дома, ибо при задержке выплат может лишиться всего. Стремление вырваться из кабалы оборачивается кабалой тем более лютой, что человека подхлестывает иллюзия работы «на себя».

Россия занимает на этой условной шкале национальных традиций срединное положение — частная инициатива у нас действует с постоянной оглядкой на «мир», общество. Социалистический госмонополизм, подавляя первое качество, эксплуатировал второе, ничего принципиально советского к нему не добавив. Все пропагандистские «рассуждения» о силе коллектива не выходят за рамки притчи о венике и пословицы «Гуртом легко и батьку бить». Взяв курс на западную модель экономики, реформаторы переориентировались на первое упомянутое качество национального характера — склонность к частной инициативе. Наемному работнику, с которого, в общем, где сядешь, там и слезешь, предложена химера «бизнеса для всех». И ведь многие ставят свое дело, заложив единственный капитал семьи — квартиру, дачу, садовый участок. Но вот богатеют крайне редко. Чаще их объезжает на кривой большой бизнес и присваивает себе и поставленное дело, и квартиру.

Об этом я уже подробно писала раньше, от этого предостерегала: вы можете показать себя очень хорошим организатором производства, ремесленником, мастером... Но лишь примерно у десяти процентов людей мозги так поверну-

ты, чтобы не производить, а присваивать и владеть. Представьте: сидят приятели и под вино, под разговоры играют в преферанс «на интерес». Один для — ради общения, другой для — ради игры, чтоб при случае блеснуть парадоксальным ходом и выйти победителем из безнадежной ситуации. И лишь единицы угрюмо и методично играют на выигрыш. Копят по вистуку, портя игру другим, подсаживают вистующего партнера, мелочатся, чтобы, отравив дружескую атмосферу за столом, получить в награду бумажку с плюсовой «пулькой». Вот эти немногие и есть потенциальные бизнесмены. Они не жадные — могут и вкусно угостить партнеров. Им важна не величина, а факт выигрыша. Они не глупые — ценят нюансы игры, но больше ценят эффективность ходов. Они не бездушные — рады встретиться со старыми приятелями, но, видите ли, им важнее всего факт выигрыша, они так устроены, и что поделаешь, если ради выигрыша приходится испортить настроение хорошим друзьям.

Знаю человека, успешно поставившего несколько дел и вылетавшего из них всякий раз, как наставала пора получать дивиденды. Он не то, что ринувшиеся в бизнес дилетанты. Имеет еще советский опыт хозработы, умеет договориться и с чиновником, и с грузчиком, ориентируется в финансах, «ловит» подозрительные пункты в предлагаемых договорах. А сжирают его собственные товарищи — совладельцы и соучредители. Причем он заранее знает, когда именно и на чем его подловят, но как-то стыдится нанести упреждающий удар. Такова уж его система ценностей. Он не то чтобы такой уж безнадежный идеалист — способен спланировать интригу, без чего в бизнесе не

обойтись. Это будет интрига выигрышная, но однократная. А бизнес — это беспрестанные интриги, образующие некую метаинтригу, как сюжетные линии романа образуют метасюжет. Бизнес — это характер, а у него характер другой, жить интригами долго он не может, поэтому всегда остается в бизнесе любителем.

НА ПОДНОЖКЕ

Подведем промежуточный итог. Социализм мало давал наемному работнику, он не умел востребовать его целиком, с душой и телом. Душа могла быть обращена к заветной рыбалке, а тело не утруждалось на работе, копя силы на выходные. Большой бизнес создает у свободного производителя иллюзию возможности рывка к благосостоянию. Душой, телом, имуществом — свободный производитель весь в своем деле. Какая там рыбалка! Какие выходные, какой отпуск, какой нормированный рабочий день, если человек пашет на себя?!

На Западе эксплуатация такого человека осуществляется довольно тонко, через систему кредитов. Хочешь машину? Хочешь коттедж? Хочешь новую машину? Хочешь трехкамерный холодильник? Все — пожалуйста. Все — в кредит. А там, глядишь, и коттедж уже требует ремонта, и машина нужна престижнее, а человек еще за прежнюю не расплатился и крутится, крутится, крутится, отрабатывая долги и проценты за долги.

Нашего традиционно замороченного человека надувают гораздо легче. Просто до обидного легко его надувают — чистым воздухом

без примеси в виде машин и коттеджей. Ему достаточно показать по телевизору игорный дом с ответственными миллионерами, запустить рекламу поездок в тропические страны, и он готов. Едет в метро (а в глазах загорелые стервы, то ли гаитянки, то ли таитянки), поднимает очи горé и... «Вы влезли в долги?» Ох, не говорите. «Вам нужен автомобиль?» А кому он не нужен. «Вы хотите открыть свое дело?» Еще бы!.. А далее вкрадчивая реклама объясняет, что ваша, дескать, квартира — это ваш капитал (что вполне справедливо), и мы готовы этот ваш капитал пустить в оборот. Месяца через два получите свидетельство в регистрационной палате, уплатите пошлину и с оставшейся половиной «вашей квартиры — вашего капитала» приступите к делу.

И невдомек нам, двоечникам, что, хотя места в поезде бизнеса еще есть, этот поезд ушел, и догонять его все труднее буквально с каждым днем. А бывают отчаянные парни, которые-таки догоняют, но висят на подножке, покуда не свалятся под колеса. Потому что поезд вдобавок закрыт для чужих.

Жизнь порой подсовывает нам «рояль в кустах», то есть нечто весьма неожиданное, но нужное здесь и теперь. Дописав предыдущий абзац, я отправилась в редакцию журнала, где меня ждало письмо из Костромы. Женщина, опытный бизнесмен, владелец посреднической фирмы, заключила некогда договор с ленинградским (тогда еще) предприятием, которое обязалось поставить товары приблизительно на полтора миллиона долларов. Эту сумму она взяла в кредит у себя в Костроме и перечислила в Ленинград как предоп-

лату. С тех пор ни товара, ни денег. Отмечу, что надежность ее партнера была проверена выдавшими кредит банкирами Костромы. Далее цитирую: «Я обратилась в правоохранительные органы — директор ленинградской организации предложил мне отозвать заявление и закрыть свое предприятие. Взамен же — счет на мое имя в ленинградском банке, на котором будет часть невозвращенных ими денег плюс квартира в Ленинграде. Вдобавок мне представили руководителя группы «боевиков из Дагестана», которая охраняла эту организацию... Арбитражный суд решил дело в нашу пользу, но он только увеличил расходы (оплата госпошлины), так как на расчетном счете ответчика средств не оказалось. А руководители санкт-петербургской фирмы продолжают жить прекрасно, основав новые ТОО...»

Итак, с одной стороны — частник, уважаемый в Костроме (уважаемый потому, что дали ему кредит, ибо человек с улицы, ясно, кредита не добьется). Его противник-партнер — предприятие, где юристом «очень грамотный специалист по банковским операциям, работавший в Ленинградском горкоме, а до того — сотрудник КГБ» в трогательном союзе с «боевиками из Дагестана». Откуда пришел в бизнес директор этого предприятия, автор письма не сообщает, но нетрудно догадаться, что не из детской библиотеки.

Какая судьба может ожидать частника? Если его хитроумный партнер действует под солидной «крышей» — тратится на рекламу, ведет инвестиционные или иные длительные операции, — он, дабы не ронять авторитет, в конце кон-

цов вернет частнику деньги, успеет «прокрутить» их в собственном бизнесе и получить прибыль. А частник все это время будет платить банку проценты, и деньги получит, обесцененные инфляцией. Причем заметьте: частник связан с банком, которому должен и который объективно заинтересован не столько в том, чтобы своевременно получать свои проценты, а в том, чтобы завладеть прибыльной фирмой частника. В таких случаях порой начинаются банковские «недоразумения»: задержки платежей, «ошибки» в счетах, парализующие деятельность фирмы. Частник уже не в состоянии погасить кредит за счет прибыли — и расплачивается с банком своей фирмой. Тогда ее новый хозяин — банк улаживает все «недоразумения», кои сам и сотворил, и дело опять становится прибыльным.

Фирму у автора письма пока что не отняли, но работает она в убыток. Надежды на возвращение долга уже нет. Похоже, что петербургское предприятие и открывали для того, чтобы, провернув несколько подобных сделок и отказав прибыль на параллельные счета, своевременно закрыть.

«Пишу вам, вероятно, единственному в стране специалисту, владеющему не только экономическими знаниями об отечественном бизнесе, но и о морально-этическом состоянии различных кругов бизнесменов. Несмотря на опыт знакомства с «диким капитализмом», не могу примириться с тем, что в бизнесе все стало «дикими». Все еще теплится надежда, что реально существует кто-то, кто может «взять на буксир». Если вы встречали такого челове-

ка в среде бизнесменов, помогите связаться с ним...»

Повторяю, автор письма несколько лет удачно занималась предпринимательством, «раскрутилась», скопила капитал. И тем привлекла к себе внимание подлинных хозяев бизнеса. Ворота рынка, действительно распахнутые для всякого предприимчивого человека, оказались ведущими в мышеловку. Женщина готова сдать — ищет, кто бы «взял на буксир», прекрасно понимая, что даром это не делается: тот, кто вольет капитал в ее хиреющее дело и будет хозяином, а ей в лучшем случае достанется роль со-владельца, а то и наемного работника... Она занималась коммерцией, чтобы добыть денег «для строительства центра, в который должны были войти туристский комплекс, художественные мастерские, выставочный зал для «Товарищества костромских живописцев», классы для обучения народным ремеслам всех желающих». И чего еще только она не хотела, уверовав в доброту капитала: и дом строить для своих сотрудников, и детям-инвалидам помогать, и Фонду культуры...

...И БЛАГО ТВОРИТЬ И СЕБЕ «НАВАРИТЬ»

Разумеется, бизнес способен меценатствовать и меценатствует. Но лишь когда некоммерческая деятельность служит выгодной упаковкой. Практикуется, например, система параллельных счетов: прибыль коммерческой организации сбрасывается на счет безналоговой некоммерческой, а полученные некоммерческой организацией государственные дотации «прокру-

чиваются» в коммерческих операциях. Спонсоров в чистом виде просто нет. Если сенатор жертвует на церковь, он приобретает голоса верующих, если жена руководителя посещает с подарками детей-инвалидов, об этом пишут газеты, что работает на имидж «первой дамы» и ее супруга. Чем больше шума вокруг благотворительности, тем легче найти спонсора. Объявите, что собираетесь лететь на дирижабле к Северному полюсу, приурочив эту акцию к Дню защиты детей, — и множество фирм пожертвует вам деньги «на детей», разумеется, всячески используя это для рекламы. Труднее найти спонсоров ничем не примечательному детдому.

Капитал ничего не делает даром. Это такое же его свойство, как свойство любого предмета падать на землю с ускорением 9,8 м/сек². Согласитесь, только социально неадекватному человеку (попросту говоря, психу) придет в голову возмущаться, почему именно 9,8, а не 10 для ровного счета. И если кто-то возмущается корыстностью бизнеса, а мы не считаем такого человека психом, причина тому — наша всеобщая замороченность. Надо усвоить, что бизнес «таков, каков он есть и больше никаких», — и жить станет, может быть, противнее, но легче.

Если бы женщина из Костромы не увлеклась идеей культурно-производственного центра, она бы реально прикинула свои возможности. Противник — очень грамотный специалист по банковским операциям, юрист-кагебешник, входящий в политические круги. В законодательстве — дыры, позволяющие ему уйти от уплаты

долга (надо полагать, дыры для того и оставлены подобными же юристами). Есть ли на моей стороне человек подобного калибра? Нет (а то бы дело закончилось иначе, и не писала бы костромичанка в редакцию). Существует ли иной выход из положения, кроме сугубо официального? Разумеется. Есть фирмы, которые специализируются на такого рода делах. Вы им уступаете права на долг (тем большую долю, чем долг безнадежнее) — они отсуживают, а чаще выколачивают из должника искомую сумму.

Однако тут выступает на сцену глава «боевиков из Дагестана», вовсе не случайно представленный автору письма... Словом, ясно, что долг нужно списывать в потери...

Какой, спрашивается, совет дать этой женщине? В бизнесе действует правило: если партнер дает себя обмануть, его обманывают. Хотя есть и другое: свой у своего не ворует. Но то — свой. У своего. А воруют у чужих — если, разумеется, они позволяют (см. правило первое). А она позволяет. Надо полагать, своя в деловых кругах Костромы, она с тем же доверием к партнеру выходит не только из своего региона, но и из своей страны мелких хозяев к добротным «среднякам» второй столицы. Там она трижды чужая: и без связей, и без капитала, которые были бы сравнимы со связями и капиталом партнеров, и вдобавок провинциалка. Бизнесмены любят откровенничать: мол, деньги всюду — нагнись и подними. Они это говорят не только о нашей бесхозяйственности, но и о людях, которые не могут примириться с тем, что в бизнесе все

стали «дикими»... Да не стали — просто иных там съели.

У каждой социальной группы свои цели. Свои у наемных работников, свои у мелких и крупных хозяев. Я вот (и, надеюсь, читатели тоже) сочувствую костромичанке, как бы ей вернуть свои полтора миллиона долларов, но кто из читателей хотя бы видел такую сумму? У кого есть цель — несомненно, благородная — построить выставочный центр и пансионат для детей-инвалидов? У наемных работников такой цели быть не может...

Вы голосуете за своего депутата, плоть от плоти, но, попав из страны наемных работников в хозяева, он вынужден либо разделять их цели и ценности, часто противоположные целям и ценностям наемных работников, либо уйти. Точнее, его «уйдут», причем необязательно в буквальном смысле — достаточно не принимать человека всерьез. В любом случае на вершинах власти не может результативно действовать «наш человек». Он может носить имидж «нашего», может и должен понимать цели избирателей, но способствовать их достижению он просто не в состоянии.

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ, НО... С НАДЕЖДОЙ

Не стоит искать в моей статье антирыночные выпады. Я как социолог просто даю картинку, срез нашей жизни здесь и теперь, когда иллюзии социализма развеялись, а рынок предстает пока что в виде иллюзий и надежд. Чем скорее мы развеем и эти иллюзии, тем скромнее, но оправданнее будут надежды.

Не хотелось бы, чтобы кто-то воспринял мою статью как лишний повод выйти на улицы под флагами и лозунгами. Партия, какова бы ни была их программа, сейчас не до нас. Они делят собственность. Вот когда разделят и все утрясется, капитал начнет, как во всем мире, нанимать политиков, и рядовые избиратели смогут играть на конкуренции представляемых политиками монополий: у этого за спиной ВПК, у этого Минмедпром — голосуем за второго, он будет выступать за увеличение бюджета на социальные нужды...

Не хотелось бы, чтобы дымка прошлого, равно как и флер будущего, заслонила суть капитала, будь он «всенародный» или частный. Всякий капитал созидает, эксплуатируя, — в этом его необходимость и зло. Для наемных работников важно, не в чьих конкретно руках капитал («жулье», «кровососы») — это эмоции, не влияющие на содержимое наших кошельков), а уровень эксплуатации, который прямо зависит от степени монополизации экономики. Здесь, увы, наше дело плохо, ибо госмонополии акционируются, так и оставаясь монополиями.

Не хотелось бы, чтобы нынешний жестокий период первоначального накопления капиталов разорил и выбросил на улицу тех, у кого и так ничего нет, кроме квартиры и, может быть, садового участка (не считая, разумеется, ваучера). Бизнес не для всех.

Поколения советских людей «проходили» в вузах истмат и научный коммунизм — не что иное, как социальную философию. Но — говорю это как преподаватель — ухитрились не сде-

лать никаких практических выводов. Ночью разбуди любого — от зубов отскакивало: интересы труда и капитала... А наложить это вдолбленное клише на социалистическую действительность мало кому приходило в голову. А ведь бывало, что общественные науки преподавали те же профессора, которые читали лекции в МГИМО, ВКШ и прочих вузах для детей номенклатуры. И рекомендовали они ту же литературу, в том числе «Капитал» — самый откровенный и подробный (хотя сейчас уже и не самый полный) учебник по бизнесу. А вот воспринимали это разные слушатели с разных точек зрения: одни, «верхи», мотая на ус, другие, «низы», радуясь нашей светлой жизни.

Какую же действительность видят и видят многочисленные выпускники «политехов», которым была уготована и уготована сейчас роль замороженных наемных работников? Ну, видели, что директор их предприятия вроде бы получает меньше водителя «Икаруса» (социальное равенство!), а живет богаче. Видели, что у мясника «Жигули», а завмагша в золоте. Но связать концы с концами не могли, все казалось не системой, а частыми, но все же частными случаями — тем более, что зарвавшихся теневиков время от времени сажали, что вроде бы подтверждало: система борется с «негативными явлениями»...

Сейчас с изумлением и тщателью воспитанной классовой ненавистью видят, что реальными рыночниками стали опять же директор, мясник и завмагша. Пойти дальше, понять, что директор, мясник и завмагша не стали,

а всегда были рыночниками, удается не всем — отсюда тоска по «светлому прошлому», баррикады, и на этих баррикадах замороченные донельзя наши соотечественники, воображающие себя то ли парижскими коммунарами, то ли рабочими дружинниками образца 1905 года, то ли панфиловцами.

Из переболевших советским патриотизмом, понявших, что наше прошлое — та же эксплуатация, тот же рынок, только теневой, лишь немногие видят, что наиболее грамотными рыночниками оказались те самые профессора, которые с диаметрально противоположными результатами обучали марксизму и замороченных совслужащих, и трезво мыслящих номенклатурщиков. Последних они неплохо «научили рынку». Пара-

доксально, что низовым звеном среди реальных рыночников стали самые что ни есть «двочники», полу- и просто уголовники: упомянутые мясник и завмагша, горцы, пишущие на ценнике «опелсин», и откровенное хулиганье, которое точно вычисляет хозяев: коррумпированных госчиновников и работников правоохранительных органов — и поднимает рэкет до уровня безопасного бизнеса.

Вот и настал долгожданный момент: государством правят не дилетанты, а ученые. Чем выше орган власти, тем больше докторов наук. Как на Западе. Там тоже правят интеллигентные люди. Помните многосерийный «Спрут»: доктор Каттани, доктор Терразини, доктор Антинарри...

Одни доктора — по одну сторону, другие — по другую.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРЕССА»

2-й НАБОРНЫЙ ЦЕХ

Если Вы хотите получить хорошее качество набора Ваших изданий, обращайтесь к НАМ! В нашем распоряжении современная система для выпуска книг, газет и журналов.

ВАМ ГАРАНТИРУЕТСЯ:

- качественный набор и верстка текстов на языках: русском, западноевропейских, японском, корейском, китайском, вьетнамском, арабском, хинди, урду, бенгали;
- интересное и нестандартное оформление изданий благодаря огромным возможностям системы;
- вывод сверстных полос на фотоматериале;
- помощь и консультация на всех этапах работы наших высококвалифицированных специалистов.

МЫ ЖДЕМ ВАС!

Наш адрес:

101460, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 14
Телефоны для справок: 257-22-30, 257-48-08

Как будто стоишь на пороге
 еще не оплаканных дней,
 и жизнь возлежит на треноге,
 и льется дождями елей.
 Глаза не прозрачней медузы
 в заоблачной голубизне.
 Проверьте, надежны ли узы
 и нет ли лазеек во сне.
 Снопом ослепительной стали
 обманно очерчен покой.
 Святители, вы не устали
 вести меня жгучей межой?
 Шаги мои болью буравят
 височную мякоть земли.
 Ни ангелы крыл не расправят,
 ни ивовые журавли.

Все те же буквы перед глазами.
 Все та же полночь. И гобелен,
 раскрытый книгой. Читаю часами,
 силков сребротканых осмыслив плен.
 Войди и выйди в ту же картину,
 оконным холодом хрипло дыша.
 Окрошка слов — снегопадом на спину,
 больнее зуба заныла душа.
 Причуды некой заблудшей музы
 лампадным бликом облили кровать.
 Искусно сплетенный гордиев узел —
 под кожей. В сердце. Как развязать?
 Лечебной грязью обложив, съезжен
 в кокон, опутан вязью минут,
 лежу. Александр, извлеки из пожен
 не меч, но свиток. Кожи лоскут.
 И, глядя вверх, в жерло ожерелья,
 планет тугую цель разматав,
 взойди на цоколь в храме веселья
 и жизненный свой огласи устав!

ВДОХНОВЕНИЕ

Скольжение дум по воздушному льду —
 полярный, неласковый рай.
 Безмолвие рвет со всей силой узду,
 теперь только версты считай.
 Со свистом проносятся лица и лес,
 тугая спираль пустоты
 зарделась безумьем закатных небес —
 и в даль протянулись мосты.

Туманы и сны там скрывают тупик,
рыжеет конечная плавь.
Похмелье полета — болезненный миг
удара о мерзлую явь.

ПОЛНОЛУНИЕ

Пропитаны мутною брагой
наплывы туманной луны.
Пути раздвоились корягой —
и тени вдруг стали видны.
Селена, лицо твое ясно,
как линии ласковых рук.
Не лей молоко понапрасну
в жестяный ночной акведук.
В светящемся облачке-платье
пройди по мозаике звезд,
займи на смолистом канате
высокий свой вахтенный пост —
и тот старичок одинокий,
что рядом, за тучей, живет,
пошлет тебе сны о пороке,
окончив владений облет.
Он сложит блестящие крылья
и скажет слепые слова.
Укрытая пеною мыльной,
послушно поникнет листва,
и воды бессонною молвью
исполнят полночный напев,
и вороны примутся молча
искать серебро средь дерев.

Протянулась из прошлого в проседь
голубая воздушная нить.
На песках, что пергамент заносят,
не написано: «Вечно хранить!»
Был ли сеятель ты или пахарь,
не видать тебе злата хлебов.
Не водой, а пригоршнями праха
заполняется вечности ров.
Пусть столетья у семени спросят,
сколь безмерно желание жить!
На песках, что пергамент заносят,
не написано: «Вечно хранить!»

СЕРГЕЙ ТЕЛЮК

Мир. Дочь, склонившись над листом,
впервые букву М рисует,
чуть ниже — наклоненный дом:

забыт и без нее тоскует.

Задумчиво сидит жена —
лениво двигаются спицы —
то кажется, что спит она,
то кажется, что ей не спится.

На черном полотне окна
ноябрь блекло проступает —
тревожен, словно тишина,
но этого никто не знает.

Торжок. Тверца. На переправе.
Церквушки деревянный призрак
в осенней, вековой оправе —
и это не последний признак...
Над древностью семихолмовья —
давно изжитого в столице —
крик воронов и скорбь сыновья
столь явны, будто здесь, в светлице,
среди бревенчатого града,
кричала женщина рожая,
быть может, на пороге ада,
в мученьях род свой продолжая.

Шел дождь, точнее, ливень лил в ночи.
Свет из окна выхватывал потоки,
похожие на волосы твои,
на ниспадающие складки тоги,
на легионы римские в пути...
И не было конца у той дороги,
и не было возможности уйти —
я замер, словно мальчик, на пороге.

Я говорил, что не ревную,
и шел заведомо на ложь,
обычную, как день, земную
и непривычную, как дрожь.
И позже в полутьме квартирной,
в пылу оттачивая слог,
безжалостно, бесперспективно
фальшивил, но уже не мог
иначе говорить с тобою,
иначе думать. И в ответ,
в дверях помедлив, ты собою
последний заслоняла свет.

Древняя тайна любви Какана Чингисхана

В гражданскую войну люди или убивают или умирают или бездонно пьют вино от страха умереть быть убитым или курят анашу чтоб уйти от земли где убивают где кишат убийцы

А любовь в гражданскую войну в братскую бойню а кто любит в резню средь избыточных пуль вспльчивых?

А на осенних улицах моего родного Душанбе пустынно — все спрятались от смерти а смерть одна ходит по улицам но! вот! вдруг! одинокая в черных смоляных чулках ты бредешь по городу и Фальфия-Флора-Флюра-Орда-Орря-Урря древнее ковьльное степное татарское имя твое спадает слетает с твоих испуганных губ когда я настагаю тебя

Фальфия Флора Флюра Орда Орря жарко еще томно потно на пустынных улицах Душанбе а ты надела глухие черные чулки на тугие нагие яблоневого крутые ноги свои

И на улицах мертво пустынно а ты одна в черных чулках и не боишься пуль

Дервиш Ходжа Зулфикар я бежала из дома своего потому что снайпер занял дом мой а когда я вернулась — нашла в холодной постели своей три хладных пули — снайпер стрелял из дома моего а другие стреляли в него но он остался жив и три хладные пули лежали в постели моей, где ранее лежали со мной жародышащие нетронутые испуганные женихи мои — до свадьбы я пы-

тала мучила их нагим бездонным телом своим но не отворяла не отдавала его

Фальфья но зачем ты надела глухие черные чулки на ярые пылкие перламутровые рыбы бездонные ноги твои — я чую что они таковы я чую что они не послушны тебе что они не твои

Дервиш я одна знаю тайны древней степной кумысной гонной пенной татарской любви

Я с ними приходила приползала в Чингис-хана блаженные ночные тюмени заставы шатры и великий Хакан ждал и чуял меня и никто не мог его объять обуздать взять а я брала

Я знаю любовь скачку! любовь сорванную кровяную болячку горячку! любовь спячку! любовь гон раскоряченных растраченных тварей святую болячку

Я знаю древнюю пахучую тайну татарской любви на распластанных конях на скачущих конях где кобылица кумысная кусающаяся у которой течь резь дурь медовая опухоль бутон расцвел меж пенных ног я я я я

Фальфья но почему ты в смоляных глухих стенах чулках что таят ноги твои

Дервиш тот снайпер слепец а снайпер мясник убивец человек потому что он не вольный воин стрелок а стреляет наверняка и он на моей девичьей постели изнасиловал разрушил разъял меня и с того дня я из дома ушла и с того дня на ногах моих несметная поросль волос курчавых непобедимых поднялась взъярилась взялась и ничем не убить не убрать этих яростных влас на моих безвинных ногах

Беломлечные ноги мои смоляной волос дикий хищный взял обуял

У меня стали ноги власатой рыси и мохнатой гиссарской овцы иль варзобской козы а еще во мне проснулась очнулась тысячелетья спящая ядобоинная змея гюрза и нежнотелая вьющаяся монгольская пустынная ящерица изумрудная рептилия агама

С того дня как снайпер убийца палач мясник человек измучил меня я ушла бежала из родного дома и в дальнюю степь к шатрам Чингисхана Хакана понесли мохнатые древние доче-ловечьи ноги меня меня меня мя...

Дервиш ты боишься меня ты боишься моих мохнатых звериных ног ты боишься моей древней тайны болячки любви лихорадки маляринного бреда жара морока меж ног моих власатых и твоих нагих

Дервиш ты боишься что от древнего тайного жара огня мой неистовый волос сгорит и тебя поалит

Фальфия я не боюсь пуль гражданской войны я не боюсь жара чада горящих волос я не боюсь а алчу твоих рысых твоих овечьих козых твоих змеиных твоих агама лазоревой бешеных бушующих неуловимых лап лап ног ног ног

Фальфья-афья я хочу лизать кусать тебя там в мрамор

нагих колен где власатые лапы зверей переходят в шелковые
нагие лядвеи дев дев дев

Фальфья Орря Урря у всех жен на земле глаза текут живут
вдоль лица а твои рысьи волчьи текучие изумруды очи стоят
горят поперек лица как у ночных хищных зверей глаза малахи-
товые алчно вспльщивые твоя

Как у волчицы как у рыси в гоне в любви в соитьи изумлен-
ные восставшие очи вздетые кипящие твоя

Дервиш глаза мои вольные долгие восстали и замерли после
того как меня разрушил убил измял насильник снайпер палач
мясник людей

Дервиш ты видел как весной темная несметная сель грязевая
с гор плывет и камень недвижимый распластаный валун ввысь
восстает — так восстали застыли мои глаза поперек лица

Фальфья Орря я не боюсь пуль братской бойни я не боюсь
твоих изумленных застывших глаз я люблю твои тугие круглые
безумные ноги в смоляных стенах глухих чулках где власатые
лапы зверей переходят в гладкие ноги лядвеи дев

Фальфья мохноногая пойдем в глухую кибитку окраинную
мою Там никто не найдет там никто не убьет нас

Дервиш жди меня когда ночь придет как паутина смерти на
город падет а я люблю ходить вместе со смертью а я люблю
ходить в смертных паутинах сетях когда убийцы на зов паутины
разрушенной пауками ко вьющейся мухе жертве скользят

Я!.. Фальфья-Орря!..

И пришла ночь и пришла паутина смерти окутала опутала
мой родной Душанбе

И я потушил огни в кибитке моей чтобы пули словно мотыль-
ки светляки не пришли сюда но потом я зажег огонь чтобы
Фальфья Орря во тьме увидела огонь и пришла

Ай Господь! дай чтоб Ф-Альфья раньше чем пуля пришла

Фальфья Флора а ночью ты тоже бродишь в смоляных ноч-
ных чулках

А? Айх! Айфф! Фальфья я так алчно так погибельно так
бедно так слезно так тяжко спело переспело томительно жду тебя
что все одежды ветхие дервишские мои враз истлели изорвались
змеиной кожей сошли слетели с меня и стал наг иль я сам их
сорвал

Тогда ты входишь улыбчивая тихая смиренная покладистая
в кибитку мою Фальфья

Айх! У тебя в руках десять белопенных чашеобразных шираз-
ских зимних роз на длинных изумрудных стеблях а стебли все
в яростных шипах словно в рысьих рваных змеиных хищных
когтях

Айф! и она снимает с себя кокандский шафрановый чекмень
и она как и я остается нага но она вся нага белым бела как

аральский солончак который лизут верблюды но она в смоляных несметных ярых чулках но я готов как безводный верблюд солончак ее лизать рвать кусать

Айхх! И росной свежестью веет от роз и розовой свежестью веет от Фальфии Орри Урри от атласного ханского тела альпийского снежного ея от верблюжьего алчного белотелого солончака Айхха!..

Айххх! дервиш иль забыл что я знаю тайну колодезь древней степной татарской ковыльной солончаковой любви и с этой фисташковой тайной я входила я вползала в шатер Хакана Чингисхана и одна одна одна побеждала смиряла его! чего не смогла сделать ни одна рать на земле айх! ай! айя!..

Фальфья но я всего лишь дервиш а не Хакан и моя нищая сирая глиняная кибитка далека от его бездонных конниц от его золотого шатра

Дервиш! О как печален любовный гон зов кобылиц в смертных сомкнутых конницах Чингисхана Хакана!.. Как печальна любовь в дни гражданской войны когда пули и в постелях витают... Дервиш зачем мы в такие дни повстречались

Тогда она бросает на глиняный пол кибитки моей все десять длинных белых роз и ложится нага навзничь на них на адовы шипы когти их мраморной спиной своей

78

Дервиш я кидаюсь наго ложусь на розы на шипы а ты ложись на меня

Фальфья Фья и это тайна степной ковыльной любви которую возлюбил Чингисхан Хакан

Дервиш это начало тайны

Дервиш ложись на меня а я лежу вьюсь горю теку на розах на неистовых шипах и их вбирает сдирает спина сладчайшая моя Айххх!.. Айффф!.. Ф-Альффья Орда Орря!..

И я ложусь на нее покорно извилисто перезрело и тогда она безумно блеет как покорливая хиссарская овца как власатоногая коза и мечется мучится ходит вздымается огненно изливается извивается подо мной в снежных розах и в кровяных плывущих шипах когтях

Дервиш я твоя овца коза и это начало древней тайны а ты хочешь узнать всю тайну Чингисхана Хакана и ты видишь как белые овечьи розы становятся бледно-альыми а шипы по моей спине сметанной разрывчиво скользят Айх! Хйа!

Иль дервиш не хочешь продолженья древней тайны иль не хочешь чтоб коза в змею а змея в рысь перешла Айф! Фйа! Иль не хочешь чтоб я чулки смоляные с ног разбуженных ликующих смела сняла сорвала

Я хочу Фальфья овца! айх!

Тогда она обвивает опутывает тесно смертно душно наго наго наго власатыми смоляными звериными ногами меня

Тогда она змеей вьется восстает воздымается с роз алых уже с шипов кроваых уже текущих ало тогда она уходит из-под меня и алым проворным язычком жалом неслыханной змеи гюрзы эфы обволакивает окутывает опутывает сладит мучит мой зебб мой фаллос и она уже вьется ходит лепится между ног моих а я уже лежу вьюсь бьюсь мечусь на розах и шипы сладко блаженно входят впиваются в меня и многие шипы я сдираю алчной спиной со стеблей и стебли становятся нагими и ровными но много шипов остается на стеблях айх! айх! айя!

И на спине моей под левой лопаткой старинная родинка живет но я сдираю ее шипом и она щедро и жгуче кровоточит... Айхя!..

Дервиш ты посреди тайны древней татарской кочевой любви посреди пути иль хочешь назад иль ты в любви не Хакан Чингисхан?

Иль хочешь чтоб из змеи восстала явилась пенная рысь иль не боишься отведать рысьих власатых ног и жгучих лап лап лап Айххх! Хххйа!.. Фйа!..

Фальфья рысь я алчу тебя

Тогда она рычит кусается мается и раздирает меня плечет разрывает разбирает расширяет неожиданными ногтями когтями и я вьюсь в розах и еще многие шипы сдираю снимаю с долгих стеблей и уже все в счастливой блаженной крови тело пенное мое и все снежные розы уже стали розами гранатовыми и я счастлив и все тело мое течет как арык на полу крованой крутой родной

И тело мое было как белый валун а стало как ручей кочевой крованой

И уже! Уже!..

Фальфья овца коза Фальфья змея Фальфья рысь гляди уже все шипы со стеблей — таких сладких таких долгих я содрал сорвал и недвижимый снег лепестков обратил в текучий мокрый безвинный гранат

Фальфья иль древняя тайна Чингисхана изшла вся! Фйааа!..

Я лежу на гранатовых текучих розах на длинных нагих стеблях без шипов и тогда нагая Фальфья лежит недвижно на мне и склоняется родимая жаркая ко мне и рыдает стенает страждет она Хйяяааа!..

Дервиш гляди я омою грудным парным кумысом тонских кобылиц твои раны Айх! И ты блаженно радостно омытый уснешь и будешь спать три дня и проснешься счастливым и не будет на теле твоём рдяных сладких ран но я уже буду далека

А пока я омою материнским родильным кормильным молозивом молоком степным кумысом тонских скуластых исык-куль-

ских кобылиц святых твое свежевспаханное шипами радостное тело Айхха! Айфффа!

И она прижимается приближается ко мне нагая с набухшими миндальными уже материнскими сосками и обдаёт обливает омочает оmyвает меня теплыми молочными струями обильными и молоко младенцев течет по телу моему и по рдяным ранам... Айя!..

Дервиш тот снайпер убийца нарушил меня и я стала чреватая плодовая и сосцы мои исполнились изготoвились к материнству но от убийцы родится только убийца и я сделала аборт и я убила потравила горчичным семенем нерожденного сына моего но сосцы не знали о детоубийстве но сосцы слепо яро наполнились млеком и вот я изливаю его на тебя на твои сладкие раны сразу заживающие

Айффф!.. Хакан я люблю тебя тебя... Я Ордда Орря кобылица гонная твоя и твоего коня

Фальфия какой-то древний маковый бездонный сон колодезный сон шанакура опиекурильщика находит на меня я не могу встать с хладного глиняного пола и заживо замертво засыпаю засыпаю засыпаю а она на меня молоко из сосков бескрайних изливает извергает улыбается.

Хакан!.. Я люблю тебя!.. Я твоя кобылица млекороняющая млекоизливающая

О тоска гонной кобылицы без коня а конь военных конниц алчет не на меня восстать а алчет под воина бахадура насмерть в сече в резне встать пасть

Фальфия останься со мною навек куда идти тебе — на родине нашей везде война везде пули братские витают

Фальфья Орря а тайна открылась явилась иссякла на голых стеблях на розах гранатовых на струях молозива текущих врачующих раны

Дервиш еще тайна не иссякла и пришел час исхода час царской неслышной отшественницы Агамы

Дервиш была Фальфья овца коза была Фальфья змея была Фальфья рысь и теперь ты спи мертво три дня и усмирятся раны а Фальфья бесшумно нежно навек уходит древней святой буддийской храмовой ящерицей агамой уползает

Тут вязкий утробный бред мак кукнор-анаша блажь дым сон находит на меня и я лечу бадьей в колодезь сна без дна как сосунок новорожденный верблюд летит с огромного кызылкумского сыпучего кипучего падучего бархана

Фальфья Урря останься со мной навек! я проснусь через три дня и мы никогда не расстанемся до саванов кафанов мусульманских прекрасных вместе! разом разом разом

Фальфья и мы полетим вместе спеленуто в замогильных коконах-саванах

Дервиш возлюбленный мой! теперь и ты знаешь древнюю тайну степной любви овцы змея рыси агама

Дервиш и пока ты алчно мертво спишь я сорву десять молодых ширазских белых роз с кровавыми шишами и уйду навек к шатрам тюменям блаженного Хакана Чингисхана

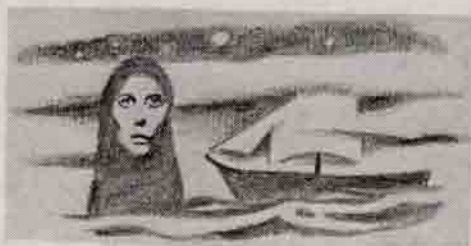
Прощай возлюбленный блаженный дервиш-Хакан
Прощай Фальфия овца коза змея гюрза рысь агама...

Айхххффайя!.. Фййа!..

...И тогда вспомнил опустошенный сиротский дервиш свою кроткую возлюбленную Лейли которая (и слава Аллаху!) не знала великой тайны любви и потому не уходила вспять к шатрам бессмертного Хакана Чингисхана...

Лейли! Где ты?..

**Рисунки
БОРИСА СОПИНА**

81

Ночная лодья

...В весеннем городе моем ночь и дождь несметный а крыша кибитки моей мазанки глиняной робкая кривая и вот вот не устоит потечет поплывет она и пропустит ливень на бедные утлые постели мои где спим мы с матушкой моей Кампир Людмилой

Сынок сынок ты слышишь река у кибитки нашей вспухла разрослась восстала река река и ливень промывает проламывает крышу которую давно мы забыли поправить починить к весне и она худая как древняя плоть персть моя а река раздулась и она лижет грабит берега и дома и кибитку нашу одинокую окраинную а в городе родном нашем Душанбе царит гражданская

война братская бойня резня и пули близкие чрез дождь летят и находят обреченных человекoв

Матушка спите

Матушка ливень не победит не промоет крышу

Матушка так сладко далеко колыбельно утробно в обломный ливень спится мнится ворожится

В ливень душа человеческая по струям восходит к небесам вечным

Сынок сынок ты слышишь — там голоса там на ночной глиняной несметной курчавой безумной реке голоса слышатся глухие но их язык древний первобытный забытый доарамейский

Сынок это за мной! это ночная ладья ночная святая золотая галера на реке глиняной томится воздымается где несутся стремнины хляби хребты горы водяные рассыпчатые бездонно глиняные первобытные

Сынок ты слышишь как бьют весла по водам густым смоляным глиняным

Такая вешняя река сносит потопляет кишлаки прибрежные и спящие в жарких одеялах становятся утопленниками глиняными ледяными и такая река забивает душной смертной глиной жабры и рты форелей и они выбрасываются умирать на берег где рыбарей насмерть унесло смыло

Сынок такая река приносит однажды ночную золотую ладью

Сынок слышишь — весла плещутся бьются о волны безысходные

Это за мной

Господь но я уже давно готова а твоя золотая ладья пришла только сегодня

Сынок вот видишь я приготовила смертное последнее свое белье богоугодное богомольное заупокойное загробное

Господь!.. Сынок!.. Смертное саванное гробное белье мое уже давно тайком от тебя приготовлено

И она вынимает из-под подушки старенькую белоснежную долгую рубаху

Сынок!.. Рубаха гробная ветхая как плоть моя!.. Господь!.. Сынок пойдем из кибитки к золотой ладье! скорей! а то она уйдет по реке

А то река уйдет в берега и обмелеет и галера схлынет сбежит по реке обмелевшей

Сынок возьми мой золотой нательный крестик а я простой оловянный взамен надену

Там в тех краях золото не ходит не ценится...

И она снимает с шеи золотой крестик и протягивает его мне и надевает вместо него припрятанный оловянный крестик последний

Сынок бежим спешим из кибитки а не то уйдет моя ладья

золотая святая милая загробная заупокойная галера

Сынок слышишь как нетерпеливо бьют весла у нашей текущей в глиняных волнах струях бедной грушевой кривой двери...

Она забыла вставные зубы свои в стакане с родниковой водой и потому шепчет пустынным нищим ртом и я рыдаю но в ливень нет слез...

Матушка родимая спите... сон это от ливня от реки глиняной... это сон вам ливень и река глиняная бушующая сон сон навевают нашептывают

Нет никакой на реке ночной ладьи галеры

Наденьте матушка вспять ваш золотой крестик похороните до поры далекой под подушкой ваше белье тщетно смертное...

Сын быстрей... отвори дверь... проводи меня к ладье пока река не обмелела не вернулась в тошные брега брега брега

Я улыбаюсь и отворяю дверь и речная сырая глиняная свежесть из ночи из реки близкой близкой разъяренной веет веет веет

Ай как свежо! как хорошо! как пахнет травами и деревьями заповедными и чашковым боярышником в ливнепряно пьяно духмяно расцветшем!..

Почему-то я вспоминаю древнее изречение: «В назначенный час высыхает и дерево растущее в воде...» А моя кибитка вся в ливне и вся в близкой бушующей реке

Сын пусти меня к реке к ладье...

Прямо у кибитки на неистовой реке во тьме стоит золотится колеблется древняя ладья многовесельная галера трирема

И двадцать гребцов яро туго бьют вспять всласть хлещут веслами по реке чтоб галеру удержать у кибитки

И не дать ей навек сползти уйти по реке

Сын пусти меня

Она тщится пройти за мной но я не пускаю ее из кибитки к реке к ладье

Какой-то темный гортанный муж в ливне в длинном мокром блестящем хитоне плаще что ли стоит на высокой шаткой корме и гортанно кричит на древнем нечеловеческом птичьим языке

Харон что ли перевозчик мертвых с золотой ветвью персефонских роц но Харон течет лишь в подземных реках а не в земных да и Харон стар а этот яро млад

Анубис что ли загробный повелитель шакал древних египтян но где его ознобный оскал

Но он хозяин ладьи

Сынок пусти меня к реке к ладье

Но я не пускаю ее

Тогда хозяин Харон-Анубис пряча от меня лицо в хитон нежданно гортанно хрипло от речного ветра устало кричит на русском языке:

— Пусти ее... Срок ладьи пришел... Когда еще случится такой ливень и так вздуется вознесется эта малая река чтоб пропустить ладью мою дальнюю уйюююю!

Ай дервиш если бы ты знал из каких мы гребем течем земель и вод

Уйёёооо!..

А сегодня мы подбираем и живых кому суждено стать усопшими и мертвых которых из давних мелких могил водою восставшей вынесло понесло...

Сын пусти меня сынок... оооо...

Дервиш пусти ее... Видишь — ливень стихает... волна падает... нам надо уходить... Слышишь — весла наши уже бьют по камням а не по волнам!.. Ай самое печальное в мире сем — это когда весла бьют по камням по речным валунам... когда пришел срок а человек не хочет умирать!.. Дервиш отдай нам ее... Когда теперь будет такой дождь? когда будет на реке ладья? и она мать будет маяться каяться и ждать?

Матушка! я знаю про срок про ладью!

Но!.. Ай Господь... бери взамен меня!..

Матушка я не отдам тебя тебя тебя тебя не отдам не отдам

Так страшно мне вернуться в пустынную кибитку и увидеть пустынную твою опустелую еще тепло хранящую измятую неубранную постель где никогда! уже!.. не будет!.. нет!.. родимая!.. тебя!..

Господь! Владыка всех миров! не может быть чтобы любовь земная скоротечной матери и мимолетного сына не имела продолженья звездноевечного веселья в небесах в иных мирах

Господь! не можешь Ты таить такую казнь!

Река опала

Река вернулась в берега

Ладья златистая ушла и по волнам и по камням

Матушка в гробной жемчужной рубахе! так хладно сыро смертно! так свежо на берегу стоять...

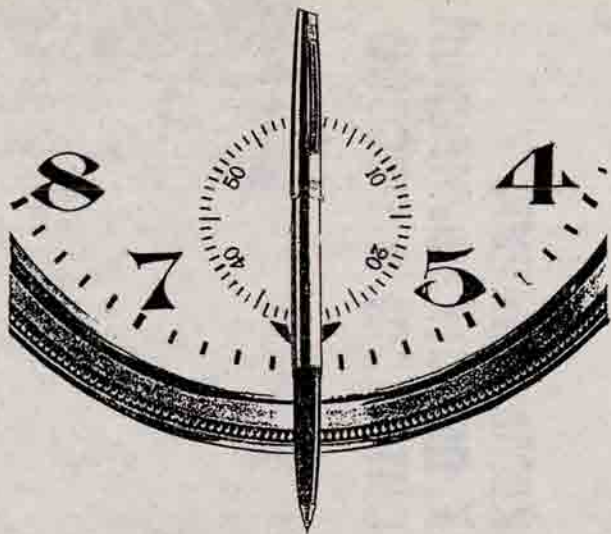
И я обнимаю ее за рыдающие блаженные опавшие дивные плечи

Гляди — ливень иссяк и река опала и ладья ушла

Пойдем спать...

...И вот ливень ушел и пришла варзобская летняя ночь...

ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

Реклама в «СМЕНЕ» —

ВАШ

ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ УСПЕХ!

Вашу рекламу увидят миллионы в нашей стране и за рубежом. Каждый номер наши читатели не только передают из рук в руки, но и бережно хранят.

Ярко, выразительно оформленная
талантливыми художниками,

реклама в «СМЕНЕ»

ВЫГОДНА И НАДЕЖНА.

Об условиях вы можете узнать, написав по адресу:

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14,

редакция журнала «Смена» или позвонив по телефонам: 250-49-98, 212-15-07.

Редакция приглашает к сотрудничеству рекламных агентов.

ЭЖО

**КОММЕНТАРИИ
К ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ В РОССИИ**

**ВИКТОР
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,**

кандидат экономических наук

Фото ВЛАДИМИРА СЕМИНА

Точка отсчета

В последние месяцы 1991 года в России началось вымирание населения: число смертей стало больше числа рождений. В 1992 году естественная убыль составила 207 тысяч человек (родилось 1 миллион 598 тысяч детей, умерло 1 миллион 805 тысяч человек). Это, безусловно, стало сенсацией, многократно использованной и обыгранной средствами массовой информации. При этом сам прискорбный этот факт нередко трактовался как прямое следствие перестройки и последующих реформ, использовался в политической борьбе.

Между тем демографы еще в шестидесятые годы знали, что будет именно так. И настойчиво предупреждали об этом и руководство страны (тогда СССР), и общественность. Но «вверху» — не слышали. В определенном смысле население России стало «вымирать» с середины шестидесятых — в том смысле, что число рождающихся детей стало недостаточным для простого воспроизводства населения, то есть для количественного замещения родительского поколения. А в 1969—1970 годах на смену 1000 человек родительского поколения приходило уже всего 934 «заместителя», а у горожан — лишь 816. Падение показателей воспроизводства продолжалось все семидесятые годы. В 1980 году на смену 1000 родителей приходило всего 878 их «заместителей», в городе — 783.

Однако это плачевное положение камуфлировалось все еще значительным естественным приростом. В критическом 1981 году он составил 5,1 человека на 1000 жителей.

Что за парадокс? Как это может быть — естественный прирост на-

селения при его суженном воспроизводстве?

Дело в том, что рождающиеся дети замещают родителей только в структуре населения — родители стареют, а дети взрослеют и перемещаются на их место. А количественно они замещают предшествующие поколения.

В последние десятилетия средний возраст матери в момент родов — около 26 лет. Когда родится девочка, ее бабушке в среднем чуть за 50, прабабушке — около 80. Именно прабабушек главным образом и замещают количественно рождающиеся девочки.

А пожилых и старых людей в нашем населении все еще было относительно мало, в 1959 году только 9% жителей страны были старше 60 лет. Поэтому общий коэффициент смертности (число умерших на 1000 жителей) был небольшим, и прирост мог быть и при очень низкой рождаемости. Однако население быстро старело. И не из-за увеличения средней продолжительности жизни, но из-за низкой рождаемости. А общий коэффициент смертности рос (при очень небольших колебаниях действительной смертности, которая точнее всего характеризуется именно средней продолжительностью жизни, сравнительно мало менявшейся с конца пятидесятых годов).

Вот почему нынешняя убыль населения России — прямое и неизбежное следствие того, что случилось с ее населением в шестидесятые годы, а не результат нынешнего острого социально-экономического кризиса, как это нередко — по незнанию или злонамеренно — представляли в последнее время в средствах массовой информации. Хотя этот кризис влияет, конечно, на демографическую ситуацию. Словом, сегодня Россия находится на ниспадающей

стороне демографической волны...

Демографические волны...

...это — чередование относительно многолюдных и относительно малолюдных поколений, закономерные перепады в числах рождений между годами. Это явление нашего столетия, преимущественно последних десятилетий, когда рождения резко сдвинулись в младшие возрасты.

Если в 30-е годы почти половина детей рождалась у матерей старше 30 лет, то в последние десятилетия — всего 1/5. Число рождений теперь определяет именно молодёжь, молодая семья. Поэтому единоразовый образовавшийся провал повторяется, воспроизводится. А если при этом еще падает рождаемость (то есть интенсивность рождений, среднее число детей у женщины), то очередной провал будет глубже предыдущего. Именно это и происходит в России нынче.

Конечно же, война нанесла населению России страшный удар. Дело не только в миллионах погибших на фронтах, но и в громадном «недороде» в годы войны и вскоре после нее. Довоенная численность населения была достигнута только в 1955 году. Наименьшее число рождений было в 1943 году. В пятидесятые годы числа рождений менялись мало: ежегодно появлялось на свет 2,7 — 2,8 миллиона детей (только в 1954—1955-м — «оттепель» — по 2,9 миллиона). А в шестидесятые — стремительное падение. В 1960-м родилось 2 миллиона 782 тысячи детей, а в 1968-м — всего 1 миллион 816 тысяч, то есть на 35 процентов меньше. Затем число рождений стало медленно расти, но никогда уже не достигало уровня 1960 года: пик был в 1987 году, он составил 2 миллиона 500 тысяч (при этом на 282

тысячи меньше, чем в 1960 году). А затем стремительный спад — до 1598 тысяч в 1992 году, то есть на 36 процентов за пять лет.

Вот они — демографические волны: долгий медленный рост ежегодных чисел рождений и быстрый спад, снова последующий рост и так далее...

Глубокий демографический провал шестидесятых годов часто считают следствием только лишь военного недорода и называют его «эхо войны», а нынешний провал — «эхо эха войны». Но насколько такой выразительный эпитет справедлив?

В 1958—1959 годах так называемый суммарный коэффициент рождаемости, то есть среднее число детей, которое родит женщина к 50 годам, был равен 2,615, а в 1969—1970-м — 1,992. Другими словами, тысяча женщин родила бы соответственно 2615 и 1992 ребенка. Демографические расчеты показывают, что на малочисленность «военного» поколения приходится всего 40 процентов снижения числа рождений в шестидесятые годы. Основной «составляющей» этого падения стало снижение рождаемости, то есть интенсивности рождений, числа детей у средней женщины.

Как видим, «эхо войны» тут было не главным...

Кстати сказать, неминуемое влияние малочисленности военного поколения на будущую демографическую ситуацию для демографов в 50-е годы было вполне очевидным. А вот громадного, «обвального» снижения рождаемости никто, насколько мне известно, не предвидел. Официальный демографический прогноз Центрального Статистического Управления (ЦСУ СССР), сделанный после переписи 1959 года, был глубоко ошибочным. По нему,

в частности, численность населения Советского Союза в 1980 году должна была составить 280 миллионов человек. Фактически оказалось 266,6 миллиона. Другими словами, официально предсказывалось самое что ни на есть светлое демографическое будущее страны. Ошибочность этого прогноза была ясна уже тридцать лет назад, однако руководство ЦСУ СССР упорно отстаивало его доброкачественность, внося лишь мелкие поправки.

Думаю, что этот прогноз был одной из главных причин ошибочной демографической политики и, следовательно, углубил тогдашний демографический провал.

С грифом «секретно»

Один по крайней мере урок из этой истории руководство ЦСУ все же извлекло: следующий, после переписи 1970 года, прогноз (до конца столетия) был уже секретным.

Но «слухами земля полнится». Когда я узнал, что на двухтысячный год предполагается (кстати, после корректировки в сторону снижения) 338 миллионов человек, была у меня беседа с неким госслужащим, причастным к данному демографическому прогнозу. Я поинтересовался, каким образом получена официальная цифра. Ответ был таким: а очень просто — там, где рождаемость высокая, ее сохранили до конца столетия, а там, где низкая, немного повысили. Тогда я спросил: а почему, собственно, повысили, если известно, что она повсюду падает. Ответ меня попросту обезоружил. «А вы что же, думаете, что чем ближе к коммунизму, тем хуже будет?» Этот прогноз оказался куда ошибочнее, чем предыдущий, но грифом «секретно» он был от критики защищен.

Кстати, все «личные», частные прогнозы, достаточно близкие друг другу, предполагали, что население Советского Союза в 2000 году составит около 300 миллионов человек. Похоже, так и будет. Однако публиковать их было трудно, а в некоторые годы и невозможно. (Однажды, в 1972 году, мой прогноз «проскочил», а следующий раз редактор мне сообщил, что цензор получил новую инструкцию, по которой публикация частных, неофициальных прогнозов запрещена...)

Итак, демографический провал шестидесятых был вызван главным образом снижением интенсивности рождений именно в эти годы, а не малочисленностью военного поколения. А как с нынешним, начавшимся с 1988 года? Здесь просматривается связь как с уменьшением численности женщин, находящихся в возрасте наивысшей рождаемости (20—29 лет), так и со снижением рождаемости. Если суммарный коэффициент рождаемости в 1987 году был равен 2,219, то в 1990-м — 1,895. Выходит, он, этот коэффициент, опустился практически до уровня 1980—1981 годов (1,875), то есть до того, как началось стимулирование рождаемости. В целом же кривая численности рождений при нынешнем провале почти точно повторяет кривую спада шестидесятых, но на более низком уровне: в 1987 году родилось на 283 тысячи детей меньше, чем в 1960-м, в 1992-м, — на 393 тысячи меньше, чем в 1965 году. Расстояние в 27 лет взято здесь потому, что примерно таков средний возраст матерей в момент родов в последние десятилетия. Нижняя точка нынешнего спада, если не случится чего-то чрезвычайного, придется на середину девяностых годов, вероятнее всего — на 1995-й...

Нынешнюю демографическую ситуацию определяет молодая семья. В отличие от недавнего прошлого детей в семье теперь обычно не столько, сколько Бог пошлет, а столько, сколько пожелают родители, и появляются они тогда, когда это «удобно» родителям.

Посмотрим, что произошло и происходит в любовно-брачно-семейной сфере, важной не только и не столько с точки зрения воспроизводства населения, но и потому, что с этой сферой связана теснейшим образом вся эмоциональная жизнь человека, его удовлетворенность (или, напротив, неудовлетворенность) жизнью в целом.

Нравы

Еще недавно в России господствовала «двойная» сексуальная мораль: относительно либеральная для мужчин, но весьма строгая для женщин. В частности, не допускалась добрачная половая жизнь женщин — в первый брак невеста должна была вступать девушкой (в прямом физиологическом смысле). Редкие отклонения от общепринятого карались куда как строго.

Постепенно нравы менялись. Сильнейший удар нанесла им война. Особенно гибель миллионов мужей и потенциальных женихов. При переписи 1959 года на каждые 100 женщин, родившихся в 1919—1923 годах, пришлось всего 63 их сверстника. Но дело не только в этом. Война расшатывает мораль. Помните, самой частой поговоркой военных лет была «война все спишет».

Хранительницей традиционной морали всегда считалась деревня. Но ежегодно миллионы сельских жителей, главным образом молодежь, переселялись в города. В 1926 году в городах проживало

18 человек из 100 жителей России, а теперь — 74. В большом городе нет присущего деревне и малому городу жесткого персонального социального контроля. Резко ослаблено влияние на молодежь родительской семьи, особенно если молодые люди живут отдельно от нее. При стирании пресловутой «границы» между городом и деревней происходит разрушение или по крайней мере существенная деформация моральных установок личности: вчерашние сельские подростки обычно селятся в общежитиях, где тон, как правило, задают наиболее «эмансипированные» личности.

По всем этим и, вероятно, многим другим причинам нынешнее сексуальное поведение молодых городских женщин разительно отличается от традиционного — хоть сельского, хоть городского.

Более десяти лет назад в миллионном уральском городе Перми было проведено уникальное для нашей страны обследование: учли всех забеременевших за год, ранее не рожавших женщин и проследили исходы их беременностей. На каждую тысячу забеременевших пришлось: аборт — 272; рождений вне брака — 140; рождений в первые месяцы брака — 271; рождений детей, зачатых после заключения брака, — 317.

По всем публикуемым демографическим данным Пермь — типичный для европейской части страны крупный город. Поэтому можно уверенно утверждать, что сексуальное поведение тамошних молодых женщин типично для горожанок России.

Приведенные здесь данные неоспоримо свидетельствуют о том, что подавляющее большинство городских жительниц ведет активную половую жизнь до брака. Если даже предположить, что все 317, забеременевших после заклю-

чения брака, вступили в него де-вственницами (для чего никаких оснований нет), то и тогда получится, что до брака половой жизнью жили более двух третей.

Некто среднего рода

Громадные перемены в сексуальном поведении молодежи достаточно хорошо известны и на бытовом уровне. Однако официально они замалчивались; типичное выдавалось за отдельные случаи; процветало ханжество; кино было «бесполом»; не было элементарного сексуального просвещения... Характерно, что в течение долгих лет в СССР было запрещено издание сугубо научной книги Игоря Кона «Сексология». Любопытно, что книги по сексопатологии в те же самые годы издавались — излагать патологию, то есть отклонения от нормы, было можно (хотя тоже трудно), а норму — нет. Как-то «Литературная газета» опубликовала интереснейшую статью известного социолога о возможностях электронной техники в подборе брачных пар. Газета «Правда» немедленно опубликовала «реплику» заместителя главного редактора: «Сваты электронной свахи», — после которой эта тема многие годы не появлялась в печати вообще.

Разумеется, запреты не могли предотвратить перемен в реальном сексуальном поведении молодежи. Многие понимали неизбежность этих перемен. Сужу об этом по письмам читателей.

«Строгая мораль для женщин устарела лет двадцать назад. Зачем же цепляться за нее сегодня? Я не сторонница ранних браков и тем более сверххранних: в юном возрасте человеку легко ошибиться. Однако убеждена, что, прежде чем вступить в брак (а тем более обзавестись детьми), молодые

люди должны проверить свою любовь совместной жизнью... Я за то, чтобы для вступающих в брак установить своего рода кандидатский стаж... Брак регистрировать через год совместной жизни или более, по достижении 18-летнего возраста. Если за это время у молодых рождается ребенок (или может родиться), а брак не заключен, потому что кто-то из них возражает, отец должен платить алименты... Ничего страшного, если это будут школьники...» («Неделя», 1988, № 43).

Важно, что это мнение педагога, который, думаю, достаточно хорошо знает и нынешнюю реальную половую мораль, и реальное сексуальное поведение молодежи. Разумеется, между реальным поведением и моралью должно быть определенное соответствие. Теперь общественное мнение относится к разного рода событиям в этой области куда мягче, чем раньше, хотя перемены в реальном поведении идут впереди сознания. Фактически у нас тоже, как и на Западе, произошла сексуальная революция. Но она развивалась как бы нелегально, подпольно. А это привело к громадным издержкам, весьма болезненным для отдельных людей, семей и общества в целом.

Из приведенных данных по Перми невооруженным глазом видна чрезвычайно низкая культура сексуальных отношений. Громадное число нежеланных беременностей, от значительной части которых избавляются абортными (при первой беременности чреватых, в частности, бесплодием). Очень велико число рождений вне брака. Среди этих матерей-одиночек преобладают молоденькие женщины, которые завели ребенка не потому, что у них исчезла надежда на брак или они тем более противники замужества, а потому, что «попались».

А браки, «стимулированные беременностью невесты» (или, по-народному, «брак вдогонку») — это неизбежность массовых разводов, распадов молодых семей.

По сравнению с недавним прошлым резко уменьшилась роль родителей в подборе брачных пар, возросла неоднородность браков. Имею в виду браки лиц разных национальностей, вероисповеданий, разных культур, уровней образования, воспитания... Это, безусловно, увеличивает вероятность разногласий и конфликтов в семейной жизни: например, городская по происхождению и воспитанию женщина стремится, как правило, к социальному равенству супругов в семейной жизни, а сельские по происхождению мужчины склонны к патриархальным порядкам в семье.

Народная мудрость советует «искать жену не в хороводе, а в огороде», то есть в первую очередь принимать во внимание ее трудовые качества. То же, конечно, не в меньшей степени относится и к будущему мужу. Теперь же, как показывают специальные исследования (да и на бытовом уровне это хорошо известно), брачные пары подбираются преимущественно «в хороводе», то есть в обстановке досуга, отдыха, праздника. И первоначальное знакомство, и последующие предбрачные отношения в облегченной, праздничной обстановке часто не позволяют будущим супругам познакомиться с теми чертами друг друга, которые могут оказаться наиболее важными в будущей будничной семейной жизни.

Жизнь и распад молодой семьи

Почему нынешняя молодая российская семья не может обеспе-

чить даже простого воспроизводства населения?

Ответ на этот кардинальный вопрос нужно, видимо, искать в свойствах самой семьи, с одной стороны, в условиях ее жизни — с другой. Встречающийся иногда ответ в том смысле, что дело в переходе к иному, новому, современному типу воспроизводства, на самом деле ничего не объясняет. Надо ведь объяснить, почему именно к этому типу, а также почему именно к такому уровню воспроизводства. Ведь при низком — сравнительно с традиционным — уровне рождаемости воспроизводство может быть как суженным, так и расширенным.

Есть, конечно, ответ на уровне обыденного сознания, житейского здравого смысла: рождаемость так низка из-за низкого уровня жизни. Повысь этот уровень — увеличится и рождаемость. С такими утверждениями я знаком давно, прочитал по этому поводу сотни писем. «Была бы у меня квартира просторнее — и детей было бы больше». «Была бы зарплата выше — еще ребенка завела бы».

Если бы дело обстояло именно так, то рождаемость, вероятно, была бы самой высокой в экономически развитых странах Запада. На самом же деле в подавляющем большинстве стран Европы демографическая ситуация не лучше нашей. Странников такого «правдоподобного» взгляда на связь уровня жизни и рождаемости я попросил бы объяснить, почему рождаемость наиболее высока в странах «третьего мира», особенно в Африке.

Да и у нас: самая низкая рождаемость была в Латвии и Эстонии, где уровень жизни был заметно выше среднесоюзного, а самая высокая — в Средней Азии, самой экономически неблагополучной

части бывшего Союза, с крайне низким, даже по советским критериям, уровнем жизни народа. А в России крайне низкий уровень рождаемости был в Москве, которая, будучи «витриной» реального социализма, жила богаче страны.

Прямая связь уровня рождаемости с материальным уровнем жизни — миф. Это такая же ложная видимость, как, например, представление о вращении Солнца вокруг Земли (куда уж «очевиднее»).

Прежняя — совсем недавняя — высокая рождаемость перестала быть нужной семье. Прежде всего из-за резкого снижения смертности вообще, детской — в особенности. Ведь еще в 1940 году в среднем по Советскому Союзу из каждой тысячи новорожденных 182 не дожили до года. А в последние десятилетия до года умирали всего 20—25 из тысячи. По меркам развитых стран и это, конечно, много. Однако при уровне смертности последних десятилетий вероятность того, что немногочисленные дети или даже единственный ребенок умрет раньше родителей, невелика. А прежде это было обычным явлением. Снижение смертности освобождает от страха одинокой старости.

В недавнем прошлом дети были практически единственной надеждой на материально обеспеченную старость. Дети были кормильцами родителей на старости лет. Теперь эта функция перешла к государству, гарантирующему социальное обеспечение. Не нужно забывать, что современная пенсионная система, охватывающая практически всех лиц преклонного возраста, была создана в бывшем Советском Союзе только в 1956 году. Затраты на детей прежде были невелики. Ребенок, особенно в деревне, рано становился ценным помощником и сравнительно рано — полноценным работни-

ком. Теперь же дети остаются иждивенцами родителей в среднем лет до двадцати, причем затраты на них с возрастом резко увеличиваются.

Можно, вероятно, назвать немало других причин, по которым место детей в системе ценностей современного человека понизилось сравнительно с недавним прошлым. Именно детей (во множественном числе), а не ребенка. По специальным обследованиям, проведенным в крупнейших городах страны, примерно половина женщин хотела бы ограничиться одним ребенком, а вторая — двумя. И только несколько процентов согласны иметь по трое и больше детей. Именно так и происходит в демографической практике крупнейших городов. Современная молодая российская семья конфликтна, непрочна и малодетна.

О непрочности современной семьи лучше всего говорит статистика разводов: на 100 возникающих семей приходилось разводов: в 1960 году — 12, в 1975-м — 32, в 1990-м — 42.

Между нестабильностью и малодетностью семьи — тесная двусторонняя связь: непрочная семья снижает рождаемость, а низкая рождаемость увеличивает число распадающихся семей. У большинства разводящихся по одному ребенку, у многих детей нет. Распадаются главным образом молодые, начинающие брачные пары.

Но официальная статистика показывает не разводы, а получение свидетельств о разводе, что далеко не одно и то же. Подавляющее большинство разводящихся в суде получает эти свидетельства не сразу, а спустя несколько лет, когда это свидетельство потребуется — в связи с новым браком, жилищными делами или еще какими-либо нуждами. Кроме того, развод в суде происходит, как

правило, через несколько лет после фактического распада семьи. Поэтому, по официальной статистике, распадаются якобы преимущественно семьи с большим супружеским стажем, а на самом деле, по обследованиям, самые молодые: около трети — существовавшие менее года, еще около трети — от года до 5 лет. Как и все живое, семья слабее всего в момент рождения.

Нестабильность молодой семьи частично связана с тем, что происходило с супругами до брака, в частности с их добрачной сексуальной жизнью, «браками вдогонку», о чем шла речь раньше. А с другой стороны, с условиями жизни.

Российские женщины начинают активно вступать в брак с 18 лет, мужчины жениться — с 21 года. Средний возраст вступления в первый брак у мужчин: в 1979 году — 24,2 года; в 1989-м — 24,4; у женщин в обоих случаях — 21,8 года. Практически таким же был этот возраст и в конце прошлого века. В 1897 году: жениха — 24,2, невесты — 21,4 года.

Как видим, в первом браке жены моложе мужей в среднем на два с половиной года. В повторных браках — много больше. (Эта разница средних возрастов супругов вызывает серьезные диспропорции на брачном рынке: на восходящей стороне демографической волны не хватает женихов, на нисходящей — невест.)

Большинство современных начинающих семей испытывают большие материальные и жилищные трудности. Они, конечно, зависимы от семей родительских... В большинстве случаев оба молодых супруга работают или один работает, а другой учится с отрывом от производства (на дневных отделениях вузов и техникумов), бывают и чисто студенческие семьи (в последние годы, кстати, их

становилось все больше). Нередко один из супругов совмещает работу с вечерним или заочным образованием. Работа обоих супругов в наше время стала социальной нормой (раньше в городах это не было принято). И дело тут не только в том, что «на одну зарплату не проживешь». Как показывают специальные обследования, очень многие женщины ценят работу саму по себе и не согласны оставить ее при условии, что заработок мужа будет увеличен на размер их зарплаты — работа в советском обществе стала «самоценностью».

Не занятая вне семьи молодая женщина чувствовала себя, как правило, обделенной, ущемленной. Это, несомненно, было связано с особенностями нашего общества, в котором практически не было общественной жизни вне работы. В большинстве случаев только там женщина могла проявить себя и реализовать свои внесемейные интересы — работа делала ее жизнь более полной, насыщенной, интересной. С другой стороны, это вызывало у многих молодых жен «трудовую перегрузку»: затраты времени и сил становились чрезмерными, что нередко и лежало в основе внутрисемейных конфликтов.

Плата за брак

Пока молодая женщина живет в родительской семье, за спиной мамы, она мало времени и сил отдает домашнему труду. Сам выход замуж означает громадное увеличение ее бытовых нагрузок. Изучение бюджетов времени в типичном большом промышленном городе России — Таганроге (семидесятые годы) показало, что женщины, не состоящие в браке и живущие с родственниками, тратили на домашний труд 10 часов 30 ми-

нут в неделю, а молодые жены, не имеющие детей, — 25 часов 50 минут. Пятнадцать часов дополнительного труда в неделю — это «плата за брак».

Второй скачок в домашних нагрузках происходит при появлении ребенка. Мать несовершеннолетних детей в простых семьях (то есть без «помогающих» мам или других членов сложной семьи) тратила на домашние дела 35 часов 45 минут в неделю.

Таким образом, полная трудовая нагрузка матери несовершеннолетних детей в простой семье — около 77 часов в неделю (41 час на работе и 36 часов дома). Добавьте к этому дорогу на работу и обратно, обеденный перерыв — огромные труднопереносимые перегрузки.

У молодой женщины почти не остается свободного времени, которое она может потратить на себя — на отдых, развлечения, самообразование... Муж тратит времени на домашние дела, по тому же таганрогскому обследованию, примерно втрое меньше.

Советские женщины воспитывались в духе равноправия и стремились к социальному равенству, в том числе и в собственной семье. И многого на этом пути достигли. Типичной стала не патриархальная (с непререкаемым главенством мужа), а так называемая биархатная семья (би — два, архе — власть); теперь лидер семьи зачастую — женщина. Молодые женщины (в среднем) значительно образованнее мужчин. И в служебной иерархии женщины нередко занимают более высокое положение, чем их мужья, и зарабатывают больше. Все это, безусловно, несомненно с бывшим, несравнимо более низким, подчиненным положением женщины в семье. Но большинство молодых мужей хотя и тратят это бывшее неравенство сохра-

нить. А женщины, естественно, «бунтуют». (Характерно, что подавляющее большинство исков о разводе поступает от женщин.)

Далее, молодая семья у нас существенно дискриминирована в жилищном отношении: место человека в нескончаемых, многолетних жилищных очередях определялось главным образом стажем непрерывной работы в данной организации. А какой стаж молодых людей! Поэтому они попадали в хвост очереди. Нормальное, по понятиям своего времени, жилье семья получала обычно тогда, когда супругам далеко за тридцать, все дети уже родились, долгие годы прошли в разного рода эрзац-жилье: общежитиях, бараках, жилых вагончиках, балках... Или с родителями одного из супругов, причем между молодыми и «стариками» далеко не всегда складывались нормальные отношения. Одним словом, многие семьи лучшие свои годы живут в тесноте и обиде. И это, конечно, не добавляет семейным отношениям ни складу, ни ладу.

Как все это и, разумеется, многое другое (скудость доходов и долгая материальная зависимость от «стариков», отсутствие свободы в выборе мест проживания...) сказывается на рождаемости? Естественно, отрицательно.

Каждый новый ребенок в семье — это увеличение женских перегрузок, снижение материального уровня жизни, часто — ухудшение жилищных условий. Рожать первого ребенка не отказывается практически никто, второго — многие (в больших городах — каждая вторая женщина), третьего — большинство. Но ведь именно третий — «решающий». Демографическая ситуация в стране может стать нормальной только при преобладании в ней среднедетных (с тремя-четырьмя детьми) семей,

которые должны компенсировать «недород» бездетных и однопородных. Для простого воспроизводства населения при нынешнем уровне бесплодия, смертности и безбрачия нужно, чтобы на каждые 100 семей, могущих иметь детей, приходилось бы около 260 рождений.

Одна из главных причин массового нежелания женщин заводить второго ребенка — постоянно ощущаемая опасность развода и опасение неизбежных при этом трудностей с двумя детьми. И замуж повторно сложно выйти, и материальные трудности неизбежны.

И тут зловещую роль играет наше брачно-семейное законодательство, в частности алиментное. При разводах практически все дети остаются с матерями. На одного положены алименты в размере $\frac{1}{4}$ доходов супруга, на двух — $\frac{1}{3}$, на трех и более — $\frac{1}{2}$ доходов. Очень даже подумаешь, прежде чем завести второго ребенка, если впереди «маячит» развод. А многие ли так уж уверены в незыблемости своего брака, если вокруг постоянно рушатся семьи родных, друзей, знакомых. По официальной статистике, напомню, на 100 браков приходится более сорока разводов, а на самом деле распадается значительно большая доля семей.

...Демографическая ситуация была в России очень хорошей, близкой к оптимальной, во второй половине пятидесятых годов. Она стремительно ухудшилась в шестидесятые, а теперь мы пожинаем плоды того, что посеяли тогда.

Демографический провал тридцатилетней давности был в значительной мере углублен неграмотной «семейной политикой» или ее отсутствием, неверными решениями в других сферах жизни (особенно тяжело сказались так

называемое «вовлечение женщин в производство», когда дело доходило до того, что в квартиру приходил милиционер и спрашивал мать: «А вы почему не работаете?» — когда безоглядно боролись с так называемым «тунеядством»).

Возможно, демографический кризис шестидесятых был «первым звонком» кризиса советско-коммунистической системы в целом.

Что век грядущий нам готовит?

Конечно, «грядущие годы таятся во мгле»... Но для непредвзятого специалиста совершенно очевидно, что в оставшиеся годы нынешнего столетия будет неизбежно происходить естественная убыль населения России.

Сейчас годовые когорты, выходящие из возраста высокой рождаемости, многочисленнее когорт, вступающих в этот возраст. В 1963 году в России родилось 2 миллиона 332 тысячи детей. В 1993-м они достигли возраста 30 лет, после чего рождаемость резко снижается. А двадцатилетними стали те, кого при рождении (1973 год) было всего 1 миллион 995 тысяч. Число рожденных в 1992 году было почти на 400 тысяч меньше, чем за 27 лет до того. Сопоставляя численность годовых когорт, легко видеть, что при неизменности повозрастных коэффициентов рождаемости число ежегодных рождений будет падать. Однако трудно надеяться и на неизменность повозрастных коэффициентов; более вероятно, что и они снизятся. В таком случае ежегодная рождаемость станет еще меньше. Что же касается умерших, то их количество несомненно и неизбежно будет расти.

Причина — «старение» России из-за падения рождаемости. В оставшиеся годы этого века «стариков» у нас прибавится еще и потому, что границу шестидесятилетия пересекает многолюдное поколение, родившееся в тридцатые годы.

Сейчас Россия — одна из самых слабозаселенных стран мира: нас несоразмерно мало по сравнению с территорией. Средняя плотность — менее девяти человек на квадратный километр, в то время как во многих промышленно развитых странах Европы — сотни человек на квадратный километр (в Голландии, к примеру, — 450). Некоторые специалисты полагают, что малолюдные Сибирь и Дальний Восток могут стать огромной «воронкой», затягивающей южных соседей. (Впрочем, дальневосточники опасаются этого давно.)

Со многих точек зрения России был бы выгоден быстрый рост населения. Однако он невозможен. Как говорится, «не до жиру». Положение с естественным движением населения может улучшиться в начале следующего столетия, когда в возраст наивысшей рождаемости начнет входить относительно многолюдное поколение, рожденное в восьмидесятые годы. Но все же не следует строить чрепсур радужные прогнозы: ведь из-за постоянного старения России возрастет и ежегодное число смертей...

О возможностях демографической политики специалисты спорят. Одни считают, что они велики, другие полагают, что политика в этом деле беспомощна. Однако сравнительно недавний опыт показал, что ее возможности все же значительны. Суммарный коэффициент рождаемости в восьмидесятые годы поднялся на 16 процентов, и на короткое время был достигнут уровень простого воспроизводства населения. На ситуацию

повлияла именно демографическая политика: установление длительных частично оплачиваемых отпусков после родов, единовременные пособия, различные выплаты на содержание детей, предоставление государственных льгот малообеспеченным семьям...

Главным объектом будущей эффективной демографической политики должна стать молодая семья. Вполне возможно связать разного рода льготы с ее демографическим поведением. Например, выделять начинающей семье большие и выгодные кредиты на жилье и связывать возврат этих кредитов с появлением в них детей (снижать возвращаемую часть при рождении ребенка определенной очередности, дарить семье невыплаченную часть ссуды при рождении следующего и т. д.).

Нужно пересмотреть под углом зрения демографических нужд страны все брачно-семейное законодательство, а также законодательство в тех областях, которые существенно связаны с населением. Например, пенсионное. Советское пенсионное законодательство было явно направлено против рождаемости. По нему некоторые льготы имели женщины, родившие и воспитавшие пять и более детей (возможность выйти на пенсию на 5 лет раньше), а вот между одно- и четырехдетной никакой разницы. Между тем трех-четырёхдетной женщине «выработать» хорошую пенсию несравненно труднее, чем однодетной.

И крайне важно проводить демографическую экспертизу всех вновь принимаемых законов, если они могут оказать влияние на семью, рождаемость, воспитание подрастающих поколений, и крупных народнохозяйственных проектов (напомню, что, например, про-

екты переброски части стока сибирских рек в Центральную Азию с демографической точки зрения были совершенно неграмотны).

И тогда, возможно, следующего демографического провала, подобного провалам шестидесятых — девяностых годов, в России не будет. Неужто у нас не

найдется достаточно ума и практических возможностей, чтобы не допустить этого?!

А в сегодняшней демографической ситуации действительно ясно слышится эхо. Но не только эхо демографического провала 60-х годов. Это и горькое эхо государственной бездумности, лицемерия и обычного житейского вранья.

Дорогие друзья!

В № 6-м за прошлый год был объявлен конкурс на самое интересное письмо. Мы просили вас поделиться своими переживаниями, заботами, проблемами, которых в нашей жизни с каждым днем становится все больше, облегчить душу, а может быть, рассказать о событиях радостных — словом, вас не ограничивали в тематике.

По решению редколлегии и жюри в условия конкурса внесены приятные изменения: значительно увеличены денежные премии, а сам конкурс продлен на три месяца.

Итак, первое место в конкурсе «Письмо-93» занял П. В. Власкин из Саратова (№ 6—93). Он получает премию 30 тысяч рублей.

Условия конкурса предусматривали две вторых и три третьих премии, но, к сожалению, жюри сочло возможным присудить только одну вторую и две третьих премии. Занявшая второе место

Т. В. Андрушина из поселка Первомайский Смоленской области (№ 11—93) получает 25 тысяч, разделившие третье место В. И. Котляр из Москвы (№ 1—94) и З. И. Иваниди из Кривого Рога (№ 1—94) — по 20 тысяч рублей.

Поздравляем победителей и благодарим всех участников конкурса.

Ждем новых писем.

ИСТОРИЯ русской живописи

АЛЕКСАНДР БЕНУА

VI

Прежде чем перейти от Венецианова к Брюллову, нам нужно взглянуть еще на одну область живописи, которой мы до сих пор совершенно не касались, — на первые шаги нашего пейзажа.

Кое-что свежее было сделано в этой области даже до Венецианова, еще в XVIII веке. И это весьма естественно: как только стали возводиться великолепные дворцы, разбиваться роскошные сады и вырастать как по волшебству новые города, явилась потребность все это увековечить, от всего этого, как от самого лестного для самолюбия русского человека, иметь воспоминания, «портреты». Именно по той же причине, по которой с таким усердием выписывались иностранные портретисты (что и повело к расцвету собственной школы портретистов), выписывались с неменьшим усердием иностранные «портретисты местностей» — перспективисты и видописцы, под влиянием которых и среди доморощенного малерства стали проявляться вскоре первые проблески пейзажной живописи, но относящиеся сюда произведения сперва представляют собою не что иное, как просто архитектурные и топографические съемки, а затем только они, по мере того, как иностранные наставления глубже прививались, приобретают все большее техническое совершенство и все более художественный характер.

При Петре уже появляются первые виды Петербурга, сделан-

Продолжение. Начало в №№ 1—2.

ЛЯ ИСИ

К. П. БРЮЛЛОВ.
Портрет Ф. Персиани Таккинарди
в роли Амины
в опере В. Беллини
«Сомнамбула». 1834 г.

ные русскими художниками — Земцовым и Зубовым, свидетельствующие по крайней мере об известной выучке. При Елизавете выходит в свет целый, отличный атлас гравюр, изображающих виды Петербурга и окрестностей по рисункам Махаева, в которых замечается большой шаг вперед в художественно-научном отношении, прекрасное знание перспективы и умение выбрать удачную точку. А при Екатерине появляется несколько художников, совершенно сформированных, от которых и идет вся та скромная школа пейзажистов начала XIX века, которая оставила по себе немало милых памятников, не столько в картинах, сколько в акварелях, гравюрах, позже в литографиях.

Семен Щедрин обучался уже в новоучрежденной Академии, состоя учеником театрального декоратора Перезинотти, и был затем послан пенсионером за границу, к знаменитому Казанове. Почерпнул ли Щедрин что-либо от этого ловкого итальянца — мы не знаем, так как не имеем работ первого периода его деятельности, но скорее можно сказать, что нет, если судить по тому, что им было сделано при Павле (многочисленные виды загородных дворцов и «английских» парков), в которых видно только кое-какое ремесленное умение, слабое подражание иностранным пейзажам и лишь изредка робкое доискивание сентиментального настроения. Но произведения его в слишком большом количестве встречаются во всех дворцах, чтоб можно было умолчать о нем; с другой стороны, он для нас интересен уже как преподаватель Мартынова и своего племянника Сильвестра Щедрина — двух наилучших художников последующей эпохи.

102

Более свежим, нежели Щедрин, является Михаил Иванов, вернувшийся в Петербург из пенсионерства (учился он у Ле Прена и Хаккерта) еще в 1779 г., но поступивший в Академию преподавателем гораздо позже, впрочем, в лучшую пору своей деятельности, в 1800 г. Положим, несметное количество его акварелей, которые хранятся в Эрмитаже, показывает в нем лишь порядочного перспективиста, славно, чисто по-английски «мывшего» бумагу, недурно, хотя и шаблонно выбиравшего местности, но мы имеем свидетельства о том, что это был пылкий, горячий человек, вносивший большое воодушевление в свое преподавание, сильно оживлявший все русское художественное общество, а его участие в Теребеневских карикатурах, некоторые батальные картины и те прекрасные акварели позднейшего времени, вовсе не уступающие лучшим вещам Роландсона, которые хранятся у И. Е. Цветкова в Москве, отлично это подтверждают.

Федор Алексеев наряду с нашими большими портретистами XVIII века — один из наиболее интересных художников первого периода русской живописи. Большинство того, что от него осталось, как, например, акварельные виды Москвы в Эрмитаже и всякие его Кремли и Петербурги последних двадцати лет его жизни, относятся собственно ко времени полного упадка его творчества. Спутанный влиянием вошедшего в моду Гюбера Робера, он принялся шикарить, цеголять, — и совсем неуклюже, — вместо того, чтобы по-прежнему жирной и сочной кистью серьезно передавать натуру, а рисунок его стал дряблым и небрежным, колорит превратился в какую-то жесточайшую какофонию, состоящую исключительно из трех тонов: желтого, черного и синего. Но то, что им было сделано в первую половину его деятельности, под свежим впечатлением сильной и правдивой венецианской школы, так хорошо, что вполне можно согласиться с прозвищем русского Каналетто, данным ему современниками.

Никто из западных художников так не подходил к Бернардо Беллотто, как наш Алексеев; его копии с картин знаменитого венецианца в Румянцевском музее — Дрезденский Цвингер и какая-то перспектива — не будь его подписи, можно было бы принять за оригиналы, а его «Набережная» в Музее Александра III — вещь прямо изумительная, стоящая, по живописному своему мастерству, портрета Дениса Давыдова*. Какого-либо настроения искать в ней нечего: Петербург написан в тех самых горячих тонах с черноватыми тенями, которые были найдены Беллотто и в которых этот мастер писал решительно все — и площадь Св. Марка, и Варшавские дворцы; но эта самая сочность, горячность красок, их полное вкуса сопоставление и «жирная» техника сообщают этой картинке такое живописное очарование, что не приходится сожалеть об отсутствии в ней чего-либо более правдивого.

Так же хороши виды столиц и провинциальных городов, хранящиеся в Академии Художеств и в некоторых дворцах и писан-

* Позже, в 50-х годах, эта работа была атрибутирована как портрет Евграфа Васильевича Давыдова. (Прим. ред.)

ные им в 80-х и 90-х годах XVIII века, в которых еще не видно того неудачного подражания Роберу, но, наоборот, замечается большая самостоятельность в сравнении с прежними вещами. Алексеев, видимо, добивался в них освободиться от Беллоттовской черноты, видимо, желал передать серый, туманный воздух Петербурга, ближе подойти к правде, выразить, скромно и отрезвившись от чужеземного блеска, тоскливую прелесть северной столицы. Эти картины среднего периода, вероятно, подействовали более всего на формацию новых талантов: Галактионова, Максима Воробьева и Мартынова, которых всех, вместе с Алексеевым, можно справедливо называть поэтами Петербурга.

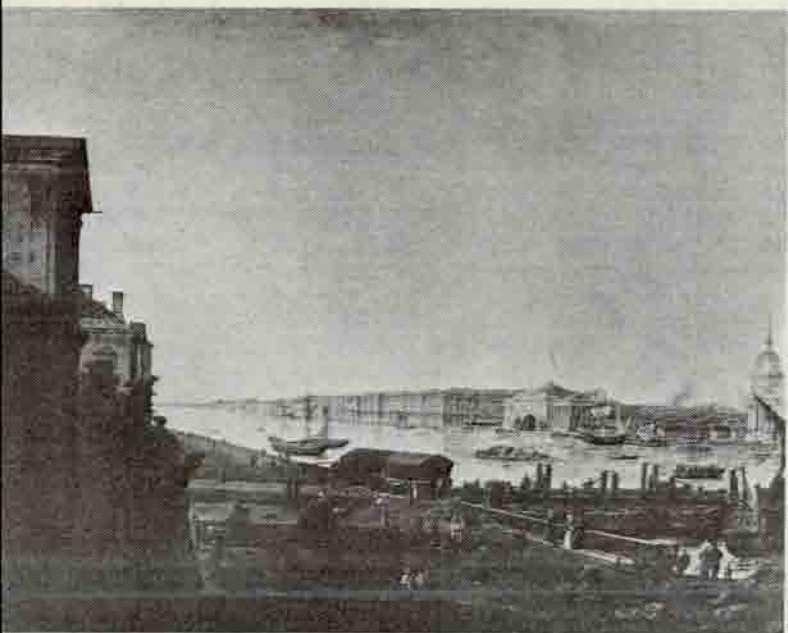
В 1799 г. был учрежден в Академии Художеств гравировальный класс, нарочно созданный для изготовления видов царских садов и дворцов в ответ на ту же потребность, которая вызвала в свое время появление Махаевских гравюр. Но работы художников, занимавшихся в этом классе, получили совсем другой характер, нежели тот бездушно-топографический, который был в Махаевских «проспектах», и это благодаря, с одной стороны, участию в преподавании таких свежих или почтенных художников, как М. Иванов, старший Щедрин и Алексеев, а с другой стороны, и потому, что в обществе изменился взгляд на самую природу. Сады при Екатерине II перестали быть расширенными до колоссальности гостиными с зелеными стенами и с зеркально укатанными дорожками; теперь появилась из Англии и в зависимости от проповеди Руссо новая мода — любить все простое, естественное, даже милую, хоть и жалкую, родную природу, и эта мода находила слишком живой отголосок в душе всякого, чтоб из моды не превратиться в действительное чувство. Уже работы Щедрина павловских времен отражали это веяние, в Иваново оно сказалось еще более, наконец лучший ученик гравировального класса Галактионов создал целое направление, отличающееся именно этим простодушным и задушевным характером.

Сам Галактионов был художник робкий и аккуратный, но его заслуга и состояла как раз в том, что он был робкий и аккуратный, не мудрствовал лукаво, не «шикарил», а внимательно присматривался к природе, переносил все, что видел, на бумагу, и при этом следует заметить, что он видел очень тонко, не упуская ничего характерного. Милы, и совершенно по Жан-Жаковски, уже все его первые виды: Марли и Монплезира, Павловска и Гатчины, где гуляют во фраках и чулках чувствительные кавалеры и в длинных, ампирных шлейфах мечтательные дамы; но вполне он высказался впоследствии, когда стал пользоваться литографией, которая привилась у нас тотчас же вслед за ее изобретением и которая допускала большую вольность в технике, и проще, свежее относиться к делу. В литографиях им изданы те очаровательные виды Петербурга, которые так верно, живо и поэтично передают всю странную прелесть этого мрачного города, тогда еще не искаженную тем безвкусицей, которым наделил его эклектический XIX век: низкие, широкие улицы, по которым движутся редкие прохожие, грохочут дрожки фельдъегеря или раздается топот курьера; среди этих пустынь великолепные соборы и дворцы; тоскливый парад на

▲ К. П. БРЮЛЛОВ. Портрет светлейшей княжны Е. П. Салтыковой. 1841 г.

▲ Ф. Я. АЛЕКСЕЕВ. Вид на Адмиралтейство и Дворцовую набережную. 1810-е гг.

С. Ф. ЩЕДРИН. В окрестностях Сорренто близ Каstellамаре. 1828 г. ▲

бесконечной площади Царицына луга, вид в тихий летний вечер с моста на реку и жиденькие дачные сады Островов.

На картинах Щедрина и М. Иванова фигуры служили только «стаффажем» для оживления; это не были настоящие люди, а вечно повторяющиеся куклы среди шаблонных декораций. У Алексеева они приобрели больше значения, но у Галактионова они играют чуть ли не главную роль в общем настроении. Пожалуй, в его петербургских видах самое интересное — обыватели, скромно проходящие перед зрителем, видимо, занятые своим делом, не позируя, точно снятые посредством идеальной фотографии, которая могла бы выбирать между существенным и несущественным.

Одного направления с Галактионовым — впрочем, старше его годами — другой поэт прежнего Петербурга, еще более скромный, даже неумелый, — Мартынов, который в своих ребячески нарисованных, но очень хорошо раскрашенных литографиях и чрезвычайно тонких акварелях является, пожалуй, еще более сердечным и непосредственным художником, нежели Галактионов. Очаровательно-правдиво передал он длинные ряды скучных, холодных домов, однообразно вымазанных охрой, тощие, но милые сады наших окрестностей (площадка Монплезира, с заходящим солнцем, играющим на легких всплесках залива), полные суровой поэзии берега Невы, с их громадами дворцов или с далеким Смольным, тающим в летнем вечернем воздухе. Мартынов, скромный, неумелый Мартынов, как никто, передал всю своеобразную красоту Петербурга, красоту его грандиозной казенщины, его охряных фасадов, бесконечных, вытянутых в линию улиц, его чахлах окрестностей, где среди полузаброшенных, жалких парков красуются вычурные дворцы; а лучше всего он передал всевозможные эффекты освещения и того особенного морского воздуха, которым Петербург может похвастать даже перед Голландией.

М. Н. Воробьев, почему-то более всего прославившийся своими видами Палестины и всякой заморской «живописности», ничего ровно не выражающими и очень неважно исполненными, в первую половину своей деятельности, до 1820-х годов, также преимущественно был занят Петербургом, но он уже не инстинктивно, как его учитель Алексеев и товарищ Галактионов, а прямо намеренно задавался известными поэтичными темами, в которых сказывалась его мягкая, восприимчивая к музыке душа и, быть может, влияние нарождавшегося тогда романтизма, от которого все вдруг как-то ожило, приобрело смысл и значение. Его петербургские закаты, восходы, лунные эффекты полны мечтательности, но для усиления настроения, вероятно, также в угоду требованиям преподаваемой в Академии красоты, многое прикрашено, приглажено, прифантазировано. Скромная прелесть Петербурга не удовлетворяла Воробьева, и он искал придать ей заимствованную с английских акватинт эффектность. В этом он удалялся от старших, правдивых и искренних художников и скорее уже тяготел к позднему поколению чисто академических пейзажистов, что и подтвердилось его последующей деятельностью, когда он, один из первых презрев родную

и знакомую природу, принялся разъезжать по всему свету, наскоро, как пустой турист, зачерчивая патентованную, но чужую и мало, второпях, прочувствованную красоту. К сожалению, пример Воробьева, чрезвычайно всеми одобренный, оказался заразительным, и ему последовали вскоре его ученики: братья Чернецовы, о которых мы говорили уже выше, москвич Рабус (не за границу, но в столь же чуждую страну — в Крым), позднее сын Воробьева Сократ, Фрикке и бесчисленная масса других.

Моложе Галактионова и Мартынова, но вполне близким им по духу был еще один художник — Александр Брюллов, брат Карла, впоследствии совсем посвятивший себя архитектуре, в молодые же свои годы не только писавший отличные портреты, но исполнивший еще целый ряд превосходных литографических и акварельных пейзажей, по большей части видов петербургских окрестностей. В мастерстве рисунка и техники он значительно даже превосходил обоих тех мастеров, но сумел при этом сохранить всю непосредственность своих наблюдений, не вдался ни в слащавость, ни в прикрашивание. Один из лучших его листов изображает гулянье на Елагином острове в тихий майский вечер; на нем особенно прелестны крошечные фигурки разряженной толпы, монотонно прогуливающейся среди жиденького пейзажика под звуки военного оркестра.

К этой же школе «петербургских» пейзажистов можно еще отнести архитектора Воронихина, старшего Бегтрова, Шифляра, вышеназванного Гампельна, Кабата. Тут же придется еще раз упомянуть об Угрюмове, оставившем немало бойко исполненных видов Петербурга, и факт этот, что он не гнушался таким делом и даже как будто увлекался им, опять подтверждает, наряду с его портретами, что это был душевный человек, обладавший живой художественной натурой.

Совершенно в другом роде, нежели все эти художники, был самый талантливый из пейзажистов первого периода русской живописи, и, наряду с Кипренским, вообще один из самых чудесных мастеров, которых дала Россия, — Сильвестр Шедрин, так и не вернувшийся из пенсионерской поездки, безнадежно заболевший в Сорренто и там же скончавшийся в полном цвете лет и таланта.

Шедрин не был поэтом в том смысле, в каком были Галактионов и Мартынов. Его вещи, сделанные им до поездки за границу, доказывают, что он и здесь, еще у себя дома, более увлекался «живописными» эффектами, нежели внутренним смыслом родной природы, но при этом нужно заметить, что его задачи все же не имели ничего общего с задачами, поставленными себе Воробьевской школой, и отнюдь не носили того питерескно-лавочного характера, которым отличались все ее представители.

Если про кого можно сказать, что он был в душе эллин, то это про Шедрина, и потому не следует сожалеть о том, что ему ничего другого не пришлось написать, кроме бесчисленно повторенных им видов Тиволи и Сорренто, так как лишь в этих классически-прекрасных местностях мог он найти настоящую для себя пищу. Где другие, являясь с предвзятой мыслью найти какое-то причесанное изящество и не находя его в гордой и чу-

жой природе, вылизывали, согласно изготовленному в Дрездене и Париже рецепту, свои пошлые подносные ведуты, там Щедрин взглянул прямо в глаза всей этой родственной почему-то его духу красоте и влюбился в нее, подобно тем голландцам, которые 200 лет тому назад жили приблизительно в тех же местах.

И влюбился он не во что-либо скрытое в этой красоте, не в тайное, «настроительное», а прямо во всю ее *внешность*: в нежные линии скал, в ритмичный плеск зеленого моря, в серебристое журчание каскадов, а главное — в солнце, божественное солнце, которое торжественно царит над всем и во всем, прихотливо играет в зелени, по дороге и на старых, облупившихся стенах домов. Влюбился Щедрин, взял широкую, точно Пейнакером или Ботом оставленную там палитру, схватил их сочные краски и гибкие кисти — и пошел списывать один этюд за другим, бодро и смело, наслаждаясь, как они, бесконечной прелестью этой чувственной и прекрасной, но вовсе не чувствительной и не болезненно-загадочной страны.

Умиряющего его выносили все на одно и то же место, к подножию приморских скал Сорренто, и он вдруг забывал здесь свое состояние, воспалялся при виде так ему полюбившейся местности и принимался в который раз писать все тот же мотив, но не дописывал его, а бросал на полдороге, сознавая, что не ему да и никому не передать всей мягкости и яркости тонов, всей прелести и грации линий. Изредка к нему заезжал какой-нибудь русский турист — и тогда для Щедрина начиналась пытка, так как патристический барин считал долгом поддержать русского художника и заказывал ему «окончить» один из таких горячих, страстных и непосредственных этюдов с природы. Скрепя сердце, привыкший по воспитанию повиноваться, принимаясь несчастный Щедрин «заделывать», «успокаивать» их, и при этой скучной, не по сердцу работе нередко доводил их, по требованию заказчика, почти до зализанности произведений модных видописцев.

Счастье Щедрина, что он не вернулся домой. Здесь, в бульжниках Финского залива, в серой, мелкой водице его, в тощих деревцах и жалких дачах побережья, он не сумел бы найти тайной их прелести: для него, наслаждавшегося всем своим существом Неаполем и Сорренто, она осталась бы сокрытой. Счастье, что он умер до того, не сбитый еще с пути; благодаря своей безвременной смерти, он избег несчетных терзаний, которых, к сожалению, не удалось избежать другому русскому художнику, как и он пламенно влюбленному в истинную красоту, — Иванову.

Щедрин, впрочем, не был «русским» художником, совершенно так же, как Пейнакер, Лар, Берхем и Бот не были «голландскими», но это не мешало ему, подобно им, быть превосходным художником, потому что не какой-либо мещанский вкус к хорошему и не потворство таким вкусам в публике говорили в нем, но глубокая и жгучая страсть северянина к югу.

VII

До сих пор мы не следовали общепринятой системе и лишь стороной касались основанной при Елизавете, в 1757 г., Акаде-

мии Художеств — и это совершенно естественно. Ведь нет смысла говорить в истории литературы о том, что, положим, имеет для нее значение, однако, чересчур крошечное и случайное, — о гимназиях, университетах и академиях. Никто никогда в истории литературы и не говорил о них. Так точно исследователям западной живописи обыкновенно не приходило в голову подробно исследовать историю художественных училищ, которые, как это давно признано, никакого, кроме иногда пагубного, влияния на ход искусства не имели, да и это-то пагубное влияние приобретали только после того, как уже налицо был *внутренний* упадок в самом искусстве, после того, как искусство, сбитое всевозможными обстоятельствами с истинного пути, в потемках искало поддержки и выхода.

Но что в истории западного искусства вполне естественно, то могло быть в истории русского искусства лишь неосновательным подражанием, приложением нектати чужого и невозможного способа. Существует же мнение, что *вне Академии* до появления Перова и московской школы у нас не было искусства. Однако в том-то и дело, что это мнение ошибочно: Академия сыграла, правда, очень важную роль в русской живописи, но лишь после того, как завладела по милости Брюллова и Бруни всеобщим сочувствием.

Разумеется, если считать Лосенко за его уморительных «Владимиров» и «Гекторов», Угрюмова за «Казань», нашего Пуссена — Шебуева, нашего Рафаэля — Егорова за хороших художников, тогда бы пришлось говорить и об Академии, как питомице их, как насадительнице у нас их «истинного» и «высокого» искусства. Но весь вопрос в том: возможно ли считать их за все то, что они дали, хорошими художниками? Раз по-настоящему, всем сердцем и всей душой любил живое искусство, живых мастеров, начиная с Джотто, Сандро и *настоящего* Рафаэля, кончая Ватто, Миллэ и Менцелем, то как же можно любить прямую противоположность дивного искусства этих мастеров, то, в чем нет ни жизни, ни чувства, ни темперамента! Разве интересны в литературе, разве играют какую-нибудь роль в ней гимназические сочинения, хотя бы о Пушкине и на пятерку, и университетские диссертации, хотя бы о Платоне и на золотую медаль, даже дельных и способных гимназистов и студентов? Разве допустима мысль, чтоб в душной и спертый атмосфере «класса», под розгой учителя или под давлением получиновичьих соображений, могло жить и действовать истинное чувство, истинная мысль? Если даже в миллионах мертвых диссертаций и вздорных сочинений и проглянула где-нибудь одна строчка живого слова, то неужели же для того, чтобы найти и отметить ее, нам, изучая литературу или философию, следовало бы пересмотреть весь этот океан ученических упражнений?

Положим, программ, исполненных для получения золотых медалей и званий, на заданные Академией Художеств темы, а также всевозможных заказов академическим художникам, гораздо меньше, нежели тех литературных упражнений, — но потому только, что их меньше, неужели полезно было бы их исследовать? И для чего же? Для того, чтобы в конце концов

▲ К. П. БРЮЛЛОВ. Две дамы и всадник у балкона. На сюжет романа А. Дюма. 1847 — 1849 гг.

К. П. БРЮЛЛОВ. Вирсавия. 1832 г. ▲

отметить, что у Лосенки славно вылеплена грудь и рука «Авеля», что Угрюмов очень энергично поставил своего Усмаря, что старик Иванов опрятно умел писать, и что в «Купце Иголкине» Шебуева характерна для времени (1812 г.) патриотическая тема, не без смелости сохранены желтые обшлага на синих мундирах шведских солдат и удачно лепится силуэт офицера на фоне мрачного заката? Неужели из-за таких крох стоит говорить обо всем этом море, меньшем, нежели океан гимназических и университетских сочинений, но таком же, как он, убийственном по скуке и мертвенности, и неужели по поводу этого говорить подробно о том парнике, в котором выросли столь чахлые цветы?

Когда думаешь о русском искусстве, то совсем не нужно, чтоб приходили на ум великолепное здание на Васильевском острове и все бывшие в нем премудрые заседания, вечная и фатальная их бестолочь, чтоб рисовались воображению схороненный в нем некрополь гипсов, мерцавшие когда-то кинкеты «натурного класса» и треуголки, шпаги и мундиры профессоров и учеников, так часто менявшие свой вид. Все это так же мало имеет значения для русской живописи, как конференции, распри, дразги и мундиры Российской де-Сианс Академии для того искусства, которое дало нам Крылова, Пушкина и Гоголя. Надо же раз навсегда решиться считать все, что происходило с основания Академии до появления Брюллова в ее стенах, простым историческим курьезом и помнить, что русская живопись XVIII и начала XIX века есть живопись Левицкого, Боровиковского, Венецианова, Орловского и Тропинина, вовсе не обучавшихся в Академии Художеств, живопись Щукина, Кипренского, Галактионова, Иванова, Мартынова и Алексеева, бывших в Академии, но не имевших с ее основным значением ничего общего, — а вовсе не Козлова, Пучинова, Лосенки, Акимова, Угрюмова, Егорова, Шебуева и массы других профессоров, академиков и «назначенных», к счастью, теперь навсегда забытых. Хотя многие из этих патентованных мастеров и носили в свое время данные им слишком старательными патриотами громкие прозвища русских Рафаэлей, Пуссенов и Гвидов и своим авторитетом мешали обществу обратить должное внимание на то истинно-художественное, что творилось тогда же более скромными мастерами, лишенными поддержки официальной эстетики, но сами по себе они были настолько скучны, вялы и мертвы, что можно было предвидеть, как ложь их искусства, эта пародия на искусство, скоро уничтожится, просто от худосочия, и, пожалуй, Венецианов втайне на это и рассчитывал.

Однако судьба готовила иное, и когда академическая скука достигла высших пределов, когда и молодое поколение художников, вроде Сухих и Басина, сулило на многие годы столь же безысходную тоску, тогда-то как раз оказалось, что «жив курилка»: зачахнувшая Академия выпустила, одного за другим, двух действительно своих птенцов, и столь великолепных, что все начинания Венецианова, завоевавшие себе в 20-х годах некоторую общественную симпатию, в один миг были забыты, и все наперерыв бросились кадить скончавшейся было старушке, кото-

рую теперь вынесли на своих плечах два дюжих и преданных ей силача: полунемец Брюллов и полуйтальянец Бруни.

Но нет ли противоречия в том, что *зачахнувшая* было Академия могла выпустить таких силачей? Не значит ли этот факт, что она вовсе не зачахла, и что в ней была мощь, пожалуй, даже огромная, но только скрытая до сей поры?

Противоречия, однако, в этом нет, и утвердительно на последний вопрос ответить невозможно: Академия и мощь — два слишком несовместимые понятия; но не подлежит спору, что самая идея Академии, в силу разных условий, приобрела в начале XIX века таких фанатиков, которые, если сами, по отсутствию в себе творческого дара, ничего решительного и яркого для возвеличения представляемого ими принципа не были в состоянии создать, то по крайней мере могли при крепости своих убеждений, при основательной своей выучке лучше втиснуть в это направление поступавших к ним в обучение юношей и утвердить их в нем, чем то делали их предшественники.

На смену прежним, благодушным и вялым профессорам, вроде Акимова и Угрюмова, позволявшим своим ученикам делать в сущности все, что им было угодно, доведшим подведомственное им заведение до крайних, но в известном смысле благотворных для истинного искусства пределов распущенности, явились теперь Шебуев, Егоров и Андрей Иванов*, из которых оба первые, побывав за границей, третий же понаслышке, *крепко уверовали* в суровое классическое учение Давида, достигшее в их молодости высшей точки своего энтузиазма, и, уверовав в него, признали всю академическую систему за лучшую и единственную, так как действительно она лишь была в состоянии душисть, сковывать в людях, с младенческих еще лет, все их «беспорядочные» порывы, всякое самостоятельное движение души.

Но этого было еще мало. Ученикам, вышедшим во всякое другое время из-под такой черствой и жесткой ферулы, представлялось бы, сообразно их дарованиям, два пути: или продолжать безнадежно тупое дело своих учителей, или, благодаря Божьему дару (имевшемуся и у Брюллова, и у Бруни), постепенно разорвать эти оковы и вырваться на простор и свободу. К сожалению, в то время и самые талантливые ученики Академии не могли этого сделать, так как вполне отдался своим интимным влечениям им не позволило бы все современное им русское общество.

В русском обществе нервное патриотическое возбуждение, зародившееся еще как отголосок революционного движения на Западе и развившееся затем в борьбе с Наполеоном, достигло теперь своего крайнего напряжения. Общество было тогда в каком-то приподнятом настроении, оно проснулось от летаргии и как-то лихорадочно хотело во всем увидеть необычайное и высшее. В литературе, более близко связанной с жизнью всего народа, сразу явились силы, которые непосредственно, глубоко и всесторонне удовлетворили эти ожидания, но в живописи

* В скульптуре — Мартос, позже Гальберг, в архитектуре — Томон.

Венецианов и вся его школа, разумеется, не отвечали этой русской «буре и натиску», а проходили — слишком скромные и, так сказать, смиренные — почти незамеченными. Между тем ощущалась необходимость участия в общем лихорадочном порыве решительно всех сфер духовной жизни, следовательно, и пластических искусств, и тут-то, по глубокому недоразумению, этого участия стали ожидать всецело от Академии Художеств, хотя до той поры ни в чем особенном не проявившей свою жизнеспособность, без сомнения потому, что и на Западе в то время «академия», в силу реакционного движения, достигла высшей точки своего значения, а положение академии на Западе, по самой космополитической природе всего академического строя, не могло не отозваться на состоянии нашей русской Академии, невзирая даже на то, что последняя являлась, в сравнении с теми «метрополиями» в Риме, Париже и Берлине, какой-то дальней и глухой провинцией.

Брюллов и Бруни, будучи еще в школе, чувствовали это напряженное ожидание в обществе и привыкли думать, что они призваны на какое-то сверхъестественное и чрезвычайное дело, в чем их поддерживали все, начиная с их учителей, кончая поощрителями и публикой; и по милости такого в некотором роде всеобщего *внушения* они, несмотря на всю силу их таланта, вышли из школы настолько готовыми академиками, что яркая, живая жизнь уже не могла заставить их опомниться, отрезвиться и поискать правды. Все сразу им так обрадовались, приняв по недоразумению, а скорее по равнодушию к вопросам искусства, блестящие их академические мундиры за чистое золото божественных облачений, что не дали им осмотреться, а, посадив на квадригу, при трубных звуках и восторженных кликах, повезли прямо ко Храму Бессмертия.

114

Главной характерной чертой вступившего в то время на престол императора Николая была та же жажда великолепия и величия, выразившаяся в том, что он пожелал сейчас же, как по волшебству, вызвать к поразительной и ослепляющей действительности решительно все силы своего государства. Тогда-то оказалось, что пластические искусства всего менее могли сохранить свою самостоятельность, так как представители их, не исключая и Брюллова и Бруни, всем воспитанием своим и положением были приучены безусловно подчиняться посторонним требованиям, особенно царя, то есть *исполнять заказы*. *Заказы* — и полились на русских художников, и, разумеется, не на независимых и скромных, но на подданных Академии, этого детища государственности, полились они даже в такой степени, что буквально затопили их. *Сплошным «заказыванием»* представляется все отношение Николая I к искусству. Он взял на себя обязанности не только найти художественные силы, но и направить их; при этом, согласно своей прирожденной склонности к параду и дисциплине, он неминуемо должен был еще более затянуть мундиры «казенных» художников, еще более покрыть эти мундиры золотом и почетом, но, разумеется, не мог внушить им что-либо иное, нежели то, чему они были обучены в своем «государственном питомнике». Брюллов, создавший свою

«Помпею» согласно назревшему внутри его, и еще со школьной скамьи, горячему честолюбию, сделавшись официальным художником уже ничего равного этой Помпее, все же хоть *похожей* на жизнь, больше не сделал, больше *не мог* ничего сделать.

VIII

Воспитание Брюллова имело много общего с воспитанием Менгса, и таково же их значение: оба они влили новую кровь в умирающий академизм, силой своих талантов гальванизировали его и на долгое время спасли от гибели. Несмотря на чрезвычайную болезненность маленького Брюллова, отец не щадил его, морил голодом, наказывал розгой, когда он неудачно или неохотно рисовал, в свободные же часы кормил его необходимым для академического художника чтением и растолковывал ему красоты старых мастеров по гравюрам. Мальчик оказался способным, так же, как и вся семья его, но более, чем другие, самолюбивым и честолюбивым, и вскоре унаследованная от отца талантливость его окрепла, а похвалы окружающих вытеснили из головы всякое другое желание, кроме одного — стать «великим художником», именно великим над всеми, каким-то художественным Наполеоном.

9-ти лет он из отцовской «академии» поступил в казенную и там сразу поразил своих учителей необычайной подготовкой. Еще 14-летним мальчиком удостоился он серебряной медали. Руководителем его явился самый академический из академических профессоров, перещеголявший «обдуманностью» Шебуева и засушенностью Егорова, а именно — убежденный и строгий схоласт Андрей Иванов, отец несчастного творца «Явления Спасителя», и учитель так полюбил своего ученика, что задался целью сделать из Брюллова то, к чему он сам стремился всю жизнь, но что исполнить помешали ему, бедняку, всякие скучные заказы.

Дома — неумолимый отец, а в школе — суровый учитель вдвоем напирала на молодой талант, но вскоре это стало ненужным: талант окреп в надлежащей форме, талант понял, в чем дело, понял, чего от него хотели, и сам убежденно погнался за этим. Хоть Карл подчас и зачерчивал в альбом кое-какие сценки уличной жизни, быть может, под слабым влиянием начинавшего тогда Венецианова, но эти сценки в «низком роде» не должны были пугать неумолимого и влюбленного в гипсы учителя: в этих русских мужиках и бабах русского, мужицкого ровно ничего не было, и они несомненно уже предвещали более благородных «пиферари» и «чучарок».

Как обрадовались профессора, когда они увидели, что юный талант не только покорился, но пошел навстречу их заветным желаниям. С торжеством повесили они в классе его рисунок «Гений искусства», назидание всей школе, и действительно в этом рисунке мальчик явился уже готовым академиком, остроумно переиначившим, по всем правилам классического канона, классный этюд с натурщика в изображение какого-то древнего бога и положившим к ногам его всевозможную аллегорическую

рухлядь. Но радость профессоров хлынула через край, когда через несколько лет, уже масляными красками, в большом виде, он прибег к тому же приему, на сей раз, вместо «Гения», переписав натурщика в «Нарцисса». Старик учитель не верил глазам своим при виде такого чуда; в припадке восторга он даже купил картину, несмотря на свои скромные средства, и повесил ее у себя дома для постоянного любования ею.

Сам Брюллов стал тогда серьезно всматриваться в себя. Когда настала пора получать первую золотую медаль, он даже оробел перед испытанием и направил все усилия не на то, конечно, чтобы получить медаль, — в этом он был уверен, — но чтобы теперь же создать вещь совсем умную, совсем «прекрасную», и ему удалось достигнуть намеченной цели. Его программа «Явление трех ангелов Аврааму», положим, превосходила по скуке и ходульности все предшествующие программы, но зато была так «обдумана», так правильно нарисована, так гладко написана, что вполне заслуживала первой академической награды. Лишь одно «новое» было в этой картине, и это новое со временем развилось и стало страшным оружием в руках Брюлло-ва, а следовательно, и Академии: была в этой картине какая-то не то чтобы прелесть, но все же *порядочность* колорита, какой-то намек на красочную сочность, заимствованную у Кипренского, и этот-то колорит, развившись впоследствии до театральной эффектности «Помпеи», увлек более, чем что-либо, русскую публику, ничего до того не выдавшую, кроме недоступных для ее понимания, слишком утонченно-прекрасных Левицких, Кипренских и Венециановых или же тоскливых Егоровских и Шебуевских «заслонок».

В 1822 году Брюллов был вместе с братом Александром отправлен на счет Общества Поощрения Художников за границу. По дороге он, разумеется, преклонился в Дрездене перед Сикстинской Мадонной, тут же пришел в неистовый восторг от Гвидова Христа, сделал с него копию и пожелал, чтобы голова сия служила ему путеводной звездой на всю жизнь (какое желание его и исполнилось), одобрил Ван дер Верфа, усомнился в Тициане (еще бы после Академии!), ужаснулся перед старыми немцами и еще более перед поклонниками их и, наконец, в Мантуе нашел, что Юлий Романо обладал чистым стилем. Таким образом, в своих «донесениях» он лишний раз доказал, что человек он для Академии надежный, вполне свой, и разве только в академическом смысле несколько (но совершенно в меру) передовой, и это окончательно закрепило за ним всеобщее доверие меценатов и профессоров.

Обыкновенно русские художники, попадая в Рим прямо из академической казармы, бывали совершенно спутаны, так как вместо ожидавшихся блеска и пышности они встречали лишь несметную и наглуемую нищету, вместо роскошной природы, виденной на гравюрах, — понтийские болота и оголенные степи Кампаньи, грандиозная прелесть которых, понятно, для их, опощенного воспитанием чувства ничего не говорила. При приближении к Вечному городу, разочарование их было полное: они

▲ С. Ф. ЩЕДРИН. Вид Вико между Каstellамаре и Сорренто. 1828 — 1829 гг.

натякались на ровно такую же арку, такую же пограничную караулку, такие же заборы, как у себя, на Екатерингофской заставе, а за этой аркой расстилался грязный, развратный, но живой и горячий Рим, они же, по французским книжкам с анекдотцами, были подготовлены к чему-то донельзя благообразному и порядочному. Большинство из них, пораженное неожиданностью, спивалось, меньшинство же или вовсе ни на что не смотрело и сидело дома, занимаясь, в сплошной тоске по родине, всяким вздором, или застревало на первой попавшейся задаче, по совету, благоговейно выслушанному от какого-нибудь римского «Шебуева».

Брюллов был в исключительных условиях: он получил порядочное домашнее образование, знал кое-что по книгам (и действительно *знал*), а главное, владел языками. Однако и его, при всем его апломбе, все же как-то покачнуло от космополитической суеты, он тоже как-то ошалел при виде той настоящей Италии, о которой не думал и не гадал, и хотя стал сходитьсь с другими иностранцами, но это ничего нового ему, в сущности, не могло дать, ничего не могло выяснить, так как и все другие пенсионеры, разные «prix de Rome», съехавшиеся отовсюду в Рим, были солдатами того же войска, той же дисциплины, как и он сам, такие же калеки, не сознававшие своей искалеченности.

Правда, среди этой однообразной толпы проходили иногда какие-то юноши со вдумчивыми, монашескими лицами, в средневековых плащах и германских беретах, но на этих юношей,

ником еще из сильных мира сего не поддержанных, никто из товарищей Брюллова иначе не глядел, как с презрительной усмешкой, и, разумеется, не ему, убежденному в собственной гениальности, могла бы прийти мысль посмотреть, что это за люди, чего они хотят и о какой там искренности и святости искусства говорят, — гораздо легче ему было, с высоты своего величия, осмеять «дураков-пуристов»!

Согласно наставлениям нашего «великого думальщика» Шебуева, его скорее влекло к тем «*penseu'ans*», которые явились как последний фазис Давидовской школы и провозглашали, что главное в искусстве — расчет, мысль, сообразительность, но эти господа доводили свое учение до невозможной крайности, а крайностей Брюллов не любил. Гениальность его хоть и допускала обдуманность, но быстрюю, и не позволяла ему подолгу останавливаться на одном и том же вопросе, — громадное большинство вопросов было, впрочем, для него давно решено, и ему ли было тягаться с Энгром, этим скучным педантом, когда его влекло поспорить с творцами Станце и Сикстинской.

Самая живопись была не особенно в моде тогда в Риме, и это так печально отразилось уже на Кипренском. Того движения, которое во Франции успело породить «Барку Данте», еще здесь не было и в помине; веяние романтизма, пронесшееся, как весенняя струя, по всей Европе, заглянувшее даже в Россию, в классической и самодовольной Италии еще не показывалось. Здесь, по-старому, все внимание было обращено на древний мир, на возрождение его, а следовательно, прежде всего на скульптуру (Канова и Торвальдсен стояли в зените своей славы), живопись же допускалась лишь такая, которая ближе всего походила на раскрашенные барельефы. Это отозвалось и на Брюллове. В нем были значительные колористические задатки, и дома они у него наверно развились бы под влиянием творчества Венецианова, Тропинина и др., но тут, в ядовитой атмосфере Рима, они получили сразу ложное направление и в результате дали то красочное *charivari*, которым он впоследствии блистал.

Года проходили, и Брюллову начинало становиться неловко перед самим собой и перед уверовавшими в него, что он засиделся на всяких портретах (лучшее, что было им сделано в Италии) и пустячках, когда он, Брюллов, был призван, чуть ли не предначинчен Богом подарить России великим выражением «высшего» искусства, а слова Камуччини (имевшего, несмотря на свою бездарность, громадное значение в глазах академической молодежи), что этот великий талант способен только на мелкие вещи, не давали ему покоя. Его самолюбие было напряжено до боли, и мало-помалу он весь зарядился намерением создать нечто до того великолепное и удивительное, чтобы все современники, и скалозуб Камуччини в том числе, признали его наконец Богом, ниспосланным гением, и на коленях просили у него прощения за то, что могли усомниться в нем. С лихорадочной тревогой хватался он то за патристический сюжет «Олега», то за грациозного «Гиласа», то за бурную «Осаду Коринфа», начинал *глубоко-патетическую* картину «Клеобис и Битон», принимался за сладострастную, блестящую по краскам «Вирсавию», но ко всему сейчас же

охладевал. Ему казалось, что все недостойно его вдохновения, что это недостаточно значительно, чтоб прорвать плотину, сковывавшую богатство его гения, в сущности же, он видел, принимаясь за любую из этих композиций, что, странным образом, то, что он делал, чрезвычайно походило на произведения других академических «магистрантов», тогда как ему нужно было во что бы то ни стало сделать что-нибудь новое и совершенно замечательное. Он думал, что вся беда в сходстве сюжетов, но не мог заметить того, что вся беда в нем самом, в его обезличенной душе.

Наконец, находясь как-то в опере Паччини «L'ultimo giorno di Pompeia», имевшей тогда громадный успех, он так был поражен захватывающим ее сюжетом, декорациями, бенгальскими огнями, хоровыми массами, печальной судьбой действующих лиц, что, придя домой из театра, немедленно и сразу набросал почти целиком всю композицию новой картины. И таким образом, в припадке театрального восторга, усиленного свежим впечатлением от только что виденных в действительности развалин погибшего города, зародилось «светлое воскресение живописи» — «гениальная Помпея».

На этот раз Брюллов почувствовал, что выбрал «верную» тему. Только что набив себе руку на гигантской и удачной (хотя подслащенной) копии с «Афинской школы» Рафаэля, он легко справлялся с колоссальной задачей. Как в былое время в Академии, так и теперь, шутя срисовывал он одного натурщика за другим, прямо на холст, и превосходно по перспективе, придерживаясь двух-трех горячо написанных этюдов с натуры, выстроил точный и эффектный пейзаж. Трудности ему доставила только группировка и он долго бился, пока не нашел, что все характерные эпизоды на месте, что все отдельные части связаны, что все ясно, что есть всего и на все вкусы, что переданы все составные части древней жизни. Ему, настоящему академику, казалось необходимым, чтоб картина представлялась полным компендиумом по данной эпохе, какой-то иллюстрацией к учебнику истории; самостоятельно и свободно схватить историю, пережить ее, перечувствовать все событие, подобно тому, как это было с Делакруа или впоследствии с Суриковым, разумник Брюллов не был в состоянии, так же как не был он в состоянии в красках передать одно цельное и глубокое настроение, но был принужден остановиться на чисто театральной крикливости, напоминающей горение бенгальских огней и вспышки магния.

После одиннадцати месяцев непрерывного труда (не считая двух лет подготовительных работ) картина была готова, мастерская открыта для публики, и публика повалила валом. Среди других пришел иссушенный кавалер Камуччини, одобрил фигуры, классические позы, как истый итальянец был тронут трескучим эффектом освещения, и, несмотря на кипение зависти, воскликнул: «Брюллов, вы колосс!» Пришел Вальтер Скотт, старенький, разоренный, но все еще великий во мнении тех, которые воображали, что его герои и оперные теноры в точности передают средневековых рыцарей, долго сидел и смотрел на картину, заметил громадное сходство между этим зрелищем и захватывающими перипетиями своих романов — и восклик-

нул: «Это не картина, это целая эпопея!» Такие слова, в устах таких людей, как Скотт и Камуччини, казались *высшим* одобрением, и после них никто уж не смел сомневаться в таланте Брюллова. Все громче и громче разносилась по космополитическому Риму, а затем по всей Италии весть: явился величайший художник современности, явилась величайшая картина новых времен, и энтузиазм приобретал все более и более характер чисто итальянской горячки. Брюллова чествовали, как некогда чествовали разве только Тициана и поэтов-лауреатов, за ним ходили толпой по улицам, его впускали даром в театры, для него не нужно было паспортов на щепетильных границах крошечных итальянских княжеств, о нем говорили все газеты, ему посвящались сонеты; дамы итальянские и другие буквально рвали его на части, а он все это принимал как должное и только обещал сотворить в будущем нечто еще более прекрасное.

В Петербург вскоре донеслась весть об этом триумфе, весть небывалая со времен побед Суворова: Италия, Богом отмеченная, как единственная поистине художественная страна, склонилась голову перед русским гением, признала его за величайшего художника. Ушам своим не верили русские люди, — и сгорая нетерпением стали ждать появления всеми заглазно признанной картины *великого* Брюллова. Положим, в Париже, после Италии, «Помпея» потерпела некоторое фиаско. Французские критики, воспитанные на созданиях Жерико, Делакруа и Декана, критики, которым местные Брюлловы, с Деларошем во главе, начинали надоедать, ничего гениального в этой картине не нашли, и только похвалили ее свысока за порядочный рисунок, тут же побранив за чрезмерную пестроту. Но все эти «французские мнения» сейчас же были приписаны влиянию политических обстоятельств (польского вопроса) и вкусу французов, всеми признанному за дурной. Лихорадочное ожидание «Помпей» в России после того не только не ослабело, но, наоборот, если возможно, еще возросло. Когда же картина прибыла в Петербург и была выставлена в Зимнем Дворце, а затем в Академии Художеств на всеобщее любованье, весь город, а за ним вся Россия беспрекословно уверовали в гениальность Брюллова, стар и млад, все поголовно, начиная с Гоголя, кончая самым тупым академиком. Все вообразили, что теперь русская живопись призвана перевернуть историю искусства, и Академия, оправдавшая возложенные на нее ожидания и воспитавшая такую всемирную знаменитость, вдруг приобрела значение и силу, которых она раньше никогда не имела. Действительно после нудных и скучных Егоровских «Бичеваний», после Шебуевских «Вознесений» (а также после скромных, едва замеченных сценок Венецианова) такой фейерверк, такой трескучий оперный финал, громадный, превосходно исполненный, с весьма красивыми, славно группированными статистами, должен был производить ошеломляющее действие. (До сих пор еще эта картина притягивает, несмотря на всю свою ложь, своим убежденным эффектичностью, своим надутым, но выдержанным пафосом), и потому ничего нет мудреного, что все, и художники и публика, заболели самым бешеным энтузиазмом от нее.

Тем временем творец «Помпей» совершил путешествие на Восток, в Грецию и Среднюю Азию. Но для Брюллова эта поездка не имела, и не могла иметь, того значения, которое такие же поездки имели для Декана, Делакура, Марилья и Фромантена. Брюллов к Востоку подошел, как и к Италии, с готовым мнением, выработанным на чтении романов и лицеизрении итальянских пантомим. Поэтому-то он ничего, кроме действующих лиц из романов и пантомим, там не нашел, а наделал немало картин с такими же невероятными «turco magnifico», «Sultana indiscreta» и «eunuco perfido», каких он мог видеть на итальянских сценах. Сочные, богатые краски Востока, открывшие на многое глаза французским художникам, ничему его не научили.

Лишь кое-что, зачерченное в путевую тетрадь просто и точно с натуры, доказывает, что он побывал в этих странах, и эти легкие наброски остаются, наряду с некоторыми портретами, единственными вещами, которыми мы теперь способны еще действительно наслаждаться в его творчестве. Глядя на них, становится особенно досадно и грустно, что его громадное и живое по своему существу дарование почти целиком ушло на ложь, на ничтожное и мертвое.

Здесь будет уместно упомянуть о художнике, с которым Брюллов сходил еще в Италии, теперь снова встретился во время своего путешествия, и на которого он имел в то время несомненное влияние, — о князе Г. Г. Гагарине, более известном своими археологическими изысканиями, архитектурными и декоративными опытами, стараниями возродить нашу древность, наше коренное искусство при помощи изучения старины*. Однако князь Гагарин замечателен не только как археолог, но и как художник, живой и интересный, к сожалению, впоследствии совершенно забросивший свободное творчество и отдавшийся (следуя своей рассудочной и далеко неверной теории) восстановлению древней византийской иконописи в «усовершенствованном» виде. Батальные его картины, иллюстрирующие всевозможные эпизоды завоевания Кавказа, представляются явлением совершенно аналогичным одновременным созданиям Рафе и отличаются теми же достоинствами и недостатками, как произведения французского мастера. Сразу видно, что они не написаны филистером, присяжным баталистом, никогда не нюхавшим пороха и компоновавшим их дома, на заказ, по топографическим

* В этом отношении князь Гагарин заслужил, рядом с Рихтером, Мартыновым, Солнцевым, Далем, Забелиным и Стасовым, самое почетное место в истории русского искусства. Все эти художники и ученые совершили благое дело. Они подготовили почву, на которой затем, со всей своей богатырской удалью, мог развернуться Суриков, без которой немислимы были бы Васнецов и вся новая московская школа. Благодаря их неустанным указаниям, подчас неточным и сбивчивым, но всегда горячим и увлекательным, мы теперь поняли через Сурикова, братьев Васнецовых и Малютина, что такое Москва и наша древняя, истинная Россия, что такое ее искусство, поняли, какие, почти еще не затронутые, богатства представляют нам на разработку русская старина и русская народная жизнь. Поэтому мы должны быть особенно благодарны всем этим начинателям, не взирая на то, что в этих первых опытах некоторые из них часто спотыкались и ошибались.

▲ С. Ф. ЩЕДРИН. Автопортрет. 1780-е гг.

К. П. БРЮЛЛОВ. Портрет графини О. П. Ферзен на ослике. 1835 г. ▲

планам и официальным реляциям. От них веет горячностью и страстностью, которые могли быть вложены только очевидцем и участником в деле. Но, к сожалению, дикий колорит, пестрота и дисгармония краски — следствие увлечения Брюлловым — сильно вредят впечатлению, а слишком *офицерский* характер некоторых из этих вещей, отсутствие в них трагедии войны, указывают на то, что хотя князь Гагарин много и остро видел, однако далеко не обладал истинным проникновением в смысл виденных событий. Гораздо отраднее и цельнее его этюды иноземных типов и бытовых сцен, видимо, написанные под свежим, очень сильным впечатлением, на память, или просто, непосредственно зарисованные с натуры. По гибкости карандаша, по сочности краски, по меткости характеристики, они не только не уступают лучшим однородным произведениям Брюллова, но даже иногда превосходят их, так как сделаны с большим вниманием и без преднамеренного отношения к делу. Не только как документы о народах и местностях Востока, но и как художественные произведения, обширное творение князя Гагарина почти так же драгоценно, как творение Марилья, Фромантена и Бида, и громадная коллекция его рисунков в Музее Александра III способна доставить большое удовольствие как этнографу, так и художнику.

IX

Когда в Петербурге узнали, что автор «Помпей» на пути домой, что он уже в Москве, то решено было устроить ему небывалые оvationi. В наши дни ежедневно бывают у Дюна такие чествования всяких юбиляров, как происшедшее в Академии 11 июля 1836 г., но тогда, в то чопорное, казенное время, этот обед, с двумя оркестрами, с картиной Брюллова в фоне залы, с лавровым венком, речами, пьянством и слезами умиления, — показался чем-то фантастическим, каким-то неземным раем и в конец отравил художественную молодежь. Желание стать Брюлловым, быть чествуемым на таких же пиршествах — вот что теперь забродило в юных головах. Кому какое дело было до Венецианова со всеми его простоватыми сценками, когда теперь открывался путь Рафаэля и Гвидо, обсаженный лаврами и ведущий прямо к Парнасу, путь, прославленный «милым» Гоголем и «великим» Кукольниковом! Создать вторую Помпею — стало мечтой горячих и пламенных энтузиастов; старые профессора убедились, что им нечего бояться Брюллова, что он не изменил им: хоть и дерзкая вещь была его «Помпея», но все-таки несомненно кровное детище Академии; умеренные же юноши так же были очень довольны, так как, если они и отчаивались дойти до самого маэстро, то все же не теряли надежду попасть хоть в свиту его, выучившись рисовать, как он тому выучился, не боясь эффектничания, как он того не боялся.

И таким образом в ту самую минуту, когда Пушкин с прекрасной и как будто беспечной улыбкой предлагал свои роковые и небывалые вопросы, — до сих пор еще не разрешенные, — когда Гоголь разразился грандиозным смехом, но вскоре спохва-

тился и многозначительно запророчествовал, когда Кольцов за-
пел свои простые, но полные таинственного смысла, песни, когда
Лермонтов приоткрыл бесконечную глубину своей трагической
души, когда у нас истинно-русское искусство — в литературе —
вдруг расцвело таким пышным и чудесным цветом, — тогда-то
наша бедная живопись, в чаду успеха «Помпеи», в сумятице
всеобщего непонимания, толкаемая теми же Пушкиным и Гого-
лем, вдруг отвернулась от истины и жизни, и рабски поплелась
вслед за итальянизированным академиком, любясь его «выс-
шей школой», не замечая, что под блестками наряда его страда-
ет и ломается искривленное, развращенное существо.

Правда, тем временем в казарменных каморках уже скромно
списывал портретики с товарищей бедняк-офицер Федотов, кото-
рому выпало на долю впоследствии бросить самый тяжелый
камень в этого кумира, но для которого Брюллов тогда был так
недосыгаемо высок, что о приближении к этому колоссу, а тем
паче о борьбе с ним, ему, дилетанту-самоучке, и в голову не
приходило; правда, в разных местах России уже жили, росли
и развивались те юноши, которые выступили потом одни созна-
тельно, другие (так же, как Федотов) бессознательно, самыми
опасными врагами всего брюлловского принципа; правда, в Ита-
лии, в том же Риме, уже жил и страдал великий мученик
Иванов, явившийся самой печальной жертвой Академии и наве-
ки тем опозоривший ее. Однако в те дни неистового восторга от
Брюллова казалось, что навсегда устанавливалась новая, божес-
твенная система для русской художественной школы.

Брюллов создал целую религию. Оно и не могло быть иначе при
его деспотической, безусловно уверенной в себе натуре. Его
манера держать себя, его снисходительный и великодушный тон,
«гениальные» причуды, — все свидетельствовало о сознании им
своей огромной силы. Противоречий он не терпел вовсе, да их
ему почти и не приходилось встречать, — так все оказались
в России неподготовленными для того, так мало все чувствовали
искусство. Положим, старик Венецианов с разбитым сердцем
глядел на то, как его ученики один за другим перебежали к Брюлло-
ву, и считал их погибшими, но кто же слушал этого старика-
чудака, кому какое дело было до его настоящих мужиков, до его
настоящей России, когда Брюллов обещал дать в своей «Осаде
Пскова» совсем новую, просветленную Россию, какое-то высшее
выражение русского героизма, русского религиозного подъема,
нечто такое, что вполне равнялось бы по возвышенности пятому
акту «бессмертных» драм Кукольника. Вокруг имени Брюллова
сплелся целый венец сказаний, малейшее его слово заносилось
в художественную летопись, которой чередующиеся поколения
художников зачитывались с трепетом душевным, не подозревая,
что отравляют себя. Одно, впрочем, было действительно хорошо во
всем этом бешеном увлечении, это — именно его бешенство, так
как оно сообщило ему столь невероятную силу и распространение,
что тогда до самых глухих закоулков, где прежде никто ничего не
слыхал об искусстве, прогремело имя Брюллова. Это было хорошо
в том отношении, что таким образом вся Россия узнала о существо-
вании живописи и могла, следовательно, и заинтересоваться ею.

Все в Брюллове подкупало, потому что основная ложь была скрыта от слепого к искусству общества. Так, например, казалось, что разносторонность его воззрений, а следовательно и беспристрастие, бесконечны, что он обладал на все отзывчивым и всеобъемлющим сердцем потому, что для Брюллова были одинаково дороги Рафаэль и Гвидо, Веласкес и Ван дер Верф! Начитанность его для русских академистов, никогда ничего кроме французских и русских учебников, да и то в классе, не читавших, представлялась безграничной и всем им казалось изумительным, что он требовал, чтобы ему читали вслух во время работы — и не то, чтобы романы, вздор какой, — а Нибура, Шлоссера, научные трактаты. Особенно поразило то, что будучи уже знаменитым художником, он стал посещать университет, садился среди студентов и проникновенно слушал лекции. Когда же этот «скромный» слушатель принимался, в свою очередь, перед признанными светилами науки импровизировать целые системы космографии и астрономии, то священный трепет пробегал у присутствующих и даже овладевал самими светилами, совершенно увлеченными его краснобайством. Он казался идеальным художественным преподавателем, он сразу будто бы угадывал в человеке его призвание и затем предоставлял ему свободно развиваться, однако под тем условием, чтоб ученик чрезмерно не пользовался этой свободой и не удалялся от него. Наконец, много содействовали упрочению влияния Брюллова собственные старания его привязывать к себе юношество, для чего он не прочь был входить с ними в заговоры против других профессоров, по-товарищески участвовать иногда в их шутках и даже допускать их до своих грандиозных кутежей.

Замечательнее всего, что еще при жизни Брюллова можно было бы помянуть и отрезвиться, так как все, что он сделал здесь у себя дома, кроме нескольких хороших портретов, в сущности никого не должно было вводить в заблуждение. Его абсолютно пустые образы, его балаганная «Осада Пскова», его достаточно необъятное, но совсем тоскливое «Небо» в Исаакиевском соборе, его глупейшие анекдотики, вроде «Сна бабушки и внуки», его натянутые до смешного аллегории, вроде «Сатурна, представляющего Нептуна другим богам», должны были бы открыть глаза, показать, что Брюллов не гений и даже вовсе не очень умный человек, а лишь блестящий салонный собеседник, подчас даже несносный своим важничаньем и самообольщением. Однако глаза русского общества были настолько ослеплены, что открылись лишь тогда, когда оно заболело лихорадкой политических реформ, когда на все прежнее был поставлен крест и оказалось, на время, по крайней мере, что и Брюллов принадлежит к старому. Тогда лишь русское искусство вздохнуло немного свободнее, а блестящий, но мучительно-безрассудный брюлловский кошмар прошел. Но тогда хотя и было сказано немало слов, искренние убеждения новых проповедников не подействовали глубоко, а были приняты как необходимая мода, с другой стороны, наследники брюлловских традиций время от времени подымали весьма пестрые и яркие знамена, чем переманивали всю слабую, спутанную, в глубине души равнодушную

▲ К. П. БРЮЛЛОВ. Портрет У. М. Смирновой. 1837 — 1840 гг.

к искусству, толпу на свою сторону. Появление таких «брюлловских» картин, как «Тараканова» Флавицкого, «Грешница» Семирадского, или «Боярский пир» К. Маковского, каждый раз смущало общественное мнение, и даже настолько, что самые устои реализма и национализма не вполне выдерживали всеобщий напор и как будто, к великому соблазну прочих, колебались и только из упрямства не сдавались.

Все, что сделано Брюлловым, носит несмываемый отпечаток лжи, желания блеснуть и поразить. Нигде, даже в самых интимных по заданию сценках, не видно искреннего отношения, проникновенного душевного убеждения, того, словом, что сообщает, при наличии таланта и мастерства, главную драгоценность художественным произведениям. Даже в простых рисунках и набросках видно его усилие быть гениальным и удивительным, блеснуть умом и смекалкой. Но так как талант у Брюллова был исключительный, то зачастую в его вещах трудно разобраться. Они так подкупают легкостью своего исполнения, что часто, любясь в них этой легкостью, не замечаешь пустоты или напряженности замысла. К тому же «эпошистая» пикантность, которая вкралась в них, особенно в некоторые жанрово-аллегорические сценки, до того в совершенстве отражает слабости своего времени, что уже по своей старинной глупости и наивности может показаться в наши, падкие на все старое, дни — забавной и очаровательной. Всем нам знакомо бесконечно-сладкое чувство, которое овладевает нами, когда мы перелистываем старые альбомы или разглядываем сборники и месяцесловы того времени, с их «скурильными» виньетками и заставками. С известной точки зрения все это нелепое становится трогательным: перед нами раскрываются не высшие точки той жизни, но всякий вздор, которым когда-то увлекались, — грешки наших дедов. Так точно, если и должно возмущаться всеми брюлловскими «Снами», «Итальянцами» и «Аллегориями», то можно и наслаждаться ими, однако говорить о них серьезно с художественной точки зрения тоже нельзя, так как по мыслям, по наивному своему умничанью они стоят ниже всякой критики, да и по своей слишком условной технике и ловкому, но безличному, рисунку зачастую немногим возвышаются над дюжинными литографиями, которыми украшались будуары гризеток во времена Поль де Кока. Приходится удивляться, до какой степени умные и развитые люди того времени в России могли в оценке произведений Брюллова проявить такой недостаток художественной мысли и такую неразвитость вкуса: весь этот вздор принимать всерьез, а если что и в шутку, то в остроумную шутку. Объяснить это можно только тем, что раньше русские художники совсем не давали публике чего-либо мало-мальски занятного. Венециановы были слишком скромны и затерты, чтоб задеть любопытство и обратить на себя внимание, а другие пекли вековые повторения давно надоевшего старья. Брюллов первый показал, что можно что-либо рассказать карандашом и красками, первый заставил публику читать такие рассказы. Естественно, что она, очарованная неожиданностью, увидела в этом лишнее доказательство его гениальности и с тех пор уже постоянно требовала,

чтобы художники ей рассказывали хотя бы такие же все пустяки.

Обыкновенно даже самые энергичные обличители брюлловских недостатков выделяют целую область его творчества — портреты, находя, что они составляют нечто особое и *вполне* прекрасное. Разумеется, портрет, по самой своей природе, всегда будет фатально более жизненным, чем шаблонное «идеальное» творчество, и понятно, что в портретах Брюллова более цельно, более правдиво отразилось его время, нежели в «Помпее» или во «Взятии Богоматери на небо». Однако назвать Брюллова великим портретистом невозможно, а сравнивать его с Ван Дейком, Гальсом, Веласкесом прямо даже смешно, так как его нельзя сравнивать даже с нашими русскими «стариками»: Левицким, Боровиковским и Кипренским. Не говоря уже о таких курьезах, как потешные «Барышни Шипмаревы», вполне равняющиеся по своей смехотворности его жанровым сценкам, — почти все его дамские портреты, по альбомной жеманности и безвкусной претензии, весьма близко подходят — не к гениальным портретам Энгера и Прюдона, и даже не к пустоватым, но дивным по краскам портретам Лоренса, — а к блаженной памяти Винтергальтеру и к нарядным парижским «chroma». По чисто живописному, техническому достоинству они, разумеется, гораздо выше, — громадный талант Брюллова не мог не проглянуть в этих произведениях. В них, в особенности, любил он блистать бодрой и смелой кистью. Но зато какими угощает он красками как раз в портретах, какой представляют они невероятный kaleidoscope радужных колеров, нигде в другой стране недопустимый, кроме как у нас, привыкших и дома, и на улицах к вопиющему безвкусию! Хороши яркость и разнообразие красок, но разнообразие и яркость, не приведенные в гармонию, в систему, — довольно-таки мучительное для глаз варварство.

Принято вообще восторгаться колоритом Брюллова и считать, что только благодаря ему русская школа освободилась от прежней робости и черноты красок, что благодаря ему могли развиться у нас колористы. Но это неверно. Нельзя говорить, что Брюлов насадил в России понимание красок, когда у нас именно до него и отчасти одновременно с ним были такие истинные колористы, как Боровиковский, Кипренский и Венецианов. Напротив того, если что он и привил русскому художеству, то это выезжание на трескучих эффектах, если что и внес нового в смысле красок, то неразборчивое метание ими, разумеется более *веселое*, нежели коричневые полотна Шебуева и Иванова, но все же ничего общего с тем, что называется колоритом, не имеющее.

Почти то же придется сказать и о его рисунке, если вообще следовать академической системе говорить особо о том и о другом, что в истинном художнике составляет одно неразлучное. Вматриваясь в брюлловские линии и контуры, изучая его пропорции и ракурсы, сейчас же видишь, что все это сделано рукой «спортмена» рисунка, тренировавшегося на срисовывании до 50-ти раз одного Лаокоона. Карандаш и кисть его бегали без запинки, ровно и гладко, все всегда у него оказывалось на своем

ВЛАСТЬ

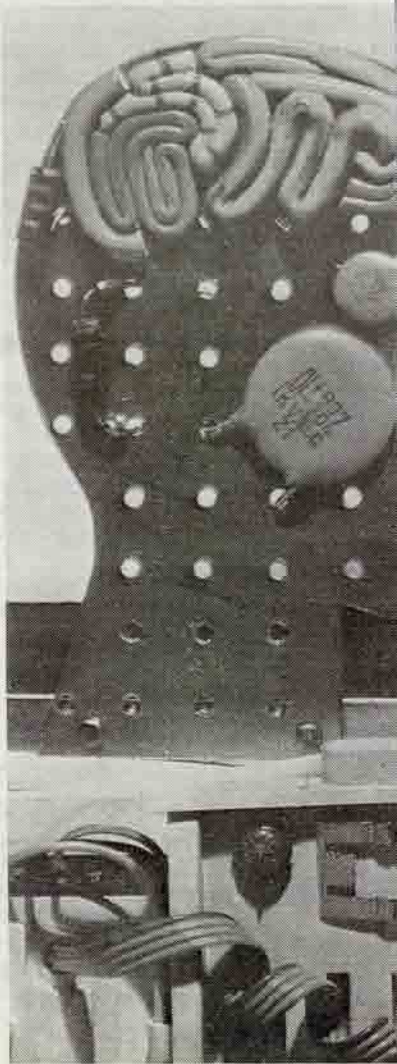
ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

ТЕХНИ

130

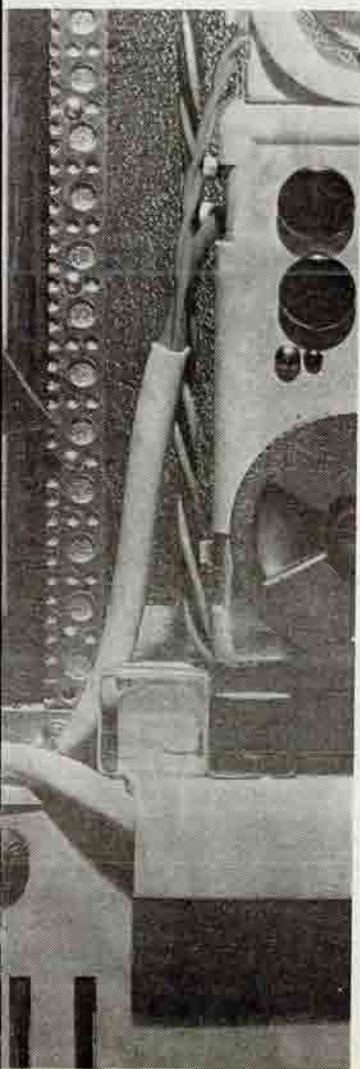
Связываться с продажной девкой империализма — генетикой — в послевоенные годы было опасно. Все помнили судьбу Николая Ивановича Вавилова... Но кое-кто, помня, рисковал. В начале пятидесятых молодой ученый из Ашхабада Виктор Фурсов вел тайные опыты. Ему удалось вырастить уникальный хлопчатник — бежевого цвета. Потом ученый, экспериментируя, убедился, что в принципе на основе генетики и селекции можно «сделать» волокно и других цветов.

А смысл? — спросите вы. Смысл в том, что работы ученого имели огромное практическое значение, прежде всего в области экологии. Текстильные предприятия вредны для человека и природы, ибо там применяются химические красители. А тут — разноцветные ткани без всякой химии!

ОЛОГИИ

Плюс к тому, они не линяют после стирки, не выцветают.

В период «оттепели», когда к генетике перестали относиться столь злобно, да и угроза тюрьмы миновала, идеи и технологии ашхабадского ученого были обнаружены. Но Фурсова не признавали, его предложения отвергали с порога, не разобравшись. В АН СССР не нашлось специалиста, который по достоинству оценил бы открывшиеся перспективы.

Почти сорок лет изобретение пролежало под спудом, пока в 1990 году не была учреждена Академия технологических наук Российской Федерации. Здесь ученый встретился с вице-президентом АТН Юрием Любимовым. Фурсов получил все условия для работы — компьютерное оборудование, доступ к суперсовременной нанотехнологии (о ней речь впереди). Вскоре Фурсов стал членом-корреспондентом АТН и руководи-

телем ее Российско-Туркменского центра.

И вот еще одна сенсация: новые разработки в этой области могут сберечь здоровье миллионов людей! Каким образом? Перед сбором хлопка его обрабатывают ядохимикатами — чтобы растение сбросило листья, мешающие машинной уборке. Более полуцента яда на гектар. Это давняя беда всей Средней Азии, и сделать ничего, казалось, невозможно... Фурсов же вывел такие сорта, которые сбрасывают листья сами. Ничего подобного нигде в мире нет. Значит, не только в области балета мы впереди планеты всей...

Сохранение здоровья хлопкоробов — только прямой, очевидный эффект новых сортов. Но экологически чистый хлопок — это и идеально гигиеничная ткань. На ней не могут размножаться многие болезнетворные вирусы и бактерии — незаменимое качество для белья в больницах, роддомах.

На пресс-конференции в АТН манекенщицы демонстрировали платья из экологически чистого хлопка пастельных тонов. Опытные партии волокна сделаны текстильщиками Ашхабада и Бухары. Ткани выпущены в Твери.

Российские и туркменские ученые вывели более тысячи сортов «листопадного» хлопка, 230 сортов бежевых тонов, 67 зеленых, 23 красно-бурых. На подходе — синие, голубые, фиолетовые. По мнению В. Фурсова, реально уже в этом веке на всех плантациях выращивать только «листопадный» хлопок, на половине — сеять цветной. Проблема одна: найти солидных спонсоров, крупные инвестиции. На мой взгляд, в этом кровно заинтересованы сами хлопкосеющие государства.

Имя основателя и президента Академии технологических наук

Владимира Алфеева мало что скажет читателю. Он не выступал по телевидению, в прессе. Это и неудивительно: ведь работал директором оборонного предприятия. В научных кругах известен как основатель новых научных направлений в технологии, автор фундаментальных монографий, 260 научных трудов, 15 патентов за рубежом и 85 изобретений. Зачем потребовалось создавать новую Академию? По мнению Алфеева, у нас искусственно вырыта пропасть между фундаментальными и технологическими науками. Перекинуть мост между теорией и практикой — вот задача Академии.

Есть такая байка: наши спросили японцев — на сколько лет мы отстали в микроэлектронике, информатике и других высоких технологиях? И они якобы ответили: навсегда. Не знаю, анекдот это или быть, но звучит правдоподобно, когда видишь их технологические чудеса... А ведь в положении догоняющих могли оказаться они — не будь над нашими технологами массы безграмотных начальников.

Тридцать лет назад Алфеев доложил на коллегии Минэлектротехпрома о разработке первых в мире систем для сверхдальнего приема телевизионных программ на малые антенны с компьютерной цифровой обработкой изображения. Говорил: «Патенты у нас, первые образцы созданы. Мы обогнали другие страны, в том числе США и Японию, можем быстро завалить весь мировой телевизионный рынок, получать десятки миллиардов долларов прибыли».

Завалили? Получили? Глупые вопросы...

Я привел примеры лишь из двух совершенно разных отраслей — хлопководства и микроэлектрони-

ки. Но скажите, в какой сфере нашего народного хозяйства новые технологии внедрялись без многолетних волокит? Я как-то спросил у академика Льва Кошкина: почему так происходит? И он мне ответил очень просто: а кому это нужно? Хорошо, что появились люди, которым нужно.

...В 1992 году правительство США подписало документ о регистрации Российско-Американской академии технологических наук, которая вместе с АТН России стала учредителем Международной академии. К ее работе привлечены уже более 20 государств. Кроме Российско-Американской, образованы Балтийская и другие академии, Российско-Австралийский и Российско-Афро-Арабский центры. Созданы и региональные центры в России — от Кабардино-Балкарии до Тихого океана. В то время, как рвались научные, экономические и политические связи между бывшими республиками Союза, АТН заботилась об интеграции. Думаю, Российско-Туркменский центр — только первая ласточка.

На презентации Международной академии и ее детища — оргкомитета по нанотехнологии — было одно очень неожиданное выступление: «...технология — это философия, а всякая мудрость беспредельна... я надеюсь, что когда-нибудь в одном из красивейших подмосковных монастырей среди полей и лесов нашей благодатной России соберутся богословы и технологи, математики и физики. Мы будем говорить о том совершенстве человеческого разума, необъятности человеческого духа и величии человеческой нравственности, без которых жить невозможно... человеческая душа, она тоже требует и техники, и технологии ее духовной жизни».

Эти слова принадлежат митро-

политу Питириму. Мы к ним еще вернемся, а пока задумаемся вот над чем.

Человек находится во власти различных технологий с первых секунд жизни. Технология родовспоможения, «выращивания» и обучения детей, технология профессиональной подготовки. Наконец, технология похорон...

Мы постоянно ощущаем ее присутствие в быту. Вот я сижу сейчас за машинкой в своей квартире и мерзну. Значит, дом построен с нарушениями технологии — не везде как следует утеплили межпанельные швы (у соседей-то — жара). Купил брюки, а у них штанины разной ширины — нарушение технологии на фабрике. У колбасы отвратный вкус — нарушения технологии на мясокомбинате (черт его знает, что там они в нее наложили).

Жалуемся на плохое медобслуживание — а ведь причины не только в отсутствии препаратов и приборов. Они в неважной технологии диагностики, лечения. К слову: сколько лет понадобилось хирургу Илизарову, офтальмологу Федорову, чтобы пробить свои технологии лечения? А тем временем, пока они бились о глухую бюрократическую стену, сколько людей вышло из больницы полуинвалидами? И все из-за устаревшей технологии.

По числу изобретателей и рационализаторов мы, вероятно, тоже всегда были впереди всех. А что толку? Большинство изобретений в лучшем случае доходило до экспозиций на ВДНХ. Потому что внедрять их в производство — значит менять технологию. А это хлопотно...

В. Алфеев обосновал концепцию новой области знаний, назвав ее «технологическими науками», разработал принципы самоуправ-

ляемой АТН. Его поддержали известные ученые, Президент, правительства России и других стран, международная общественность. Цели и задачи АТН можно коротко сформулировать так: научно-технологическое обновление страны; экономическое и духовное возрождение; подъем уровня жизни; предотвращение «утечки умов»; развитие экологически чистых технологий, конверсия, направленная на защиту интересов людей и окружающей среды; налаживание постоянных международных связей и создание международных центров в области наукоемких технологий.

В Академию хлынул такой поток заявлений о приеме, что там даже удивились. В бывшую АН СССР многие стремились по вполне понятным причинам (конечно, я не говорю обо всех академиках): академическая пожизненная зарплата, служебный автомобиль и т. д. В АТН никаких льгот нет. Наоборот, каждый член Академии обязан платить ежегодные взносы, пусть и символические — две тысячи в год. При избрании в АТН учитываются не только прошлые заслуги. Каждый кандидат обязан иметь личную научную программу или проект по новым экологически чистым высоким технологиям, дающим крупный экономический эффект. Все проекты проходят компьютерный рейтинговый анализ.

Сейчас в Академии более трехсот действительных членов. И все пришли с оригинальными проектами, опирающимися на созданные в АТН лаборатории, связанные с промышленными предприятиями.

Основа Академии — ученые ВПК. Это и неудивительно, поскольку именно там собирались лучшие кадры технологов. Но никакого отношения к военным де-

лам АТН не имеет. Так, среди приоритетных программ — новые интенсивные технологии для агропромышленного комплекса, биомедицинские, микроэлектронные технологии.

Многочисленные вливания в сельское хозяйство ушли почти впустую. Машзаводы наращивали выпуск комбайнов и тракторов (по их количеству мы обогнали всех) — эффект мизерный. Теперь вот надежда на фермеров — мол, они наконец накормят Россию. Но что может сделать фермер, если он, как и колхоз, пользуется той же устаревшей агротехнологией, техникой, оборудованием? Нет суперэлитных семян, экологически чистых биоудобрений, биостимуляторов и биопрепаратов, заменяющих пестициды и гербициды, — вот и сеем зараженные, ослабленные семена, отравляем землю химией. Поэтому урожайность и продуктивность животноводства в 2—5 раз ниже, чем на Западе. Почему мало овощей? У нас теплиц меньше, чем в маленькой Голландии, а автоматизированные комплексы не производятся вообще. И урожайность в несколько раз меньше, хотя трудозатраты больше на порядок.

Вся страна поголовно страдает от авитаминоза — а массовое производство витаминизированных продуктов отсутствует. И смешно, и горько: наша промышленность выпускает такие яблочный и виноградный соки, что для покрытия суточной потребности в витамине С нужно выпить... пять литров. Жителю развитого Запада достаточно стакана. Вот и стали мы первыми по количеству ослабленных и больных детей, детской смертности...

Вопрос: чем могут помочь «военные» ученые? Вот конкретный пример. Как оказалось, компьютерные кабины истребителей мож-

но эффективно использовать как техническую основу для создания сети биоцентров по выращиванию безвирусного картофеля, сети микрозаводов кормов.

По словам первого вице-президента АТН Юрия Любимова, наше отставание объясняется не слабостью научной и технологической мысли. Напротив, мы имеем множество оригинальных агро- и биотехнологий, которые, изменив всю ситуацию в сельском хозяйстве, окупались бы за один-два года. (В скобках заметим: общий рынок 73 процента бюджетных средств тратит именно на развитие новых технологий в сельском хозяйстве.) Беда в отсутствии доступной для производителя информации о ноу-хау, отсутствии оборудования, материалов и препаратов. И, самое главное, нет экономического механизма, который стимулировал бы внедрение современной технологии.

Теперь о самом интересном — поистине технологическом чуде.

Основа микротехнологий (микрозлектроники, микробиологии) — оптические микроскопы. Через них можно увидеть элементы микротехнологий размером до одного микрона — тысячной доли миллиметра.

Но в середине восьмидесятых швейцарские ученые Г. Рорер и Г. Биннинг создали сканирующий туннельный микроскоп. Описать на бумаге принцип его действия весьма сложно, но самое важное по-гениальному просто: он дал возможность разглядеть элементы размерами около десятых долей нанометра (нанометр — тысячная доля микрона), а это размеры атома! Мир атомов на экране компьютера показал мне, как нечто будничное, молодой ученый Сергей Антонов. В самом деле, ничего особенного...

Заместителя директора Института нанотехнологии и крионаноэлектроники АТН Петра Лускиновича я попросил популярно и конкретно изобразить суть нанотехнологии и ее конкретные возможности.

— Представьте, имея дома вот такой прибор, — Лускинович показал на нечто, отдаленно напоминающее школьный микроскоп, соединенный с компьютером, — вы можете создать что угодно. Что, к примеру, вам хотелось бы иметь?

— Ну... допустим, автомобиль. — На большее у меня не хватило фантазии. — Можно?

— А почему бы и нет? Ведь любое вещество состоит из атомов, а этот прибор позволяет группировать атомы в любом порядке.

Далее я просто передам рассказ Петра Лускиновича.

— Какие возможности открывает нанотехнология? Управляемое соединение атомов в молекулы и создание как известных, так и новых форм материи. Эта технология преобразует любую отрасль науки и техники. Скажу лишь о базовых, определяющих уровень развития общества.

Микрозлектроника. Уменьшая размеры электронных элементов до нескольких атомов, мы в тысячи раз повысим быстродействие систем. Микросхемы, изготовленные нанотехнологическими комплексами, в десятки тысяч раз сократят расходы материалов, включая драгоценные. Высокочувствительные и быстродействующие наноэлектронные устройства позволят — с помощью миниатюрных электронных карточек — создать систему радио- и телесвязи по принципу «везде, всегда, с любым».

Изменяются не только средства связи. Будут созданы «разумные» жилища, они обеспечат полный информационный обмен с миром,

управление локальным климатом, контроль состояния человека.

Повышение быстродействия и плотности микросхем позволит в сотни раз увеличить производительность вычислительной техники. Но не только. Мы сможем создавать нейросхемы, умеющие распознавать речь и изображение, обучаться и запоминать, прогнозировать в сложной обстановке. Причем их уровень интеграции неизбежно будет повышаться... А это значит, возникнут интеллектуальные системы, превосходящие по памяти, скорости и глубине мышления биологические нейросети человека. Это уже не просто технология, а этап эволюции разума.

Наноприборы смогут переписывать накопленные человеком знания, способ мышления в новый носитель интеллекта — а это фактически означает наше бессмертие. Развитие технологии создания нейросетей позволит совершенствовать интеллектуальные свойства людей: память, логическое мышление, фантазию, чувства. Не случайно на первой международной конференции «НАНО-1» в докладе «Опасна ли нанотехнология» отмечалась возможность создания устройств, превышающих человека по уровню интеллекта...

Интеллектуальные устройства из термостойких материалов смогут работать и в космическом холоде, и при температуре расплавленного металла, в условиях радиации... Элементы на основе нанотехнологии в 5—6 раз повысят КПД солнечных батарей — это позволит кардинально изменить систему энергоснабжения: не понадобится строительство новых ТЭЦ. А уже разработанные устройства позволяют контролировать безопасность существующих ТЭЦ и АЭС.

Теперь о том, что ближе всего человеку, — о здравоохранении

и биологии. Биологические и генетические исследования говорят: вполне реально создать оперативные системы медицинской диагностики, быстро и точно определить состояние организма и вид заболевания. Кроме того, на основе анализа молекулярных структур, несущих генетический код, узнать предрасположенность к заболеваниям... В дальнейшем возможно и почти невероятное сегодня: путем перестройки молекулярных структур устранять генетические причины, вызывающие заболевание.

Управление биохимическими процессами на высшем уровне — это управление здоровьем человека, создание здоровых клеток вместо старых. Более того, оно ведет к синтезу любых частей тела, приближая человека к биологическому бессмертию... Кроме того, не исключено создание как известных форм жизни, так и новых, искусственных, ранее недоступных к синтезу в традиционных биопроцессах. Коренным образом изменится также и сельское хозяйство... Нанотехнология поможет создать растения с ускоренным сроком созревания, многократно ускорить процесс селекции. На биомолекулярных фабриках будут синтезироваться высококачественные продукты питания — для них не надо будет выращивать животных. А потом мы подойдем и к созданию программируемых синтезаторов — сборщиков атомов. Они станут своеобразной скатертью-самобранкой. А материал для синтеза очень простой: окружающая среда. То есть земля, вода, воздух.

В области робототехники мы приблизимся к механизмам, описываемым пока только в фантастических романах. Нанороботы, оснащенные интеллектом, смогут выполнять самые разнообразные

задачи: обрабатывать землю, строить дома, выполнять задания на заводах и в институтах, в опасных для человека местах.

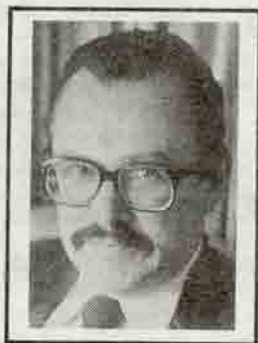
Но, надо сказать, и сама нанотехнология представляет собой опасность для человека. На ее основе в принципе возможно создание nanoоружия — его не обнаружишь никакими локаторами, оно недостижимо для стрелкового оружия. Микроскопичное по размеру, nanoоружие свободно пересекает границу и там оказывает разрушительное воздействие на биологические виды, вызывая заболевания, синтезируя ядовитые вещества и так далее. Как и атомная энергия, нанотехнология может принести и колоссальную пользу, и огромный вред. Вот почему предлагается все работы в этой области поставить под международный контроль политиков, экономистов и ученых. В отличие от ядерной нанотехнология будет первой революционной технологией, которая начала разрабатываться в открытом международном сотрудничестве, а не в условиях секретности и соперничества. В этом залог того, что она не будет допущена для военного применения.

Неизбежность развития нанотехнологии, ее научно-технические и социальные последствия поднимут общество на качественно новый уровень. К этому надо начинать готовиться уже сегодня...

«Переваривая» полученную информацию, я подумал о том, насколько точны странные на первый взгляд слова митрополита Пиртирима о связи духовности и технологии. В бездуховном, безнравственном обществе и величайшие достижения могут принести страдания. Простая вроде мысль, но в последние годы мы о ней подзабыли. На каждом шагу слышишь слова о необходимости экономического возрождения России —

и в общем хоре теряются голоса тех немногих, кто пытается сказать о возрождении духовном...

...Есть два стереотипа. Первый: за граница нам поможет. Но ведь ни одна за граница не подарит нам современные технологии. Второй: мы ничего не можем, и умов у нас нет. Оказывается, даже западные страны очень интересуются русскими технологиями. Мы хорошо усвоили «технологию власти» за семьдесят с лишним лет. Так, может, наступило уже для России время власти технологий?

ПАМЯТИ ДРУГА

Умер Генрих Гурнов... Умер, едва пережив 60-летний рубеж жизни. Журналист-международник, он долго работал в «Комсомолке», потом был редактором отдела международной жизни у нас в «Смене».

Последние годы Генрих работал в кино. Как сценарист более шестидесяти документальных фильмов вносил яркие страницы в нашу кинодокументалистику. Он лауреат престижнейших отечественных и зарубежных премий.

Прекрасный журналист, отменный профессионал, Генрих жил открыто, без «обходных» путей и конъюнктурных «соображений».

Для тех, кто знал его, кто с ним работал, смерть Генриха — боль и горе, большая невосполнимая потеря. Он был другом многих из нас — надежным и преданным. Человеком талантливым, честным и мужественным.

Таким он и останется в нашей памяти.

Коллектив журнала «Смена».

**КАЖДАЯ
ПЕСНЯ.**

СПЕКТАКЛЬ

В начале 80-х годов Олег Митяев стал одним из наиболее популярных бардов страны. Тогда везде звучала его песня «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», хотя многие не знали ее автора... В его репертуаре — лирические песни, песни-новеллы, музыкальные зарисовки. Каждую из них он превращает в маленький спектакль, заражая слушателей своим настроением. Как верно заметил Андрей Макаревич: «Песни его — это действительно разговор с каждым из нас. Разговор серьезный. А главное — честный».

У Олега около 50 авторских песен, уже вышли два диска-гиганта, два лазерных диска, записанных вместе с Константином Тарасовым — гитаристом, аранжировщиком, с которым Митяев выступает вот уже пять лет.

— Вас сейчас часто можно увидеть на ТВ, а вот с концертами выступаете крайне редко. С чем это связано?

— Мы с Константином Тарасовым постоянно в разъездах. Исконесли весь Север, побывали во многих странах Европы, выступали даже в Южной Африке.

— В ваших мелодичных песнях текст играет далеко не последнюю роль... Как же вы общаетесь с зарубежным слушателем?

— К началу нашей первой поездки в Германию в 1989 году были сделаны поэтические переводы многих песен, а перед концертами раздавались программки с этими переводами. За границей нас часто просят исполнить русские народные песни и особенный успех имеет «Ой, мороз, мороз».

— Олег, как вы пришли к авторской песне?

— В детстве я занимался во всех кружках, какие только были во Дворце пионеров — от изостудии до духового оркестра; в спортивных секциях — от штанги до плавания. А на гитаре научился играть

самостоятельно. Закончив Челябинский монтажный техникум, я поступил в институт физкультуры. Однажды, гуляя по берегу озера Ильмень, я услышал негромкое пение под гитару. Оказалось, что на озере проходил областной фестиваль авторской песни. Мне там все понравилось: и костры, и импровизированная сцена, и разбитые вдоль озера палатки, а главное, ребята, поющие песни известных тогда бардов, — и самому захотелось написать для этих ребят. Так и родилась моя первая песня. Потом запел сам. А вскоре стал работать в Челябинской филармонии. В 1986 году по стране прошла целая серия концертов авторской песни. Меня, как молодого барда, попросили участвовать в них. После этих концертов я решил поступить на заочный факультет эстрадного искусства ГИТИСа.

ГИТИС дал мне многое: неплохую подготовку по литературе, истории театра и живописи. До сих пор с благодарностью вспоминаю занятия по сценическому искусству с Романом Филипповым, Натальей Нечаевой и Александром Бармаком. На курсе у меня была кличка «Экстремист», так как все время пытался разыгрывать какие-то «взрывные» сцены: играл хулиганов, шукшинских чудиков.

— Олег, вы известны не только как бард, но и как киноактер... Расскажите о своей работе в кино.

— Мне всегда хотелось сниматься, казалось, что в первую очередь я актер, а потом уже бард. Во время учебы в институте я часто пропадал на «Мосфильме», пытаюсь сняться в любой картине, в какой угодно роли, пока наконец не попал в эпизод фильма «Убийца». Правда, как исполнитель собственных песен. Потом были другие фильмы: «Сафари № 6», «Игра с неизвестным», «Два часа с бардами». И везде приходилось играть самого себя.

О наших с Тарасовым выступлениях создан видеofilm, но это уже нечто другое. На мой взгляд,

видеоклипы обкрадывают наши песни, так как видеоряд отвлекает зрителя от содержания. Поэтому мне больше нравится работать над созданием пластинок, они точно могут передать суть бардовской песни.

— Считается, что сейчас наступил кризис вашего жанра. Это действительно так?

— Меня не волнует, к какому жанру относят ту или иную песню. Главное — чтобы она была хорошей. Говорить же о кризисе авторской песни, думаю, неверно. У нас много талантливых авторов-исполнителей, например, Андрей Крамаренко, Лена Фролова, Анатолий Киреев...

— Как рождаются ваши песни? Что появляется вначале: мелодия? А потом текст? Или наоборот?

— Никто вам не ответит, как создается хорошая песня. Если бы я знал этот секрет, то наверняка использовал бы его постоянно...

— Что вы можете сказать о творческом содружестве «Митяев — Тарасов»?

— Скажу только, что мне очень повезло. Человек, которого я так долго искал, увидел меня по телевизору и предложил встретиться. И вот уже пять лет мы работаем вместе.

— Раньше вы выступали со своей женой Мариной Митяевой. Почему же сейчас не видно ее на ваших концертах?

— У нас с женой разные представления о музыке... Марина выступала в дуэте с Николаем Якимовым, сочиняет интересные, на мой взгляд, песни на стихи классиков.

— Олег, вы довольны жизнью?

— Сложно ответить... Как-то тревожно на душе от общей нестабильности. И все-таки я счастлив. Ведь главное для нас — возможность выступать перед теми, кому наши песни интересны.

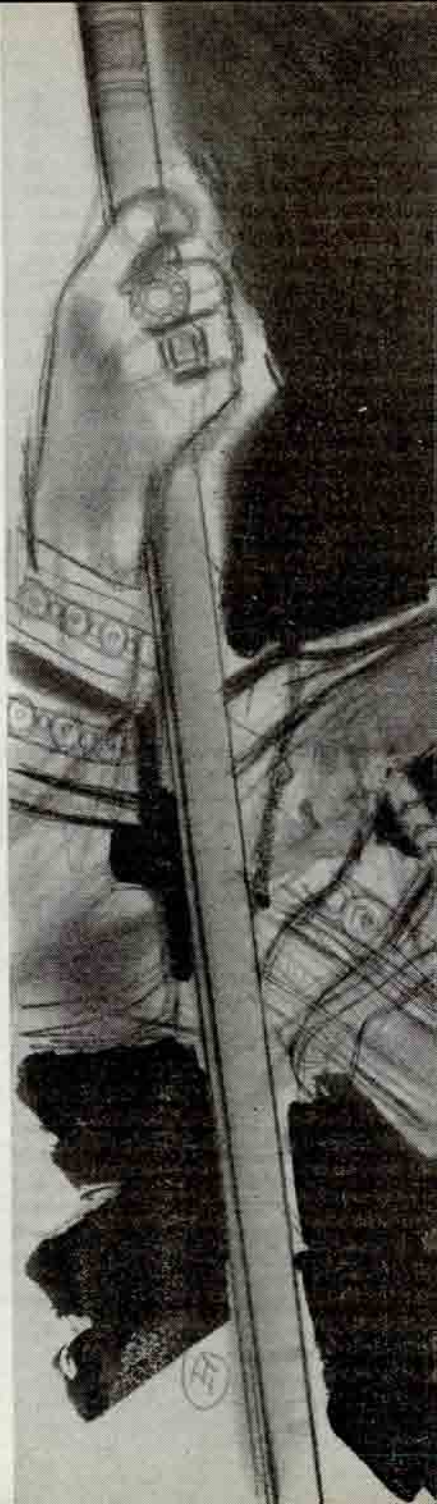
АЛЛА АЛЕКСАНДРОВА

**ВРЕМЯ
РОЗНОГО**

СЕРГЕЙ ГОРСКИЙ

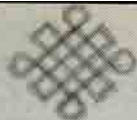
ШАГ

**АРЕМ
ВРЕМЯ**

ЦРЬ ВСЕЛІКН КНЗЪ
ЮАНЪ СІМОНОВИЧЪ
ВСЕЯ РУСИ

74

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

июля 1570 года на Красной площади в Москве с раннего утра кипела работа. Еще накануне туда привезли целые штабелы бревен, досок, несколько железных котлов, груды цепей и крюков. Московский люд отлично знал значение таких приготовлений — и Москва замерла. Только на Красной площади стучали топоры и визжали пилы да кое-где по опустевшим улицам проезжали «верные слуги государевы» — с метлами и собачьими головами у седел.

Ровно в одиннадцать часов за кремлевской стеной раздались звуки бубнов и труб. Спасские ворота распахнулись, и показалась длинная процессия. Впереди, на белом коне, ехал сам царь Иоанн Васильевич. На нем был «малый наряд» — короткий парчовый кафтан, но на голове сверкал покрытый золотой насечкой шлем, у пояса висела сабля, а в правой руке зажато было длинное копьё. За царем ехал любимый его сын Иоанн. Царевич был тоже в «малом наряде» и, как царь, вооружен саблей и копьём. Кроме того, у седла болтались метла и собачья голова — царевич считался главным начальником опричнины. Сотня их теперь выехала за царевичем, а за ними шли осужденные, которых на этот раз было около 300 человек. Измученные пытками, они едва передвигали ноги; стража подгоняла их ударами бердышей.

После разгрома Новгорода и Пскова Иоанну нужно было и в Москве учинить что-то выдающееся по жестокости. Малюта Скуратов, всегда угадывавший царские желания, поспешил «открыть» грандиозный заговор. В результате московские застенки переполнились, начались массовые пытки и почти все, подвергшиеся допросу, были осуждены. Среди них были знатные бояре и даже такие любимцы царя, как старший Басманов и князь Вяземский.

Иоанн подъехал к лобному месту, окинул взором пустую площадь, нахмурился:

— Собрать народ! Пусть все видят, как гибнут злодеи.

С криками «Гойда! Гойда!» опричники бросились по улицам. Через полчаса площадь стала наполняться народом, и скоро на ней собралась тысячная толпа. Оборотив коня к притихшим обывателям, царь возвысил голос:

— Народ! Сейчас ты увидишь муки и казни. Гляди, но не бойся. Се я караю изменников, умышлявших погубить меня и всё мое царство. Ответствуй, прав ли суд мой?

— Прав! Прав! — закричали опричники, плотным кольцом окружавшие Иоанна. — Да живет многие лета государь великий! Да сгинут злодеи-изменники!

Царь подал знак. Начали с боярина-стольника Висковатого, который провинился тем, что не согласился отдать свою шестнадцатилетнюю дочь в царский гарем. Боярина повесили вверх ногами, облили ему голову кипятком, потом Малюта Скуратов отрезал боярину уши и нос; другие опричники медленно отрезали страдальцу обе руки, и только потом палач привычным ударом перерубил пополам окровавленное, судорожно извивавшееся тело.

Дальше казнь пошла по заведенному обычаю. Людей обливали кипятком, резали на части, кололи, рубили, вешали... Четыре часа длился этот ужас. Наконец замучены были все.

— Ну, Малюта, с крамольниками разделались,— сказал царь,— теперь надо их вдов и сирот уменьшить. Едем!

В обширных хоромах боярина Висковатого царило тяжелое уныние. Все знали, что происходит на Красной площади. Боярыня заболела от горя и лежала в своей опочивальне. Дочь Висковатого, шестнадцатилетняя Наталья, окаменевшая, сидела в своем тереме, окруженная притихшими санными девушками. Челядь пугливо жалась по углам и каморкам. Притихли даже шуты и шутихи.

Было около пяти часов дня, когда на обширном дворе раздались какие-то крики. Слуги бросились к окнам и увидели, как у высокого крыльца слезал с коня сам царь, поддерживаемый Малютой Скуратовым. Обок сидел в седле царевич. Весь двор был наполнен конными и спешившимися опричниками, которые, забавы ради, хлестали плетками не успевших вовремя скрыться челядинцев.

Иоанн поднялся на крыльцо. Никто его не встречал.

— Видно, ошалели здесь все от радости, что мы к ним в гости пожаловали. Придется нам самим двери отворять.

Несколько опричников бросились к тяжелой дубовой двери; она оказалась на засове, но, поддаваясь ударам бердышей, скоро распахнулась. Царь переступил порог, царевич, Малюта, опричники — следом.

Услышав тяжелый топот нескольких десятков ног, вдова Висковатого очнулась в своей опочивальне. Она приподнялась, села на постели и устремила взор на дверь. Под ударом чьей-то ноги резная дверь распахнулась, а на пороге явился царь. Боярыня ахнула. Она забыла, что была в одной рубахе, что волосы ее не были прикрыты кикой и пышными русыми волнами рассыпались по плечам, спускаясь до пояса. Наклонясь вперед, опершись руками о колени, она глядела на Иоанна.

— Ну, матушка-боярыня, — заговорил царь вкрадчивым голосом, — милого дружка твоего на части разрезали. Не составить их опять вместе. Выходит, что казна его теперь к нам, к государю, перейти должна. Не откажи, боярыня, поведай нам, где та казна хранится.

Боярыня молчала. Едва ли она даже слышала, что ей говорил царь. Он усмехнулся и оборотился к Скуратову:

— А что, Малюта, у боярыни, кажись, язык к губам привязан? Не развязать ли нам его?

Малюта понял царя с полуслова: явился откуда-то горшок с раскаленными углями, из-за поясов сверкнули ножи и началась пытка. Два часа терзали боярыню, но не добились ни слова; она впала в столбняк и, вероятно, даже не чувствовала боли. Обозленные ее молчанием опричники переусердствовали и замучили Висковатую до смерти.

— Кржистая была баба, — сказал Иоанн. — Ну, обойдемся и без нее. У нас еще дочка осталась.

Наталья услышала шаги на лестнице и видела, как чья-то рука отворила перед царем дверь ее горницы.

— Ну, здравствуй, пташка, — сказал он, переступая порог.

Наталья молча поднялась с кресла. Она медленно подошла к Иоанну и со всего размаха ударила его кулаком в лицо. Опричники кинулись и скрутили ее кушаками. Ошалелый царь несколько секунд молчал, потом хрипло рассмеялся:

— Храбрая девка! Надо ее потешить. Ну-ка, царевич, покажи ей свою удаль молодецкую! Ведь, чай, девку-то потешить можешь? А вы, — оборотился он к опричникам, — покуда потешитесь с другими девицами. Немало их тут по углам попряталось. А я посижу отдохну маленько. — С этими словами царь опустился в кресло.

Опричники скоро разыскали сенных девушек, царевич бросился к связанной кушаками Наталье. В хоромах Висковатого стоял стон. И здесь же в тереме началась пьяная оргия...

С детства не знающий удержки, развращенный боярами, Иоанн всю жизнь был жрецом разврата. История знает только две недели, когда он вел сколько-нибудь человеческую жизнь. Это были две недели после его первого брака.

16 февраля 1546 года семнадцатилетний Иоанн повел к алтарю Анастасию Захарьину. Род этот был не из знатных, но Анастасия пленила царя удивительной красотой и, главное, мягкой женственностью. Сам же он узнал женщин с тринадцати лет. Бояре, стремясь отвлечь его от дел правления, наперебой устраивали ему любовные связи, благодаря чему царь менял любовниц почти каждый день. За четыре года бояре сосватали ему несколько сот девушек. По большей части это были девицы, в любовных чарах искушенные, старавшиеся завлечь царя искусным кокетством и поддельной страстностью. Среди бояр сложилось мнение, что молодой царь предпочитает бойких, страстных женщин. Но на «смотрю», устроенном, по обычаю, для венчанного жениха, Иоанн поразил всех своим выбором. Боярышни, собранные со всего царства, кокетливо улыбались, так или иначе старались обратить на себя внимание царя, а он выбрал Захарьину, скромность которой вызывала насмешливые улыбки.

С обычной пышностью была отпразднована свадьба. Все с любопытством ждали, как поведет себя царь. Прошла неделя, и бояре не узнали Иоанна. Прекратились жестокие забавы с медведями и шутами, не слышно было «срамных» песен, исчезли девушки, наполнявшие терема дворца. Иоанн был со всеми приветлив; он даже выпустил из казематов и застенков многих заключенных. Неожиданную эту перемену всецело приписывали влиянию его молодой жены. Действительно, Анастасия всеми силами старалась оказывать на царя благотворное влияние, но если ей это и удавалось, то, как показало будущее, лишь потому, что Иоанну нравился резкий контраст между прежней бурной жизнью и тихим семейным счастьем. Это была первая и последняя вспышка той доброй искорки, которая таилась в нем.

Семейная эта жизнь продолжалась две недели. В первых

числах марта в Иоанне произошла резкая перемена, и притом без всякой видимой причины. Однажды утром он позвал к себе в опочивальню одного из дежурных бояр. Анастасия кротко заметила ему, что негоже звать мужчину в опочивальню, когда она, царица, лежит в постели.

Иоанн цинично расхохотался и крикнул громко:

— Какая ты царица?! Как была ты Настыка Захарына, так и осталась. Пожелаю — в монастырь тебя заточу и опять женюсь!

Ошеломленная Анастасия тихо вскрикнула и расплакалась. В это время вошел боярин; он был смущен: не только в царскую, но и в боярскую опочивальню вход посторонним мужчинам был всюду закрыт. Боярин остановился у двери и стал ждать приказаний.

— Слушай, Семен Федорович,— сказал царь, приподнимаясь на постели.— Вели там, чтоб медведей приготовили. Поиграть охота пришла.

Анастасия вздрогнула. Она знала, какие ужасы творились во время таких «игр», но надеялась, что царь от них отказался навсегда. Царь пошел к двери и, оборотясь, мрачно бросил притихшей Анастасии: «Надоела мне тишина. Буду жить, как раньше жил».

В то же утро на «царской площадке», перед Грановитой палатой, состоялись «игры». Иоанн любил, чтобы в них участвовали люди, не знавшие, что их ожидает. Для этого обычно призывали людей из дальних посадов, приехавших в Москву по тяжёлым делам. Нынче за ними послали сани. Дьяк объявил, что их хочет выслушать сам государь. Посадские надели лучшие кафтаны и помчались в Кремль. Их провели прямо на царскую площадку. Красное крыльцо было загорожено высокой решёткой. На нем стояли приближенные царя. Посадских поставили перед крыльцом. Вокруг них сомкнулся круг ратных людей, державших в руках копыя.

Несколько молодых рынд вынесли кресло с высокой спинкой и поставили его на верхней площадке. Вышел государь, он опустился в кресло, позвал младшего Басманова: «Начинай!»

— Великий государь, царь всей Руси, Иоанн Васильевич,— обратился Басманов к посадским,— жалует вас своею милостию.— Посадские бросились на колени. Басманов продолжал: — А милость та в том, что изволил государь допустить вас, посадские люди, к игре пред его царскими очами.

Круг расступился. Показались три огромных бурых медведя. Каждого из них на длинных цепях, прикрепленных к кольцам, продетым через носы животных, вели несколько конюхов. Увидя медведей, посадские ахнули и окаменели. По знаку Басманова конюхи отпустили цепи, и звери бросились на свои жертвы. Круг ратных людей сомкнулся. Посадские бросились бежать, но их встречал круг острых копий. Медведи догоняли их, они пытались защищаться голыми руками, металась, падали, кричали. Одного за другим медведи подминали их под себя. Трещали кости. Движением могучих лап звери брали людей за затылок и сдирали кожу с волосами. Камни площадки покрылись кровью и корчившимися телами.

Анастасия увидела эту картину в окошко своего терема. С ней сделалась истерика. Царь между тем отправился с боярами обедать, был весел. Обед этот был поминальной трапезой для семейной жизни Иоанна.

Женатый царь снова повел холостой образ жизни. Он предоставил все дела правления боярам, а сам всецело отдался охоте, «играм», поездкам по монастырям и главным образом оргиям. К концу третьей недели после свадьбы московский дворец снова наполнился женщинами, число которых доходило до пятидесяти.

Царь уже не требовал, чтобы к столу выходила Анастасия. В столовой палате за трапезой присутствовали десятки его наложниц. Среди них были жены и дочери дьяков и даже бояр...

12 апреля 1547 года в Москве вспыхнул пожар, продолжавшийся около трех месяцев. Москва обволоклась густой пеленой удушливого дыма. Через неделю огонь стал угрожать Кремлю. По совету ближних бояр Иоанн удалился во временный дворец села Воробьева. Прошла еще неделя, и загорелись строения в Кремле. Огонь не пощадил и царского дворца. Горели арсеналы, в которых хранились большие запасы пороха. Всю Москву сотрясали глухие взрывы. Когда в июне пожар прекратился, от двух третей Москвы остались обгорелые развалины. Население было разорено. Народная молва обвиняла в пожаре ближних бояр. Иоанн затих. Страшное бедствие поразило его. Он прекратил оргии и кровавые потехи. Анастасия воспрянула духом; к тому же она погрузилась в заботы о недавно родившемся сыне Дмитрие. Стихийное бедствие и рождение сына, видимо, произвело сильное впечатление и на Иоанна. Он дал обет посетить некоторые дальние монастыри. В это паломничество Иоанн выехал в начале 1551 года в сопровождении царицы и сына. По дороге он заехал в обитель св. Сергия, где доживал последние дни знаменитый Максим Грек. Старец убеждал царя отказаться от путешествия; при прощании он сказал:

— Помни, государь: ты берешь на себя тяжелое бремя. Царевич не вернется в Москву.

Пророчество сбылось — Дмитрий скончался в дороге.

Когда Иоанн вернулся в Москву, в Кремлевском дворце потянулись унылые дни. Анастасия тосковала о сыне.

В 1557 году родился Федор Иоаннович, и это еще более усилило значение царицы в глазах бояр. Но на Иоанна она уже не имела никакого влияния. В нем к этому времени начал просыпаться будущий беспощадный мститель боярщине, искалечившей его в детстве... А 7 августа 1560 года царица Анастасия скончалась. Она хворала всего три дня, и самые искусные медики не могли определить ее болезни. Упорно говорили, что ее отравили.

Во время похорон Иоанн шел за гробом, плакал, рвал на себе волосы. Целую неделю он провел в одиночестве, не показываясь даже ближним боярам. Наконец, вышел в приемную палату. Но это был уже совсем другой человек. Тридцатилетний царь сгорбил, лицо было желтое, прорезанное морщинами. Глубоко ввалившиеся глаза беспокойно бегали, горели недобрыми огонька-

ми. Для Иоанна началась новая жизненная полоса, давшая ему печальную славу «Грозного». Новая полоса началась и для Руси.

Летописец говорит: «Умершей убо царице Анастасии нача царь быти яр и прилюбодействием зело».

Все инстинкты, которые Иоанн сдерживал, теперь развернулись. Стены дворца никогда еще не были свидетелями такого необузданного разврата, который воцарился здесь после кончины Анастасии. Дворец был превращен в сплошной гарем, а каждый приближенный боярин обязан был участвовать в оргиях.

Спустя неделю после погребения царицы Иоанн устроил роскошный пир, в котором приняли участие женщины и девицы, наводнявшие дворец раньше. К концу пира началась еще невиданная оргия. В угоду царю бояре совершенно перестали стесняться. Сдержанным остался только престарелый князь Оболенский.

Иоанн спросил, почему он не веселится со всеми.

— Государь, — отвечал князь, — больно видеть мне на старости лет, как русский царь в скомороха обращается, и не хочу я сам скоморохом быть. Взгляни вокруг себя: за царским столом сидят пьяные девки... Вели казнить меня, а не выносит душа моя этого скоморошества!..

Царь побледнел, но, сдержавшись, сказал ласково:

— Спасибо тебе, князь Иван, что заботишься о нашем царском величии. Отпускаю тебя на сегодня. Приходи завтра к полднику, увидишь другую трапезу.

На другой день к полудню князь явился во дворец. Его провели в стольную палату. Там он нашел царя и нескольких его приближенных. Женщин не было. Иоанн встретил князя мило, усадил возле себя, сам накладывал ему кушанья. В середине трапезы, когда слуги разливали рейнское вино, царь велел подать Оболенскому «большую чашу». Это считалось особым почетом для гостей. Слуга с глубоким поклоном поднес князю наполненный вином золотой кубок на серебряном подносе. Оболенский встал, поклонился царю и, по обычаю, залпом выпил вино. Не успел он опуститься на скамью, как на его губах выступила пена. Он зашатался и тяжело рухнул на пол. Кубок, звена, покатился по столу.

— Князь опьянел от радости, — сказал Иоанн, — вынесите его.

Сейчас же в стольной палате появились женщины, и пир продолжался, а через несколько дней после расправы с Оболенским пришла очередь князя Репнина. После разнузданной оргии царь велел позвать музыкантов и принести маски. Он сам надел маску и пустился в пляс. Князь Репнин не выдержал и заплакал. Иоанн подбежал к нему и хотел надеть на него маску. Князь вырвал маску из рук царя, растоптал ногами и крикнул:

— Государю ли быть скоморохом? По крайности я, боярин и думский советник, скоморохом быть не хочу!

Иоанн выхватил из-за пояса нож и вонзил в грудь старика.

Такие расправы происходили почти каждый день. Бояре, управляясь во дворец, не знали, вернуться ли домой живыми. Наиболее именитые в конце концов решили, что царю необходи-

мо жениться вторично. Все помнили: при жизни царицы Анастасии царь, хотя и развратный, особой кровожадностью не отличался. Надеялись, новая женитьба подействует на него благотворно. 18 августа 1560 года бояре били челом царю и просили его выбрать себе вторую жену.

Один из новых любимцев царя, князь Вяземский, сказал ему, что в Москву приехал черкесский князь Темрюк с дочерью «красоты неописанной». У Иоанна загорелись глаза.

— Добудь мне ее! — воскликнул царь.

— Ну нет, государь, — отвечал Вяземский, — это даже тебе не под силу. Коли обидишь Темрюка, не миновать нам войны.

— А коли так, — решительно сказал Иоанн, — покажи мне Темрюковну. Придется по нраву — женюсь.

Темрюку передали желание царя видеть его во дворце с дочерью. Князь приехал. Дикая красота молодой черкешенки вскружила голову Иоанну. Она стала невестой московского царя. Однако свадьбу пришлось отложить на целый год. Княжна совсем не говорила по-русски и даже не была крещена (имя Марии она получила при крещении). Бракосочетание состоялось 21 августа 1561 года.

Новая царица оказалась прямой противоположностью доброй Анастасии. Выросшая среди гор, привыкшая к охоте и опасностям, она жаждала бурной жизни. Тихая теремная жизнь была ей не по нраву. Мария Темрюковна охотно появлялась в стольной палате, с восторгом присутствовала на медвежьих травлях и даже, к ужасу бояр, с высоты кремлевских стен наблюдала за публичными казнями. Она не только не удерживала Иоанна от кровавых расправ, но сама толкала его на них. Понятно, что бояре невзлюбили новую царицу. Она платила им тем же чувством.

Чтобы прочнее привязать к себе царя, Мария потакала его наклонностям к разврату. Она окружила себя самыми красивыми девушками и сама указывала на них Иоанну. Оргии стали происходить в теремах царицы, чего прежде никогда не бывало. Таким образом, после второго брака Иоанн стал вести еще более разнузданный образ жизни, а Мария, поощрявшая разврат супруга, и сама не стеснялась. Почти на глазах Иоанна она чуть ли не каждый день меняла любовников. Одурманенный вином и всякими излишествами, царь не замечал этого. Если же находились бояре, осмеливавшиеся намекать ему, что царица ведет образ жизни, недостойный ее высокого положения, Мария немедленно принимала меры, и смельчак попадал в лучшем случае в ссылку, чаще — на плаху.

Мария приобрела огромное влияние на Иоанна. Она изучила его слабости и умело ими пользовалась. Так, царь и раньше подозрительно относился к боярам, а под влиянием Марии в каждом из них стал видеть лютого врага. И именно ей, Марии Темрюковне, в значительной степени обязана Русь возникновением опричнины. Главари ее оказались близкими друзьями Марии. Малюта Скуратов, Федор Басманов, князь Афанасий Вяземский, Василий Грязнов, Бельский почти каждый день доносили царю об открытых ими боярских заговорах и так напугали его этими «заговорами», что он решил покинуть Москву

и переселиться в Александровскую слободу. Мария, отлично зная, что царя лишь пугают, не последовала за ним и осталась в Кремле. Иоанн отнесся к этому равнодушно. Мария как жена перестала для него существовать. Он снова завел себе гарем, в котором чувствовал себя прекрасно. Царица же, и раньше не стеснявшаяся, в отсутствие царя дала полную волю своим инстинктам. В Кремлевском дворце, на его женской теремной половине, начались оргии, несколько не уступавшие оргиям, которые видывала стольная палата.

Своим главным фаворитом царица избрала пылкого Афанасия Вяземского. Но так как князь приезжал в Москву не каждый день, она дарила своим вниманием многих других и совершенно перестала стесняться. На каждодневных пирах царица появлялась простоволосая, что для замужней женщины считалось совершенно запретным. Вспоминая свою юность, Мария нередко надевала национальный черкесский костюм, выгодно выставивший ее фигуру, но резко отличавшийся от целомудренных одежд русской женщины XVI века. Слухи о том, что делается в царском дворце, распространялись среди жителей Москвы, принимая легендарные формы. Рассказывали, что царица показывается мужчинам совершенно обнаженная, что у нее в термах живут тридцать любовников, которых она по очереди требует к себе и т. д. Эти слухи дошли до Александровской слободы. Малюта счел долгом передать их царю. Иоанн только усмехнулся и сказал:

— Узнаю царицу. Пускай веселится. А мы за нее Господу помолимся.

К этому времени царский дворец в Александровской слободе был обращен в нечто среднее между крепостью и монастырем. Крутом возвышались прочные стены с бойницами, из которых выглядывали жерла пушек. На вышках дежурили дозорные, железные ворота всегда закрыты. Иоанн, начавший проявлять несомненные признаки помешательства, решил, что для него и его приближенных настало время покаяния. Он выбрал триста самых отчаянных опричников и объявил их иноками. Себя назначил игуменом, Вяземского — келарем, Малюту — параклесиархом. Всем были сшиты ясы, скуфьи и прочие принадлежности иноческого облачения.

Почти каждую ночь, около четырех часов, царь в сопровождении Малюты и царевича Иоанна поднимался на колокольню и начинал звонить в колокол. Сгорбленный, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, в длинной мантии, с посохом игумена в правой руке, он производил впечатление инока-молитвенника. Начинаясь служба, которая длилась три-четыре часа. Служил священник, но царь все время находился в алтаре и клал земные поклоны. Делал он это так усердно, что на лбу у него постоянно была опухоль.

Служба кончалась в 7—8 утра. Затем все отправлялись в обширную стольную палату, которую Иоанн велел называть «трапезною». Здесь начинался завтрак. Царь не принимал в нем участия. Он становился за аналой и читал жития святых. За этими завтраками вино лилось рекой, и к девяти часам, когда

нужно было отправляться к обеду, «братия» была в сильно приподнятом настроении. После обедни, во время которой царь опять бился лбом о каменный пол, все снова собирались в трапезной. Иноческие одежды снимались. Блистали парчовые кафтаны, золотое шитье и драгоценные камни. Во время обеда настроение еще больше поднималось. Появлялись женщины, и часам к трем «монастырь» оглашался визгом, пьяным хохотом и непристойными песнями. Среди такой обстановки Мария Темрюковна, конечно, совершенно не была нужна царю, и он равнодушно относился ко всем слухам.

Ободренная этим равнодушием, Мария постепенно дошла до крайности. Вопреки древним традициям она стала показываться на улицах Москвы в открытых экипажах рядом со своими любовниками. Но несмотря на равнодушие, с которым Иоанн относился ко всем слухам о разгульной жизни Марии, он следил за каждым ее шагом, и, когда ему сообщили, что царица организует партию, которая намерена свергнуть его с престола, он принял меры.

У Марии действительно зародилась такая мысль. Впервые ее высказал молодой боярин Андрей Федоров, которого среди других приблизил к себе царица. Сделавшись ее любовником, он стал мечтать о царском венце. К нему примкнули еще несколько молодых бояр. Создавалось нечто вроде заговора; втайне вырабатывался план убийства Иоанна и его приближенных.

Федоров, носивший звание конюшего, почти ежедневно бывал в Александровской слободе, но не числился в опричниках. Однажды после веселой трапезы Иоанн предложил ридиться.

— Да что! — воскликнул царь. — Нарядить кого-нибудь из нас царем. Погляжу, какие, окромя меня, цари бывают. Федоров, облачайся! — Иоанн собственноручно надел ему на голову венец, вручил посох, потом повел к возвышению, на котором стояло кресло, усадил, низко поклонился и сказал: — Здрав буди, Великий Царь земли русской. Се приял ты от меня честь, тобою желаюю. Но, имея власть сделать тебя царем, имею я власть и обратить тебя в прах.

С этими словами Иоанн ударил Федорова ножом в грудь. Пьяные опричники бросились на боярина и добились его.

Узнав о смерти Федорова, Мария пришла в ярость и поклялась отомстить Иоанну. Она уж было собралась ехать в Александровскую слободу, но царь велел поставить ее под бдительный надзор опричников и никуда не выпускать из Кремлевского дворца.

Это приказание царя произвело на Марию такое сильное впечатление, что пылкая южанка, лишенная возможности удовлетворять свои страсти, начала чахнуть и 1 сентября 1570 года сошла в могилу. Царь, однако, несколько не был огорчен смертью Марии и скоро согласился вступить в третий брак.

Был назначен традиционный смотр невест. В столицу съехались сотни боярских семейств¹. В Грановитой палате рядами стояли избранные красавицы. Лысый, сгорбленный, беззубый Иоанн, тяжело опираясь на посох, обходил девушек, зорко вглядываясь в румяные, пышущие здоровьем лица. Девушки стояли

погупив очи, дрожа от волнения. Вдруг тусклый взгляд царя встретил открытые глаза. На него смело глядела стройная, худощавая девушка.

— А смела! — сказал царь, остановившись. — Как звать?

— Марфа, Собакина Василия дочь, — отчетливо отвечала девушка.

Царь ничего не сказал и отправился дальше. А через четверть часа думный дяк возвестил, что государь выбрал себе в жены боярышню Марфу Собакину.

Боярский этот род не отличался родовитостью. Отец царской невесты, Василий Собакин, числился сокольничим, но в действительности был далек от дворца и постоянно жил в своей дальней вотчине. Выбор царя был для него полной неожиданностью. В его небольшом московском доме начались спешные приготовления. Как-то случилось, что к нему стал вхож брат покойной царицы, князь Михаил Темрюк. Он стал часто бывать у Собакиных. Марфа к нему привыкла. Однажды вечером Темрюк предложил боярышне несколько засахаренных фруктов:

— Это с царского стола от сегодняшнего обеда, — сказал он.

Марфа приняла подарок. С этого дня, никогда не отличавшаяся полнотой, она заметно начала сохнуть. Кроме того, с ней начались припадки. Об этом доложили царю, но он заявил, что обвенчается с Собакиной, несмотря ни на что. Свадьба состоялась, а через две недели Марфа отошла. Начались расправы. Иоанн узнал про Темрюковы фрукты. Михаила посадили на кол...

Целый год после смерти Марфы царь развлекался заведенным уже обычаем — оргиями вперемежку с молитвами. Наконец это ему надоело, и он решил вступить в новый брак. Однако православная церковь разрешает только три брака, так что четвертый явно незаконен. Но только не для царя. Он выбрал себе в жены Анну Алексеевну Колтовскую и приказал священнику венчать. После этого Иоанн созвал епископов и обратился к ним с такой речью:

— Святители! Злые люди чародейством извели первую супругу мою, Анастасию. Вторая, княжна Черкесская, также была отравлена и в муках отошла к Господу. Я ждал немало времени и решился на третий брак, отчасти для нужды телесной, отчасти для детей моих, еще не достигших совершенного возраста, юность их претила мне оставить мир, а жизнь в мире без жены соблазнительна. Благословенный митрополитом Кириллом, я долго искал себе невесты, испытывал, наконец избрал; но зависть, вражда погубили Марфу, только именем царицу; еще в невестах она лишилась здоровья и через две недели супружества преставилась девою. В отчаянии, в горести я хотел посвятить себя житию иноческому; но видя опять жалкую младость сыновей и государство в бедствиях, дерзнул на четвертый брак. Ныне, припадая с умилением, молю Святителей о разрешении и благословении.

Епископам оставалось только признать этот брак. Для формы они наложили на Иоанна легкую епитимью: сто поклонов в день в течение месяца...

Анна Колтовская во многом была похожа на Марию Темрюковну. Как и последняя, Анна отличалась необузданностью и страстностью. Она сумела подчинить Иоанна своему властному влиянию. На время царь присмирел, прекратились массовые пытки и казни. Целые дни он проводил в тереме царицы. Она же умела занимать своего грозного супруга. В ее половине всегда толпились красивые женщины, во всякую минуту готовые плясать, петь и развлекать государя всем, что ему пожелается. Царица смотрела на эти «игры» спокойно. Ревновать она не умела, потому что Иоанн как муж был для нее безразличен.

Иоанн отправлялся в терем царицы утром, садился на свое место, подзывал к себе своих любимиц, шутил с ними, за шутками исполнял их просьбы, дарил целые вотчины, решал в их пользу тяжёбые дела... Это время на Руси справедливо называли «бабьим царством». Даже ближние опричники должны были отодвигаться на задний план. К царю можно было проникнуть только при помощи женщин, окружающих Анну.

Анна вела систематическую войну против опричнины. Она вышла замуж за Иоанна восемнадцатилетней девицей. По понятиям того времени уже «перестарком». Иоанн выбрал ее только потому, что вся ее фигура дышала страстью. Но в глубине души она таила глубокую ненависть к царю и главным образом к окружающим его опричникам. Анна когда-то любила. Ее избранник, князь Воротынский, чем-то не угодил князю Вяземскому и был замучен в одном из московских застенков. Анна, пользуясь своим влиянием на царя, медленно, но верно уничтожала опричнину. Она мстила, но в то же время приносила огромную пользу измученной бесчинствами опричников Руси. За один год, в течение которого Иоанн находился под влиянием Анны, были казнены или сосланы почти все главаря опричнины.

Понятно, что опричники ненавидели Колтовскую и весь ее придворный штат. Особенно ненавидел ее князь Воротынский, отец княжича Андрея, загубленного за его любовь к Анне. Старый князь был убежден, что его сын погиб потому, что Анна стремилась стать царицей и, опасаясь преследований со стороны Андрея, устранила его. Воротынский поклялся свергнуть царицу.

У него был племянник, Борис Ромадановский, юноша, отличавшийся женственностью. Наряженный в женское платье, Борис не раз пленял молодых людей. Юноша любил приключения. Призвав его к себе, Воротынский спросил:

— Хочешь сослужить службу, а вместе с тем и сам потешиться?

Борис изъявил полное согласие. Князь посвятил его в свои планы. Борис должен был проникнуть в терем царицы под именем Ирины, дальней родственницы Воротынского. Воротынский же брался выпросить у царя разрешения ввести в терем свою родственницу. Бориса, незадолго до этого приехавшего из дальней вотчины, в Москве почти никто не знал, так что опасаться было нечего. Воротынский объяснил юноше этот маскарад тем, что ему нужно узнать кое-что о поведении одной боярышни, приходившейся ему племянницей.

Девятнадцатилетний Борис, не подозревавший западни, охотно согласился помочь дяде. Старый князь расхвалил Иоанну «боярышню Ирину», и сластолюбивый царь не только разрешил допустить ее до царицы, но даже потребовал, чтобы это было сделано немедленно. Так в тереме царицы Анны появилась «боярышня Ирина».

Борис Ромодановский так искусно играл свою роль, что никто не заподозрил обмана. В тот же день, когда он был представлен царице, Иоанн потребовал, чтобы ему показали новую боярышню. Не ожидавший этого Борис смутился. Лицо его залилось густым румянцем и стало еще более привлекательным. Царь, с видом знатока и ценителя, окинул взглядом стройную фигуру и, в знак своего благоволения, приказал выдать боярышне Ирине жемчужное ожерелье из своей казны.

С этого дня Иоанн стал отдавать боярышне Ирине особое предпочтение. Он не привык сдерживаться и однажды, не стесняясь присутствием царицы, потребовал, чтобы боярышня «постлала ему постель». Ромодановский совсем растерялся и бросился за советом к своему дяде, Воротынскому. Старый князь, предвидевший такой исход, спокойно посоветовал племяннику исполнить волю царя.

— У него так водится, — сказал он. — Ничего дурного в том нет. Постелишь ему постель, поговоришь с ним, только и всего. У него этак все боярышни перебивались.

Вечером «боярышня Ирина» прошла в опочивальню царя...

Около полуночи Кремлевский дворец огласился иступленными криками Иоанна. Царь бесновался. Размахивая окровавленным посохом, он, в одной сорочке, бегал по палатам и грозил убить всякого, кто попадался ему на глаза. Все попрятались. Не встречая ни одного человека, на котором он мог бы сорвать злость, Иоанн бросился на половину Анны, где царило полное смятение. Он распахнул дверь, но на пороге упал и забился в припадке. Только это спасло царицу от смерти. Как всегда, за припадком последовало состояние полной апатии. Его перенесли в опочивальню. Там, на полу, лежал окровавленный труп Бориса Ромодановского, одетый в роскошное платье боярышни, с привязанной косой и жалованным ожерельем на шее. Труп был изрешечен ранами, нанесенными острым царским посохом.

15 апреля 1572 года к Тихвинскому монастырю подъехала крытая колымага, окруженная конными опричниками. Впереди, грузно наваясь корпусом на шею коня, скакал Малюта Скуратов. Приехавших, очевидно, ожидали, потому что перед ними широко распахнулись железные монастырские ворота. Колымага остановилась у паперти соборного храма. Опричники спешились. Скуратов подошел к колымате, отворил дверку и отдал несколько отрывистых приказаний. Из повозки вынесли какую-то фигуру, с головой закутанную в шубу. Ее пронесли в храм, где собрались монахини с игуменьей во главе. Перед царскими вратами стояло кресло, на которое посадили принесенную. Шубу сбросили, и монахини увидели бледное лицо, на котором странно выделялись большие, полубезумные глаза. Женщина была простоволоса. Густые, длинные волосы в беспорядке разметались,

раскинулись по плечам, перекинулись через спинку кресла. Руки и ноги были связаны. Это была царица Анна, четвертая жена Иоанна Васильевича.

Тускло мерцали лампы перед иконостасом, колыхалось красное пламя свечей, шуршали рясы монахинь, и храм, погруженный в полумрак, казался склепом, в который опускают гроб.

Началась служба. Своды храма огласились мрачными, торжественными напевами. Анна относилась ко всему безучастно, но вдруг храм наполнился истерическими воплями:

— Не хочу! Будьте вы прокляты: я царица! Не смеете!..

Анна забилась в истерике. Малюта, стоявший возле кресла, спокойно вынул из-за пояса нож, обрезал конец пояса, скомкал его и засунул в рот царице. Крики умолкли. Анна беззвучно билась в кресле, потом обмякла, потеряв сознание. Служба продолжалась. Затем начался обряд пострижения.

Через час царица Анна перестала существовать. Осталась смиренная инокиня Дария. А еще через час инокиня Дария была посвящена в схиму. Когда ее выносили из храма, на ее груди зловеще белел череп. Ее заживо погребли в одном из монастырских склепов, где она прожила еще 54 года. Скончалась она в августе 1626 года, уже после воцарения дома Романовых.

Расправившись с Анной, царь окончательно перестал стесняться. До этого он все-таки придавал своим похождениям и правам хотя отдаленный вид законности. Теперь он сбросил и эту маску. Прежде всего царь обрушился на род Воротынских и Ромодановских.

Старый князь Воротынский узнал о гибели своего племянника в ту же ночь. Он ожидал этого и приготовился к бегству. Но его предупредили. Малюта, узнав, в чем дело, сразу понял, что Борис Ромодановский по наивности сыграл роль слепого орудия мести и немедленно отправил своих подручных к Воротынскому. Князя застали, когда он уже садился в возок. Его задержали и отправили в застенки. На следующее утро Иоанн сам присутствовал на пытке. Старик держался гордо. Истерзанный, с раздробленными костями, он продолжал твердить одно:

— Ничего не знаю. Ни в чем не повинен.

Он понимал, что его участь решена бесповоротно и надеялся по крайней мере спасти своих близких. С этой надеждой он и умер. Но Иоанн любил мстить до конца. Покончив с князем, он велел обесчестить двух его дочерей и сам присутствовал при исполнении этого приказания. Затем в Кремле, на «царской площадке», состоялась грандиозная медвежья забава, во время которой звери растерзали всех родственников Воротынского и Ромодановского.

Прошел год. Неистовства начали утомлять Иоанна. Для удовлетворения своих страстей ему приходилось разъезжать, потому что, несмотря на все его строгости, бояре всеми мерами старались не допускать своих жен и дочерей в «холостой» дворец. Царь пришел к убеждению, что ему снова надо жениться.

В ноябре 1573 года состоялся брак Иоанна Васильевича с княжной Марией Долгорукой. Несмотря на то, что бракосочета-

ние было совершено без разрешения патриарха, обряд был оставлен пышно: звонили колокола всех московских соборов и церквей, народу было выставлено щедрое угощение.

Однако на следующее утро Иоанн вышел в приемную палату с нахмуренным челом. Скоро по дворцу разнеслась весть, что царь с царицею уезжают. Скрипя полозьями по свежему снегу, царский поезд направился в Александровскую слободу. А когда на другой день возки въехали в дворцовую ограду, царь, не проронивший во время пути ни одного слова, молча вылез из возка и, не отвечая на поклоны дворцовых людей, прошел в свои хоромы. За ним последовал Скуратов.

Через полчаса обитатели слободы шепотом передавали друг другу слух о непонятной затее царя: десятки людей собрались на ледяном покрове царского пруда и начали вырубать польню. К полудню добрая часть пруда была очищена ото льда. У края польни поставили высокое кресло. Пешие и конные ратные люди окружили пруд, не допуская на лед никого постороннего.

Уже близились сумерки, когда распахнулись ворота дворца и оттуда показалось странное шествие. Впереди на коне ехал царь. За ним следовали пошевни, на которых лежала царица Мария. Она была без памяти, но тем не менее тело ее было крепко прикручено к пошевням веревкою. Шествие замыкали опричники, со Скуратовым во главе. Пошевни остановились на берегу. Иоанн знаком подозвал к себе Малюту и что-то сказал ему. Скуратов вышел на середину пруда и обратился к собравшимся.

— Православные! — громко сказал он. — Се узрите, как наш великий государь карает изменников, не щадя никого. Долгорукие изменили царю, повенчали его на княжне Марии, а княжна еще до венца слюбилась с кем-то, и о том государю ведомо не было. И решил государь ту Марию отдать на волю Божию.

После этих слов Малюта подошел к пошевням, достал нож и уколол запряженную в них лошадь в круп. Лошадь сделала скачок. Подбежали опричники и стали осыпать ее ударами. Испуганное животное бросилось вперед, не разбирая дороги. Через несколько секунд раздался всплеск, полетели брызги, и лошадь вместе с пошевнями и привязанной к ним царицей погрузилась в ледяную воду. Крик ужаса повис над толпой, глядевшей в черную польню.

Царь поднялся с кресла, снял шапку, перекрестился:

— Воля Господня совершилась, — сказал он, затем сел на коня и в сопровождении опричников уехал во дворец, где были уже собраны самые красивые женщины Александровской слободы. Началась оргия, длившаяся до утра, а к вечеру царь, сопровождаемый едва протрезвившейся ватагой, уехал в свой Кремлевский дворец.

В Кремле настали унылые дни. С раннего утра до поздней ночи протяжно звонили колокола. В Москву переселились нравы Александровской слободы: царь снова превратился в игумена, его приближенные — в монахов. Опять начались долгие ночные богослужения, которые совершались в храме Спаса-на-Бору. Но молитвенное настроение Иоанна продержалось не долго. Через

две недели после гибели Марии Долгорукой в Кремлевском дворце началась иная жизнь. Замолкли соборные колокола; черные шляпки, мантии и ряссы исчезли, и бешеным потоком пронесся прежний разгул, воцарился откровенный разврат.

Приспешники Иоанна никогда еще не доходили до такой беспашабашности, какая разлилась по Москве в начале 1574 года. Все более и менее зажиточные люди спешили покинуть столицу или по крайней мере увезти из нее своих жен и дочерей.

Приемы во дворце прекратились. Все дела вершили дьяки и думные бояре. Царь, измученный бессонными ночами и попойками, вставал поздно, иногда после полудня. Страшно похудевший, совершенно лысый, с лицом, покрытым морщинистой кожей коричнево-зеленоватого цвета, он производил впечатление выходца из могилы. Поднявшись с постели, царь требовал к себе «омывальщиц». Это были выбранные им самим женщины, на обязанности которых лежало обмывание хилого царского тела теплой водой и обтирание его душистым маслом. Во время обмывания царь сидел на табурете, сбросив с себя всякие покровы. Иногда он при этом ложился, и тогда получалось полное впечатление обряда обмывания покойника.

Иоанн совсем невзлюбил Москву. Почти все время он проводил в Александровской слободе. Здесь у него был настоящий гарем, отличавшийся от восточных гаремов только тем, что находившиеся в нем женщины пользовались широкой свободой. У них не было евнухов, доступ к ним был открыт всем приближенным царя. Сам Иоанн уже пресытился. Придворные одалиски его не удовлетворяли. Он искал развлечений на стороне.

Однажды Иоанн заехал к своему любимцу, князю Петру Васильчикову. У князя была семнадцатилетняя дочь Анна, славившаяся своей красотой. Царю она понравилась, и он предложил князю послать дочь во дворец. Гордый Васильчиков отказал. Тогда Иоанн заявил, что он женится на Анне, и на другой день прислал к Васильчикову сватов. Отказать царю было немислимо. Анна Васильчикова стала женою царя. Неизвестно, кто их венчал, но, во всяком случае, царицею Анну не признавал никто. Впрочем, царь и сам не добивался такого признания.

С Анною Иоанн прожил всего три месяца. Затем она как-то таинственно скончалась. Всем было объявлено, что Анна умерла от «грудной болезни», хотя до брака Васильчикова была совершенно здорова. Тело ее тайком, ночью, было вывезено из дворца и отправлено в Суздальский девичий монастырь для погребения. После похорон, которых он не удостоил своим присутствием, царь был весел. Жизнь его потекла обычным порядком.

В окружение царя явилось новое лицо — стремянный Никита Мелентьев. Однажды Иоанн, желая оказать любимцу особое внимание, заехал к нему. В горницу, где посадили царя, вошла, с подносом и чарками заморского вина, жена Мелентьева, красавица Василиса. Она низко поклонилась. Царь поднялся, взял чарку и сказал:

— Здрава буди, хозяйюшка. А хозяйину твоему укор за то, что такую красоту до сей поры от нас скрывал.

Лицо Василисы покрылось густым румянцем. Скромная жена стремянного не смела мечтать о присутствии во дворце. Милостивые слова царя открыли ей доступ туда. Совершенно иное впечатление произвели царские слова на Мелентьева. Он побледнел. В глазах сверкнул недобрый огонек, но он сдержался, отвесил низкий поклон и сказал:

— Благодарим на ласке, великий государь. Да продлит Господь твои лета. А насчет Василисы скажу, что негоже бабе стремянного пред царскими очами быть. Ступай, Василиса.

Когда, еще раз низко поклонившись, Василиса вышла, царь сказал Мелентьеву:

— Сегодня же пришли Василису во дворец. Нечего ей здесь губить свою молодость.

Мелентьев молча поклонился. Царь уехал.

Но ни в этот, ни в следующий день Василиса во дворец не явилась. Не появлялся и сам Мелентьев. На третий день царь вспомнил о нем. На вопрос, почему не видно стремянного, Скуратов ответил, что Мелентьев болен.

— А Василиса? — спросил царь.

— Тоже сказывается хворой, — ответил Малюта, и по его губам скользнула легкая улыбка.

— Послать к ним немца-лекаря, — распорядился царь. — Да приказатъ ему, чтобы прямо от них ко мне пришел.

Через два часа лекарь Бомелиус явился к царю. Он сообщил, что Мелентьев точно слегка нездоров, но что к Василисе его, лекаря, не пустили.

— Надо навестить хворого, — сказал Иоанн и добавил: — Малюта, захвати с собой фляжку вина.

В сопровождении Малюты и Басманова царь поехал к Мелентьеву. Тот лежал в постели. Иоанн прошел в спальню.

— Хвороба одолела, Никита? — спросил он ласково.

— Недужен, великий государь, — отвечал Мелентьев, поднимаясь на постели.

— Ничего, Никитупшка, вылечим. Малюта! Дай-ко ему нашего винца. Авось полегчает.

Мелентьев взглянул на царя, на Малюту и понял все.

— Государь! — дрожащим голосом сказал он. — Судя тебя Господь. Я противиться не смею. А только... коли поднимется у тебя рука обидеть Василису, с того света приду к тебе.

Иоанн хрипло рассмеялся и отвернулся. Скуратов подал Никите чарку вина. Тот перекрестился и залпом осушил ее. Через минуту на постели лежал труп.

Спустя два дня после похорон Мелентьева во дворце появилась Василиса. Эта роскошная женщина сразу заняла первенствующее положение². Она сумела очаровать дряхлеющего Иоанна, который беспрекословно исполнял все ее прихоти. В короткое время Василиса удалила из дворца всех женщин, в которых она могла видеть соперниц. При этом она ухитрилась держать царя все время в напряженном состоянии, не допуская его до физического сближения. Она преследовала вполне опреде-

ленную цель: сделаться царицею. И добилась ее — царь с ней обвенчался; разумеется, без благословения патриарха.

Василиса держала Иоанна около себя в течение двух лет. Иоанн будто переродился: почти прекратились казни, царь не выезжал в Александровскую слободу, его припадки случались крайне редко, оргий во дворце не было. Все вздохнуло свободно. Вдруг разразилась катастрофа.

Однажды Иоанн принимал шведского посла. Велась крайне важная беседа относительно уступки побережья Балтийского моря. Присутствовали только самые приближенные люди. Вдруг среди беседы Иоанн встал и ушел. Шведский посол был в полном недоумении. Иоанн быстрыми шагами направился на половину царицы. Он распахнул дверь. Василиса стояла среди терема, ее лицо было покрыто румянцем, на губах — растерянная улыбка. Иоанн крикнул, обернувшись назад:

— Малюта! — Вошел Скуратов. — Обыщи терем! — приказал царь и остановился, опершись на посох. Василиса побледнела, но не произнесла ни слова.

За штофным пологом кровати Малюта нашел сокольничего Ивана Колычева. Молодой красавец, видя, что его участь решена, вышел на середину терема, смелым взглядом окинул дрожащего от ярости царя и сказал:

— Государь! Винюсь перед тобою. Скрывать нечего. И ведаю, что ждет меня лютая казнь. А только позволь мне напоследок правду тебе сказать. Загубил ты Василисиного мужа Никиту, губишь теперь и ее. Погляди на себя. Подумай, гоже ли тебе молодую жену иметь. Лучше бы ты...

Острый конец царского посоха прервал эту речь. Василиса лежала в глубоком обмороке. Царь забился в припадке. Шведский посол его не дождался.

На другой день в Александровской слободе происходили похороны. На окраине была вырыта широкая могила. Священник, совершавший богослужение, не знал, кто лежит в двух гробах, которые привезли из Кремля. Ему даже не назвали имен. Басманов сказал, что поминать нужно просто «усопших раб Господен». Священнику несколько раз казалось, что в одном из гробов раздастся легкий шорох, но он не смел ничего сказать. Гробы вынесли и зарыли в общей могиле.

В одном из этих гробов лежал убитый Иван Колычев, в другом — живая Василиса Мелентьева, вся обвязанная веревками, с плотно замкнутым ртом.

В Кремлевском дворце снова завелся гарем. Опять начались массовые казни. В первую очередь на плаху были отправлены все родственники Колычева, затем — сородичи Василисы. Кровь лилась несколько месяцев. Наконец царь пресытился и занялся государственными делами. Но в это время он не оставлял мысли о новом браке и подыскивал себе невесту.

Он выбрал Наталью Коростову, но встретил неожиданное препятствие: дядя Наталья, новгородский архиепископ Леонид, приехал в Москву и решительно заявил, что скорее убьет свою племянницу, чем отдаст ее на поругание Иоанну. Эти слова архиепископ сказал на приеме во всеуслышание, но, к общему

удивлению, царь сохранил спокойствие и даже обласкал Леонида.

В этот же день на «царской площадке» состоялась потеха. С заднего крыльца дворца вынесли какой-то тюк, зашитый в медвежью шкуру. Его положили среди площадки. Затем псари вывели около десятка огромных псов и натравили их на тюк. Псы в несколько мгновений разорвали медвежью шкуру, а потом растерзали зашитого в нее человека. Это был архиепископ Леонид.

Наталья, несмотря на сопротивление, должна была поселиться во дворце. Она стала добычей царя, но не получила звания царицы. Дядя невольно оказал ей плохую услугу. Расположением царя Наталья пользовалась всего несколько месяцев. Затем она бесследно исчезла... Возможно, ее скелет найдут в стенах кремлевских подземелий, где Иоанн любил хоронить людей, которых почему-либо неудобно было казнить публично.

Исчезновение Натальи совпало с появлением в Москве боярина Федора Нагого. Приказ Иоанна неожиданно вернул его из ссылки. Между тем дело обстояло очень просто. В вотчине опального боярина проездом был князь Одоевский, один из послов, постоянно ездивших из Москвы к польскому королю. Вернувшись в Москву с очень неудачно выполненной миссией, Одоевский придумал способ расположить к себе царя. Он в ярких красках описал ему красоту боярышни Марии Нагой. Иоанн немедленно приказал вернуть в Москву Нагого со всем семейством.

На другой же день по приезде царь пожаловал ему подмосковную вотчину и в знак особой милости объявил, что на днях посетит его. Действительно, через два дня в доме Нагого на окраине Москвы появился царский поезд.

Боярин встретил царя на крыльце с глубокими поклонами. В столойной горнице высокого гостя ждала боярыня с подносом, на котором стояли две золотые чарки: для царя и хозяина. Иоанн оглянулся и, не отвечая на поклон боярыни, сказал:

— Не ладно принимаешь, боярин. Я к тебе со всеми милостями, а ты меня обижать вздумал.

— Помилуй, великий государь! — растерялся Нагой. — Можно ли мне помыслить чинить тебе обиду? В чем ее усмотреть изволил?

— А в том, — ответил Иоанн, — что не кажешь мне свою дочь. А она, сказывают, красоты неописанной.

Эти слова объяснили Нагому, чему он обязан снятием опалы.

Надо сказать, что боярышня Мария была просватана за сына одного из бояр, жившего по соседству с вотчиной, в которой провел более десяти лет ссыльный Нагой. Мария поэтому и не приехала в Москву. Сознаться в этом было опасно, потому что царь приказал Нагому явиться в Москву со всем семейством. Несколько секунд боярин раздумывал, потом решительно заявил, что боярышня хворает и потому не может покинуть своей светелки.

— Ничего, боярин, — весело сказал царь. — Хоть и недужна боярышня, а видеть ее я хочу. Веди меня к ней.

Что было делать! Нагой упал царю в ноги и покаялся, что обманул его. Против ожидания, царь не разгневался, а сказал: — То-то, Федор! Нелегко провести меня. А теперь — сейчас же посылай за боярышней. Послезавтра опять приеду.

Царь вышел и уехал. Нагой сейчас же поскакал в свою вотчину и воротился в Москву с дочерью. Мария плакала, умоляла убить ее, но не разлучать с женихом... В назначенное время Иоанн приехал к Нагому. На этот раз вино поднесла ему боярышня Мария. Была она высокая, статная, с большими глазами и косою ниже пояса. Потухшие глаза Иоанна загорелись. Вопреки всем обычаям он сказал при ней Нагому:

— Ну, боярин, сам я себе у тебя сватом буду!..

Мария упала в обморок. Царь усмехнулся и сказал:

— Видно, не по нраву пришелся я боярышне. Да ничего: стерпится — слюбится.

Через неделю была свадьба. Конечно, и на этот раз церковный обряд совершался без участия патриарха и епископов. Венчал священник, бывший опричник. Посаженым отцом Иоанна был его сын Федор; дружкой со стороны жениха — князь Василий Иванович Шуйский; дружкой со стороны невесты — Борис Федорович Годунов. Все будущие московские цари.

На короткое время в московском дворце жизнь шла мирно. Мария покорилась своей участи и относилась к Иоанну хорошо. Царь был доволен женой. Одно лишь ему в ней не нравилось: она часто, без видимой причины, начинала плакать. Это его раздражало. Однажды, застав ее в слезах, он до того рассердился, что обещал «отдать ее псам», если она не станет веселой. Конечно, Мария не стала от этого веселее, и между ней и царем установились холодные отношения. Началось повторение старого. Снова ночью дворец оглашался пьяными песнями, опять в нем царил дикий разгул. Но у Иоанна не было уже прежних сил. Случалось, что он среди оргии вдруг засыпал. Он забывал имена своих любимцев, иногда называл Годунова Басмановым, удивлялся, почему за столом нет Вяземского, казенного им много лет назад... К этому времени старший его сын, Иоанн, унаследовавший от отца дурные качества, принимал уже участие в оргиях. Он надеялся довести отца до окончательного безумия и скорее занять его место. Первое ему удалось, второе — нет. Все чаще вспыхивали ссоры, подогретые вином. Однажды разъяренный отец ударил сына посохом в висок. Промучившись два дня, Иоанн Иоаннович скончался.

Отчаяние царя продолжалось около месяца, а затем в Иоанне произошла огромная перемена: он окончательно перестал выносить около себя людей, не способных непрерывно веселиться. Мария стала ему ненавистна. Но в то же время почти совсем исчезла его кровожадность. Казни стали в Москве редкостью. Но зато у Иоанна еще более усилилось чувство сладострастия. Оно дошло до болезненности. За несколько месяцев до своей кончины Иоанн заболел. Ухаживали за ним жена Мария и невестка, вдова убитого им сына. Однажды ночью, когда около него дежурила невестка, царь вдруг почувствовал в себе прилив бодрости. Он поднялся, схватил невестку за руки, потянул к себе и начал

шептать ей «слова любви». Между ними завязалась борьба. Царь делал отчаянные усилия повалить ее, но ей удалось вырваться, и она убежала³.

Это был последний подъем чувств. Правда, царь скоро встал с постели, но все понимали, что дело близится к концу. Не чувствовал этого только сам Иоанн. Он готовил новый брак.

Царю сообщили, что у английской королевы есть красивая родственница, Мария Гастингс, графиня Гонтингонтская. Иоанн не считал нужным скрывать своего отношения к Марии Нагой, хотя та в это время готовилась стать матерью. Он послал в Лондон Федора Писемского, который должен был посмотреть невесту и переговорить с королевой. Царь предвидел, что Елизавета может возразить, что он женат, но Писемский должен был объяснить, что брак этот недействителен, ибо не признан архипастырями. В указе Писемскому царь прямо говорил: «И сказать королевскому величеству, что Мария Нагая не царица и будет пострижена в монастырь».

Со своей стороны, Иоанн требовал, чтобы Мария Гастингс и все лица ее свиты приняли греческую веру, а детям будущей царицы обещал «особые уделы, как издревле велось на Руси». Таким образом, Иоанн готов был разделить свое царство между детьми английской принцессы.

Королева приняла московского посла с большими почестями, но относительно сватовства дала уклончивый ответ. По ее словам, Мария Гастингс больна и видеть ее нельзя. Королева была в очень затруднительном положении. С одной стороны, ей очень хотелось породниться с русским царем, с другой же — Мария Гастингс и слышать не хотела о браке с Иоанном, жестокости которого были хорошо известны в Англии. В конце концов Елизавета нашла остроумный выход: под именем Марии Гастингс Писемскому показали какую-то рябую, кривобокую девицу почтенного возраста. Разумеется, после этого посол поспешил уехать из Лондона, чтобы сообщить царю, что его обманули и что выбранная им невеста похожа на чудовище⁴.

Между тем мысль о тесном союзе с Москвой настолько соблазнила Елизавету, что она отправила к Иоанну чрезвычайного посла Джерома Боуса, который должен был передать Иоанну собственноручное письмо королевы, предлагавшей царю жениться на ее двоюродной племяннице, Анне Гамильтон, овдовевшей незадолго до этого. Анна отличалась красотой, но в то же время и твердым, жестким характером. Когда Елизавета спросила ее, не боится ли она стать женой грозного царя, та рассмеялась:

— Я в мире боюсь только одного: старости. А московского царя я смею укротить.

Боус привез царю портрет Анны, изображенной в сильно декольтированном платье, написанный специально, чтобы показать Иоанну пышный бюст предлагаемой ему невесты. Иоанн пришел в восторг, и Боус имел у него несколько аудиенций. Кроме международной политики, посол затронул и вопросы интимного характера. Елизавета требовала, чтобы ко дню приезда невесты в Кремлевском дворце не осталось ни одной русской женщины и чтобы прежде всего оттуда была удалена Мария

Нагая. Боус добавил, что леди Гамильтон уже выехала из Лондона. Убрать из дворца тех женщин, которыми окружил себя Иоанн, было нетрудно. Сложнее представлялся вопрос об удалении Марии, которая только что родила сына Димитрия. Даже Иоанн не был способен выгнать царицу, еще не оправившуюся от родов. В этом смысле он ответил английскому послу, на что Боус надменно заметил, что «ее величество, английская королева Елизавета, требует исполнения всех условий. В противном случае она приказала прервать переговоры».

Это заявление Иоанну передал Годунов. Царь вспылил и велел передать англичанину, что, если он немедленно не выедет из Москвы, его вывезут на кляче. После этого Боусу оставалось только покинуть столицу. С леди Гамильтон он встретился в Польше и уговорил ее вернуться в Лондон. Кажется, это был первый случай, когда в Иоанне доброе чувство одержало верх над злым... Но он тотчас же раскаялся в своем порыве. Ему казалось, что он проявил слабость, недостойную могущественного царя. Когда через несколько дней после отъезда Боуса ему доложили, что царица Мария встала с постели и просит у него позволения предстать пред его очи, он грубо ответил:

— Пусть сидит в своем тереме и не суется туда, где ее не спрашивают.

Мария увидела Иоанна только в гробу.

Накануне своей смерти, 17 марта 1584 года, царь отправил Шуйского в Швецию. Ему сообщили, что у шведского короля есть дальняя родственница, отличающаяся удивительной красотой. Царь решил посвататься за шведскую принцессу. Он предлагал королю тесный союз и всевозможные льготы. Но Шуйскому не было суждено покинуть пределы Руси. На другой день его догнал курьер с вестью о кончине царя.

Иоанн умер внезапно за партией в шахматы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1570 году опричные писцы произвели по всей стране перепись дворянских девок-невест и, отобрав 2000 самых здоровых и красивых, свезли их в Москву. Из этих 2000 невест царь выбрал сначала 24, а затем 12. В числе последних была Марфа.

² В «Хронографе о браках царя Ивана Васильевича» можно прочесть, что царь «обращился со вдовою Василисою Мелентьевою, юже мужа ее опричник закла; зело урядна и красна, таковых не бысть в девах, киих возяще на зрение царю».

³ По поводу смерти царевича и судьбы снохи Иоанна существует другая версия. Однажды Иоанн Васильевич застал сноху — царевну Елену — в одной рубашке на лавке в жарко натопленной горнице. (По тогдашним понятиям, женщина считалась «вполне одетой» только тогда, когда на ней было никак не меньше трех рубашек.) Елена была беременна, но царь не ведал жалости. Он прибил сноху. От страха и побоев у царевны случился выкидыш. Царевич пытался защитить жену, он схватил отца за руки, а тот нанес роковой удар посохом. Но умер царевич не сразу, он впал в горячку и, промучившись 11 дней, отошел. Отец от горя едва не лишился рассудка. Он разом погубил сына и долгожданного наследника. Его жестокость обрекла династию на исчезновение.

⁴ За хитрость Елизаветы должен был расплатиться лейб-медик московского царя англичанин Роберт, который первым сообщил ему о красоте Марии Гастингс. Роберта замучили в застенке.

Публикация и примечания АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

ТЕ, КТО РЯДОМ

Мы смотрим на них, но всегда ли видим, замечаем? А вот фотографы видят. Объективы фотокамер не только фиксируют жизнь «братьев наших меньших», а как бы сопоставляют, сопрягают наше и их бытие.

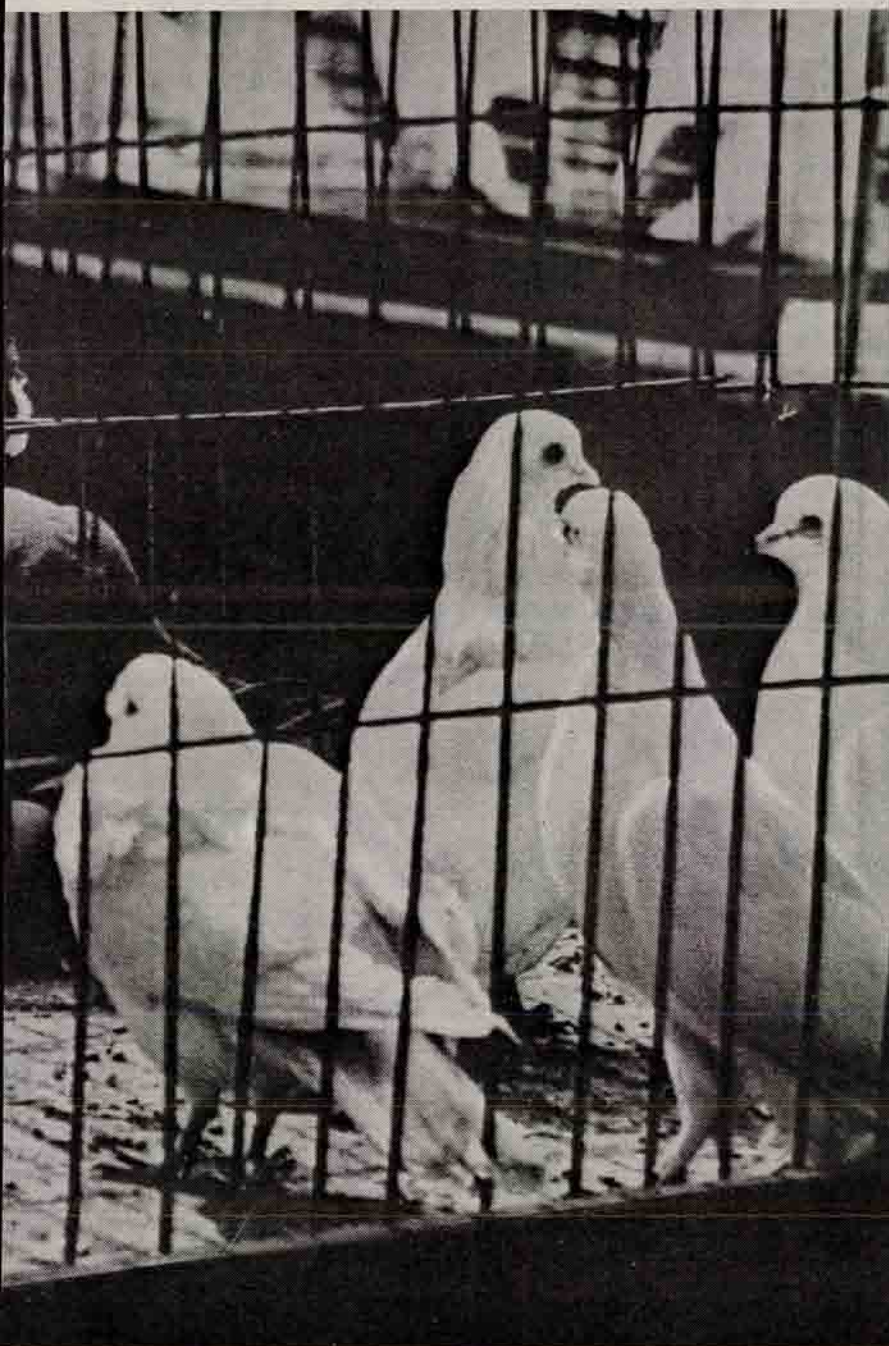
И мы понимаем: мир животных и мир людей — неделим. Тут все вперемешку, все общее. Да и характеры, нравы, случается, частенько схожи, по пришвинскому выражению, «до запятой...». Они лечат нас от болезней и душевной смуты. Мы (увы, реже!) помогаем им жить рядом с нами, когда и самим-то, кажется, жизнь невмоготу...

Так вот, бок о бок, радуясь и печальясь, отсчитываем дни наши на одной земле, под одним небом... И, как поется, «нам не жить друг без друга...».

*О. СОЛОМАТОВ.
Тихо... А то разбудим.*

В. ШУМКОВ - Диоген Поталыч

В. ЧЕРНОВ. Верблюжий глас.

В. КОВАЛЬСКИЙ. Мелодия на два голоса.

В. ЧЕРНОВ. Нежность.

В. ЧЕРНОВ. Это мы понярошку...

В. ИВАЩЕНКО. Дебаты.

А. АНИСКОВ. Впередсмотрящий.

*И жарой пропитана толща лени,
Все кончается штормом.*

*Утром вниз повисает день,
Немеют ноги, и стулья падают на колени.*

*И, как будто прощаясь, взмахнет рукой
Человек в лучах предпоследнего света.
Зелень моря, ненадежный его покой
Только безумным напоминают лето.*

Жизнь равна непредвиденному.

*Отнимая от равенства без
По кругу в надежде его начала,
Отнимая прошлое, получается человек,
Лишенный опоры берега и причала.*

*Запивая волной несъедобный страх,
Неизвестный суше, что он покинул,
Человек на всех своих парусах
Притяженья стремится к морским глубинам.*

*И едва успеешь его позвать
(Или просто подумать), сползет туда же
Отблеск солнца, приученный восполнять
Недостаточность пейзажа.*

IV

*Нежданную мечь, увы, не переходят в брод.
Знаки, слова,*

*многоточья всплывают из чаши кровью.
Застывает дуплом на растении тела рот,
Навсегда ошарашенный утренним кофе. Бровью*

*Не повести. Не убежать назад.
Воздух стекает за грань предметов.
Наступает вечер, поскольку ничьи глаза
Не могут больше смотреть на это.*

V

*Некто, выдумавший игру,
Станет играть до конца.
Дверной глазок в черной маске рук —
Шутка его гонца.*

*Им продолжается время. Причем
Почти незаметно то,
Как он выкручивается нулем,
Умножив себя на сто.*

*Осечка, скука, затянутость сцен
Не в правилах этой игры.
Земля с несытостью на лице*

Лелеет его дары.

*Он долго будет считать до пяти.
Завяжет глаза. Но брось,
Ты создан, чтоб он смог тебя найти,
И вслепую знаком насквозь.*

*Как неуместен бывает вопрос,
Такой, как «при чем здесь я?».
Неуместно думать, что это не он,
А море, война, змея.*

*Обстоятельства (случившаяся беда
Необязательна посему).
Но все они плавно текут туда,
Куда и время, — к нему.*

*Зарождение жизни, ее глупая ночь.
Вся ее шелуха.
Поправимы, как всё, что стремится прочь,
Явившись из пустяка.*

*Изменимы, зависимы от
Погоды, письма, звонка.
И только то, что задумал он,
Случится наверняка.*

VI

*Неведомый, даже живя в мозгу,
Он оставляет следы —
Спички на полусгоревшем мосту,
Акулу в зрачках воды.*

*Человек похож на брезгливость к другим.
Птица — на стаю мух.
Страх в тишине одиноких зим
Напоминает стук.*

*Смотрящий в воду похож на стон,
Звуки свои дробя,
Ускользающий в вечер. И только он —
На самого себя.*

VII

*Сквозь мертвый воздух на красный плед
Голос течет навзрыд.
Снимите с полузакрытых век
Тяжесть пустых молитв.*

*Тот, к кому обращен их пыл,
Был без конца чужим.
Понимал вас (попробуй сказать «любил»)*

Тот, кто не примет им.

VIII

*Предвидящим — знаки на потолке,
Заразу в подножье трав.
Боящимся — острый кинжал в руке
(Погибнут, его не сжав).*

*Знающим — пошлость цветов на гроб.
Песню за сто рублей
Для двух музыкантов (хватит денег для трех)
Выжмите в уши дней.*

*Сумасшедшим — намеки дрожащих ламп,
На двоих бесполезный стол.
Пространство — спотыкающимся глазам,
Коленям — холодный пол.*

*Тому, кто вскрикнул, — спокойный тост.
Тому, кто уснул, — кошмар.
Тому, кто плачет, тому, кто ждет, —
Всем выдан предсмертный дар.*

*А того, кто о нем усмехнется вскользь
И шуточно тряхнет плечом,
Неизбежный клоун проткнет насквозь
Своим бутафорским мечом.*

НАСТАВЛЕНИЕ

УБИЙЦА

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Рисунки
ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

Вилла, по российским представлениям — шикарная, для европейца же — просто обустроенный дом, была расположена на окраине Мюнхена. Аккуратно подстриженный газон отделял розовое двухэтажное здание от шоссе метров на сорок. И дом, и ухоженный газон, на котором в шахматном порядке росли небольшие деревья, могли принадлежать человеку обеспеченному, но не богатому. В этом была уверена и жена хозяина дома. Хотя прожили они с мужем пять лет, женщина даже не подозревала, что ее муж — крупный рэкети́р и располагает очень большими деньгами.

Семья завтракала на веранде. Мужчина пил кофе, просматривая газеты, и курил первую в этот день сигарету. Он не знал, что сигарета окажется в его жизни последней, а биржевые новости ему знать ни к чему.

Сынишка капризничал, отказывался пить сок и допытывался у матери, почему трава зеленая. Но объяснить мать не успела...

Убийца подошел к дому с черного хода. Уверенно и неторопливо он поднялся на веранду, достал из-под полы длинного плаща автомат...

Впоследствии полиция установила, что убийца выпустил более двадцати пуль калибра 5,6 мм. Хозяин и ребенок умерли мгновенно. Женщину в тяжелейшем состоянии доставили в госпиталь, и врачи считали, что ее положение безнадежно.

Глава первая

НАЧАЛО

Инспектор криминальной полиции Дитер Вольф был не в лучшем расположении духа. Высокий широкоплечий блондин с голубыми глазами и твердым подбородком, Дитер лет пятьдесят назад мог бы, как эталон арийца, красоваться на плакатах рейха и приводить в восторг щенков гитлерюгенда. Инспектору уже исполнилось тридцать, но он был холост и жил в одном доме со своей матерью. Фрау Анна, недавно отметившая пятидесятилетие, выглядела так молодо, что порой ее и Дитера принимали за брата и сестру. Да и относилась она к сыну без родительского диктата и лишь в редких случаях позволяла себе его одергивать, ставить на место.

Сегодня такой случай представился. Дитер метался по своей комнате и громко выкрикивал:

— Проклятые русские! Черт бы их побрал! Ненавижу! Еще и язык их учи!.. Тьфу... — Он схватил со стола томик Чехова и запустил им в стену. В этот момент терпение фрау Анны, стоявшей в дверях и наблюдавшей за сыном, кончилось.

— Дитер, ты ведешь себя недостойно! — жестко произнесла она. — Немедленно прекрати! Приведи себя в порядок и иди обедать. Я жду тебя.

Причиной столь необычного поведения инспектора Вольфа был состоявшийся днем разговор с комиссаром.

Шеф пригласил Дитера в кабинет и начал издали, что было ему совершенно несвойственно:

— Мой мальчик, ты человек способный, с тебя и спросить можно больше.— Он указал Дитеру на кресло и распорядился принести кофе.

«Меня отсылают в какую-то дыру начальником деревенских полисменов»,— решил Дитер и бесстрастно посмотрел на шефа.

Комиссар выдержал паузу, пока помощник расставлял чашки с кофе, затем продолжил:

— Скажу вещи общеизвестные... Разрушение стены, о чем мы мечтали десятилетиями, соединение с нашими восточными братьями, наплыв неквалифицированных рабочих многих национальностей вызвали вспышку преступности. Но наших сограждан нюансы не интересуют, люди платят налоги, содержат полицию и хотят жить спокойно.

«Значит, не в деревню,— понял Дитер.— Шеф обеспокоен расстрелом семьи на вилле. Но это дело округа и никакого отношения ко мне не имеет».

— Получены агентурные данные, что семью Мюллеров уничтожил русский, приехавший из России. Он выполнял задание русской группировки, которая контролирует известные тебе районы города.

Комиссар взглянул на элегантного инспектора. Дитер любил модную и дорогую одежду, пользовался успехом у женщин, мог появиться в любом обществе, и не только швейцары, но и великосветские дамы и господа не угадывали в нем полицейского.

— Дитер, вам надлежит внедриться в русскую общину, установить убийцу и через него выйти на заправил русской банды.

«Старик совсем сдал,— подумал Дитер.— Перешел со мной на «вы»... Приказывает сделать невозможное. Убийца приехал и уехал. Как же его установить? Сумасшедший дом, да и только».

— Ты хорошо говоришь по-русски, читаешь и пишешь на этом языке без ошибок, как-никак тебя обучала чистокровная русская.

Дитер вздохнул. В России без ошибок пишут лишь немногие, а говорит он с легким акцентом, и русские принимают его за прибалта.

— Приглашение наемных убийц из России в последнее время не такая уж редкость. Русский дешевле, а главное — после выполнения задания он сразу же улетает. Стало быть, не шантжирует заказчика, не попадает в поле зрения полиции или конкурирующей стороны, а значит, никого не выдаст. Вот ты сидишь и думаешь, мол, старик выжил из ума и посылает меня искать человека, которого давно нет в городе. Верно?

— Извините, господин комиссар, вы абсолютно правы. Но я не считаю...

— Считаешь, считаешь,— перебил комиссар,— не лукавь, мой мальчик. Я поручаю тебе скверное дело и хочу, чтобы ты понял: у нас, немцев, сейчас другого выхода нет. Мы подписали с русскими соглашение о совместной работе по борьбе с организованной преступностью и наркобизнесом. Совершено варварское пре-

ступление. Мы имеем основания обратиться за помощью в розыске убийцы. Но ты не можешь прилететь в Москву и сказать: «Господа, у нас имеются данные, что зверское убийство в Мюнхене совершил ваш человек. У нас с вами соглашение, найдите убийцу и выдайте Германии».

Предположение было настолько абсурдно, что инспектор позволил себе улыбнуться:

— Россия — страна небольшая, преступников там всего ничего. Такой вариант вполне возможен.

Комиссар одобрительно кивнул:

— Ты разумный мальчик, Дитер! Вот и пойдешь в русские кварталы и будешь там болтаться до тех пор, пока не добудешь информацию. Их колония невелика, все друг друга знают. Не может быть, чтобы не видели чужака. А то, что он там появлялся, — факт. Узнай возраст, внешность... Как он себя называл, откуда родом. Хотя, конечно же, сведения о себе давал ложные. И вот, когда соберем все, ты прилетишь в Москву и скажешь: мы сделали все, что могли, теперь давайте работать вместе.

Дитер сдержанно ответил:

— Сделаю все возможное, господин комиссар. Но русских следует ориентировать уже сейчас.

— Думаю, им сейчас не до наших забот, — ответил комиссар. — В прошлом году, когда к нам приезжала группа офицеров из Москвы, ты патрулировал улицы с одним из них. Кажется, вы попали в перестрелку и захватили двух бандитов. Тогда мне показалось, что и ты, и русский в своих рапортах что-то утаили. Я прав?

— Прошло столько времени...

— Дитер, мальчик, мне шепнули, что в русского стреляли с близкого расстояния и ты вытолкнул его с линии огня. Это так?

— Мой русский напарник оказался человеком опытным и быстрым, самостоятельно выходящим из передряг... Но, возможно, я немного помог ему.

— Прекрасно! — Комиссар допил кофе и поставил чашку на стол. — Позвони этому опытному и быстрому парню и попроси помочь.

— Извините, но я не могу, господин комиссар, — твердо ответил Дитер.

Комиссар устал от долгого разговора. Дитер начинал его раздражать своей молодостью, невозмутимостью, упрямством. Но старый полицейский подавил раздражение и терпеливо продолжил:

— В России законы и приказы не выполняются. Но по дружбе пойдут и под нож, и под пулю. В России все делается по знакомству. Позвони этому парню.

— Не могу! — Дитер встал. — Когда я провожал русских на аэродром, то узнал, что мой напарник не «этот парень», а полковник.

— Ах, вот как! — растерянно произнес комиссар. — Я подумал, если оперативный работник, значит, инспектор.

— Полковник Гуров — старший оперативный уполномочен-

ный по особо важным делам Главного управления министерства.

— Ну что же, тогда иди, готовь себе легенду, готовься к поездке... — Комиссар тоже встал и, когда дверь за подчиненным закрылась, поморщился: — Полковник... А как мальчишка бегает ночью по улицам...

Полковник Гуров вошел в парикмахерскую. На давно не мытой витрине еле угадывалось название — «Салон». Сыщик оглядел унылое, обшарпанное помещение. В «Салоне» не было ни души, четыре кресла глядели в мутные зеркала на свои облезлые спинки. На некогда белой полке валялись инструменты... Хотелось уйти и никогда сюда не возвращаться. Гуров поборол соблазн, кашлянул и громко сказал:

— Здравствуйте. Извините, что без предупреждения!

В проеме двери, ведущей в служебное помещение, никто не появился, он подошел ближе и повторил:

— Здравствуйте!

Не прошло и пяти минут, как появилась надменная девица с раскрашенным, как у индейца, лицом.

— Будем стричься? — Девица взглянула на Гурова и вздохнула. — Вы знаете, сколько это стоит?

— Я вытерплю.

— Как желаете? — Девица подошла к креслу, махнула салфеткой.

— Хорошо, — ответил Гуров. — Я желаю, чтобы меня постригли хорошо.

— Стрижка модельная, — вынесла приговор девица. — Тогда моем голову.

Полковника мыли и стригли так, словно он был неодушевленным предметом. Его голову пригибали, крутили, подталкивали, тянули вверх, нажимали на плечи. К «мастеру» подходили люди, предлагали что-то купить или продать, дважды «мастера» звали к телефону. Девицы разговаривали между собой о шмотках, выпивке и мужиках.

Когда Гуров оказался на свободе, настроение его окончательно испортилось. Обычно, когда у него случались неприятности либо тоска заедала без видимых причин, Гуров шел в тренажерный зал, в баню и, если пришло время, в парикмахерскую, затем надевал свежую рубашку, парадный костюм, новый галстук. Как правило, такое «обновление» помогало привести нервы в порядок.

Сегодня он начал с парикмахерской, и на тебе, какое уж там успокоение.

А настроение сыщика испортилось еще вчера, около полуночи, когда раздался телефонный звонок:

— Добрый вечер, господин полковник, вас беспокоит Дитер Вольф из Мюнхена. — В трубке ничего не трещало, голос звучал чисто, не уплывая в небытие. Надо же, отметил Гуров, когда разговариваешь с границей, слышно лучше, чем если позвонит сосед, у которого кончились сигареты.

— Здравствуйте, Дитер, — ответил Гуров, хотя его и подмыва-

ло заметить, что полночь не самое удачное время для звонков. — Как здоровье? Как поживает фрау Анна?

— Спасибо, господин полковник. У нас все в порядке. — Дитер запнулся и вздохнул.

— Я слушаю вас, Дитер.

— Две недели назад у нас произошла катастрофа. Двое погибли на месте — один из них ребенок, мать находится в реанимации. Вы меня понимаете, господин полковник?

— Что ж тут непонятного... — Гуров вздохнул. — Вы полагаете, что исполнитель приезжал от нас?

— Сожалею, господин полковник.

— Вы, конечно, послали официальную бумагу?

— Приношу свои извинения, господин полковник, сообщение мы послали, но пока нет ничего конкретного. Вы знаете, в нашей работе...

— Знаю, Дитер, — невежливо перебил Гуров. — Что вы имеете по исполнителю?

— Тридцать лет, русский, рост и фигура средние, проживает предположительно... — И Дитер назвал город в России.

— Так много! Это мы вмиг организуем.

— Я не хотел вас беспокоить, господин полковник, но господин комиссар настоял. Извините...

— Дитер! — рассмеялся Гуров. — Перестаньте извиняться. У вас комиссар, а у меня генералов... — он хотел сказать, что генералов над ним, как у сучки блох, но вовремя сдержался, — ...более чем достаточно. Я понял следующее: ваш комиссар считает, что вы в прошлом году оказали мне услугу, потому можете обратиться с личной просьбой. Вы когда прилетаете?

— Через несколько дней, господин полковник.

— Хорошо. Позвоните и сообщите день и рейс. Низкий поклон фрау Анне. Спокойной ночи. — Гуров не стал ждать благодарностей, положил трубку и сказал: — Цирлих-манирлих, только тебя мне и не хватало.

То патрулирование в Мюнхене Гуров, конечно, хорошо помнил, глупость тогда произошла чрезвычайная. Ночь протекала однообразно, скучно. Гуров дремал на переднем сиденье. Машину вел, естественно, Дитер Вольф, который за неделю полковнику изрядно надоел своей подчеркнутой вежливостью, опекой, пояснением элементарных оперативных истин и скрытой обидой, что его, Дитера Вольфа, квалифицированного детектива, заставляют патрулировать улицы и выполнять роль гида. Немец не знал звания и должности своего напарника, иначе язык бы попридержал, не знал он и того, что их совместное патрулирование происходит по просьбе именно Гурова.

Полковник давно понял: эффективность работы полиции зависит не от руководства, даже не от профессионализма розыскников, а от первого звена — участковых и патрульных нарядов. Участкового, проработавшего на одном месте не менее десяти лет, мальчишки знают с первых хулиганских шалостей: взломали сарай, уперли из подъезда велосипед, побили недругу стекла. Мальчишки растут, мужают, большинство выходят в люди, а некоторые попадают в колонии. Вернувшись, они видят своего

участкового, у которого прибавилось звездочек на погонах и морщин, убавилось волос. Но мент знает каждого из прошлых, настоящих и будущих своих пацанов, как некогда знал земский доктор, чем болел отец и что можно ждать от сына. И «пациенты» прекрасно понимают: участкового не провести, не купить, зря в участок он не потащит, при девушке грубым словом не обожжет, от него можно легко схлопотать без протокола, но зато по совести.

Патрульные на дребезжащих кособоких тарантасах разъезжают по улицам, подбирают, а порой и обирают пьяных. В основном это молодые самоуверенные ребята, часто хмельные — в серьезной рукопашной им грош цена. Они не способны по походке, по манере держаться определить степень опасности подозреваемого, не умеют правильно к нему подойти, даже правильно стоять при проверке документов. Большинство из них пренебрегают основным законом ночного патруля: обнажил оружие — стреляй. Патрульных убивают чаще, чем других сотрудников милиции.

Полковник Гуров все знал про свою Россию и ничего про их Германию. Потому, прибыв в Мюнхен, сказал: «С совещаниями, брифингами и фуршетными подождем, дайте «покататься» в ночном патрулировании».

Когда Гуров в первый раз выехал на дежурство, его больше всего поразили не машины, в которых были телефоны, компьютеры, рации, новейшие прожекторы на колесах и даже бензин, а веселые парни-полицейские. Полковник, при росте сто восемьдесят два и весе восемьдесят, оказался в этой компании едва ли не самым мелким. Здоровые, жизнерадостные парни на блестяще оборудованной технике выезжали в ночной город, и было ясно, кто хозяин этого города.

Напарник Гурову не понравился, да иначе и быть не могло. У Дитера Вольфа было все то, чего не было у подчиненных и коллег полковника. Прекрасно тренированный и экипированный, уверенный в завтрашнем дне, Дитер Вольф не согревал в кармане сверток с осклизлой едой и термос с жидким чаем, так как мог остановиться в любое время у чистенького кафе, поесть горячего и вкусного, выпить кофе или банку пива. Хозяин ночного заведения, запоздалые посетители не смотрели на полицейского с презрением, встречали доброй улыбкой, шуткой, пьяные же — а такие встречались — по мере сил трезвели и торопились домой. Вдобавок ко всем своим недостаткам Дитер был предельно вежлив и доброжелателен, да еще и по-русски говорил свободно, а Гуров «шпыхал» через пень-колоду.

Так на каком основании инспектор Вольф мог понравиться полковнику Гурову? Лев Иванович вообще с новыми людьми выдерживал дистанцию, а тут от злости на свою нищету, глядя на зеркальные витрины, улыбающиеся лица, слушая вежливо поучающего напарника, совсем окаменел.

Дитер, почувствовав глухое раздражение, исходящее от полковника, вскоре замолчал, только изредка удивленно поглядывал на напарника. Так в полном молчании они «прокатались» три смены без серьезных происшествий. Изредка останавливались, разнимали дерущихся. «Разнимали» — это для красного

словца. Завидев полицейскую машину, «вояки» исчезали, если бежать было некуда, стояли смирно, подходили к Дитеру, предъявляли документы, в основном водительские права. Инспектор запрашивал компьютер и получал полную биографию героя.

Первое дежурство Дитер поглядывал на Гурова, проверял, правильно ли напарник страхует, а убедившись, что молчаливый русский действует быстро и абсолютно грамотно, успокоился.

Останавливаясь у кафе, полковник чувствовал себя особенно отвратительно. В Москве в то время марка стоила около трехсот рублей, и Гуров не мог об этом забыть. Это сколько дней надо работать, чтобы выпить чашку кофе и слегка перекусить?..

На четвертую ночь ледок подтаял, Гуров не только отвечал на вопросы, но и сам порой спрашивал кое о чем.

Они катались по тихой, почти безлюдной улице, когда Гуров неожиданно указал на мужчину, подошедшего к одиноко бредущей проститутке, и сказал:

— Дитер, притормози этого парня.

Немец удивленно взглянул на русского, но, поравнявшись с договаривающейся парочкой, остановился и неторопливо вылез из машины.

— Приятель, можно с тобой потолковать?

В отличие от медлительного, вальяжного Дитера Гуров двигался быстро. Выскочив из машины, сыщик перекрыл незнакомцу отход. Проститутка сразу потеряла к возможному клиенту интерес и, вилля бедрами, двинулась дальше. Мужчина шагнул было к машине, но, взглянув на Гурова, попытался проскочить мимо. Полковник был к этому готов и подставил ногу. Действовал Гуров по очень простой причине: преступник, если хочет скрыться, всегда бросается на человека в штатском, а не в форме. Мужчина упал. Полковник и инспектор поменялись ролями. Гуров с флегматичным видом закурил, а Дитер бросился к задержанному. Щелкнули наручники. Затем парня швырнули на заднее сиденье, и машина покатила в участок.

Неоднократно судимый, разыскиваемый за вооруженное нападение, преступник взглянул на Гурова с ненавистью и что-то пробормотал по-немецки.

— Это вряд ли, — спокойно ответил Гуров.

— Вы понимаете немецкий жаргон? — удивился Дитер.

— Конечно, нет, — пожал плечами полковник. — Но они на всех языках говорят одно и то же: «Ты живешь, пока я сижу», «Я передам на волю, и с тобой рассчитываются».

Дитер рассмеялся и спросил:

— А почему вы решили его проверить?

— Так он шел по делам и не собирался подходить к женщине, а когда увидел машину, резко повернул к ней.

На следующий день полковника Гурова все поздравляли. Немцы радушно улыбались, хлопали по плечу, показывали большой палец, а соотечественники вымученно скалились и жали руку излишне крепко. Кто-то в сердцах обронил:

— Гуров — ему и за рубежом нейдет, главное — высунуться.

Группа российских милиционеров была малочисленной, всего

двенадцать человек, из них два практика-криминалиста, врач, теоретик уголовного права и семь партийных функционеров-руководителей. Оперативную службу полковник Гуров представлял в единственном числе и попал в делегацию только благодаря своему начальнику и другу генералу Орлову, который пошел к заместителю министра и сказал много лишних слов.

На следующую ночь после описываемых событий Дитер с Гуровым попали в стычку со стрельбой. Катили по ночному городу. Дитер философствовал, Гуров отделялся междометиями. Немец рассуждал о том, что не понимает русского, который отказался от предложения комиссара прочитать личному составу патрульной службы лекцию на тему «Ночной патруль. Как я вижу улицу».

— Это неверное решение, приятель, — рассуждал Дитер. — Поболтать час нетрудно, вы набрали бы очки у своего начальства и получили бы марки от нашего. Я не понимаю вас.

«Если бы ты знал, как мне нужны ваши марки, башмаки не на что купить, — думал Гуров, — ты бы меня не понял еще больше. А если бы услышал мой разговор с генералом, бывшим партайгеноссе, то счел бы меня просто сумасшедшим».

Генерал, у которого последнее звание — лейтенант запаса, руководитель делегации, утром поздравил Гурова и сказал:

— Лев Иванович, куй железо, пока горячо, расскажи немцам о наших методах работы. Вечером я буду встречаться с префектом, может, сумею организовать тебе выступление по телевидению. Представляешь эффект, реакцию министра? Ты сможешь подняться до... — Руководитель замаялся, видимо, прикидывая, куда же может подняться этот мент, и решительно закончил: — ...до определенного уровня.

Выступить было нетрудно, Гуров говорить умел. Но уж очень он не любил этого бывшего лейтенанта запаса, поэтому вопреки логике и здравому смыслу ответил:

— Извините, товарищ генерал, выступать не люблю и не умею. — И без разрешения пошел к дверям.

— Полковник! — Генерал повысил голос. — Вернитесь или будете сожалеть всю жизнь.

Проработай руководитель в милиции хотя бы год, знал бы, что с Гуровым так разговаривать опасно. Но генерал был пряником с партийной сковородки и потому положение усугубил:

— Я сказал, что вы будете выступать! И будете!

Гуров вернулся, взглянул на генерала с неподдельным любопытством.

— Видите ли, господин генерал, я человек талантливый, почти гениальный сыщик. Талантливости обучить нельзя, как невозможно дурака сделать умным. Поэтому и моя лекция, как и наша беседа, совершенно ни к чему. Разрешите идти, господин генерал?

Так они и катились в роскошном «мерседесе» по чистым, хорошо освещенным улицам Мюнхена.

Свернули с освещенной рекламами улицы в переулок, здесь начинались кварталы, заселенные иностранцами. Света стало

меньше, на тротуарах валялись пустые коробки, банки из-под пива... Темно и грязно было не так, как в московских переулках, но обстановка казалась более знакомой. Гуров даже почувствовал родной запах. В свете фар мелькнула кошка, и полковник тихо выругался. В этот момент ударил выстрел. В ответ протарахтела короткая автоматная очередь. Дитер включил сирену и дальний свет. Пальба усилилась. Стреляли не по машине, где-то метрах в пятидесяти, за углом справа. Гуров определил, что перестрелку ведут два пистолета разного калибра и автомат.

Машина выкатилась на перекресток. Гуров выскочил на мостовую. Дитер оказался рядом.

— Сядь за руль, развернись, освети улицу, — приказал Гуров.

За пять дней совместной работы инспектор Вольф ни разу не слышал, чтобы русский говорил в таком тоне, так командуют только большие начальники. Сработал инстинкт, Дитер впрыгнул в машину, развернулся и высветил две фигуры, которые, пересекая улицу, приближались к ним.

Сначала комиссар решил, что русский не должен иметь оружия, но Гуров настоял и получил хорошо знакомый «вальтер» 7,65 калибра и предупреждение, что в случае нарушения закона предстанет перед судом. Полковник положил пистолет и запасную обойму в карман, хотел ответить, что не надо пугать ежа голый задницей, но решил, что не поймут, и лишь коротко ответил: «Яволь».

Сейчас, стоя у машины, полковник поглаживал ребристую рукоятку «вальтера», наблюдал за бегущими. Оружие у них в руках не просматривалось... Парни бежали к проему между домами, темневшему метрах в двадцати от машины. Дитер, которого в этот момент Гуров назвал щенком, вместо того чтобы разворачивать машину и не выпускать бегущих из слепящих лучей фар, выскочил из машины и орал незнакомые слова.

— Не стреляй, может, это потерпевшие! — выкрикнул Гуров.

«Даже если они вооружены, с бега им не попасть, — думал Гуров. — Если начнут стрелять, я спрячусь за машиной и открою ответный огонь, а самозащита — в любой стране самозащита».

Увидев, как один из парней поднял автомат, Гуров нырнул за машину, и неожиданно на него обрушился сильный удар. Он рухнул на асфальт. По машине застучали пули, грохнула автоматная очередь. Дитер, прижимая Гурова к земле, шептал:

— Спокойно, спокойно, они не уйдут, проход закрыт.

Дальше все было скучно и неинтересно. Гуров поднялся и, чертыхаясь, подобрал выпавший из руки «вальтер». Отряхивая брюки, равнодушно наблюдал, как беглецы, освещенные ярким светом фар, тщетно карабкались по высоченным воротам, перегороживавшим темный проход.

Дитер стоял рядом с машиной и отдавал лающие команды. Для остротки разок выстрелил. С ворот упали короткоствольный автомат и пистолет, следом свалились и герои, замерли с поднятыми руками.

Приближался вой патрульной машины, через несколько секунд мощные фары осветили улицу, и она стала походить на театральную сцену.

Задержанных в наручниках усадили во вторую машину без нежностей, но и не били. «Наши бы не удержались, врезали бы пару раз наверняка», — подумал Гуров.

— Ты смелый парень, но нельзя же стоять открыто на линии огня. — Дитер по-мальчишески улыбался.

— Спасибо, коллега, ты мне спас жизнь, — ответил Гуров. — С меня причитается.

Дитер иронии не понял.

— Мы — напарники, сделали свою работу, и только.

Инспектор Дитер Вольф в рапорте указал, что при задержании русский действовал безукоризненно. Перед отъездом полковник Гуров получил почетную грамоту и полицейскую бляху. Вот тут-то и выяснилось, что в патрульной машине работал полковник. Среди патрульных новость вызвала недоумение, и Дитер был смущен до крайности. Для немца полковник — это... черт знает что! Очень большой человек.

Коллеги расспрашивали Дитера, каков он, русский полковник, как держится, как разговаривает. Дитер очень хвалил бывшего напарника, но однажды за кружкой пива, рассказывая, какой смельчак этот русский, обмолвился, мол, опыта патрульной работы у того маловато. И описал подробно, как бежали вооруженные бандиты, а русский полковник стоял в рост, поэтому Дитеру пришлось сбить его с ног, и автоматная очередь прошла над их головами. Так родилась легенда, что инспектор Вольф вывел русского полковника с линии огня, спас ему жизнь.

Гуров об этой легенде не знал, к немецкому оперу, так он называл про себя инспектора Вольфа, ни симпатий, ни антипатий не испытывал, когда же Дитер позвонил, понял, придется помогать. А если называть вещи своими именами, то пахать по-черному...

Глава вторая ПОЕХАЛИ

Генерал Орлов, с лицом не до конца протрезвевшего сантехника, как всегда, с плохо повязанным галстуком, смотрел на сидевшего в кресле Дитера Вольфа доброжелательно. На стоявшего у окна Гурова генерал старался не смотреть, боялся. Утром, договариваясь о встрече, Гуров настоятельно просил надеть мундир, объяснил, что для немца это очень важно. Орлов обещал, однако переодеться поленился, теперь ему было стыдно, и он старался общаться только с гостем.

И в мягком кресле Дитер Вольф ухитрился сидеть с прямой спиной, развернутыми плечами, выставив квадратный подбородок. Инспектор очень старался не выдавать своего разочарования. Утром русский полковник сказал Дитеру, что их примет руководитель криминальной полиции России, генерал. Сейчас Дитер смотрел на пожилого, ужасно одетого человека с лицом провинциального буфетчика, который шмыгал носом, тер короткопалой ладонью лицо, вздыхал и говорил нерешительно:

— Значит, Дитер Вольф, инспектор, у тебя проблемы. Очень

приятно. — Орлов вздохнул. — Ничего приятного, конечно, извини. Ты ведь свободно говоришь по-русски и понимаешь меня?

— Так точно, господин генерал!

Орлов поморщился.

— Зови меня Петр Николаевич.

— Так точно, понял! — Дитер выпрямился еще больше.

Генерал нажал на кнопку селектора:

— Верочка, дай нам кофе и раздобудь бутылку коньяка, у нас иностранец.

— Все готово, Петр Николаевич, — ответила секретарша. — Разрешите?

— Разрешаю.

Верочка принесла поднос с кофейником, чашками, сахарницей, бутылкой коньяка и даже рюмками. Держалась секретарша неестественно прямо и скованно. Орлов хмыкнул:

— Спасибо, Верунчик, этот парень холостой, улыбнись ему.

Верочка поставила поднос, неожиданно сделала книксен, улыбаясь при этом Дитеру, затем, повернувшись к Гурову, показала язык и исчезла.

— Видишь, какие у нас нравы, но ты еще не то узнаешь, парень. Лева, поухаживай за нами, и будем считать, что знакомство состоялось. Разминка окончена, к делу.

Гуров разлил по чашкам кофе, капнул в рюмки коньяк.

— Значит, мы имеем невыразительные средние приметы: возраст около тридцати, город, возможно, постоянного проживания, профессия — наемный убийца. Как я понял, — Орлов открыл лежавшую перед ним папку, — женщина осталась жива, убийцу сможет опознать. Три человека подтверждают, что данный человек находился в день убийства в Мюнхене. Оснований для ареста в России никаких, возможность доказать вину подозреваемого в Мюнхене оставим нашим немецким коллегам. — Генерал взглянул на Дитера. — Ты хочешь что-то сказать? Говори.

— На правой кисти у него татуировка в виде пятиконечной звезды.

Орлов усмехнулся, взглянул на Гурова.

— Это не примета, Дитер. — Он взял чашку с кофе, отошел к окну. — Можно нарисовать что угодно.

«Куда я прилетел? Зачем?» — тоскливо думал Дитер.

Генерал вызвал секретаршу и попросил его с кем-то соединить.

— Мне необходим дом в пригороде, обязательно с удобствами, иначе иностранец не поймет, — сказал Гуров. — «Жигули» в хорошем состоянии, со штатскими номерами, желательно, чтобы машина была зарегистрирована на какого-нибудь торгаша. Но главное — мне нужен один, только один связной. И не офицер из окружения, а настоящий оперативник, хороший агентурист. И чтобы ни одна живая душа, кроме генерала и связного, о нашем присутствии в городе не знала.

— Понял. — Генерал кивнул, выпил остывший кофе. — Будешь «краситься» под «авторитета»?

— Естественно. — Полковник взглянул на Дитера и пояснил: — «Авторитетами» у нас называют крупных, признанных уголовников.

— А как подойдешь? Они же к себе чужих не подпускают,— сказал Орлов.

— Охолопись, Петр, будто ты меня не знаешь. Я подойду.

— Подойдешь,— согласился генерал и спокойно, будто говорил о погоде, продолжал:— Зарежут. Тебя мы захороним, хотя сегодня ритуал стоит сумасшедших денег. А с ним как? — Он кивнул на Дитера.— Цинковый гроб, транспортировка, а меня заставят тонну бумаги исписать.

— К старости ты становишься паникером. Если мы сгорим, то наши тела вы не отыщете никогда, так что не брюзжи, никаких забот у тебя не будет.

Дитер слушал напряженно, переводил взгляд с генерала на полковника и обратно, а когда они замолчали, улыбнулся.

— У вас это называется черный юмор.

— Понимаешь, парень,— тяжело вздохнул Орлов,— у нас в России сейчас ничего нет. Юмора тоже, а преступников — как котов на помойке.

— Петр Николаевич, снимите трубочку,— раздался из селектора голос секретарши.

— Прекрасно! — Генерал снял трубку.— Господин генерал? Это некто Орлов, если помните... — Он выслушал ответ и громко рассмеялся.— Ну, здравствуй, здравствуй... Чего надо? А чего с тебя взять? Хотел узнать, как здоровье? Как Мариша, ребята?

Разговор занял немного времени, генерал положил трубку и обратился к оперативникам с улыбкой:

— Ну, в принципе, господин полковник, твои просьбы будут удовлетворены, дорога в крематорий...

— Господин генерал,— перебил Гуров,— вы обговорили все вопросы? Как мы легендируемся для окружающих? Ведь нас будут проверять и начнут именно с дома и машины. Как? Почему? От кого?

Орлов явно смешался, взглянул на Дитера.

— Ты угощайся, парень,— и налил ему коньяку,— не стесняйся, наш разговор ты все равно не поймешь. Понимаешь, Лева, тамошний генерал — мой давний приятель, человек честнейший, но ума не палата, я опасаясь. Может, ты по своим каналам легендируешься, через Юдина или Бунича?

— Чего? — Гуров от возмущения даже привстал на носки.— Кто меня в этом кабинете распекал за связь с коррумпированными финансистами?

— И правильно распекал. Но сейчас я хочу быть уверен, что на первых шагах тебя там не завалят. Кто лучше: Юдин или Бунич?

— Бунич,— ответил Гуров.— Юдин из этих структур ушел, чистенький как стеклышко.

— Значит, звони Буничу, это его регион, пусть он по своим каналам тебя легендирует.

— А зачем ему? Он мне ничего не должен.

— Не ври. Чтобы человек с тобой схватился и без долгов ушел? А кто его охранников-близнят от тюрьмы спас, когда они наркотики хотели схватить?

— Так я не их спасал, а Рогового прихватывал,— улыбнулся Гуров.

— Не морочь мне голову, ты еще тогда все просчитал и запасец на черный день припрятал. Не будь скупердяем, заначку доставай и действуй. Только хозяину этого кабинета,— Орлов постучал пальцем по столу,— ни гугу, это твои оперативные дела. С вами, господин полковник, мы разобрались.

Орлов на кресле тяжело повернулся к Дитеру и начал его разглядывать, будто впервые увидел. Немец понял: решается его судьба, неверное слово, плохая реакция, и он полетит в Мюнхен. А это позор. Дитер не опускал взгляда, смотрел на русского генерала и уже не видел мятого костюма, криво повязанного галстука, только глаза, внимательные, строгие.

— Ну как коньяк, инспектор, нравится?

— Ничего, спасибо.

— Инспектор! — Голос Орлова стал генеральским.— Поставь рюмку на стол!

Генерал повернулся к полковнику:

— Рост сто восемьдесят пять, вес девяносто, глаза, стрижка — типичный полицейский. Лева, тебе там не с паханами дело иметь, не с ворами в законе, а с «авторитетами», с людьми, которые покатались по европам, поглядели, нанюхались. От него полицейским за версту несет.

— Неужели ты полагаешь, Петр, что я этого не учел и не включил в легенду? — удивился Гуров.— Конечно, Дитер — полицейский и служит в охране, только он служит двум богам.

— Неплохо.— Генеральский тон пропал. Но как только оперативники расслабились, Орлов спросил:— Откуда он так хорошо говорит по-русски? Полицейский, да еще владеющий русским в совершенстве,— таким человеком рисковать не будут. Только не надо мне рассказывать про деда, семейный террор и русскую литературу. Вы мне ответьте, господин полковник, если бы у вас был такой парень, вы бы позволили ему лететь в Мюнхен налаживать связь с местными заправилками преступного мира?

Полковник молча пожал плечами. Дитер понял, что провалился.

Первым нашел простейший контрход полковник:

— Вас, Петр Николаевич, просто дезинформировали, к сожалению, этот немец по-русски, как я по-немецки.

Дитер принял мяч с лета и сердито ответил:

— Ты есть врать! Я русский понимаю! Говорить мало, понимаю много!

— Ладно.— Орлов тяжело поднялся, махнул рукой.— Готовьтесь, через двое суток доложите разработку, будем решать.

Дитер сел в «Жигули», дисциплинированно пристегнулся и посмотрел на жесткий профиль полковника, который невозмутимо мучил стартер, пытаясь завести мотор. На такой машине в Германии может ездить только конченный человек, подумал Дитер. Наконец мотор заработал, «жигуленок», кашляя, скрипя и переваливаясь, выкатился со стоянки на улицу. Полковник включил указатель правого поворота, и тут какая-то машина бросилась из центрального потока прямо им наперерез. Пронесась в сантиме-

тре от них, она залила грязью ветровое стекло и унеслась, будто ничего не случилось. Полковник без всяких эмоций пустил «дворники» и выкатился на центральную магистраль.

Дитер покосился на спокойное лицо Гурова:

— Может, за нами уже началась охота?

— Не бери в голову, это нормальный московский таксист, — сказал Гуров и закурил.

Дитер уже привык, что полковник постоянно отгадывает его мысли и чувства, и спросил:

— Генерал сказал, что будем решать. Господин полковник, как вы думаете, он не отправит меня в Мюнхен?

— Он тебя уже оставил, и ты полетишь со мной, если не передумаешь.

— Господин полковник... — обидчиво произнес Дитер.

Полковник взглянул на него и хмыкнул:

— Да, хлебну я с тобой горячего.

— Я этого выражения не понимаю.

— Но ты со мной тоже хлебнешь, тогда и поймешь. У нас двое суток, это много и ничего. Домашние заготовки в нашем деле — сплошная глупость, твоя легенда предельно проста. Главное, нам надо притереться друг к другу, а это крайне сложно. Начнем с того, что обижаться на меня совершенно бессмысленно и опасно для дела, обида отвлекает. Ты больше никогда не назовешь меня «господин полковник». С этого момента, уяснил?

— Уяснил.

— А как ты будешь обращаться ко мне? Только не придумывай. Как тебе естественней и проще обращаться к человеку, который старше тебя по возрасту и положению в организации?

— Господин Гуров?

— Нельзя. Я документов менять не буду, но моя фамилия достаточно известна и повторять ее не следует.

— Доктор?

— Доктор? Неплохо, — согласился Гуров. — Уважительно и безлично. — Он остановил машину около своего дома. — Вылезай, парень, пойдем домой, пошарим в холодильнике, полагаю, что найдем там немного.

— У меня есть марки, мы можем пойти в ресторан.

— Можем, но не пойдем. — Гуров запер машину и вошел в подъезд.

— Доктор! — крикнул Дитер, закончив гимнастику и направляясь в душ. — Я голодный как черт!

— В моей квартире можешь не кричать, здесь и шепот слышен, — ответил Гуров из кухни. — А к голоду ты скоро привыкнешь, трудно лишь первые десять — пятнадцать лет.

Сыщик поджарил ломтики черного хлеба, разбил на сковородку последние три яйца, сварил кофе и все время думал об одном и том же: кого взять с собой — опытного оперативника или немца? О том, что нельзя рисковать жизнью иностранца, Гурову и мысль не приходила.

Вчерашняя беседа преследовала лишь одну цель. Орлов пытался обнаружить, не обладает ли немец ярко выраженными

недостатками, не подвержен ли он нервным срывам, как ориентируется в незнакомой обстановке? Если бы что-нибудь подобное проявилось, то вопрос бы отпал автоматически. Двое суток Петр дал другу для близкого знакомства с кандидатом. Сейчас генерал подбирает дублера из оперативников. Хотя тоже напрасно. Гуров знает, кого возьмет с собой, если откажется от немца. Станислав Крячко, старый недруг из МУРа. Опытный, точный, спокойный, простой и надежный, как молоток. Станислав во всех отношениях лучше самолюбивого немецкого парня, но Дитер имеет хотя и одно, но главное преимущество — он немец. А единственная легенда, по которой возможно искать убийцу-исполнителя в Мюнхене, требует присутствия немца. Иначе это не операция, а кукиш, причем явно милнцейский кукиш. А если я все так хорошо понимаю, рассуждал Гуров, переворачивая подгоревшие хлебцы, и коли не из чего выбирать, так чего мучиться? Следует вбить Дитеру несколько вариантов решений, из которых он в случае необходимости может выбирать. Парень он дисциплинированный, если на мелководье не захлебнемся, на глубине не потонем.

— Очень люблю яйца и кофе, доктор, — заявил Дитер, заглядывая через плечо.

Гуров разложил по тарелкам поджаренный хлеб, залитый яйцом, налил кофе в кружки.

— Хватай мешки, вокзал отходит. Кто первым встал, того и сапоги, а кто не успел, тот опоздал.

— Фольклор?

— Вся наша жизнь — сплошной фольклор.

— Извините, доктор, а сок есть?

— А как же! В неограниченном количестве... в Мюнхене.

— Черный юмор.

— Не черный и не юмор, жизнь простая, как попка новорожденного.

— Я плохо знаю русский язык.

— Естественно. Антон Павлович таких выражений не употреблял.

— Когда мы начинаем работать?

— Сейчас же, так как твоя очередь мыть посуду.

Справившись с посудой, Дитер долго мыл в ванной руки, тер их одеколоном, вернувшись в комнату, сердито сказал:

— Я мог поселиться в отеле, есть нормальную пиццу. Мы все равно не работаем, только болтаем, господин полковник.

— Не много же тебе нужно, чтобы сорваться. — Гуров отложил газету.

— Я хочу работать.

— Ты выполняешь мои приказы либо просьбы, что одно и то же. А чтобы твое сопливое самолюбие не бушевало, один раз объясню. Ты слово «сопливое» понимаешь?

— Понимаешь, доктор.

— Вот и прекрасно, — кивнул Гуров. — Объясняю. Ты не можешь жить в гостинице по многим причинам. Ты должен привыкать к нашей жизни, еде, привычкам, ко мне лично. Там, куда мы лезем, мои извилины будут забиты до отказа, я не должен

думать, что тебе можно, а чего нельзя, дабы ты не обиделся. Обидчивый оперативник хуже покойника. Спроси почему.

— Почему, доктор?

— Покойник никогда не подведет. Ты не можешь жить в гостинице, так как нам нужны твои марки, которые сегодня мы поменяем на рубли. Мы с тобой деловые люди, «авторитеты», уж заваливший миллион у нас должен быть. А где его взять? Ты не можешь жить в гостинице, потому что тебя там могут увидеть люди, с которыми мы можем позже встретиться. Они очень удивятся, что человек, прилетевший в Россию со столь деликатной миссией, живет в интуристовской гостинице и «светится» на глазах спецслужб. Ты не можешь...

— Простите, доктор, я понял, — перебил Дитер.

— Ничего ты не понял, так как не знаешь, что тебя ждет. Но жизнь тебе объяснит. И если сумеешь вернуться в свой мытый, сытый Мюнхен, зайдешь в церковь и поставишь свечку. Ты хотел работать? Иди сюда.

Гуров легко поднялся, встал у входной двери, поставил Дитера рядом.

— Задача. Ты пришел в квартиру с человеком, которому не доверяешь, но показывать этого не можешь. Понял?

— Понял, доктор.

— Раз пришел, проходи.

Гуров приблизился к Дитеру сзади, ткнул носком ботинка под коленку и ударил кулаком в ухо. Дитер тяжело грохнулся на пол, затем встал на четвереньки и ошарашенно замотал головой. Гуров вытянул указательный палец, прищурился:

— Ты опоздал, парень, — вернулся к входной двери и спокойно, словно ничего не произошло, поманил к себе Дитера. — Попробуем сначала.

При второй попытке Дитер уже не поворачивался к хозяину спиной. Они вошли в комнату, и Гуров махнул рукой:

— Ну, раз явился, присаживайся.

Дитер сел лицом к Гурову, но спиной к двери, и сыщику стало грустно. Ни один, самый заштатный опер, работавший у Гурова, никогда не сел бы спиной к двери.

Дитер был сердит, он понимал, что, повернувшись спиной, совершил ошибку, но полагал, что бить человека всерьез на тренировках нельзя. У этих русских все не как у людей, все через край.

— Будем считать, что сеанс окончен, ты провалился, походи в ванну, намочи полотенце, приложи к уху.

— Ничего, доктор, пройдет.

Гуров вздохнул. Когда Дитер вернулся из ванны с мокрым полотенцем, спросил:

— Ты знаешь, что такое лопух?

— Лопух? — переспросил Дитер. — Кажется, растение.

— Лопух — человек глупый, неопытный. Это инспектор Дитер Вольф, который садится спиной к дверям. Ладно, за двое суток таблицу умножения пройдем, а математика из тебя жизнь сделает либо убьет, но это уж как сложится.

— Не пугайте, доктор, я не боюсь. — Дитер все больше раздражался, но пересел на диван, чтобы видеть дверь.

Гуров достал из сейфа плоский чемоданчик-кейс с цифровым замком и начал изучать содержимое.

Дитер смотрел на полковника, который, с легкой улыбкой что-то беззаботно насвистывая, копался в кейсе. Русский ударил меня серьезно, рассуждал немец, оскорбляет, угрожает, так чего он добивается?

Гуров поднялся и положил открытый кейс на стол.

— Скажи, что ты об этом думаешь?

— Момент. — Дитер долго рассматривал содержимое кейса. — Это приборы прослушивания и записи, слежения за объектом на расстоянии до десяти километров, пистолет «беретта» с обоймой патронов, заряженных очень сильным паралитическим газом. — Дитер взял авторучку, лежавшую в мягком углублении. Гуров перехватил руку немца, вернул авторучку на место. — Понятно, — кивнул Дитер, — авторучка есть одноразовое взрывное устройство. Шпионский «дипломат». Малый набор. Изготовлен у нас, в Германии. Вещь дорогая. Извините, но я не знал, что вы так блестяще оснащены.

— Ты многого о нас не знаешь, — ответил Гуров, пощупал желвак за ухом Дитера и улыбнулся. — Через сутки пройдет, а память останется. У меня нет времени на твоё обучение, ты должен все запоминать с одного раза.

Сыщик убрал кейс, думая при этом, что немец держится достойно, терпит, но нельзя ему рассказать, что «шпионское оборудование» Гуров получил в подарок от бывшего «авторитета» в благодарность за некогда полученную услугу. Законопослушный немец подобного объяснения не поймет...

— Дитер, сколько у нас немецких марок?

— У нас? — растерянно переспросил инспектор. — Да-да, конечно... Десять тысяч наличными и кредитная карточка.

— Карточка нам ни к чему, а десять тысяч... — Гуров произвел подсчет в рублях. — Не густо, будем экономить.

Полковник позвонил в МУР своему бывшему подчиненному оперативнику.

— Борис, здравствуй. Гуров беспокоит.

— Лев Иванович, здравствуйте, как здоровье?

— Спасибо, Боря. У тебя сейчас ничего не горит? Скажи своему начальнику, что я тебя попросил займы на пару часов. Мне нужно обменять пять тысяч немецких марок на рубли. А я не хочу светиться.

— Вы стали миллионером, Лев Иванович, поздравляю.

— Когда будешь выезжать, позвони.

Гуров открыл записную книжку, Орлов посоветовал связаться с Буничем, попросить помощи. На начальника городского управления генерал Орлов особых надежд не возлагал. У Льва Ильича Бунича, биржевика и миллионера, чистые руки, белый воротничок, но коррумпирован он на сто процентов, иначе никакой властью не обладал бы. Минувшей весной Гуров столкнулся с этим человеком. Схватка была короткой, бескровной, закончилась вничью, но с моральным перевесом на стороне полковника,

который уберег людей Бунича от рокового шага к наркотикам и спас от тюрьмы, а их хозяина — от посещения прокуратуры. Звонить не хотелось, но сыщик пересилил себя и начал крутить телефонный диск. Минут за двадцать удалось соединиться.

— Здравствуйте, — сказал Гуров. — Попросите Льва Ильича.

— Здравствуйте, Лев Ильич занят, — ответил интеллигентный мужской голос. — Оставьте ваш телефон.

Значит, личный секретарь у Бунича прежний. Полковник силился вспомнить, как его зовут, но не вспомнил и сказал:

— Вы, господин секретарь, трубочку не вешайте, передайте: звонит тезка из Москвы, который ранней весной беседовал с вашим шефом.

— Минуточку, Лев Иванович, — ответил секретарь. — Соединяю.

— Добрый день, Лев Иванович, — послышался голос Бунича. — Как погода в Москве, как здоровье?

— Спасибо, Лев Ильич, — рассмеялся сыщик. — Как ваше здоровье, что с погодой?

— Осень. То дождь, то солнышко. Вашим вниманием польщен, но не обрадован. Опять стрельба, трупы, аресты?

— Ну что вы, господин Бунич, ни вас лично, ни ваших людей я пальцем не тронул.

— Перейдем к делу, — резко прервал его Бунич. — Вы, видимо, считаете, что я ваш должник. Но я вам ничего не должен! Хотите просить — просите. И, может быть, я окажу вам услугу, как человеку малознакомому.

— Что же, малознакомый человек, для начала остыньте, а когда чуть подумаете, перезвоните. В течение двух часов я дома. — Гуров положил трубку и с раздражением взглянул на Дитера: — Я сейчас буду заниматься уборкой: мыть пол, выгирать пыль. — И саркастически добавил: — Помощи не прошу, ты от мытья посуды чуть в обморок не упал.

Дитер резко сел, отложил книжку:

— Надо нанять женщину, которая приходила бы и убирала квартиру.

— Если я буду платить уборщице, то без порток останусь...

— Тогда мыть, тереть будем вместе. — Дитер поднялся, начал раздеваться. — У меня есть рабочий комбинезон. Давай порошки, щетки, шампунь, чего там надо.

Через два часа сопения, поминания черта на немецком и русском уборка закончилась.

В разгар работы заскочил Боря Вакуров, взял марки, кейс, взглянул ошалело на полуголого, грязного полковника и смылся.

Уборку Гуров затеял, чтобы отвлечься, не смотреть на часы в ожидании звонка Бунича. К тому же сыщик заметил, как вчера гость провел по серванту пальцем и поморщился. Вот чистоплюй! Гуров работал босиком, в закатанных до колен тренировочных штанах, без рубашки. Дитер поглядывал на русского полковника, на его мускулистый, без лишней жиринки торс, на пулевое ранение под лопаткой и думал о том, что ему, молодому инспектору, повезло, русский, как и говорили, — человек нестандартный, настоящий сыщик высшего класса. Кроме

того, Дитер чувствовал, что, несмотря на резкость, внешнюю грубость, русский относится к нему, молодому коллеге, с искренней симпатией.

Они приняли душ, парадно оделись. Дитер отметил, что и костюм, и галстук полковника изготовлены в Германии, только очень давно, лет семь-восемь назад, но сидели так ловко на литой, статной фигуре, что старомодность не бросалась в глаза, даже, наоборот, подчеркивала индивидуальность человека, который одевается не как все, а как ему хочется.

Гуров взглянул на часы и зевнул. Когда он нервничал, его независимо от времени суток начинало клонить в сон. Бунич не позвонил, значит, я промахнулся, думал сыщик. Что ж, подождем еще немного.

Явился Боря Вакуров, бросил на диван кейс и сказал:

— Полтора миллиона, Лев Иванович, Купюры, как вы и приказали, разные, но не мельче четвертака.

— Спасибо, Боря. — Гуров хлопнул оперативника по плечу. В это время раздался телефонный звонок. Сыщик снял трубку: — Слушаю.

— Извините, господин полковник, задержка получилась: потерял ваш телефон, — услышал он голос Бунича. — Так на чем мы остановились?

— Пустяки, Лев Ильич, случается, — ответил Гуров и махнул на Дитера и Вакурова рукой, мол, выметайтесь и прикройте за собой дверь. — У вас, тезка, в... — он назвал город, — позиции имеются?

— Кое-что найдем.

— Я туда собираюсь подскочить на несколько дней.

— Несчастные люди, — вздохнул Бунич.

Ясно было, что Бунич, взвесив все «за» и «против», выбрал худой мир, сдался, и теперь сыщику следует вести разговор в самом дружеском тоне.

— Мне необходимо заскочить в твой город, а остановиться негде, да и с транспортом напряженка.

Бунич принял обращение на «ты».

— Я этот вопрос решу, но меня интересует твоя легенда. Я же должен объяснить, для кого и ради чего я прошу.

— Очень просто, — ответил Гуров. — Молодой коммерсант из Гамбурга, дела немца тебя не интересуют. Но ты бываешь в Германии, и парень — партнер твоего партнера, а отказывать ему неразумно.

— Великолепно. — Чувствовалось, что Бунич улыбается. — Но ты не шибко молодой, и не немец, и не из Гамбурга.

— Обижаешь, — возмутился Гуров. — Будет натуральный молодой немец из Гамбурга.

— Тогда нет проблем. Когда вы явитесь?

— Послезавтра, утренним рейсом. Завтра вечером мне надо знать адрес и все прочее.

— Я позвоню. В аэропорту вас встретят из конторы? Не обижайся, полковник, но ваши спецы могут прикатить на засвеченной тачке. А мне это абсолютно не нужно.

— Понимаю, приму меры, — сказал Гуров. — Есть еще момент,

более деликатный.— Он вздохнул.— Если ты откажешь, я не только не обижусь, а приму как должное.

— Выкладывай.

Сыщик изложил свою просьбу. После короткой паузы коммерсант ответил отказом. Они пожелали друг другу всего наилучшего и расстались до завтрашнего вечера.

Глава третья В ЧУЖОМ ГОРОДЕ

Сентябрь был на исходе. Погода в такое время капризна и непредсказуема. Небо уже заволакивала тяжелая хмарь. Когда сыщики вышли из здания аэровокзала, дул сильный, пронизывающий ветер.

Дитер, насмотревшись на грязные, замусоренные улицы в Москве, уже ничему не удивлялся, воспринимал окружающий мир с философским равнодушием.

— Господа иностранцы, за десять долларов я вас отвезу на край света,— подскочил к ним парень лет тридцати, он подбрасывал на ладони ключи и развязно улыбался.

— Доллары? — произнес Дитер с ужасным акцентом.— А дойчмарки можно?

Так произошел обмен паролями.

— Ну, что с вами поделаешь? — ощерился парень, взял у Дитера чемоданы и зашагал к машине.

«Жигули» были такие грязные, что номер не проглядывался, но внутри машина оказалась чистая, ухоженная. Когда они отъехали от аэропорта на значительное расстояние, водитель свернул на проселок. Повернулся к Гурову. Лицо у него было серьезное, глаза — с хитринкой.

— Здравствуйте, Лев Иванович, вам поклон от Алексея Алексеевича. Я оперативный уполномоченный, капитан Михеев.— И после небольшой паузы добавил: — Василий.

— Здравствуй, капитан, спасибо, что встретил. Квартиру приготовили?

— Есть один домишко, но, признаюсь, он мне не личит,— ответил капитан.— Может, на пару суток в гостиницу? Я постараюсь найти убежище понадежнее.

— Спасибо, Василий.— Сыщик смотрел на опера одобрительно. Если человек сомневается, значит, думает. Гуров назвал адрес, полученный от Бунича.

— Круто.— Капитан развернулся, выехал на шоссе.— Это обкомовская зона, хозяев разогнали, а зона осталась. Нас там ждут?

— Надеюсь. Переговоры будет вести Дитер, я вроде носильщика, а ты водитель, лучше, чтобы твоего лица не видели.

— Чевой-то? Пусть смотрят.— Капитан сунул за щеки тампоны, гляннув в зеркало, прилепил усы, надвинул на лоб беретку.

— Останемся живы, будешь майором,— улыбнулся Гуров.

— А наш немец говорить умеет? — гундосо спросил оперативник.

— С пятого на десятое. Его должны ждать, поймут.

Высокие железные ворота были на запоре, но как только машина подкатила, из будки выскочил мужчина. Подбежав к задней правой дверце, словно знал, где именно сидит именитый гость, он сказал:

— Здравствуйте, к кому приехали?

Дитер держался великолепно. Он опустил стекло, четко выговорил:

— Я есть Дитер Вольф,— и достал паспорт.

Охранник паспорт не взял, побежал открывать ворота.

Двухэтажные коттеджи, похожие друг на друга, как родные братья, строгими рядами стояли вдоль центральной аллеи. Никаких заборов, все открыто, чисто, на виду.

Капитан вел машину медленно. Номенклатурный городок был мертв, лишь в двух окнах мелькнул свет. На дорогу выскочил мужчина с ружьем, махнул рукой, приглашая сворачивать.

Когда остановились, сторож мгновенно сориентировался, кто главный, кто сопровождающий, и, отпирая Гурову дверь коттеджа, зашипел:

— Позвонили, мы бы встретили. Что же вы гостя на такой машине... Стыдоба.

— Я не по этому делу,— улыбнулся Гуров, следуя за сторожем.

— Знаю я твое дело, у тебя на лбу написано,— пробормотал сторож и продолжил во весь голос: — Прошу, располагайтесь, белье утром застелили, все протерли, харч в холодильнике, машина заправлена, вот ключи,— и положил ключи на стол.

Дитер понял отведенную ему роль, вальяжно расхаживал по комнатам, удовлетворенно кивал, приговаривая:

— Хорошо, хорошо,— и сыпал на немецком.

— Мы свои люди,— миролюбиво произнес Гуров.— Дайте мне ключ от ворот и, если у вас принято записывать время приезда и отъезда гостей, сделайте для нашей машины исключение. Наш водитель здесь задержится, поможет гостю устроиться, а вы свободны.

Сторож кивнул и исчез.

— Капитан, проверьте машину, ключи на столе. Дитер, ваша комната на втором этаже, идите, устраивайтесь,— сказал сыщик и прошелся по первому этажу.

Осмотрел гостиную, обставленную стандартным полированным гарнитуром, сверкающую никелем кухню, ванную, вывезенную из Финляндии, обтянутый кожей кабинет, одна стена которого была закрыта книжными шкафами. Затем опустился в номенклатурное кресло, проверил три телефонных аппарата, откликнулся лишь один.

— Разрешите? — В кабинет заглянул капитан.— «Волга»-2410, в отличном состоянии, бензин под пробку.

— Спасибо.— Гуров покосился на телефоны, поднялся из-за стола и провел оперативника на кухню.

— Жучок? — спросил капитан.

— Не знаю, но на всякий случай побережемся. Моя задача — войти в контакт с местными «авторитетами». Меня не интересу-

ют рэкет, криминальные структуры торговли, нужны люди, руководящие боевиками.

— Наемные убийцы?

— Василий, — поморщился Гуров, — учись сдержанности. Я сказал, сколько считал нужным.

Капитан смутился, достал из кармана блокнот и протянул его полковнику.

— Тут все, чем мы располагаем. Установочные данные, приметы, клички, окрас. — Он помолчал, не сдержался и добавил: — Лев Иванович, я привык, чтобы мне доверяли.

— Присядь сюда. — Гуров указал на стул. Он начал чертить схему: шесть квадратиков в ряд, от них стрелки вверх к одному большому прямоугольнику. Затем полковник заполнил квадратики фамилиями и кличками, которые имелись в запасах капитана, и спросил:

— Кто из шестерки стреляет сам, а кто лишь отдает команды?

Капитан отвечал уверенно, о двоих сказал, что проверенными данными не располагает.

— Молодец, уважаю людей, которые признают, что чего-то не знают. В каких отношениях они между собой?

Капитан склонил голову набок, цыкнул по-блатному зубом, ткнул в два квадрата:

— Эти готовы глотку друг дружке перегрызть. Ведь Мустафа — вор в законе, а Академик — белый воротничок. Если случится, Волк отойдет в сторону, но ближе к Мустафе. Тапа драки не любит, но при случае двинется к Академику. А эти двое, черт его знает, полагаю, если князя схлестнутся, они заберут своих людей и уйдут из городка, а когда все утихнет, вернуться. Лев Иванович, вы понимаете, это мои личные предположения. Лучше вам встретиться с генералами и прокачать варианты.

Гуров неодобрительно посмотрел на него:

— Капитан, вы хорошо пели, а закончили «петухом».

— Струхнул, Лев Иванович. Я же человек, поймите...

— Забудем. — Гуров поднялся, подошел к холодильнику. — А запасы-то у них истончаются. Водка, коньяк, никаких тебе виски. Надо же, портвейн не постыдились поставить. Икра только красная, балыка не вижу, осетрины нет, черт знает что, Василий, я так работать брошу.

Капитан хохотал как мальчишка, до слез. Гуров не выдержал и тоже хмыкнул.

— Господин полковник, дефицит не кончается, лишь меняет станция назначения. Когда эти домишки заселят новые клиенты, а вы их шуганете, тогда после них всего будет в достатке и полном ассортименте.

— Василий, знаешь, чем ты мне нравишься? — Гуров достал из холодильника бутылку водки и батон колбасы. — Ты большой оптимист. Напрасно считаешь, что новых так быстро шуганут...

Он сделал два бутерброда, налил себе водки, оперативнику не предложил, убрал бутылку в холодильник, а бутерброд протянул коллеге:

— Значит, ресторан «Алмаз», после десяти. Сейчас четырнадцать, часа два мы отдохнем, пораскинем мозгами, соберемся. Машину брать не будем, уйдем отсюда пешком. Ты подберешь нас в двадцать часов на первой развилке. Договорились?

— Мне к «Алмазу» подходить нельзя, а вас туда не пустят, господин полковник.

— Посмотрим, посмотрим, — улыбнулся Гуров. Провожая оперативника до дверей, он спросил: — В твоём блокноте я нарисовал прямоугольник, но имени в нём не значится. Над «медведями» и «волками» должен стоять человек. Он мне и нужен.

— Мы больше ничего не знаем.

— Понимаю, но этот человек существует. Подумай.

— Простите, Лев Иванович, — капитан остановился на пороге, — но это вы начертили схему и оставили пустой прямоугольник. В жизни его может не существовать.

— Верно. Ты сам говоришь, что «авторитеты» вашего города разномастны и враждебны. Почему они не передрались? Стало быть, некто держит власть, руководит, остальные боятся нарушить равновесие. И этот некто в прошлом работал в спецслужбах, возможно, и сегодня в погонах.

Полковник поднялся на второй этаж, осмотрел спальни. Дитер лежал на кровати, положив ноги на высокую спинку, читал О'Генри, увидев Гурова, легко вскочил.

— Как тебе наша обитель? — спросил сыщик.

— Нормально. — Дитер пожал мощными плечами. — Скромно, но все необходимое есть.

— Нормально — это когда из всех щелей сквозит, с потолка капает, печка дымит, сортир во дворе.

— Доктор, ты хочешь, чтобы я жил в таких условиях? — Дитер потянулся, хрустнув суставами.

— Очень, — ответил Гуров. — Пойдем вниз, перекусим, затем будем отдыхать. Вечером надо быть в форме.

Они выпили по кружке куриного бульона, который приготовили из кубиков. Когда доедали тушенку с зеленым горошком, Дитер спросил:

— Доктор, тебе не понравился встретивший нас инспектор?

— Отчего же? — Гуров пожал плечами. — Вполне грамотный, мыслящий оперативник.

— Тогда почему я должен скрывать, что хорошо говорю по-русски?

— О Господи! Дитер, ну что за глупый вопрос! Я еле удерживаю руку, чтобы не дать тарелкой по твоей немецкой башке! На оперативной работе, особенно в боевой ситуации, человек должен знать только необходимое. Ну зачем капитану знать, что ты прекрасно говоришь по-русски, когда по нашей легенде ты еле-еле объясняешься?

— Но он наш коллега, честный человек. — Дитер развел руками.

— Убирай со стола, мой посуду. И не тыркайся понапрасну — нет здесь ни моющего порошка, ни мочалки. Оторви от вафельного полотенца кусок да мой в свое удовольствие. — Гуров закурил и, развалившись на стуле, заговорил менторским тоном: —

У опера Василия есть жена Маша. Душевная женщина. Живут супруги дружно, но Василий — опер уже третий и дома о работе не распространяется. Маша, хоть ей и любопытно, мужа никогда не расспрашивает, понимает. Жене главное, чтобы мужик был жив, здоров и лишнего не пил. А по праздникам сам Бог велел. Идеальная пара, верно?

— Хорошая семья, — согласился Дитер.

— Тарелки надо мыть с двух сторон, — заметил сыщик и продолжал: — Василий нас встретил, привез сюда, доложил генералу и поехал домой обедать. Маша ему привычные новости рассказывает, как цены в космос улетели, а у младшенького зуб раскешается. Наш опер — парень железный, о работе ни гу-гу. Но ведь не каждый день по секретному приказу генерала встречаешь прилетевших из Москвы иностранца и полковника. Рассказывать нельзя, поделиться не с кем, а распирает до ужаса. — Гуров шумно выдохнул. — Но если сказать нельзя, то о постороннем обмолвиться можно. И вот Василий, закуривая после обеда, говорит как бы между прочим: «Маруся, я сегодня с одним немцем столкнулся, случайно. Не поверишь, но этот немчура шпарит по-русски лучше нас с тобой». «Не может быть! Они все с акцентом». «Мовет, мовет», — отвечает Василий и торопится на работу.

Гуров интригуяще помолчал, наблюдая, как Дитер вытирает посуду. Почему-то представилось, что немец моет тарелки в ведре с холодной водой, и даже на душе потеплело.

— Почему замолчал, доктор? — спросил Дитер. — Я согласен, такое могло случиться.

— Дальше проще, чем таблица умножения. Муж из двери — соседка в дверь. Соседку эту уже давно неприятель подвербовывал. В провинциальном городе старшего опера серьезные люди без пригляду разве оставят? Да никогда! Завертелись бабы разговоры: «Как твой? Серьезный мужик, повезло, уважаю». Марусе приятно, но о муже совершенно нечего сказать, тут она и выкладывает, вот, мол, оказывается, какие немцы встречаются. Дальше рассказывать, как мы с тобой с нашей легендой посмотрим, или ты сам додумашь?

Дитер ошарашенно посмотрел на Гурова.

— Все, ликбез окончен. Пошли отдыхать, герр инспектор криминальной полиции.

За мутным стеклом двери ресторана «Алмаз» висела табличка «Мест нет».

Гуров передумал и капитана Михеева отпустил. В центр подъехал на «Волге», рассудив, что если ими заинтересуются, то быстренько установят, где остановились столь неожиданные гости, а потому и не стоит наводить тень на плетень. Даже лучше, если «авторитеты» сразу узнают, что гостей приняли на дачах, выделили «Волгу». Сделают вывод: прибывшие крепкого розлива, не прикидываются убогими, лица не скрывают. Завтра же, рассуждал Гуров, противник перетряхнет своих осведомителей в УВД, но ответа не получит. Тогда «верховный» начнет «косить» на службу безопасности, там хоть утечка поменьше, однако

ответа тоже не будет. Придется привлекать к себе их внимание. Полковник давно понял, что в криминальной среде уважают силу и наглость, тонкая игра не в чести.

На стоянке у ресторана были припаркованы два «жигуленка», «Волга» и заляпанная грязью иномарка.

— Напоминаю, ты боишься меня сзади, — сказал Гуров.

— Понял, — ответил Дитер.

Сыщик ключами от машины отстучал по стеклу замысловатый сигнал. Расчет оказался верным: условный звук существовал. Швейцар приоткрыл дверь. Гуров тут же рванул ее на себя и проскочил в вестибюль.

— Я тебе, сука, шас! — крикнул швейцар и замахнулся.

Сыщик не отстранился, достал из кармана пистолет и почесал им свой висок. С удивительным проворством швейцар отпрыгнул в сторону.

— Некрасиво, никак не ждали подобных манер от столь солидного человека, — произнес укоризненно Гуров и спрятал пистолет в карман. — Раздевайтесь, господин Вольф, нас приглашают.

Оставив куртки в гардеробе, они направились в зал, но дорогу им преградил метрдотель. Гуров присвистнул. Вот уж не ожидал, что в подобном заведении можно встретить человека в смокинге, белоснежной рубашке и «бабочке». Мэтр, грозно глядя на вконец растерявшегося швейцара, спросил:

— В чем дело, Константин?

Дитер подхватил мэтра под руку, быстро заговорил по-немецки и решительно пошел вперед. Неизвестно, что больше парализовало мэтра — незнакомый язык или железная хватка гостя, но он обмяк. Когда они вошли в почти пустой зал, из-за четырех занятых столов на них уставились недоуменные взгляды. Мэтр безвольно пробормотал:

— Присаживайтесь... Располагайтесь... Я сейчас пришлю... — и, потирая затекшую руку, скрылся за портьерой.

Гуров выбрал столик в углу, жестом пригласил Дитера располагаться, сам сел лицом в залу.

— Дитер, нам здесь искренне рады. Но ты не волнуйся, сейчас они очухаются, и скучно тебе не будет.

— Доктор, у меня же нет оружия, — ответил Дитер.

Посетители занимали столы вдоль противоположной стены у окон и слышать оперативников не могли.

— А оно тебе совершенно ни к чему. — Гуров улыбался, внимательно разглядывая хозяев ресторана. — Нас могут захватить только обманом, если мы лопухнемся. Но если схватят, то наличие пистолета у себя я сумею объяснить, а как объяснить пистолет в кармане иностранца? И еще, Дитер, мальчик. Бога ради, не молчи. Говори что угодно, на любом языке, я все равно тебя не слушаю. Главное, улыбайся и говори.

Сыщик стал рассматривать присутствующих. За левым крайним столом расположились две девицы, простенькие на вид, с ними два парня. Один держится напряженно, видимо, из коммерческих структур, стало быть, и платит. Второй, скорее всего, из «деловых». Возможно, судимый. Ведет себя развязно, беспрерывно болтает.

За соседним с ними столом сидели мужчина и женщина. Женщина — в золоте и камнях, либо жена, либо деловой партнер, но точно не любовница.

Сыщик переключил внимание на мужчину. Вспомнил приметы, полученные от капитана. Брюнет, короткая стрижка, толстая шея, сросшиеся брови. Мустафа? Похоже. Всегда вооружен, вспыльчив, быстр на расправу, большой авторитет среди уголовников, но люди богатые его не уважают.

В зал вошли две официантки, одна направилась в глубь зала, а другая подошла к вновь прибывшим гостям.

— Будем заказывать? — Блондинка достала блокнот и карандаш.

— Здравствуйте, фрейлейн, — улыбнулся Дитер.

— Гутен абент, — неожиданно ответила официантка. — Каким ветром тебя занесло? — И бойко продолжала по-немецки.

Гуров следил за второй официанткой. Что ж, мэтр оказался не дурак, одна девушка принимает заказ, отвлекает наше внимание, вторая выполняет более деликатное поручение. Она поставила бутылки на стол, где сидели две молодые пары, и ушла. Сыщик ждал продолжения.

Парень, которого сыщик определил как «делового», поднялся из-за стола и вышел.

— Значит, так, — сказал Гуров. — Обслужите нас простенько, но со вкусом.

Официантка взглянула на сыщика так, словно он только появился.

— Как вас зовут? — спросил Гуров.

— Нина, можно Нинель.

— Нина, мы у вас в гостях, распорядитесь.

— А цены вам известны?

— Мы люди бедные, в крайнем случае останемся должны.

— А что будем пить?

— Русскую водку, пожалуйста, — сказал Дитер.

— Бутылка водки. — Нина чиркнула в блокноте. — А говорил, что по-русски ни бум-бум.

— Он понимает, говорит плохо, — пояснил Гуров. — Нина, мы просим водки, а не самопал, сами понимаете, они люди деликатные.

— Прослежу. — Нина рассмеялась и ушла.

— Какая девушка! — восхищенно произнес Дитер. — Закончила институт, два года жила в Германии...

Парень вернулся в зал, подошел к своему столику, что-то сказал и сел за соседний стол, рядом с брюнетом.

— Кажется, я не ошибся, Дитер. Головастый брюнет, к которому подсел парнишка, видимо, Мустафа. И сейчас он здесь самый главный.

— Доктор, обрати внимание, за крайним столиком спиной к нам сидит мужчина.

— Темный пиджак, белая рубашка, то ли блондин, то ли с сединой?

— Точно, — кивнул Дитер. — Человек с деньгами. Сейчас он чем-то недоволен.

Сыщик удивленно взглянул на немца и переключил внимание на мужчину, сидевшего к ним спиной. Гуров был самолюбив, да и не привык, чтобы кто-то понимал в сыском деле больше, чем он. Черт с ним, спрошу позже, как сумел определить... Мужчина и два его соседа своим видом отличались от остальных. Чувствовалось, что они люди умственного труда. Одеты были в строгие костюмы, светлые рубашки, галстуки. Рядом с их столом восседали четыре «качка». Кожаные куртки, одинаковая стрижка, бычья шея. Охрана. Любопытно, почему такие разные люди в большом зале заняли четыре стола рядом? Может, кого-то ждут?

— Черт побери, Дитер, чего они сбились в кучу? Мужчина, которого ты определил как богатого, скорее всего, Академик, рядом сидит охрана, Мустафа представляет воров в законе, четвертый стол не в счет. Парень на подхвате, у нас говорят — шестерка, и сутенер с двумя девочками. Они полномочные представители города и ждут гостей? Мы зря сегодня пришли, Дитер. Надо быстро уходить...

— Пойдем, — флегматично ответил Дитер, отодвигая стул.

— Ладно, не дергайся, если уйдем, то уже не вернемся. А тогда и из города надо улетать. Сам пойми, что о нас подумают? Ворвались с оружием, посидели, оглянулись и убежали. Либо плохо обученные менты, либо трусливые, несолидные люди. А ты, между прочим, представитель международного синдиката. Надо держать марку.

— Понимаю. — Дитер придвинул стул на место. — Я защищаю твою спину и молчу.

Подбежала Нина, поставила на стол запотевшую бутылку «Смирнофф», две салатницы, приборы и тихо сказала:

— Выпейте и уматывайте. Вам дают пятнадцать минут.

— Ниночка, я родился, испугался, и мне того страха хватает по сей день. Передай: мы проездом, задерживаться не будем, неприятностей не ищем и никому их не желаем. Слова запомнила? — Гуров быстро схватил девушку за руку.

— С вас пять тысяч. Больше я к вам не подойду. — Нина попыталась вырваться. Сыщик свободной рукой положил на стол пятитысячную купюру и посмотрел в наполнившиеся слезами глаза девушки.

— Подойдете, подойдете. Не зарекайтесь.

— Доктор, пожалуйста, — пробурчал Дитер, открывая бутылку.

Сыщик ослабил хватку и мягко произнес:

— Нина, прошу вас, принесите нам минеральной воды или сок, ведь пятнадцать минут еще не истекли.

— Да-да. — Девушка убежала.

— Мог бы и пожалеть ее, — недовольно пробормотал Дитер.

— Знаешь, почему я согласился, чтобы ты звал меня «доктор»? — Гуров приподнял рюмку, пригубил и незаметно выплеснул под стол. — Один, ну, очень серьезный человек в Москве имеет такую кличку. Сейчас это слово прошепелестело в холле... Смотри, смотри, новость несут к столам, заметь не Мустафе, а Академику.

Через зал к столу Академика с подносом пробежал мэтр. Видимо, сказал что-то важное, так как охранники заворочались, развернулись, словно тяжелые орудия, и уставились в сторону незваных гостей.

Подскочила Нина, поставила минеральную воду, срывающейся рукой откупорила.

— Да уйдите вы отсюда за ради Бога, ведь взрослые люди, не пацаны, — махнув рукой, убежала.

— Ты говорил, доктор, что хлебну я горячего до слез, — сказал Дитер. — Это и есть горячее?

Гуров наполнил рюмки:

— Собираются они раз в год, как мы сумели угадать?

— Вы постоянно не отвечаете на вопросы! — вспыхнул Дитер. — Вы невежливый человек!

— Оставаться нам или уходить? — Гуров рассеянно посмотрел на немца.

Мужчина, который сидел к залу спиной, был действительно второй «авторитет» города и области по кличке «Академик». Сейчас он решал, подойти ли к незнакомцам... Люди они явно солидные, здесь не случайно. «Доктор» — кличка распространенная, но, возможно, не кличка, а действительно профессия. Иностранец? Может, только красится? Девка утверждает, что он настоящий немец. Но в чужом городе, в чужом доме сунуть швейцару под нос пистолет? Кто же за ними стоит?

— Юрик, я все-таки с гостями познакомлюсь, — сказал Академик и направился к угловому столику.

Гуров посмотрел на остановившегося рядом человека равнодушно.

— Добрый вечер, — улыбнулся Академик.

— Добрый, добрый, — заулыбался в ответ Дитер.

Гуров отодвинул стул, сухо сказал:

— Присаживайтесь. Выпьете? — Он наполнил рюмки. — Как вас величать?

— В нашем деле визитные карточки не в ходу, а врать уже неудобно, не тот возраст.

— А у нас в ходу. — Гуров щелкнул пальцами, взял у Дитера визитку, достал свою и пододвинул их к Академику.

«Дитер Вольф, коммерсант... фирма... Гамбург. Германия». «Гуров Лев Иванович... посредник... СП. Москва. Россия». Академик изучал визитки, прекрасно понимая, что сегодня визитная карточка изготавливается за несколько минут, и решал, кто в действительности сидит за столом, зачем пришли и чего добиваются.

— Россия, конечно, не Чикаго 30-х годов, но случается, что и у нас человек входит в ресторан, предъявив швейцару вместо пригласительного билета пистолет.

— Неужели такое случается? — искренне удивился Гуров.

— А вы действительно доктор? — спросил местный «авторитет».

Дитер, напряженно следивший за разговором, радостно закивал, якобы услышал знакомое слово:

— Доктор... доктор...

— Горе ты мое. — Сыщик поморщился. — Я тебя просил, Дитер, помолчи, тренируйся со мной. — Он взглянул на «авторитета» и пояснил: — В немецком языке «доктор» — не более чем вежливое обращение к образованному человеку.

— И как я не додумался? — огорчился Академик. — Кстати, зал снят на весь вечер, так что вам действительно пора уходить. — Он взглянул на часы.

Гуров тоже посмотрел на часы:

— Осталось пять минут. А что произойдет, если мы не уйдем?

— Можете подождать и узнаете.

— Воспользуемся вашим советом. — Гуров кивнул и, увидев, что незваный гость собрался уходить, добавил: — Не понимаю, почему вас удивило обращение «доктор»? Когда у пивного ларька один ханыга другому говорит: «Эй, академик!» — это же не значит, что тот действительно академик?

Вот это удар! Академик тяжело, с присвистом вздохнул. Значит, этот столичный фронт и в самом деле Доктор! А кто же еще? Он знает ресторан «Алмаз», дверь открывает пистолетным стволом и знает меня. И прибыл сн на сходку. Люди начнут прибывать через полчаса, разольется пьянка, мат-перемат, разборки, и Доктор увидит, что большинство меня не признает, вору тянутся к Мустафа.

Сыщик, естественно, не мог читать мысли местного «авторитета», но их направление угадал:

— Павел Николаевич, мы в городе по личным делам и залетели сюда случайно. Ваши дела нас совершенно не интересуют. Ужинаем и уходим. Ничего не слышали, не видели. Завтра, часиков в десять утра, подъезжайте к нам, мы остановились в бывшей партийной резервации. На вахте скажите, что к москвичам. Договорились?

— Конечно. — Академик кивнул. — Мне приехать одному?

— Как вам удобно.

Тщеславный и самолюбивый «авторитет» Павел Николаевич Фокин так обрадовался столь простому разрешению конфликта, что не заметил, как ему навязали чужие правила игры, и, отходя от стола, произвольно поклонился.

Но этот поклон прекрасно видели все присутствующие, а главное — Мустафа.

Появилась Нина, принесла тарелки с горячим. Увидев улыбку на лице Дитера, смущенно опустила глаза.

— Дитер, ты пользуешься у женщин успехом, — заметил Гуров. Наполнил его рюмку, а бутылку убрал в карман.

— Доктор, ты знаешь, что умеешь гипнотизировать? — спросил Дитер.

— Просто подавляю чужую волю и навязываю свою.

— Так это и есть гипноз.

— Доедай и пошли, надо знать меру. Из первого вечера мы выжали максимум.

В холле они столкнулись с компанией пьяных мужчин. Кто-то присвистнул, раздался тягучий голос:

— Смотри, какой клифт на парне, ну точно мой размер.

— Морда, возьми отгул за свой счет.

Оперативники и уголовники разминулись без инцидентов. Увидев Гурова, швейцар бросился в гардероб за одеждой, но сыщик остановил его:

— Минуточку, где у тебя здесь... руки помыть можно?

Швейцар указал на вишневую пыльную портьеру. Гуров взял Дитера под руку и провел в туалет.

Через несколько минут они вышли из ресторана в промозглую слепую ночь.

— Я так и знал.— Гуров указал на милицейский «газик», припаркованный рядом с их «Волгой». — Ты не отвечаешь ни на какие вопросы, сразу достаешь паспорт и повторяешь, как попугай: «Консул... Доктор Гуров», — и все.

— Понял, — ответил Дитер и следом за Гуровым подошел к «Волге».

— Это ваша машина? — спросил выпрыгнувший из «газика» лейтенант милиции.

— Лейтенант, вы же по номеру машины видите, что она государственная, — ответил Гуров.

Из-под навеса ресторана вышли два сержанта, один поигрывал дубинкой, у второго из-под мышки торчал автомат.

— Документы. — Лейтенант зажег фонарик.

— Пожалуйста.

Увидев иностранный паспорт, лейтенант несколько смешался.

— Документы на машину.

— Какую машину? — удивленно спросил Гуров.

— На эту «Волгу».

— У меня, естественно, нет никаких документов на государственную машину. Лейтенант, а почему вы у меня не спросите документы на трамвай? Или вон на тот автобус.

— Валух, мужик слишком умный, — усмехнулся сержант с дубинкой. — Я ему врежу, он станет проще.

Лейтенант тяжело задыхался. Сопляк с дубинкой и лейтенант не проблема, отметил Гуров, а вот молчаливый сержант с автоматом — серьезнее.

— Мерзкая погода, лейтенант, может, пройдем в отделение и разберемся?

— Поехали. — Лейтенант уже сообразил, что лопухнулся, задержав их до того, как они сели в машину, поэтому облегченно вздохнул и пошел к «газику».

— А «Волгу» оставим здесь? — удивился Гуров, достал ключи, отпер дверь: — Дитер, прошу, лейтенант, садитесь, покажете дорогу.

— Значит, это ваша машина, — усаживаясь рядом с Гуровым, довольно констатировал лейтенант.

— Нет, государственная, — устало произнес полковник.

В отделении милиции пахло, как обычно: больницей и сортиром одновременно. Гуров подошел к барьеру, за которым сидел лысый капитан. Ударили его сзади. Неумело. Палка лишь скользнула по голове, задела плечо. Сыщик сознания не потерял, инстинкт и опыт отбросили его в сторону, и второй удар рассек воздух. Туман редел, стены становились на свое место, но не устояли, полковнику подсекли ноги, и он рухнул на дощатый пол.

Глава четвертая ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

— Забери у него пистолет,— произнес над головой Гурова уверенный голос.

Сильные суетливые руки начали обыскивать его. Издалека доносились возмущенные возгласы Дитера, он ругался по-немецки, вставляя общеизвестные русские слова.

— Нету, командир, пустой он, мать твою!

— Бегите в машину, он запрягал пистолет под сиденье! Тряпкой оберни, нам нужны его пальцы, иначе отопрется, век не докажешь.

По полу тяжело затопали, хлопнула дверь, голос Дитера на секунду приблизился, затем снова стал глуше.

Только бы он не сорвался, думал Гуров, не раскрылся.

— Крови нет? Ты черепок ему не проломил, сука здоровая? Я предупреждал: бей вполсилы. Посади его на стул, найди в аптечке нашатырь. Сейчас майор придет, если пистолет не найдете...

Гурова подхватили, поволокли. Он начал приходить в себя, шевельнул ногами, затряс головой. Сыщика усадили, даже отряхнули грязь с брюк, оправили куртку. Хлопнула дверь, раздалися шаги, голоса умолкли.

— Ну, что у вас происходит? Дежурный, доложите!

— Товарищ майор, поступил сигнал, что двое неизвестных на машине второго секретаря...

— Какого секретаря? — оборвал майор. — Короче, по существу дела!

— Один вооружен, второй выдает себя за иностранца...

— Ко мне в кабинет, — перебил майор.

Гурова вновь подхватили, он вяло отстранился:

— Я сам. — Качнулся и неуверенно пошел следом за майором.

В кабинете, на двери которого висела табличка «Начальник отделения», майор заботливо усадил Гурова на диван, налил в стакан воды.

Гуров из-под опущенных век наблюдал за молодым майором. Тот прошелся по кабинету, не зная, с чего начать, рубанул воздух ладонью и решительно произнес:

— Какие бы сигналы мои люди ни получили, превышение налицо. Я разберусь, виновных строго накажу. Я вас понимаю, секретная миссия. Как иначе, если среди нас сволочей до хрена? Но и вы ребят поймите, они же понятия не имеют, кто вы, зачем в городе.

— Ваш город — закрытая зона? — тихо спросил Гуров. — Иностранцу с сопровождением приехать нельзя?

— Не прикидывайтесь, майор, или вы подполковник? Нельзя ездить в машине без документов! И уж совсем нельзя размахивать пистолетом! Мне сказали, что встретили с московского рейса немца с сопровождающим. Так это я знаю, а мои ребята не знают, и вы на них зла не держите.

— Где Дитер Вольф? — Гуров выпил воды. — Вы, майор, отдаете себе отчет, что безо всяких оснований задержали ино-

странца? Я не знаю вашего генерала, но в Москве мне сказали, что могу обратиться за помощью. — Он начал шарить по карманам. — У меня записано, сейчас... Где документы, бумажник?

Майор снял трубку, крутанул диск:

— Приведите немца, принесите все изъятые у задержанных. — Положив трубку, раздраженно продолжил: — Секретность и выполнение специального задания мне, как офицеру, понятны, но надо и меру знать.

Гуров достал из кармана мятую бумажку, разгладил и прочитал:

— Алексей Алексеевич Сурмин. — Он поднялся. — Дайте мне позвонить. Вам, майор, объяснят и о секретности, и о задании. Я сопредседатель совместного предприятия, сопровождаю иностранца. — Гуров потянулся к телефону, но майор оттолкнул его руку и закричал:

— Вы являетесь сотрудником внутренних дел?

— Пошли вы к черту. Я гражданин России, которого незаконно задержали и избили. Вы ответите...

— Это я слышу по десять раз в день! — перебил майор. — Если вы не сотрудник, то вы и ответите! И за машину, и за пистолет!

— Повторяю, майор, я гражданин России, а Дитер Вольф — гражданин Германии. Мы приехали в ваш город по частным делам, которые вас не касаются. Машину нам предоставили в пользование совершенно официально! — Сыщик выпрямился, голос у него окреп. — Никакого оружия у меня никогда не было! Его придумали ваши подчиненные в оправдание своих противоправных, а теперь уже преступных действий.

— Товарищ майор, разрешите? — На пороге стоял дежурный капитан, за ним громоздился Дитер.

— Войдите. — Майор вышел навстречу Дитеру, но тот широко шагнул в кабинет и шарахнул по столу огромным кулаком.

— Я есть немец! Я уважаю власть!

«Артист ты неплохой, — сыщик криво улыбнулся, — а спину мне не уберег, мальчик».

— Дитер. — Гуров указал на стул рядом. — Охолопись, парень.

— Доктор! — Дитер сел и забухтел по-немецки.

Лысый капитан выложил на стол документы, бумажник, ключи и, повернувшись к задержанным спиной, что-то тихо сказал начальнику. Майор как-то сник, нервно покусывая губу, ответил:

— Хорошо, хорошо... Подробные рапорта, вам и всей патрульной группе. Идите. — Майор взял со стола документы и вещи и передал Гурову: — Не знаю, кто вы такой, но мы точно встретимся еще раз, и тогда, уверен, вы перестанете улыбаться.

— Вряд ли. — Гуров отдал Дитеру его паспорт, подтолкнул к дверям. — Вперед, немчура, тебе нас не понять.

— Не понять, не понять, — согласился Дитер.

Они вышли в дежурную часть, где находились все герои происшедшей истории. Гуров подошел к сержанту с дубинкой, спокойно произнес:

— Ты сказал, что я очень умный. Запомни, сопляк, слишком умных не бывает. — И жесткими пальцами ткнул сержанта в живот, чуть выше брючного ремня.

Парень захрипел, начал ломаться в поясе, уронил палку, схватился за живот. Сыщик взял его за ухо, вздернул и миролюбиво продолжал:

— Запомни, щенок, бывают лишь слишком глупые, такие, как ты, — и отпустил его. Сержант упал на колени.

— А вот за это я могу вас... — начал было вошедший в дежурку майор, но Гуров его перебил:

— Ты, майор, можешь поцеловать меня в задницу. — Он вытолкнул опешившего Дитера на улицу.

Они сели в «Волгу», отъехали. Их не преследовали. Некоторое время молчали. Дитер не выдержал и спросил:

— Как ты мог офицеру полиции сказать такое? Да еще в присутствии подчиненных.

— Он не офицер полиции, а преступник. Нас проверяли. Вынуждали признать, что мы работники спецслужб. Я работаю под легендой крупного «авторитета», поэтому должен вести себя и разговаривать соответствующим образом.

— Где твой пистолет?

— Подумай. Ты ведь инспектор криминальной полиции. А пока будешь изображать сыщика, я тебе тоже задам вопрос. Как ты позволил ударить меня по затылку?

— Виноват, доктор, но я объясню...

— У тебя было одно задание. Меня могли ударить ножом...

— Бывают обстоятельства...

— Не бывает, — вновь перебил сыщик. — Вот если бы тебя убили, я бы понял.

— Я не могу работать, когда со мной так разговаривают.

— Прекрасно. Можешь возвращаться в свою мытую и сытую страну и объяснить, что ты отказался разыскивать убийцу, так как русский офицер тебя обидел. Законопослушные соотечественники тебя поймут.

«Волга» остановилась у закрытых ворот. Было около часу ночи, но лишь только машина остановилась, хлопнула дверь, из домика дежурного выбежал человек, ворота распахнулись.

— Поставь машину, — сказал Гуров и прошел в дом.

Полковник не сердился на молодого инспектора. Подстраховка человека от нападения сзади — дело сложное, требует навыков, специальной подготовки. Парень лопухнулся, такое может случиться и с человеком более опытным. Видимо, Дитера отсекли в дверях, один из патрульных остановился на пороге и начал тщательно вытирать ноги, секунды достаточно, чтобы за спиной сыщика оказался человек с дубинкой.

Гуров взял из холодильника бутылку минеральной, поднялся к себе в комнату. Принял душ и тщательно себя осмотрел. В общем-то пустяки, царапины, ссадины, утром, конечно, кое-где затечет. Надо будет сделать хорошую разминку, все образуется.

Он сел в кресло, вытянул ноги и с наслаждением закурил.

Итак, подведем итог первого раунда, кажется, я его выиграл, постараемся разобраться... Начнем с партнера. С парнем работать можно, он умен, наблюдателен, выдержан, обвинять человека в недостатке опыта так же неразумно, как обвинять в молодом-

сти. Зациклен на себе, надо ему еще разок всыпать, и он очухается. В принципе с Дитером порядок, важно, чтобы он инициативу не проявлял и держался в кильватере плотнее.

Местный опер, капитан? Вроде неплохой, главное, честный, приметы местных «авторитетов» дал превосходно, опознать Мустафу и Академика удалось сразу. Ну а каков Василий Михеев в ближнем бою, жизнь покажет.

Мустафу Гуров вблизи не видел, но, судя по характеристике Василия, Мустафа — человек прямолинейный, при контактах крайне опасный, для выполнения задания, видимо, малоперспективный.

Павел Николаевич Фокин, по кличке «Академик», носит неброские часы фирмы «Шархаузен» на скромном кожаном ремешке, которые при сегодняшних ценах стоят дороже «Волги». Как эти часы углядел через весь зал Дитер, непонятно. По ним немец и определил, что Павел Николаевич — человек богатый. Скорее всего, и нужный. При знакомстве его удалось выбить из седла, но, судя по дальнейшим событиям, не надолго. Через несколько минут он уже сообщил своему человеку, что нас следует проверить.

В принципе они провели операцию недурственно, но, по большому счету, им не следовало торопиться, рассчитывать на слабонервных.

Коррупцированный майор не дурак, но и не Спиноза. Сейчас, конечно, суетится. Неизвестные ему в любом качестве опасны: если коллеги, то майор прокололся, а если из «авторитетов», могут зло затаить.

Сыщик погасил сигарету. За стеной, в комнате Дитера, было тихо. Гуров вышел, постучал в соседнюю дверь, дернул ручку и пошел к лестнице.

На кухне, подпоясавшись полотенцем, Дитер суетился у плиты, что-то жарил на сковородке, кипятил чайник.

— Ну ты, инспектор, даешь. — Гуров прошел к окну, распахнул форточку. — Ты же нормально поужинал.

— Доктор, я решил не рассказывать дома, как меня обижают в России, и разнервничался. — Дитер жарил колбасу, получалось у него неважно, сковорода подгорела.

Гуров отстранил Дитера, убавил огонь, подложил масла разбил яйца.

— А нервный — я ужасно голодный. — Дитер заглянул в холодильник. — Доктор, если мы, как у вас выражаются, крупные «авторитеты», то у нас должны быть деньги. Почему мы не можем купить хорошее мясо, фрукты, овощи?

Немец, час назад оскорбленный в лучших чувствах, а сейчас болтавший как ни в чем не бывало, вызывал у Гурова симпатию.

— Завтра, вернее, уже сегодня, — поправился сыщик, взглянув на часы, — мы все купим. И ты будешь нервничать и лопать до отвала.

— Лопать до отвала? — Дитер пожал мощными плечами. — Надо запомнить. Это значит: есть сколько хочешь?

— Я хотел, чтобы ты понял, как мы живем, — сказал Гуров. — Но раз уж мы попали в заповедник и жизнь здесь никакого

отношения к жизни нормальных людей не имеет, то утром поедем на рынок.

— Да-да, базар, натуральные продукты, и не надо меня воспитывать, доктор.

Гуров снял с огня сковородку, достал из своей куртки початую бутылку водки, которую унес из ресторана, и как бы между прочим спросил:

— Не знаешь, где мой «вальтер», куда я его задевал?

Дитер перекладывал яичницу с колбасой на тарелку, услышав вопрос, улыбнулся:

— Если бы мне приказали найти ваш пистолет, я бы обыскал туалет в ресторане.

— Туалет? — Сыщик состроил гримасу. — Где же там можно спрятать оружие?

— Наверху такой ящик, не знаю, как называется.

— Бачок, но там вода. — Гуров недовольно хмыкнул. — Ты полагаешь, что я могу прекрасное оружие бросить в воду?

— Не знаю. Может, ты воду перекрыл? Нет, начнут чинить, полезут смотреть.

— Хорошо ты нас знаешь! — Сыщик расхохотался. — Если испортился сортир, то его начнут чинить самое раннее через неделю. — Гуров взял бутылку водки, налил себе полстакана. — А чего ты уперся в туалет, у меня что, не было других мест?

— Когда мы вошли в ресторан, ты положил «вальтер» в правый карман пиджака. В зале ты его оставить не мог. — Дитер зашарился, пошарил рукой под крышкой стола, за которым сидел.

Неожиданно зазвонил телефон. Гуров и Дитер одновременно посмотрели на часы, было около двух ночи.

— Кто звонит, Дитер? — спросил Гуров. — Даю одну попытку.

Телефон зазвонил вновь. Дитер ответил:

— Инспектор, который нас встречал.

— А вот и нет! — по-мальчишески воскликнул сыщик. — Пистолет ты нашел, а тут промазал. Он выждал еще один звонок, неторопливо снял трубку: — Слушаю.

— Извините за поздний звонок, — произнес мужской голос.

— Пустяки, звоните через каждый час, — ответил Гуров и показал Дитеру кукиш...

Дитер прыснул в кулак.

— Вы вечером ужинали в ресторане «Алмаз»?

— Может быть.

— Вы понимаете, что ночью просто так не звонят...

— Не понимаю! — Гуров заговорил сердито. — Выкладывайте, кто вам нужен.

— Теперь я вас узнал, Лев Иванович. — Человек облегченно вздохнул. — Беспокоит Фокин Павел Николаевич.

— Безмерно рад вашему звонку, Академик!

— Вы не рады, да и я звоню безо всякого удовольствия. Перехожу к делу. По выходе из ресторана с вами произошла неприятная история. Я бы вас просил, уважаемый Лев Иванович, повременить с жалобой.

— Это угроза? Поясните свою мысль.

— Никаких угроз, только просьбы, — после небольшой паузы

быстро заговорил Академик. — Прошу вас повременить. К десяти утра я приеду, и мы проясним ситуацию.

— Лучше к одиннадцати. Хочу выспаться, черт побери! — Гуров положил трубку. — Мы с тобой спорили, кто звонит, ты проиграл, — потирая руки, весело сказал сыщик. — Дитер, на что мы спорили? Ну хорошо, предлагаю ничью. Ты нашел мой пистолет, я угадал, кто звонит.

Гуров снял трубку, набрал номер:

— Василий? У меня радостное сообщение. Выезжать никуда не надо, можно повернуться на другой бок и спать.

— Большое спасибо, господин полковник.

— Не за что, свои люди, сочтемся. Теперь о деле. В «Алмазе» сходка воров, серьезной публики мало. Ты утром возьми несколько человек и зайвись туда. Якобы проверка по сигналу жителей. Когда твои разбредутся по помещениям, заскочи в туалет, в первой кабинке, в бачке, полиэтиленовый пакет, в нем лежит мой «вальтер». Далее. В одиннадцать у меня в гостях Академик — Фокин, думаю, больше часа нам говорить не о чем. Затем мне нужно заехать на базар. Мой иностранец, — Гуров подмигнул Дитеру, — не может жрать пестициды и прочую химию. В тринадцать тридцать я отъеду от базара, садись на хвост, следуй до развилки, там у поста остановишь машину, пересядешь к нам. Ферштейн?

— Яволь, варум нихт! — неожиданно ответил Василий.

— Молодец. На каком боку спал? Обязательно перевернись. — Гуров положил трубку, выпил водку, шумно выдохнул и театрально упал на стул. — Как я устал руководить! Тебя обучай, Василию указывай, на каком боку спать! Кошмар! Дитер, не улыбайся так глупо, словно тебе за пазуху сунули холодную лягушку. И запомни, Дитер, мужчина, который серьезно относится к самому себе, просто дурак. Вы, немцы, такие правильные, с ума можно сойти, каждый сидит на своей жердочке. Останешься живой, будешь комиссаром, не забывай, что тебе говорил русский полковник.

— Не забуду, — ответил Дитер.

Гуров взглянул на часы:

— Надо выспаться, а не в одном глазу. Нервы, возраст. Наливай чай, мой посуду, у тебя это хорошо получается, а я скажу несколько слов... Так, мысли вслух. Мы первый шаг сделали, утром нам шагнут навстречу. Неизвестно кто, не понятно, с какой целью. Майор испугался, попросил у хозяина помощи, защиты. Майор очень опасен, его необходимо убрать.

— Убрать? — Дитер звякнул тарелкой. — Убить?

— Возможно. — Сыщик взглянул на Дитера, в глазах его потухли озорные огоньки, лицо затвердело. — Ты «против»?

— Доктор, давай договоримся, не провоцируй. Мне и так трудно. — Дитер выдавил из себя улыбку.

— Взрослеешь. — Гуров довольно кивнул. — Мой выстрел всегда второй, и я никогда не прикажу убить человека, но майор доживает последние дни. Бог ему судья. Как нам вести себя с Павлом Николаевичем Фокиным, то бишь Академиком? Чего молчишь?

— Сначала надо выслушать, потом думать, решать. — Дитер повел мощными плечами.

— Вот! — Гуров поднялся, подошел к раковине, сполоснул свою кружку. — Идем спать, утро вечера мудренее.

Гуров долго не мог уснуть. «Слишком хорошо — это тоже плохо». Но дело не в приметах. Первый ход чаще всего ничего не решает, побеждает тот, кто бьет последним. Конечно, за несколько часов познакомиться с главой уголовной администрации и коррумпированным майором милиции — неслыханная удача. Причем это не подставка. События произошли так быстро, что никакой игры быть не могло.

Конечно, Дитер прав, инициатива пока у меня. Да надолго ли ее хватит? Необходимо установить: есть в городе наемные убийцы, выезжают ли они за пределы России? Каковы полномочия самого Академика? Кто стоит над ним? Только в плохих сказках преступник вербует соучастников. В реальной жизни он не только не привлекает, даже не подпускает к себе посторонних. Крайне осторожен, подозрителен, часто умен и проницателен. Сотрудничать будет лишь с человеком, который ему нужен да к тому же проверен-перепроверен.

Слабое место у них — майор, начальник отделения. Они могут им пожертвовать...

Гуров перевернулся на спину, открыл глаза. Я двинулся умом, горожу глупости. Если майор и слабое место, то мое, а не Академика. Корпорация обязана беречь коррумпированного сотрудника милиции, а не сводить с ним личные счета из-за ерунды. Майор же может копать против незваных гостей сколько угодно, объясняя, что не доверяет гастролерам, осуществляет проверку.

Гуров пришел к неутешительному выводу. Уходя из отделения милиции, он крупно ошибся. Объясняя Дитеру, что, ударив патрульного и прилюдно оскорбив начальника, «авторитет» иначе поступить не мог, полковник обманывал себя. Он сорвался как мальчишка, свел счета и в результате нажил смертельного врага. Ну что же, прошлого не вернешь. Теперь надо все взвесить и хорошенько обдумать, как достичь цели.

Первое — срочно отступить и отдать инициативу. Настоящий контакт возможен, только если он произойдет по инициативе неприятеля. Вопрос, как вызвать к себе интерес местных руководителей. Лишь конвертируемая валюта является надежным магнитом, который притягивает правых и левых чистых и нечистых. Главный козырь в этой игре — Дитер Вольф.

Ровно в одиннадцать к крыльцу подкатила светлая «Волга». Гуров вышел на крыльцо. Он не спустился к машине, но своим мгновенным выходом, радушной улыбкой демонстрировал внимание и уважение гостю.

Академик приветственно махнул рукой, обошел машину, открыл переднюю дверь, помог выйти молодой, элегантно одетой женщине. В ней полковник не сразу узнал официантку, обслуживавшую их накануне вечером. Прическа, косметика и дорогой

твидовый костюм превратили ее в даму. Гуров сбежал по ступенькам, поклонился.

— Здравствуйте! Какой приятный сюрприз!

— Здравствуйте, Лев Иванович.— Нина протянула руку, сыщик от поцелуя воздержался, только галантно пожал ее.

— Доброе утро, доктор! — Академик махнул водителю, мол, свободен.— Я решил, что красивая женщина, тем более переводчик, не помешает нашей болтовне.

— Нет слов, проходите. Но, кроме кофе и бутербродов, извините, угощать нечем.

— Я распоряжусь, подвезут.— Академик прошел следом за Ниной в дом. Чувствовалось: раньше он здесь не бывал, оглядывался с любопытством.

— Не беспокойтесь. У нас днем деловая встреча, перед этим заглянем на базар, купим все необходимое.

— О, моя фрейлейн! — воскликнул Дитер, радостно бросаясь навстречу Нине, и затараторил по-немецки.

— Ниночка, займи гостя, сооруди нам кофе, мы скоро освободимся.— сказал Академик и прошел за Гуровым в кабинет.

Сыщик сел за стол, указал Академику на кресло.

— Павел Николаевич, вы ночью обмолвились об этом молодцеватом милицейском майоре.— Гуров нахмурился, закурил.— Жаловаться на него я не собираюсь. У меня имеются рекомендации к местному генералу, но ночной инцидент не повод для обращения. Считаю вопрос исчерпанным. Что еще?

Академик растерялся. «Зачем, собственно, я заявился? — неожиданно подумал он.— Сейчас таких коммерсантов и сопровождающих по России развезжают тысячи. Ну и что?»

Гуров взглянул на часы.

— Успокойте нервного майора, я слово всегда держу.— Он поднялся из-за стола.— Пройдем к молодым людям, выпьем по чашке кофе. Вы машину отпустили, подброшу вас в центр.

— Я могу быть полезен? — Академик продолжал сидеть. Такой результат встречи его явно не устраивал.

— Вряд ли.

— Вылетая к нам, вы навели справки и выяснили, что в городе проживает Павел Николаевич Фокин по кличке «Академик». Вы считали, что Академик может пригодиться, теперь передумали?

— Собираясь по грибы, интересуетесь, каков лес? Я незнаком ни с Каюмом Азимовым по кличке «Мустафа», ни с Андреем Кубовым, ни с Александром Тепляковым, но, если столкнусь, узнаю. Обращаться к ним за помощью не собираюсь.— Гуров прошелся по кабинету, отметил, что Академик не повернулся, спокойно пропустил за свою спину.— Поймите, Павел Николаевич, я сопровождаю богатого партнера, в котором моя фирма крайне заинтересована. Криминальная обстановка в России мне известна, связи имеются, естественно, интересуюсь, кто правит бал в городе, куда рвется мой подопечный.

— И нас всех знают в Москве?

Гуров снова взглянул на часы.

— Мы останемся без кофе.

— Чем же интересуется немец, если вы наводите справки не о мэре города, не о директорах предприятий, а об Академике — Фокине и Мустафе с товарищами? — спросил гость.

Вопрос был неприличен. Сыщик не ответил, даже не удостоил гостя взглядом, а молча направился к дверям. Спускаясь по лестнице, как бы между прочим бросил:

— Если замечу за нами слежку, у пинкертонов будут серьезные неприятности.

— Это угроза? — Академик пытался придать голосу ироничность, но получилось нервно.

— Предупреждение. — Полковник остановился у двери гостиной, взял Академика за лацкан пиджака. — Вы спросили, знают ли вас в Москве? Знают, но оценивают совершенно неправильно. Я вчера видел людей, которых вы ждали. Мелочевка, гопстопники, шпана, мне за вас стыдно! А еще Академик.

Гуров оттолкнул местного «авторитета», вошел в гостиную и весело сказал:

— Нина, вы потрясающая женщина!

— Официантка. — Нина указала на сервированный стол.

Сыщик, увидев девушку, еще на крыльце отметил тонкий, с большим вкусом сделанный макияж, губы были лишь тронуты перламутровой помадой. Сейчас помада отсутствовала, Дитер стоял у окна и чесал за ухом. Только этого мне и не хватало, подумал Гуров.

— Я человек прямолинейный, называю все своими именами. Вчера мне нравилась официантка, сегодня я в восторге от женщины.

За кофе беседа не ладилась, Гуров пытался шутить, но его не поддержали. Нина с Дитером обменивались короткими фразами.

— Вы обещали нас подвезти, — поднялся Академик и пошел к двери.

— Не обращайтесь внимания. — Нина махнула рукой. — С ними случается.

— Павел Николаевич — ваш шеф, патрон, любовник? — спросил неожиданно Гуров.

Нина растерялась, начала краснеть.

— Доктор! — осуждающе произнес Дитер.

— Что же неприличного в моем вопросе? — удивился сыщик.

— Павел Николаевич — мой клиент, и только.

— Ясное дело. — Гуров пощупал ткань ее костюма, указал на великолепные туфли. — А это все приобретено на чаевые. Ладно! — Он махнул рукой. — Поехали.

Академик и Нина вышли у ресторана «Алмаз», Гуров и Дитер проехали несколько кварталов и припарковались у рынка. Рынок оказался огромным, неожиданно чистым и светлым зданием, полным товаров и людей.

Дитер ходил между рядов, все внимательно оглядывая, принюхивался к мясу, к зелени.

— У вас прекрасные продукты и очень дешево, почти бесплатно, — сказал он. — В Мюнхене за марку я ничего не куплю.

— Громко не разговаривай, могут побить. Ферштейн?

— Ферштейн... ферштейн... — забормотал Дитер.

Закупили все быстро, не торгуясь. Загрузив продукты в машину, поехали к месту встречи. Сыщик сразу же выяснил, что за ними следуют голубые «Жигули». Дело швах. «Волге» от «Жигулей» не уйти.

— Герой-любownik, приготовься. Они, конечно, вооружены, но стрелять сразу не начнут. Их следует вырубить до того, как они достанут свои пушки. Я занимаюсь водителем, ты — парнем, что сидит рядом.

— А человек на заднем сиденье? — спросил Дитер. — Он же нас перестреляет.

— Не успеет. Но, учти, у тебя только один удар.

Сыщик резко свернул в узкий переулок. «Жигули» взвизгнули, свернув следом. Гуров нажал на тормоз, крутанул руль. «Волгу» занесло, она перегородила дорогу, «Жигули» встали рядом, еле избежав столкновения.

Выскочив из «Волги», Гуров и Дитер одновременно рванули передние дверцы «Жигулей» и буквально выдернули парней из машины. Гуров ударил «своего» в челюсть. Дитер решил вопрос проще: опустил кулак на голову преследователя и, отшвырнув бесчувственное тело, подскочил к Гурову. Они подхватили «жигуленка». Казалось, что такая тяжесть им не под силу. От предельного напряжения у Гурова закружилась голова. Он покосился на Дитера, увидев лиловые жгуты вздувшихся на шее вен, вскрикнул, и левые колеса машины оторвались от земли.

Из салона ударил выстрел, пуля ушла в небо. «Жигуленок» наклонился сильнее и тут же грохнулся на бок, посыпались стекла и матерная ругань.

— Оружие! — вскрикнул Гуров.

На дрожащих ногах они проковыляли к распростертым на земле телам, забрали пистолеты и буквально упали в «Волгу».

Через несколько секунд у перевернутых «Жигулей» начали собираться любопытные.

«Волга» вылетела из города.

— Мышцы у тебя в порядке, — констатировал сыщик.

— Мы напали без всяких оснований. — Дитер завязывал носовым платком порезанную ладонь. — Они могут обратиться в полицию.

— А с мозгами, извини... — Гуров проскочил пост ГАИ, неподалеку увидел серые грязные «Жигули», начал притормаживать. Из-за деревьев появилась мужская фигура.

Когда «Волга» встала, Василий распахнул дверцу и забрался на заднее сиденье.

— Здравствуйте, господа.

— Привет, капитан, — ответил Гуров. Дитер, повернувшись, показал большой палец.

— Курить можно? — спросил капитан, устраиваясь поудобнее.

— Потерпи, скоро накуришься. — Гуров взглянул в зеркало заднего вида. — «Вальтер» забрал?

— Конечно. Пакетик не протек, машинка в полном порядке.

— Молодец. — Гуров свернул с шоссе и подъехал к железным воротам...

Гуров и Дитер выпружали закупленные на базаре продукты,

Василий проскочил в открытую дверь. Когда сумки перетащили на кухню, Гуров хлопнул Дитера по плечу:

— Отправляйся в ванну, налей холодной воды, ложись и терпи холод, сколько сможешь. А я приготовлю выпить, закусить и горячего чая.

— Холодную ванну? — Дитер смотрел недоуменно. — Зачем?

— Когда переворачивали машину, ты наверняка потянул мышцы, завтра можешь не встать с постели. Я знаю: при растяжении требуется холод. Ты что, не можешь пятнадцать минут холодную ванну потерпеть? — Гуров повысил голос, сделал сердитое лицо. — Марш в ванну, и без разговоров.

— Слушаюсь, доктор. — Дитер щелкнул каблуками и взбежал по лестнице на второй этаж.

Сыщик прошел в гостиную, где расположился Михеев.

— Какие новости, капитан? — спросил он, оглядывая ладную фигуру оперативника, взял лежавший на столе «вальтер», сунул в карман. На стол выложил «ТТ» и «Макарова», отобранные у бандитов.

— Новости? — Опер поднял белесые брови. — Ничего конкретного, одни разговоры о вас. В основном ваше появление связывают со вчерашней сходкой в «Алмазе».

— А почему ты меня не предупредил о ней? — спросил Гуров, осматривая дверцу вмонтированного в стену сейфа. — Вы что же, не знаете, кто когда собирается?

Капитан смутился.

— Так получилось, господин полковник, — сказал он неуверенно. — Сигналы-то поступали, но в соседний отдел. Я узнал только ночью, предупредить не успел.

Сыщик достал ключ, отпер сейф, где стояли два «дипломата», один с деньгами, второй со спецтехникой.

— Не верю я этому ящику. — Гуров начал внимательно осматривать цифровые замки «дипломатов». — Не может такого быть, чтобы не существовали второй ключ и человек, которому поручено за сейфом наблюдать. Верно?

Оперативник, обрадовавшись, что вопрос о вчерашнем проколе вроде забыт, согласился: мол, у любого сейфа обязательно два ключа.

— Пока не лазили, но залезут, — рассудил Гуров. Раскрыв «дипломаты», он достал пачку денег, кое-что из техники и рассовал по карманам. — Секретные замки открыть не сумеют. Как думаешь, рискнут ломать внаглую?

Опер вновь шевельнул белесыми бровями.

— Не думаю. Охрану несут ребята из бывшего КГБ. Кому сейчас подчинены, не знаю. Без их ведома сюда не пролезть, а своим местом они рисковать не станут.

Кейс с деньгами сыщик убрал в сейф, а кейс с техникой оставил, сейф закрыл.

— Чего не спрашиваешь, откуда у меня оружие? — Гуров указал на пистолеты. — Мы их отобрали у любопытных парней, которые нас «повели» от базара. Забери, сними пальчики. Мы оружие хватали только за стволы. Криминалистам на отстрел пистолеты не отдавай, ваша контора «течет», узнают о пистоле-

тах, выйдут на меня. А вот пленки с пальцами на проверку отдай, но придумай легенду, откуда они, оружие спрячь.

— Как же вы, безоружные, отобрали это? — спросил удивленно опер, указав на сверток.

— Не очень вежливо. Вернешься в контору, узнаешь подробности.

— Но без «мокрого»?

— Обижаешь, Василий. — Сыщик взглянул укоризненно. — Я просил тебя подумать, кто в городе может стоять над «волками» и «медведями».

Оперативник ответить не успел, зазвонил телефон.

— Ни сна, ни отдыха, — вздохнул Гуров и снял трубку. — Слушаю.

— Это Фокин Павел Николаевич.

— Который с трудом закончил школу и сразу присвоил себе звание Академика, — усмехнулся сыщик. — Слушаю вас, Павел Николаевич.

Академик и Мустафа сидели в кабинете директора ресторана «Алмаз». Кабинет был обставлен непритязательно. На затертом паркете громоздились два канцелярских шкафа, пара кресел прижималась к некогда полированному столу, уставленному тарелками и бутылками. За столом сидел Академик. Его строгий, интеллигентный вид совершенно не вязался с окружающей обстановкой. Зато в нее хорошо вписывался развалившийся в кресле Мустафа. Одетый в «варенку», из-под воротника которой топорщился несвежий шейный платок, он, не глядя, хватал с тарелок закуску, запивал ее водкой и, судя по всему, чувствовал себя прекрасно. Его шишковатая голова, смольные, спроспиеся брови делали Мустафу похожим на театрального разбойника. И только внимательный и непредвзятый человек сумел бы отметить, что глаза у Мустафы, прикрытые набухшими веками, смотрели умно и ценко.

«Авторитеты» находились вдвоем, охрана сидела в зале.

— Лев Иванович, зачем калечить людей, зачем ломать машину, которая нынче стоит миллионы? — Академик держал трубку брезгливо, двумя пальцами.

— Я вас предупреждал, — ответил Гуров. — Передайте Мустафе, чтобы он оставил меня в покое, и я не трону его.

— Скажите ему сами.

— Он мне не интересен, так же, как и вы, Павел Николаевич.

— И все-таки скажите. Боюсь, что мне Каюм не поверит. — Академик протянул трубку Мустафе. — Его зовут Лев Иванович.

Мустафа вытер ладонь о штаны, взял трубку:

— Слушай, не знаю, кто ты такой, мне плевать, а ремонт машины оплатишь.

— Пришлите счет, — услышал Мустафа и от столь неожиданного ответа даже хрюкнул. — Только не пишите лишнего. Там всего-то отrixтовать двери, вставить стекла.

— А стойка? А крыша, а покраска? — Мустафа растерялся. — И пушки отдай.

— Уважаемый, а зубного врача твоим парням не оплатить?

Мустафа рассвирепел, грохнул кулаком по столу, отчего одна тарелка соскочила на пол и разбилась.

— Ты договоришься, я ребятам твои зубы вставлю!

— Не следует пить с утра. Мы проездом, вас не трогаем, оставьте и нас в покое.

Мустафа понял, что ведет себя несолидно. Судя по всему, москвич, человек действительно серьезный, расскажет о разговоре другим, будут смеяться.

— Извини, Лев Иванович, погорячился. Свои люди, копейки считать не будем. Может, подъедешь, потолкуем?

— Можно, только не сегодня. Я еще пару дней здесь пробуду, свидимся. Только, Каюм, не надо на мне виснуть, у меня серьезные дела. Если все пройдет нормально, я вам отстегну, ты себе новую тачку купишь. Договорились?

— Договорились, Лев Иванович. — Мустафа положил трубку, поскреб небритый подбородок. — Крутой мужик. Что за дела такие, о которых мы не знаем?

— У него крупный бизнес. Валютный. Однако многое непонятно. Если он коммерсант, то зачем интересовался тобой, мной, другими людьми?

— Коммерсант? — Мустафа покачал головой, сплюнул. — Ты умом двинулся, Паша. Они выпибли из машины моих парней, как тряпичных, и перевернули «Жигули». Коммерсанты! — Он хохотнул. — Паша, давай на время замиримся, пока с этими залетными не разберемся. Только по-честному!

— Согласен! — Академик пожал протянутую руку. — А как доложим?

Мустафа чесал густую щетину, ругался, выговаривая матерные слова без темперамента и выражения, будто просто перечислял все ему известные.

— Академик, что за времена настали? Ведь лишней крови никто не хочет.

Мустафа замолчал, налил в стакан водки, поднес ко рту, но пить не стал.

— Надо же так человека довести, что сто грамм душа не принимает. Зачем тогда живем, делим чего-то?

— А ты, оказывается, философ, — тихо сказал Академик.

— Нет, я чурка с глазками, — слезливо произнес Мустафа. — Ну с кем хочешь я дело в жизни имел, но чтобы с ментами или другими властями, да никогда.

— И чего ты, Каюм, нервничаешь? Кроме нас с тобой, Тимофея никто не знает. Он нас не давит, оброком не душит, если по-людски рассудить, так он нам больше дает, чем берет.

— Так-то оно так, но змей он подколодный. — Мустафа вдруг просветлел лицом и жарко заговорил: — А может, замочить его, и гори все голубым огнем? Паша, я сам, вот этой рукой!

Павел Николаевич молча взглянул на Мустафу, как смотрит взрослый на ребенка, который сморозил глупость.

Глава пятая В ПОИСКАХ ФЕРЗЯ

Дитер после холодной ванны натянул тренировочный костюм, сверху пушистый джемпер, от чего казался еще больше. Он приканчивал вторую кружку чая, слушая разговор полковника с капитаном. Они не полицейские, а гангстеры, думал Дитер. И он скажет полковнику прямо, что цивилизованный человек думает о подобных методах работы.

— Они знают, что вчера московским рейсом прилетел кто-то из сотрудников, — говорил Гуров, — и тебе не сообщили о предстоящей сходке в ресторане. Я считаю, что они тебя, как связного, вычислили и могут убить.

— Не надо меня пугать.

— Да не пугаю я... — Гуров долго мямл сигарету и, сломав ее, выбросил в пепельницу. Резко сменил тему: — Фокин — Академик, Азимов — Мустафа, молодцеватый майор — среднее звено, они ничего не решают. Мне нужен хозяин, если хочешь — Ферзь.

— Ну нету у меня, — виновато сказал опер.

— Городишко, прости меня Господи, — раздраженно пробормотал Гуров. — Ты, опер, в трех соснах заблудился. — Тут же привстал, обнял капитана за плечи. — Ладно, извини. Сейчас эти деятели решают, кто мы такие и что с нами делать. Сами решать не станут, а поедут на связь к Ферзю. В офис к нему являться нельзя, на квартиру тем более. В ресторан Ферзь не пойдет. Значит, встретятся в нейтральном месте. Женщина? Старо как мир, но в этом что-то есть. Нина?

— Нина? О, гут! — встрял Дитер.

— Официантка из «Алмаза»? — спросил оперативник. — Нина Лобзенко. Закончила педагогический, по специальности не работала. Отец умер, когда Нина была пацанкой. Мать вскоре вышла замуж за обрусевшего немца, уехала с ним в Германию. Позже и Нина подалась следом. В городе болтали, что девчонка не вернется. В европах оседет. Однако возвратилась. Не поручусь, что правда, но кто-то из официанток «Алмаза» рассказывал, будто мать Нинку вышерла, приревновала к мужу.

— Она замужем?

— Нет, живет одна. Соседи говорят, очень порядочная девушка. Какой-то мужик к ней навевывается, так ведь это естественно.

— Хорошо, будем думать. — Гуров поднялся. — Я тебя подброшу к твоей машине.

...Полковник выехал на шоссе, потом свернул на проселок, остановился, достал пачку денег, разделил пополам и протянул капитану:

— Здесь примерно пятьдесят тысяч, расписок не требуется. Сегодня, часиков, думаю, с восьми, понаблюдай за квартирой порядочной девушки.

Капитан прощелкал пачку купюр и усмехнулся. Жизнь пошла, пятьдесят тысяч на оперативные расходы!

Не доезжая до поста ГАИ, оперативник из «Волги» вышел. Проводив взглядом машину, он с завистью подумал: ну и чутье

у московского сыщика. Капитан не признался, что когда проводил установку на официантку, то выяснил, что поклонник у нее очень солидный, приезжает на машине, которую оставляет за два квартала. Опер этому значения не придал. Официантка живет скромно, компании собираются редко, скандалов нет, вещей не приносят. А если хахаль — человек женатый, так, естественно, разговоры никому не нужны. Сегодня же все высветилось иначе. Надо установить машину и владельца. Сегодня не поздно, главное, чтобы приехал.

— Да, я приучен повиноваться старшим. — Дитер нервничал, отчего стал по-русски говорить хуже. — Вы приказали, господин полковник, я приказ выполнил. Потом долго думал...

— Когда в холодной ванне сидел? — спросил сыщик, закуривая.

Дитер сердито посмотрел на Гурова.

— Мне с вами трудно, пожалуйста, не перебивайте.

— Валяй, больше не буду. Я выпью рюмку с твоего разрешения, а ты расслабься и не торопись.

Гуров выпил и стал смотреть в окно на некогда ухоженный, а сегодня изрядно запущенный парк.

— Мы хотим найти наемного убийцу, чтобы справедливость восторжествовала. Но цель не оправдывает средств. Я не хочу быть гангстером. Мы напали на людей только потому, что они ехали за нами. И мы изувечили их и машину, не имея никаких оснований. Они могли оказаться добропорядочными налогоплательщиками. Вы, конечно, можете сказать, что это были бандиты.

Дитер тоже налил себе рюмку. Сыщик молчал и думал, что немец абсолютно прав. То, что он, Гуров, полковник милиции, напал на людей, следуя своей интуиции, абсолютное беззаконие и дикость. Всего несколько лет назад он бы никогда себе подобного не позволил. А сегодня бросился, не раздумывая, прав — не прав, главное, не опоздать — остаться живым и не подставить партнера. Немец не может подобрать правильное слово, очень простое слово: «Угадал». Да, сыщик угадал. А можно бросаться на людей наугад?

Дитер сказал все, что хотел, и вопросительно взглянул на полковника. Сейчас тот прикажет собирать вещи и отправляться в Москву.

— Ты абсолютно прав. И то, что я угадал, беззакония не оправдывает. Тебе со мной трудно. Ты молодой опер, да еще выступаешь на чужом стадионе... Даже на чужой планете. Я не могу просить у тебя совета, должен решать все сам и отвечать за все тоже сам. А теперь иди, отдыхай, читай О'Генри. Мы сегодня из дома не выходим.

Гуров слонялся по дому. От безделья приготовил обед — сварил щи, потушил мясо с картошкой, благо продуктов закупили в достатке. Обедали вместе. Сидели за одним столом, но казалось, что их разделяет вселенная. Дитер промямлил комплименты кулинарному искусству полковника. Гуров ответил, что, если его выгонят из милиции, пойдет работать поваром.

Затем Дитер привычно мыл посуду. Сыщик курил. Когда инспектор вытер последнюю тарелку, полковник спросил:

— Как ты считаешь, зачем уголовник привез сюда девушку?

— Я думал, нет ответа.

— Как она себя вела, пыталась соблазнить?

— Скорее, я пытался. — Дитер помялся. — Она красивая девушка. Странно, что работает в таком ресторане.

— В ней много странного, — задумчиво протянул сыщик. — Ты съел у нее губную помаду, а телефон взял?

— Взял.

— Позвони.

— Зачем? Что я скажу?

— Скучаешь, тоскуешь, хочешь видеть.

— А если она пригласит в гости?

— Если пригласит, значит, я ошибаюсь. Отрицательный результат тоже результат. Главное, я хочу знать, дома она или нет.

Дитер набрал номер. Сыщик отметил, что парень телефон не записал, а запомнил.

— Добрый вечер, фрейлейн, — сказал Дитер, а дальше продолжил по-немецки: — Нина, не надо русский. Я не понимаю. Хочу тебя видеть. Зачем?

Он положил трубку на место и пояснил:

— Не может говорить. Занята. Гости. Очень просит позвонить завтра утром. Хочет сюда приехать и чтобы я был один.

— Простая русская девушка. — Гуров оглядел кухню. Опустившись на колени, заглянул под стол и достал оттуда пластмассовую коробочку с лейкопластырем на крышке.

— Инспектор, ты, когда целуешься, глаза закрываешь? — Полковник открыл магнитофон, перемотал пленку. — Завтра она хочет прийти и забрать игрушку. Теперь необходимо придумать сценарий и записать послание хозяину. Видишь, какое дело, инспектор, а ты говоришь, что я самонадеянный хвостун.

— Я никогда не говорил...

— Думаешь, — перебил Гуров и взглянул на часы. — Девять, значит, наш опер на месте. А хозяин к девочке уже пришел. Интересно, кого Василий видел?

Они приехали в центр города, который отличался от окраин тем, что несколько фонарей горели, на окраинах же они стояли мертво, как в почетном карауле. Оставив машину, они пересели в такси.

— На Красноармейскую, пожалуйста, — попросил Гуров.

— Издеваешься? — обернулся к нему водитель.

— Извините, мы не местные.

— Ноги есть? До уголовного дома докалдыбаешь?

— Вы нас прокатите по Красноармейской, а мы вам заплатим, будто она на краю света.

— Хозяин — барин. — Водитель проехал до угла, свернул направо. — Вот ваша Красноармейская. Магазин закрыт, а когда работает, тоже заходить не советую. В этом доме живут слуги народа и жулики рангом пониже...

— Останови. — Гуров жестом дал понять Дитеру, чтобы тот

остался в машине, сам вышел и зашагал к серым «Жигулям», стоявшим на другой стороне улицы.

Свет в салоне горел, и сыщик был убежден, что оперативник мертв. Василий сидел, навалившись на руль, чуть отставив левую ногу, которая и не давала возможности захлопнуть дверь.

Гуров взял вялую руку Василия, она оказалась горячей, с нормальным пульсом. Полковник откинул оперативника на сиденье, заглянул в лицо. Парень пьяно улыбался, дышал глубоко и ровно.

Так, полковник Гуров, прокололся ты вчистую, словно карась, который схватил крючок, даже не проверив, есть ли на нем червяк. Гуров растерялся и отвесил оперу такую пощечину, что тот свалился на сиденье, забормотал что-то и начал постепенно приходить в себя.

— Главное, ты жив, — облегченно произнес Гуров.

Из подъезда вышла девица, поигрывая сигареткой, направилась к нему:

— Мужчина, огоньку не найдется?

— Найдется. — Гуров достал зажигалку. — А в школе уже не проходят слово «пожалуйста»?

Девица прикурила, выпустила тонкую струю дыма.

— Мужчина, в школе сейчас такое проходят, чему вас ни в одной академии не учили. Пятьдесят баксов, и поделюсь опытом. — Она цепко изучала лицо Гурова, хотела отстраниться, чтобы увидеть его в полный рост, но полковник взял ее за отвороты плаща и, приблизив вплотную к себе, кивнул на дом:

— Они не успеют.

Конечно, его опознали из окна, а девицу прислали для перестраховки. Но это уже их ошибка, из нее надо выжать максимум. Сыщик уперся жестким взглядом в протрезвевшие зрачки протитутки.

— Как его зовут? — И тут же поправился: — Как он себя называет?

— Тимоша, — прошептала девушка, заплакала, и сразу стало видно, что она действительно школьница. — Тимофей Тимофеевич.

— Кличка?

— «ТТ».

— Возраст? Утрись, пожалуйста. — Сыщик ослабил хватку.

— Нормальный, еще не старый. — Девушка достала платок и даже в такой ситуации глаза не вытерла, а осторожно промокнула.

— Рост? Покажи рукой.

Девушка подняла дрожащую ладошку чуть выше своей головы.

— Толстый, худой?

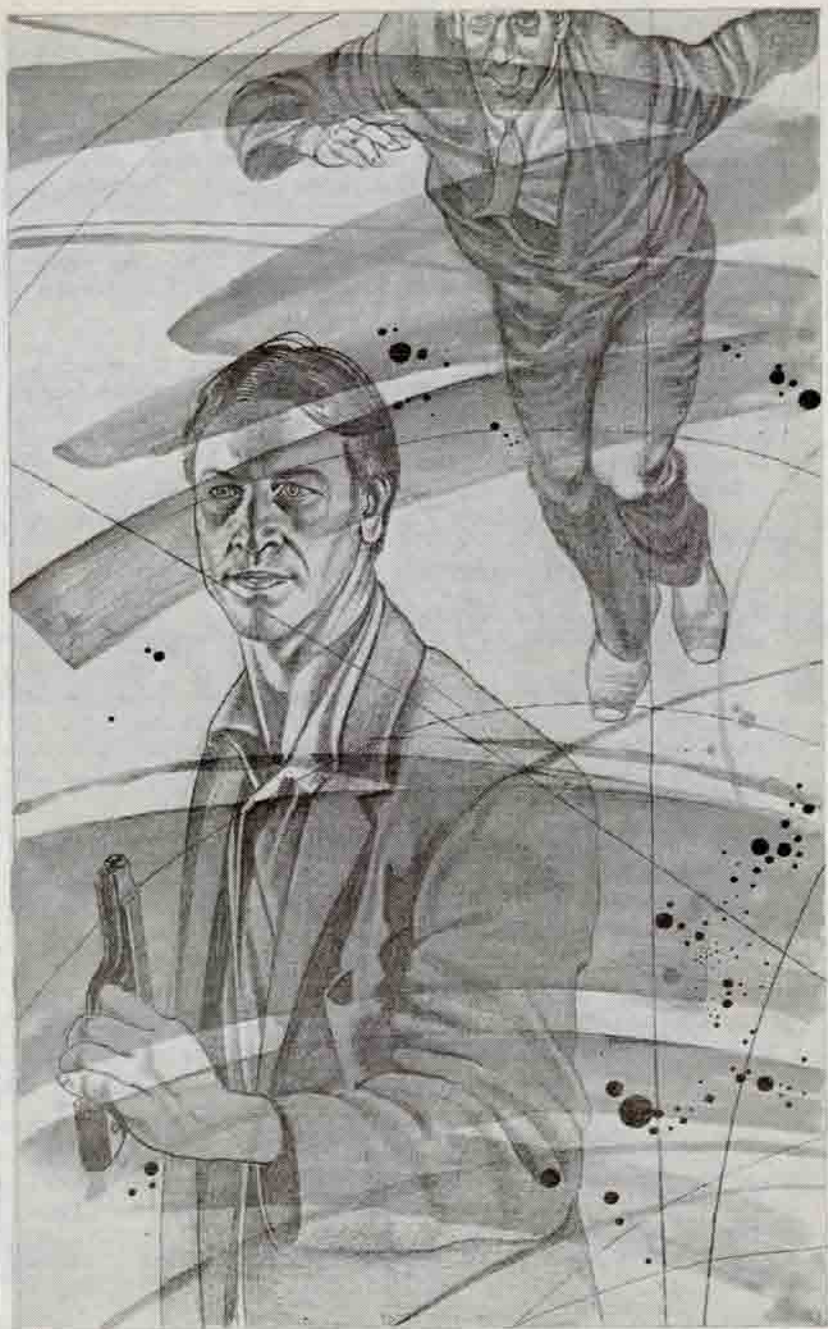
— Нормальный.

— Как одевается? Джинсово, молодежно? Костюм и галстук? Следит за одеждой?

— Фирменно, костюм.

Гуров почувствовал, что его влияние ослабевает. Глаза девицы начали соскальзывать, он жестко встряхнул ее.

- Брюнет? Блондин?
- Шатен.
- Шрамы? Золотые зубы?
- А пошел ты...

— Ты свободна.— Гуров отпустил девушку и закурил.— Но тебя спросят, о чем ты разговаривала столько времени.— Он отвернулся, наклонился к осололевшему Василию. Тот, облизывая губы, с трудом спросил:

— Где я? Что со мной?

— Ты в своей машине. И ты провалился.— Гуров повернулся к девушке: — Так что ты ответишь Тимофею Тимофеевичу с ласковой кличкой «ТТ»?

— Ты хотел меня изнасиловать...

— Если не будешь меня слушаться, то умрешь, и очень плохой смертью. Я такими делами не занимаюсь, но они тебя будут допрашивать и ничему не поверят. Ты начнешь врать, затем расскажешь правду, они продолжат твою пытку, ты снова начнешь врать, ничего не поможет...

Девчонка зарыдала, и сыщик понял, что все отгадал.

— Слушай, я поглавнее Тимоши. Как тебя зовут и номер телефона?

— Света.— Девушка назвала номер своего телефона.

— Ты сейчас вернешься и расскажешь правду, только правду. Расскажешь, как я тебя схватил, как ты испугалась, что я спрашивал, что ты отвечала... Все, кроме имени и телефона.

— Убьют ведь.

— Сразу не убьют, а мне нужно время. Иди.— Гуров подтолкнул девушку.— Да, чуть не забыл главного. Скажи, я велел передать, что в городе по своим делам и ссоры не ищу, но, если он будет путаться у меня под ногами, я развешу его кишки на телефонных проводах. Слова запомнила?

Конспирация кончилась, и они подъехали к коттеджу на двух машинах. Гуров попросил Дитера соединить его с Ниной и налить Василию стопку, чтобы очухался. После нескольких гудков ответил тихий, интеллигентный голос.

— Слушаю.

— Нина?

— Простите, кто вам нужен?

— Мне нужна девушка, которая вчера вечером в ресторане «Алмаз» обслуживала двух приезжих, а сегодня утром была на даче.

— Я вас слушаю.

— И внимательно.— Гуров добавил в голосе жесткости, которая, как ему не раз говорили, производит на слушателя неприятное впечатление.— Передайте вашему Тим Тимычу, или как его там, что, если он тронет моего капитана, я немедленно сдам прокуратуре его майора.

— Я вас не понимаю,— спокойно и с достоинством ответила Нина.

— Вы передайте, он поймет.

— Зачем передавать? — включился в разговор мужской голос.

Видимо, он слушал разговор по параллельному телефону с самого начала. — Хотел с вами встретиться, но, выяснив, что вы обыкновенные мусора...

— Посмотри на себя в зеркало, кретин, — перебил его Гуров. — Повторяю: ты не трогаешь моего капитана, я не трогаю твоего майора. — Он положил трубку и, увидев растерянные лица Дитера и Василия, громко рассмеялся.

— Не понял, — произнес с запинкой капитан. — Я служу у вас? Значит, вы окончательно раскрылись?

— Я же говорил, что главарь существует, — сказал Гуров и обратился к Дитеру: — Будь другом, накрой на стол, пора ужинать. Главаря зовут Тимофей Тимофеевич, кличка «ТТ», около сорока лет, среднего роста и телосложения, шатен, одевается, как бизнесмен, среднего ума, хитрый, крайне жестокий.

— Откуда информация? — спросил Василий.

— Имею успех у женщин и некоторый опыт работы в сыске, — скромно ответил Гуров. — Так скажи мне, господин капитан, почему заштатный бандит имеет осведомителем майора милиции, а крупный «авторитет» из златоглавой не может иметь агентом капитана?

— Меня? — Василийпил водку и поперхнулся. — Никто не поверит. Весь город знает: капитан Михеев не берет и живет в нужде.

— Теперь узнают: не берет потому, что Москва не велит, а живет скромно оттого, что умный. — Гуров зацепил вилкой кусок окорока, налил в рюмки. — Ну это все — ладушки, давайте прокачаем ситуацию.

Капитан Михеев отставил рюмку и встал.

— Господин полковник, может, для вас судьба провинциального опера и ладушки, а мне мое имя дорого. У меня родители живы. Городок маленький, зашепчет агентура, вся грязь оседет в моем личном деле.

— Я даю слово, капитан, что лично просмотрую ваше дело и выброшу весь компромат.

— Вы уедете, а кляузы и доносы будут поступать, — возразил капитан. — И потом, извините, нас обоих могут убить, и мое имя останется в дерьме.

Гуров побледнел, у него задрожал подбородок. Дитер хлопнул могучей ладонью по столу и тоже встал.

— Все! Я во всем виноват! Я отказываюсь. Мы завтра улетаем!

— Нас отвозят на двух машинах с мигалками к трапу, генерал при параде, рядом капитан, рукопожатия и улыбки? — Гуров от злости даже стал заикаться. — Сопляки! — Он потянулся к телефону.

— Я и по приказу генерала на такое не пойду, — пробормотал капитан. — Я в этом городе родился.

— Заткнись! — Полковник крутил диск. — Пойдешь, еще как пойдешь, рысью!

Ему повезло, Москва ответила быстро. Генерал Орлов не спросил, кто говорит, не поздоровался, а произнес скучным голосом:

— Я рад, что ты живой, Левушка, выкладывай.

— Акелла промахнулся, генерал. — Гуров неожиданно успокоился. — Я подставил местного опера как агента корпорации. Парень с головой и справедливо требует гарантий. Либо мы завтра отсюда улетаем, либо ты утречком кладешь на стол министра рапорт, что по твоему приказу полковником Гуровым проводится операция по внедрению сотрудника в среду, со всеми вытекающими последствиями.

Гуров услышал, как Орлов шумно вздохнул, представил, как он трет короткопалой ладонью лицо, затем чешет затылок.

— Какие шансы на успех? — спросил Орлов.

— По основному направлению пока глухо. Но то, что я оторву башку местной группировке, гарантирую. Ты меня знаешь.

— Я тебя знаю, — вновь вздохнул Орлов. — Подожди, возьму блокнот и ручку, продиктуешь мне данные этого парня.

— Он сам продиктует, героя зовут Васей. — Гуров протянул трубку капитану. — Начальника главка, генерала Орлова, зовут Петр Николаевич. Да сядь ты за ради Бога, генерал же все равно тебя не видит.

Василий деревянным голосом отвечал на вопросы, назвал свои полные данные и в конце неожиданно услышал:

— Спасибо тебе, парень. А что трудно с полковником, так терпи. Я двадцать лет его терплю, видишь, пока живой. Ну, удачи вам.

Ужинали молча, каждому было о чем подумать.

Дитер обрадовался, когда услышал, что полковник, помимо поисков совершенно ненужного русским преступника, намерен разгромить местную группировку. Притуплялось чувство вины, которое немец испытывал с первого дня, что втянул людей в опасное и, как выясняется, бесперспективное дело. Дитер представлял, как бы развивались события, если бы русский прибыл в Мюнхен в поисках немца-убийцы. Работали бы десятки прекрасно оснащенных детективов. Круглосуточно в центр обработки информации поступали бы сотни рапортов и информация закладывалась бы в компьютеры.

У русских все происходило иначе, они все делают руками. Полковник дерется, словно патрульный полицейский. Произошло черт знает сколько событий, а не написан ни один рапорт.

Опер Михеев был парень неробкий, однако растерялся. Вот так, запросто, поговорить с начальником главка, а завтра о капитане Михееве узнает министр! Полковник — важняк, имеющий чрезвычайные полномочия, хотя и смотрит неласково, но, судя по всему, считает опера Михеева стоящим человеком, иначе бы в Москву не звонил. Немец — неизвестно кто, прикидывается, что по-русски не волокет, а сам все отлично понимает. И чего им нужно в российской глубинке, какая нужда закинула их за тридевять земель?

Полковник Гуров в присутствии людей заниматься серьезным анализом не умел, мысли перескакивали с одного на другое... Удалось выйти на Академика, Мустафу, майора, главное, на ТТ. Глава местечковой банды в прошлом не из спецслужб, оперативным мышлением не обладает, это хорошо. С другой стороны,

и опасно, логически не мыслит, значит, непредсказуем. Ты шахматы расставляешь, а он кувалдой по голове, сыщик таких встречал. Нина, хорошенькая, умная, в совершенстве владеет немецким. Убийца выезжал в Германию. Совпадение? Немецкий язык... Германия... Полковник сдвинул ладонями голову, словно пытался удержать ускользающую мысль.

Дитер поднялся и уже привычно начал убирать со стола.

— Посуду моет Василий, — сказал Гуров. — Такова участь младшего.

— Простите, господин полковник, но Василий — наш гость, — возразил Дитер.

— Здесь один гость — инспектор Вольф, второй гость — полковник Гуров, а Василий — хозяин. Он моет посуду и рассказывает о печальной истории, которая произошла с ним недавно и закончилась счастливым отравлением, хотя должна была закончиться скромным надгробием.

— Конечно-конечно! — Василий вскочил и начал собирать грязную посуду. — А чего рассказывать? Прикупили меня, как зеленого фраера, на женщину. Свернул я на Красноармейскую, две дамочки, одна вроде в положении, дорогу перебегают и прямо мне на капот. — Василий тяжело вздохнул, помолчал. — Одна машина на улице. Чего под нее кидаться? Так ведь быстро все... Ну, я по тормозам, выскакиваю, и тут мне в лицо чем-то брызнули. Этой химии развелось, спасения нет.

— Значит, тебя отравили, когда ты стоял рядом с машиной? — спросил неожиданно Дитер. — Как же ты за рулем очутился?

Дитер понимал, что вмешиваться в разговор, который ведет полковник, незачем, но ему надоело быть безмолвной пешкой, и он не выдержал.

— Верно, — сказал Гуров. — И остановили тебя на углу, а машина стояла в центре улицы.

Василий развел руками:

— Чудится мне, что когда я падал, меня очень сильные руки подхватили.

— Похоже. Не могли двум женщинам такую операцию доверить. — Гуров вытянул ноги, с хрустом потянулся. — Один из них был мужчина, тебя сунули в машину, потом ее перегнали. Только нам это ничего не дает. Лиц совсем не запомнил?

— Длинноволосые, лохматые, парики, конечно, — виновато ответил Василий.

— На такой номер кто угодно попасться может, — успокоил оперативника Гуров. — А вот как ты не заметил, что тебя «ведут»?

— Не было за мной никого, отвечаю. Господин полковник ваши улицы вечером видели, ведь каждая тачка светится, а я проверялся.

— Разрешите, господин полковник? — Второй раз вмешаться в разговор Дитер не решился.

Гуров улыбнулся, кивнул и включил портативный магнитофон, который все время крутил в руках.

— А по машине тебя не могли определить? — спросил Дитер. — Ты на чье имя машину взял?

— Какой в России, к черту, прокат машин? С ума сойти! — вздохнул сыщик.

— Я у друга взял, — объяснил Василий.

— А где он работает? — быстро спросил Гуров.

— У нас, в хозу.

— А ты оперативник. Вася ты, а не оперативник. Ладно, не расстраивайся, может, мы из твоей ошибки еще и кашу сварим. Дитер, какой главный вопрос мы с тобой не задали?

— Не знаю, — после паузы ответил Дитер. — Мне вся история с женщинами, отравлением, с перестановкой машины не нравится. Это не работа профессионалов, а кино.

Василий порывался сказать, что все именно так и произошло, но, увидев сосредоточенное, замкнутое лицо полковника, лишь вздохнул. Молчание нарушил Гуров:

— Дитер охарактеризовал ситуацию правильно, вопрос возникает лишь один. — Полковник посмотрел Василию в глаза. — Почему тебя не убили?

Дитер смутился, вопрос прозвучал как прямое обвинение в предательстве. Василий сначала опешил, затем вскочил. Но Гуров его опередил, подсек ногу, перехватив руку, отобрал пистолет и швырнул оперативника на пол.

— Твоя пушка пусть побудет у меня. Не люблю, когда рядом неизвестно кто, да еще с оружием.

Глава шестая ПОЧЕМУ ТЕБЯ НЕ УБИЛИ?

Тимофей Тимофеевич, он же Тимоша, он же ТТ, завтракал в квартире своей любовницы — официантки ресторана «Алмаз» Нины Лобзенко. Она недавно вернулась со свидания с Дитером, принесла магнитофон. Они прослушали запись и теперь молча обдумывали услышанное.

Весь пол в двухкомнатной квартире, за исключением кухни, был заставлен светло-серым паласом, мебели было мало. Всякие стенки, горки отсутствовали, их заменяли поделки из натурального дерева, видно, кто-то из поклонников хозяйки мастерил по дереву. В гостиной у журнального столика в низких креслах сидели Нина и глава преступной группировки города Тимофей Тимофеевич. Женщина пила сок, мужчина — молоко, хрустел сухариками. Они следили за фигурами, а так как обоим приходилось вечерами пить спиртное, то днем они придерживались строгой диеты. Нина, в скромном платье, совершенно не походила на официантку. Ее строгое красивое лицо было задумчиво.

Тимофей Тимофеевич внешне напоминал плюшевого Тимошу из мультфильма. Все в нем было на месте, но как-то усреднено, размыто и несерьезно. Таких людей порой называют «мужчинка». Только не стоило смотреть ему в глаза. Глубокие, темные, они походили на стволы пистолетов. Человек, встретившийся с Тимофеем Тимофеевичем взглядом, враз понимал, почему он имел грозную кличку «ТТ». Тимоша своим взглядом не управ-

лял, смягчить не мог, а потому смотрел всегда в пол или прикрывал веки, отчего лицо его казалось беспомощным.

Тимоша был не умен, жесток и тщеславен, Нина — умна, красива и тоже тщеславна. Они дополняли друг друга, понимали, что порознь стоят мало и цели никогда не достигнут. А цель их была стара как мир — золото. Но как из российской глубинки выйти на настоящие деньги? В городе жили два миллионера. Тимоша предложил содрать с них кожу, все отнять. Нина тогда холодно ответила: мы проживем максимум несколько суток. У финансистов есть друзья и партнеры, Тимофей Тимофеевич отлично известен, и против одного «ТТ» выставят десяток «калашниковых».

В финансово-деловые круги любовников не пускали. Они попросту были не нужны. Он — обыкновенный бандит, а женщину за длинные ноги и атласную грудь в дело не берут, платят наличными.

Мустафа и Академик платили им дань. Но деревянные рубли нужны контейнерами, а валюты у местных «авторитетов» попросту не было. И мужчина, и женщина хотели прорваться в Германию, где Тимоша рассчитывал либо захватить чужой, либо создать собственный клан. Нина собиралась, имея наличный капитал, соответствующую внешность, свободно владея немецким, купить небольшой магазинчик, а позже будет видно. Дело оставалось за малым: достать конвертируемую валюту. Они скупали ее за рубли, но то были лишь слезы. Однажды в городе появились немцы, Нина тогда работала экскурсоводом-переводчиком, наводила мосты, и им повезло. Один немец, напившись вдребандан, проболтался, что бизнес у него небольшой, однако вполне достаточный, только нет жителя от местных рэкетиров. Вот если бы удалось нанять русского... Утром от всего открепчивался, хватался за голову. Но Нина дело свое знала: заставила опохмелиться, заласкала, разговорила. Немца понесло. Появился Тимоша, Нина еле успевала переводить.

Убедившись в очередной раз, что Тимоша если не полный кретин, то уж точно ума небольшого, Нина сказала:

— С этим переводом замучаешься. Ты, Тимофей, покури, а я с гостем потолкую, потом тебе объясню. Окей? — И, не дожидаясь ответа, принялась за гостя вплотную.

Нина разделявала туриста мастерски. Жесткие, конкретные вопросы перемежались лестью, кокетством, комплиментами в адрес не существующих у него мужских достоинств. Что из себя представляет человек, которого следует ликвидировать? Его положение в обществе? Наличие охраны? Носит ли оружие? Водит машину сам или у него водитель? Марка машины? Адрес? Расположение дома? Распорядок дня? Употребляет ли алкоголь? Каковы отношения с полицией? Имеет ли любовницу и интересуется ли женщинами в принципе? Посещает клуб и какой именно?

К концу разговора гость абсолютно протрезвел и смотрел на Нину с искренним уважением.

— Хорошо, — закончила допрос Нина, — мы беремся за это дело. Уверена, вы останетесь довольны нашей работой и еще обратитесь к нам. Цена будет невысокой — пятьдесят тысяч марок. — И жестко добавила: — Ваш паспорт, пожалуйста.

Гость словно завороченный протянул паспорт. Нина переписала все данные.

— И запомните, герр, мы люди серьезные.

У Тимоши имелось несколько парней, которые за деревянные готовы были «замочить» человека. Однако Германия не Россия, задание деликатное, судимого, тем более беглого, не пошлешь. Тимоша нужного человека не нашел. У Нины же подходящий человек давно имелся.

Когда наемник вернулся, выложил деньги и начал флегматично излагать свои подвиги, выяснились печальные подробности. Нанявший его немец после выполнения задания внезапно исчез. Слава Богу, хоть честно расплатился. Наемнику пришлось туго: один в чужой стране, без знания языка... Но помог случай: встретил земляка, который имел на родине не одну «ходку». Он поил гостя пивом, утверждал, что ни о каких делах ничего не знает, но поможет вернуться в немую Россию. Наемник поблагодарил за гостеприимство, за бензин и двинул в сторону Польши, вот тут его «притормозили» люди серьезные. Отвезли невесть куда, в жизни тот подвал не найти. Двое суток не давали спиртного, переодели, выправили документы...

Главная часть плана Нины рушилась: клиент исчез, плантажировать стало некого. Когда же Нина узнала, что парень расстрелял семью, да еще и ребенка, она схватилась за голову и вынесла приговор:

— Все! Немцы с нами больше на контакт не пойдут! А на наши марки, за вычетом расходов, можно жить в Жмеринке, а не в Европе!

Любовники пребывали в меланхолии. Казалось, ухватили золотую ниточку, и клубочек начал разматываться, да ниточка враз лопнула.

И вдруг в захолустье, в грязи и темноте, среди покосившихся, подслеповатых домов, появляются два супермена, причем один из них немец. Когда Нина увидела эту пару, то села в подсобке и попросила у подруг валидол. Два супера не могли оказаться здесь случайно. Либо прибыли для установления контакта, либо Олег, так звали наемного убийцу, в Мюнхене засветился, и они — сыскари, приехавшие за ним. А от Олега до меня — только руку протянуть. Вот теперь и решай, что они привезли: золото или наручники?

Обслуживая гостей, Нина сразу поняла, что главный среди них — русский. И человек он крайне опасный. Что делать? Ни Академик, ни тем более Мустафа ничего не знали об убийстве в Мюнхене и планах Нины. Она распорядилась гостей проверить, но ни в коем случае не убивать. Проверка ничего не дала, установили только, что связным у незваных гостей был известный своей неподкупностью опер Михеев. «Замочить немедленно», — изрек Мустафа. Тимоша тут же снял телефонную трубку. Нина словно разъяренная кошка бросилась на дурных мужиков. Мустафе разбила голову бутылкой, а телефонный аппарат шагнула об пол.

— Кретины! Недоноски! — кричала она в истерике. — Если они из Интерпола, то, прежде чем умереть, уничтожат половину

ваших ублюдков! А сюда спецрейсом придут такие парни, что от вашего гадюшника не останется мокрого места! Тоже мне, Коза Ностра из Пятихаток! Сидите по теплым сортирам и не двигайтесь!

Дальнейшие события известны. Установив портативные магнитофоны в квартире гостей и в комнате капитана Михеева, они стали ждать.

Утром Нина созвонилась с Дитером, заглянула к нему на чашку кофе. Русского, которого Нина остерегалась, не было. Забрать магнитофон из-под крышки стола не представляло труда, после чего она «неожиданно вспомнила» о деловом свидании в городе, кокетливо чмокнула немца в щеку, взглядом пообещала, что все впереди, и улетела.

Сейчас, прослушав запись, она размышляла. Главное, и посоветоваться не с кем, Тимоша просто убийца. Академик мозговитый, но посвящать его в дело, значит, брать в долю. Мустафа — тот же Тимоша, только еще тупее. Надо решать самой. Если не русский полковник, она бы в постели вынула из немца все, до самого доньшка.

— Деточка, давай мотанем недельки на две в Сочи, — сказал Тимоша, допивая молоко. — Эти парни из города уберутся, а если Мустафа их замочит, то сам и ответит. Мы отсидимся в стороне.

— Мы должны поймать свой шанс. Иначе будем сидеть в этой дыре до конца жизни, — стараясь не сорваться, ответила Нина. — Тебе нравится эта жизнь?

Тимоша посмотрел Нине в глаза, хотя и знал, что это бесполезно. Его взгляд удава на девчонку не действовал. Может, поэтому Тимоша и присох к ней. Слушался, а как-то даже схлопотал от нее по физиономии. Нина была умница, знала, что вожжи все время натягивать нельзя, поднялась, взъерошила волосы, почесала за ухом:

— Тимофей, ты прирожденный лидер, за что и люблю тебя. Но, пойми, я в Германии два года прожила и многое поняла. Немцы тебя не примут, но в русской колонии, при твоих способностях, место найдется, узнаешь, что такое нормальная жизнь.

— У нас есть марки, поехали, — пробурчал Тимоша.

— Как же ты не понимаешь, что наши марки только здесь деньги, а там пустяки. Новичков принимают осторожно. Долго приглядываются. Нужны престижная квартира, машина. Ты должен приобрести свой бизнес, уладить дело с префектурой...

— У тебя там мать.

— Конечно, иначе мы туда и не сунулись бы. — Нине надоело уговаривать дурака, и голос у нее зазвенел. — В любом случае потребуются минимум полгода на акклиматизацию. Люди должны видеть, что деньги у нас есть, тогда нам будет другая цена. Кончай препираться, давай снова прослушаем пленку, подумаем.

Тимоша пробурчал что-то нечленораздельное и ушел в ванную. Нина взяла магнитофон, включила воспроизведение, как ей казалось, на самом интересном месте.

— Почему тебя не убили? — раздался голос Гурова.

Наступила пауза, затем прозвучали удары, один тяжелый, видимо, человек упал, и снова спокойный голос:

— Твоя пушка пусть побудет у меня. Не люблю, когда рядом неизвестно кто, да еще с оружием.

Шаги, стук мебели. Пауза.

Почему не убили? Тут я действительно дала промашку. Либо убивать, либо не трогать. С отравлением получилась хреновина. Но в чем он заподозрил опера? Что Васька Михеев работает на нас? Или если полковник крупнейший московский «авторитет», как дал вчера понять в разговоре по телефону, а Михеев его шестерка, то он подумал, что Васька работает на местного генерала?

— Господин полковник, извините, но я считаю, что вы не правы, — прозвучал голос немца, говорил он без акцента.

Подлюга, прикидывается, что не говорит по-русски. Нина закурила.

— А что ты в нашей жизни понимаешь? Ты приехал с поручением, я согласился помочь. Береги мою спину и держи свое мнение при себе.

— Я виноват, что меня не убили, — раздался голос опера Васьки. — Клясться, что не двурушник, не буду, вы все равно не поверите.

— Ответь вразумительно, почему тебя не убили, я верну тебе оружие и доверие. А пока пей водку, ночуешь здесь.

— Я не знаю.

— Подумай. Значит, так, подобьем бабки. Дела у нас просто хреновые. Верный человек назначил мне здесь встречу... выждем сутки и улетаем.

— И все зря? — спросил немец.

— Здесь да, придется пощупать в Москве. Но слишком опасно. Мои коллеги имеют длинные уши. Если услышат хотя бы легкий шорох — конец.

— Можно обратиться к местным «авторитетам», — робко произнес опер.

— Академик? Мустафа? Дебильный майор из отделения? — насмешливо перебил Гуров. — Временно отпущены на поруки. Я работаю в сыске двадцать лет, поверьте, каждый третий из их окружения «стучит».

— Я слышал, господин полковник, — тихо заговорил Василий, — в городе есть очень серьезный человек. Только я его не знаю, и в конторе, думаю, тоже.

— Раз не знают, значит, действительно серьезный. Только нам его не найти. У меня нет верительных грамот.

Наступила пауза. «Это Тимоша-то серьезный? — усмехнулась Нина и судорожно, подвинув пепельницу, раздавила окурок. — Это я человек серьезный! Что же им надо? Может, они ждут партию наркотиков?»

— Но, — после паузы произнес полковник, — я могу получить рекомендацию одного человека. Впрочем, нет... Бунич — финансист и не захочет разговаривать с местными разбойниками.

— Можно попытаться, — сказал немец.

— Лев Ильич сочтет меня несолидным человеком. А, черт

с ним! Василий, набери по коду. — Полковник продиктовал цифры.

Некоторое время магнитофон пощелкивал, затем раздался голос Василия:

— Минуточку. Господин полковник, пожалуйста...

— Алло! Добрый вечер. Попросите Льва Ильича. Разбудите, скажите, тезка Гуров просит.

После небольшой паузы полковник продолжал:

— Здравствуй, тезка. Извини за поздний звонок. Спасибо, по твоему указанию мне выдали неплохую берлогу. Какие трупы? Никого я не убивал, ей-Богу! Ты меня за людоеда считаешь? Я мирный, убиваю только в порядке самозащиты. Что ты смеешься?

Нина слушала разговор и не могла видеть, что последнюю фразу Гуров произнес, прикрыв ладонью трубку.

— Я прекрасно помню, что ты ответил отказом и что не любишь уголовников. Я их тоже терпеть не могу. Люди здесь грубые, не интеллигентные. Ну что же, насильно мил не будешь. Только придет время, ты ко мне тоже обратишься, а я в Москве не крайний. Какая угроза? Упаси Бог! Философские рассуждения, не более. Не понимаешь? Ну, тогда еще раз извини. Спокойной ночи.

После ночного звонка Бунич долго не мог заснуть. Зачем звонил Гуров, что ему нужно? Он никогда ничего просто так не делает. Полковник опять втягивает меня в какую-то игру. Знаем, чем его игры заканчиваются для противников — либо тюрьмой, либо кровью. Вот сделай добро человеку, он так отблагодарит, век не забудешь. Бунич не успел заснуть, как телефон вновь тренькнул.

— Ну? — спросил Бунич.

— Извини, — сказал Гуров. — Ты мне помог. Я твой должник. Желаю здоровья. Это были мои маленькие оперативные хитрости. Если позвонит какой-нибудь болван и начнет расспрашивать обо мне, скажи, что такого не знаешь, а с шушерой не разговариваешь.

— Так оно и есть, — облегченно вздохнув, ответил Бунич.

— Буду нужен, звони, чем могу — помогу.

— Ладно, тезка, пошел ты к чертовой матери!

— Спасибо, уже в пути.

— Ну, если ты не знаешь Бунича, — возмущалась Нина, расхаживая по комнате перед развалившимся в кресле Тимошей, — поговори с Академиком, он должен знать.

— Академик — чистодел, видно, и твой Бунич такой же, зачем он нужен? — недовольно ответил Тимоша. Ему хотелось выпить, но Нинель была строга насчет выпивки, могла и скандал устроить. И он грустно прихлебывал из кружки крепкий чай. Самочувствие было отвратительное. — Да и как объяснить Академику, почему интересуюсь неизвестным?

Нина внимательно посмотрела на Тимошу. Вздохнув, она открыла бар. Налив коньяку, поставила стакан на стол.

— Глотни, может, у тебя в мозгах развиднеется.— Она знала: стоит Тимоше выпить, он подobreет, затем захочет добавить и уже тогда станет совсем ручным.— Этот Бунич устроил наших гостей на партийную дачу. Наши депутаты, сукины они дети, второй год держат эти дачи под замком, поделить не могут. А он позвонил и... пожалуйста. Да еще и «Волгу» дали.

Отсутствие ума Тимоше заменяла хитрость. Он поглядывал на коньяк и на красивую стерву и не пил. Понимал: покупают за стакан, как алкаша у гастронома. Нина отлично видела его борения, но была убеждена: долго он не выдержит. Главное, не злить и не подталкивать.

— Академику не надо ничего объяснять, ты его вызови, разговаривать буду я.

Зазвонил телефон. Выдержав паузу, Нина сняла трубку.

— Да.— Услышав ответ, она оживилась.— Прекрасно, давай, как договорились. А уберется, ты машинку забирай и сразу ко мне.

Во время этого короткого разговора Тимоша успел проглотить коньяк, сидел с безразличным видом, словно ничего не произошло. Нина сразу отметила, что стакан пуст, бровью не повела, сообщила:

— Васька Михеев вернулся домой. Значит, полковник его отпустил... Сейчас там машинку приляпают. Мужик, который дома не ночевал, жене сразу все расскажет. Когда уйдет, нам магнитофончик притащат, послушаем, о чем ворковали голубки.

— Умна ты, слов нет, но стерва.— Понимая, что вскоре потребуется добавка и без скандала не обойтись, Тимоша начал готовить почву.— И откуда ты на мою голову взялась? Всю жизнь баб за людей не держал, вляпался, как фраер!

— Стерва! — Нина подбоченилась.— Ты еще не знаешь, какая я! — Она еле сдерживала улыбку, наблюдая, как наливается злость гроза местных «авторитетов», и ласково замурыкала: — Тимоша, мы пальцы одной руки, отрезать можно, так ведь получится калека.

Она прошла к бару, взяла початую бутылку коньяка, поставила на стол. Усевшись на подлокотник кресла, прижала голову Тимоши к высокой груди.

— Милый, все понимаю. Тебе нужно снять напряжение. Но если сопьешься, я пропаду. Давай договоримся: сегодня ты отдыхаешь, расслабляешься, завтра завязываешь.

— Договорились.— Тимоша поцеловал Нину в грудь.— Может, ты и стерва, но девчонка классная, и мне повезло.

— Это мне повезло, Тимоша.— Нина наполнила стакан.— Вышей за удачу. Отдыхаешь, потом контролируешь ситуацию, а я попытаюсь разобраться с суперменами. Они завтра улетают, обидно, если мы упустим такой шанс.

Тимоша выпил, крикнул, вытер рот ладонью.

— Обидно.— Его переполняло чувство благодарности к этой красивой, ласковой, все понимающей женщине.— Позвони Академику, скажи, что я велел приехать...

Академик перешагнул порог настороженно, Нина улыбнулась приветливо, вежливо приняла плащ и шляпу.

— Здравствуйте. Спасибо, что выбрали время, Павел Николаевич. Извините, у Тимоши разыгралась мигрень, он прилег. Располагайтесь. — Она осмотрела гостя, снова улыбнулась. — Вы потрясающе элегантно, истинный англичанин.

— Ты, Нинок, на удивление приветлива. — Академик опустился в кресло. — У тебя тысяча лиц, не знаю, какое настоящее.

— А все настоящие, Павел Николаевич, женщины в отличие от мужчин многолики. — Нина поставила на стол бутылку сухого вина, вазочку с конфетами, сигареты и зажигалку подвинула к пепельнице.

Светский разговор продолжался еще несколько минут, затем Нина объяснила цель приглашения.

— Лев Ильич Бунич? — Академик почесал седеющий висок. — Знаю, даже лично знаком. Бунич — это лес, нефть, большие миллионы, иностранные банки.

— Наш гость, с которым вы, Павел Николаевич, позавчера познакомились в «Алмазе», звонил Буничу ночью, разговаривал с ним на «ты». Именно Бунич устроил полковника на дачах и приказал выделить машину.

— У миллионеров свои причуды, — ответил Академик. — Я установил, что Лев Иванович Гуров — старший оперативный уполномоченный главка по особо важным делам. Так что, если вы хотите с Тимофеем уцелеть, улетайте вечерним рейсом. Куда-нибудь, не важно. Я уже свой чемодан сложил, а визит нанес исключительно из уважения.

Он хотел подняться, но Нина погладила его по руке, подлила вина.

— Дорогой Павел Николаевич, за вами пока никто не гонится. — Она взглянула кокетливо. — Важняк? Так это прекрасно! Представляете, какие у него возможности? Гуров — полковник и важняк, вы, уважаемый Павел Николаевич, председатель СП, я, Нинка Лобзенко, девка из «Алмаза», а Тимоша, — она кивнула на дверь спальни, — вообще кладовщик. Но так ли все просто?

Академик откинулся на спинку кресла, пригубил вино, задумался. Умна девка, умна. Недаром ТТ за нее держится. Тут, видимо, не только дела постельные, а может, вообще не постельные. Почему девчонка работает официанткой, когда упакована с ног до головы и на многие годы? У Тимофея мигрень, видите ли, разыгралась. Да он слова такого не знает. Как я, старый дурак, не понял, что здесь Нинель всем заправляет. Когда Тимофей с девочкой сошелся, я внимания не обратил, сегодня одна, завтра другая, а оно вон как повернулось. А ведь Тимофей за год сильно изменился, пожалуй, и не выстрелил ни разу. Считаю, перевоспитался. Нина жила в Германии, сейчас немец приехал, с ним полковник-важняк, девушка ими сильно интересуется. Бунич? Да, тут большими деньгами пахнет и наверняка валютой.

Академик выпрямился, неожиданно спросил:

— Нинель, извините, а как вас по батюшке? Ведь неловко, вы — женщина... а я словно из деревни, тькаю.

— Дорогой мой, — она вновь погладила его руку, — вы меня смущаете. Я вас намного моложе, и мне отчества не полагается.

А уж на «вы» или на «ты» — это как вам удобнее. Я к вам относилась всегда с симпатией, пусть все остается по-старому.

Понятно, подумал Академик, раз «все остается по-старому», значит, в действительности ситуация в корне изменилась. И связано это с прибытием незваных гостей.

— Павел Николаевич, я жду.— Нина постукивала ухоженными ногтями по зеркальной крышке журнального столика.

— А что, собственно, вы от меня ждете?

— Позвоните Буничу, спросите, какого он мнения о полковнике Гурове?

— Но подобные вопросы не задают и тем более на них не отвечают.

— Спросить можно о чем угодно,— возразила Нина.— Прямого ответа вы, естественно, не получите, но реакция на вопрос будет. А уж мы с вами ее проанализируем.

— Да я и телефона Бунича не знаю, и никто нам его не даст.— радостно встрепенулся Академик.

Нина вытащила из кармана листок бумаги и положила на стол.

— Вот номер Бунича, а вот аппарат.— Она легко поднялась и переставила телефон с полки на столик.— Вас соединить или вы сами наберете?

— У вас железная хватка, мадам.— Академик ослабил узел галстука, глубоко вздохнул.— Но, если вы так круто заворачиваете, скажите, сколько...

— Значительно больше, чем вы рассчитываете,— перебила Нина.— Звоните.

Дозвонился Академик быстро, а вот на то, чтобы уговорить секретаря соединить с шефом, потребовалось время. Но Академик умел разговаривать, иначе такую кличку ему бы не дали.

— У вас обязан, Павел Николаевич,— устало произнес Бунич.— Чем обязан, какие проблемы?

— Извините за беспокойство, Лев Ильич, мы с вами встречались...

— Я помню,— перебил Бунич.— Переходите к делу.

— Хотел посоветоваться с вами...

— Здесь не адвокатская контора.

— Хорошо, буду краток.— Академик вытер салфеткой потное лицо. Нина, державшая отводную трубку, поняла, что мужик раскис, и вмешалась в разговор:

— Добрый день, Лев Ильич, говорит Нина Лобзенко, хотя мое имя для вас пустой звук.

— Здравствуйте, Нина.— Несмотря на всю свою выдержку, Бунич растерялся.— Каков ваш бизнес и чем могу помочь?

— Мои интересы с вашими не пересекаются. У меня к вам один вопрос. От искренности вашего ответа зависит не только мое благосостояние, возможно, и жизнь. Вы настоящий мужчина, иначе бы не достигли таких высот. Если откажетесь отвечать, я все пойму и буду уважать вас по-прежнему.

Бунич знал вопрос. Проклиная Гурова, он судорожно искал ответ и проклинал себя, что взял телефонную трубку. Почему-то он не сомневался, что женщина молода, хороша собой и что

тезка, чтоб ему гореть в аду, разорвет девчонку на куски.

— Спрашивайте, — севшим голосом произнес он.

— Кто такой Лев Иванович Гуров?

— Умный. Честный. Крайне опасный. Но на его слово вы можете полностью положиться. Всего доброго. — Бунич положил трубку и остался доволен собой. Он сказал абсолютную правду, а уж какие мадам делает выводы, это дело ее ума и интуиции. Ну и хитра девка, как она меня подцепила?

Нина тоже положила трубку, посмотрела на побледневшего Академика:

— Что скажете, уважаемый?

— То, с чего начал, — бежать надо, пока живы. Я не трус, но силы свои соизмеряю. Они люди другого масштаба. С ружьем, девочка, не прут на танки. А с Буничем вы говорили блестяще, просто великолепно. Преклоняюсь.

— Спасибо за комплимент. — Нина была искренне польщена. — Что главное вы отметите в характеристике полковника?

— Крайне опасен, — не задумываясь, ответил Академик.

— Не надо было звонить. Это за версту видно, — улыбнулась Нина. — Главное, что он человек слова.

— Вы поверите ему на слово?

— Я поймаю его на слове. Ведь позавчера менты брали наших суперменов. Почему полковник не цикнул на нашего майора, терпел унижения?

— Элементарно. — Академик взглянул снисходительно. — Они выполняют здесь специальное задание, не хотят раскрываться перед местными коллегами, зная, что среди них многие работают на нас.

— Какой вы умный, Павел Николаевич. — Нина подлила гостю сухого вина.

— Просто опытный, — скромно ответил Академик.

— Раз вы такой опытный, ответьте, что в нашем городе может привлечь столичного полковника? У нас банк взяли, зеленые изготавливают, и через нас наркота идет?

— Ну, — Академик пригубил вино, — всякое бывает, мы можем не знать, а они получили сигнал...

— Чуть собачья! — грубо перебила Нина. — Чего мы можем в нашей деревне не знать? Они вломились в кабак за несколько минут до сходки, уходя, столкнулись с первыми «парламентариями», даже не глянули на них: полковника и немца уголовная шушера не интересуется. Им не интересны ни вы, ни Мустафа, ни даже ТТ. Вы верно определили, у них другой уровень. Они сидят на даче, ни с кем не встречаются, никого не ищут. Они чего-то ждут. Вы говорите, осесть на дно? Мы им даром не нужны. Конечно, суемся поперек, сожрут, костей не выплюнут. Но в глухой городок России на встречу с кем-то не посылают полковника-важняка и сотрудника Интерпола.

Нина постучала пальцем по голове Академика.

— Нина! — Академик поправил прическу. — Вы только что были благородной дамой.

— А я разная. — Нина подлетела к бару, плеснула в стакан коньяку и проглотила словно воду. — Столько мужиков вокруг,

а ни одной головы, с ума сойти можно. Как замочить кого-нибудь, обмануть, «куклу» смастерить, отнять по-простому, тут вы мастаки! Серьезное дело под боком раскручивается, а ты бежать собрался? Академик! Костюм аглицкий, галстук в горошек, ботиночки сверкают, а душа, как у мыша. Смотреть на тебя противно!

— А ты не смотри, пойди смени компрессик.— Академик кивнул на дверь спальни.— Мигрень, говоришь?

— Кого они ждут, по какому делу? Они здесь не по службе. А, учитывая уровень полковника и наличие немца, это крупное валютное дело.

В дверь позвонили. Нина легко поднялась, вылетела в прихожую, щелкнула замком. На площадке стояла эдакая серая «мышка».

— Василий пробыл минут сорок и укатил, супружница его темнее тучи.— «Мышка» протянула Нине маленький сверток.— Все сделала, как вы велели, пожалуйста.

Нина взяла пакетик:

— Подожди, сейчас деньги принесу.

— Опося, опося.— «Мышка» махнула сухонькой ручкой и скатилась по ступенькам.— Знаю, вы Божий человек, не обидите.

Нина захлопнула дверь, вынула из пакетика миниатюрный магнитофон, вернулась в комнату. Академик глаз не сводил с магнитофона, не удержался:

— Что это такое?

— Возможно, ничего, а возможно, ответ на главный вопрос. Кто есть кто? Зачем? И почему? Господин полковник прихватил нашего мента Ваську Михеева, продержал ночь, потом отпустил. Он вернулся утром домой, здесь запись его разговора с женой,— объяснила Нина, включая магнитофон.

— Какая техника! — воскликнул Академик.— Высоко летает, мадам.

— Стараемся.— Нина увеличила громкость.

После взаимных приветствий и общих житейских разговоров женский голос произнес:

— Василий, ты мне голову не морочь, чую, бабу завел.

— Ты умом двинулась,— невнятно ответил Василий, тяжело сглотнул, брякнул посудой.— Я не первую ночь на работе.

— Ой ли, Вася? — Женщина захлопала, высморкалась.— Я звонила дежурному, он сказал, что никаких происшествий, где капитан Михеев, неизвестно. И ешь ты, Вася, через силу, кормленный, я же вижу.

Женщина заплакала, зазвенела посуда, что-то стукнуло, может, стул упал, раздались шаги.

— Перестань хлюпать, нету у меня никого.— Голос у Василия был растерянный.— Для нас стараюсь. Мы с тобой живем как убогие, а кругом такие дела проворачивают... А у нас — картошка, каша, капуста да хлеб. Надоело.

— Василий! — взвизгнула женщина.— Ты чего? Воровать решил? Посадят ведь. Как жить, как людям в глаза смотреть?

— Меня посадят, а она думает, что соседи скажут. Ты же меня

знаешь. Я на службе, и конец разговору. С соседями не трепись, беду накличешь. Ладно, все, жена мужу верить обязана, если он что делает, значит, то и правильно. А пальтишко я тебе новое скоро сварганю, не сомневайся.

Раздались шаги, хлопнула дверь.

Нина выключила магнитофон.

— Пальтишко сегодня от десяти штук и выше, и дежурный не знает, где капитан Михеев. Ваше мнение, Павел Николаевич?

— Сложно сказать, — осторожно начал Академик. — Но чувствую, что мент поехал налево.

— Он служит господину полковнику, который к нам прибыл не со специальным заданием, а по личным коммерческим интересам.

— Возможно, но где наш бульон?

— Понимаете, Павел Николаевич, — Нина решила приоткрыть карты, так как Академик был единственным человеком, который мог начать переговоры с суперменами и представить Нину в новом качестве, — они прилетели на встречу по неизвестному нам делу. Но никто не прибыл. Может, мы способны заменить этого человека и войти в дело?

— Кто это — мы?

— Тимофей Тимофеевич, я и вы.

— Моя роль?

— Посредник между полковником и мной.

ТТ появился бесшумно, совершенно трезвый, с широко открытыми глазами, в глубине которых тускло светились патроны. Нина поняла, он не пил и слышал весь разговор. Тимоша остановился перед Академиком, тот моментально вскочил.

— Паша, одно слово на сторону, особенно Мустафе, и ты станешь тяжелее на восемнадцать грамм. Две пули засуну тебе в брюхо.

— Тимофей! — Академик прижал ладони к груди и опустился в кресло.

Тимоша развернулся и уставился на Нину. Она привычно вздернула голову и вдруг почувствовала, что сейчас не выдержит страшного взгляда, сломается, как все, и тогда ее власти конец. Но Тимоша за секунду до своей победы опустил веки.

— Девочка, принеси из спальни коньяк. И расскажи, что нам следует предпринять.

Академик вышел на улицу около двух часов. Распогодилось. Прохожие перестали сутулиться, у многих даже просветлели лица. Магазины сверкали пустыми прилавками, коммерческие ларьки — иностранными этикетками и астрономическими ценами.

Настроение у Академика было, как у человека, летящего по «американским горкам». Подъем — восторг, ощущение свободы и полета, затем обвал, сердце замирает, дыхание перехватывает. Академик знал, что полетел всерьез и неизвестно, где приземлится. Рядом остановилась машина, открылась дверца, высунулась лохматая голова Мустафы.

— Садись, подвезу. — Он открыл заднюю дверцу.

Дитер и Василий спали в одной комнате. Гуров долго ворочался в постели. Когда понял, что не заснет, отправился на кухню. Выпил чаю. Положив голову на скрепленные руки, он не пытался заглянуть в наступающий день. Знал, действия преступников непредсказуемы и не стоит пытаться отгадать их очередной ход. Ему остается только ждать. И в тысячный раз задавать себе вопросы. Кто заправляет местной группировкой? Кто отдает команду, понятно. Но кто является мозговым центром? Кто установил связь с Мюнхеном, командировал наемника? Где убийца сейчас? Почему Нина пытается казаться глупой, испуганной, вульгарной? Тут не складывается. Ведь женщина всегда хочет казаться значительнее, интереснее, умнее. А Нина изображает из себя проституточку с претензиями. Ждет своего часа?

Сыщик в полудреме поднял голову. Ребенку ясно, что даже очень умная женщина не способна держать в узде разрозненные вооруженные группировки. Он окончательно проснулся, тряхнул головой. А если рядом с ней мужчина с быстрым пистолетом, то и способна. Держать всех в одной упряжке не обязательно, достаточно очертить круг влияния и отстреливать каждого, кто переступит черту.

Неожиданно у полковника появилось чувство опасности. Его начало знобить. Ни о каком сне не могло быть и речи. Он поднялся, начал делать гимнастику. Затем долго стоял под холодным душем...

В час дня полковник сел за стол, поставил перед собой телефон и начал терпеливо крутить диск. Наконец он услышал знакомый голос секретаря и не терпящим возражения тоном отчеканил:

— Говорит Гуров, соедини с хозяином.

Через несколько секунд ответил Бунич:

— Мне бы не хотелось с вами разговаривать, полковник.

— Прекрасно, значит, звонили, — сказал с облегчением Гуров. — Говорила женщина?

— Не помню.

— Значит, женщина. Теперь слушай меня внимательно. Я пытаюсь выйти на группу, которая поставляет убийц. Уже есть жертвы. Между прочим, им могут сделать заказ на ликвидацию Льва Ильича Бунича.

— Не пугай. Говори, что тебе надо, — устало произнес Бунич.

— Вопрос, который тебе задали, мне известен, мне нужно знать дословно твой ответ.

— Умный, честный, крайне опасный, но свое слово держит.

— Спасибо, тезка. Удачи. — Гуров положил трубку.

Все верно, как и задумано. Но где-то я допустил ошибку. Грандиозную ошибку! Он провел ладонью по лицу, пальцы слегка дрожали.

Обедать сели около трех. Молчали. Дитер и Василий поглядывали на Гурова опасливо, казалось, он постарел на десяток лет, под глазами залегли черные тени, лицо осунулось.

— Господин полковник, мне кажется, вы нездоровы, — осторожно заметил Дитер.

Василий попытался решить вопрос российским способом:

— Лев Иванович, разреши сто грамм принять, душа требует.

— Шепни своей душе, Василий, что, если она с телом расставаться не спешит, пусть угомонится. — Гуров попытался улыбнуться. — Ну, ребятишки, нам остается только ждать. А так как дело это противное, надо его скрасить. Предлагаю игру. Каждый коротко изложит свой вариант событий на ближайшие два часа. По велению души Василия приз объявляется — сто грамм. Но! — Полковник поднял палец. — Приз вручается завтра, перед посадкой в самолет.

— Господин полковник, — в голосе Василия слышалось разочарование, — да когда я вас завтра провожу, то и без всяких призов бутылку ошарашу. Не согласен.

— Я поддерживаю коллегу, — улыбнулся Дитер, — потому как для любого из нас сто грамм...

— Что слону дробина, — вставил Василий.

— А до завтра еще дожить надо, — продолжал Дитер. — Вдруг землетрясение, а я без приза.

— Алкоголики. Уговорили. Кто начинает?

— Могу я, — начал Василий. — В ближайшие два часа раздастся телефонный звонок.

— Тоже мне, версия! — с иронией произнес Гуров. — Кто звонит, что говорит?

— Звонит Нина и приглашает поужинать в «Алмазе», — ответил Дитер.

— Вы решили сто грамм разлить на двоих? — поинтересовался Гуров. — Звонит Павел Николаевич Фокин, а насчет «Алмаза» согласен.

— Значит, разливаем на троих, — подвел итог Василий.

— Ну, уж нет. Если звонит Нина, выиграли вы и делите, как хотите, если Академик, выиграл я.

— Вы полковник, вам и решать, кто выиграл, — обиделся Дитер.

— Вот именно! — усмехнулся Гуров. — Телефонный звонок и приглашение в «Алмаз» напрашиваются сами собой.

Он увлекся разговором, лицо ожило, тени под глазами поблекли.

— Едем, — решительно сказал Дитер.

— Конечно, куда ж нам деваться? — поддержал Василий. — Вы идете в кабак, я вас страхую на улице.

— Мальчишки, мысли у вас короткие, короткие...

Телефонный звонок прервал полковника. Он взглянул на Дитера, кивнул, мол, сними трубку.

— Здесь Дитер Вольф. — Услышав ответ, инспектор прикрыл трубку ладонью. — Спрашивают полковника Гурова. Мужчина.

Гуров взял трубку.

— Здравствуйте, господин полковник.

— Здравствуйте, Павел Николаевич, — спокойно ответил сыщик. — Чем обязан?

— Не знаю, с чего начать,— смешался Академик, по его представлению, гость на обращение «господин полковник» должен был реагировать иначе.

— Тогда определитесь и перезвоните.

— Только не вешайте трубку,— быстро проговорил Академик.— Я приглашаю вас отобедать в ресторане.

— Невозможно,— ответил полковник.— Я жду звонка.

— Оставьте у телефона немца, а сами подъезжайте. Нам есть о чем поговорить.

— Мне с вами разговаривать не о чем. А если у вас есть такая потребность, вы и приезжайте.

— Минуточку, Лев Иванович.

Не забываясь о том, что его могут услышать, Гуров насмешливо взглянул на Дитера и Василия.

— Удалились на совещание.

— Что вы делаете? — зашептал Василий.— Вы же их отпугнете.

— Если так просто отпугнуть, то они нам даром не нужны.

— А если нельзя отпугнуть, то нужны? — спросил Академик.

— Вы, Павел Николаевич, не подслушивайте чужие разговоры, лучше скажите: бравый майор еще жив? Или он уже попал под машину?

— Какой майор? — удивился Академик и, поняв, что сказал глупость, торопливо продолжил:— Вопрос вы задали странный. Тогда я выезжаю к вам, обсудим все при встрече. Кажется, Нина произвела на вашего немца впечатление. Я сделаю гостю подарок, прихвачу девушку. Не возражаете?

— Привозите, Дитер скучает, будет рад.— Гуров положил трубку.— В одной лодке плывут, а каждый гребет под себя. Нина тут утром была, Академик об этом и не знает. Ну что, мальчики, кто звонил, куда едем, кому приз полагается?

Он достал из холодильника бутылку водки, отмерил в стакан граммов сто, перекрестился и выплеснул водку в раковину.

— Грех, конечно.— Гуров сел за стол.— Мойте посуду. Ставьте чайник. Накрывайте стол на двоих здесь и на двоих в кабинете. Василий уходит на второй этаж, в окна наблюдает окрестности.

Василий заворчал:

— Полковникам все дозволено: и ценнейший напиток в раковину, и офицеров в наряд на кухню.

— Как тебе в голову взбрело, что мы можем в «Алмаз» поехать? — спросил Гуров.— Зачем же нам на чужое поле ехать, когда свое есть?

— Господин полковник, у меня два вопроса.— Дитер принимал от Василия мытые тарелки и тщательно их вытирал.— Как мне вас в присутствии гостей называть? Доктор или господин полковник?

— А через раз, пусть путаются.

— Как мне себя вести с дамой?

— Тебе с ней не придется общаться. Ты за этим столом будешь пить кофе с Академиком. Ни на один вопрос не отвечай, будто не слышишь, спрашивай об истории города, про жительство, во что здесь можно вложить капитал.

— Так я по-русски вроде бы не говорю.

— Прекрасно говоришь. Позавчера они пьяные были и все перепутали.

С улицы донесся автомобильный сигнал. Гуров посмотрел в окно:

— Василий, наверх; Дитер, встречай гостей.

...Сыщик внимательно слушал Нину. Согласно кивал и думал о том, что легче вести борьбу с умным, опытным мужчиной, чем с подобной женщиной.

После недолгой разминки Нина взялась за дело всерьез.

— Ваши слова «не трогайте моего капитана, я на трону вашего майора» подтолкнули нас к размышлениям. Поясните, что вы имели в виду?

— Я четко сформулировал свою мысль. Нам нечего делить и ни к чему ссориться.

— А зачем полковнику вступать в какие-либо переговоры? У вас достаточно силы и власти, чтобы защитить своего капитана и уничтожить нашего майора.

— Я здесь как частное лицо.

— Вы хотите сказать, что находитесь в городе без ведома вашего руководства?

— Вы записываете наш разговор. — Гуров указал на сумочку.

— Вы меня обижаете, Лев Иванович.

— А вы меня оскорбляете, — ответил Гуров. — Я двадцать лет в сыске, а вы меня держите за мальчика. Вы девушка способная, но ежедневное общение с дебилами приводит к дисквалификации.

— Мы отвлеклись. — Нина открыла сумочку, вынула магнитофон, отключила, положила обратно. — И все-таки мне не понятно, почему мент такого высокого класса позволяет задерживать себя каким-то провинциальным шестеркам, дерется, переворачивает машины... Вступает в переговоры с местной организацией.

— А почему я должен вам что-либо объяснять? — Гуров решил вспылить. — Впрочем, извольте, я всегда питал слабость к красивым женщинам. У меня десять дней отпуска, я приехал сюда по личным делам и не хочу, чтобы руководство узнало, что я ввязался в криминальную ситуацию. У нас этого не любят.

— А зачем же вы приехали под своим именем?

— Закончим толочь воду в ступе. Предлагаю разговор закончить, мирно расстаться. Я завтра улетаю. Даю слово, в город я не вернусь и из Москвы расстреливать вашу банду не буду.

Нина растерялась. Закурила, попробовала кофе, пригубила коньяк. Тянула время. Думала.

Сыщик понял, сейчас все решится. Если красотка отступит, то он проиграл, и завтра действительно придется улететь. Но другого пути к победе не существовало. Разговор на главную тему должен начать противник. Стоит полковнику лишь заикнуться о наемном убийце, как все концы будут мгновенно обрублены.

— Значит, вы здесь по частному делу. Должны были встретиться с нужным человеком, который пока не объявился, — начала Нина.

Как же его собеседница опасна, думал Гуров, если сумела в окружении вооруженных, быстрых на расправу мужчин приобрести авторитет и ей доверили вести переговоры на высшем для города уровне. По спине пробежали мурашки, дернул знакомый озноб, напоминая о где-то допущенной ошибке. И он уже не сомневался, что «полномочный посол» непременно эту ошибку обнаружит. И не путем логического просчета, а следуя женской интуиции. Или я найду свой просчет первым, или мой выстрел — второй.

— Черт бы вас побрал, господин полковник, с какого бока к вам подъехать? — искренне воскликнула Нина. Сейчас она решала, возможно ли перевести деловой разговор в извечный поединок: женщина — мужчина?

Сыщик принял вызов с удовольствием.

— Никогда не слышал, чтобы ваша сестра к нашему брату подходила с боку. Эх, Ниночка, сейчас бы выгнать всех, опрокинуть по рюмочке, а потом...

— Кто же нам мешает? — Глаза ее стали еще ярче.

— Сущие пустяки, девочка, само providение.

— Если к вам до завтра никто не прибудет, мы не сможем помочь вам в решении проблемы? — спросила Нина.

— Вряд ли, — ответил Гуров. — И вопрос не ко мне. Проблемы у Дитера, я лишь сопровождающее лицо и охрана.

— Так в принципе мы можем оказаться немцу полезны?

— Возможно.

Нина встала, взяла сумочку.

— Если судьба предоставит мне возможность...

Сыщик рассмеялся. Нина вышла из кабинета, в сердцах хлопнув дверью.

Нина сидела в «Волге», Академик стоял возле машины, подбрасывая на ладони ключи.

— А где ваш капитан? — спросил он.

— Черт его знает, — ответил Гуров.

— Видно, черт не далеко капитана уволок. — Академик указал на серые «Жигули».

— Может, за грибами? — высказал предположение Гуров.

— Судя по всему, господин полковник, высокие договаривающиеся стороны, как теперь выражаются, консенсуса не нашли. Отчего бы вам с вашим немецким другом не подъехать к мэру города? Чем выше власть, тем выше полномочия. Легче договориться.

— Кто хочет, тот всегда договорится, — раздраженно сказал Гуров.

— Доктор, давайте съездим, мы ничем не рискуем, — вмешался в разговор Дитер.

Такое приглашение полковник ожидал, роли распределили заранее.

— Мы остаемся! — Гуров повысил голос.

— Извините, господин полковник, возможно, у людей есть предложение, которое меня заинтересует. — Дитер говорил вежливо, но непреклонно. — Так что вы ждете звонка, а я еду.

— Давай прокатимся. — Гуров уперся пальцем в галстук Академика. — На Красноармейскую, больше никуда.

Когда «Волги» одна за другой выкатились за ворота, Василий сел в «Жигули» и двинулся следом.

Гуров и Дитер ехали первыми, Академик и Нина следом. Гуров положил на колени Дитера газовый пистолет, свой «вальтер» сунул за пояс.

— А что они нам могут сделать? — удивился Дитер. — Убивать никакого смысла.

— Там узнаешь...

— Павел Николаевич, я вас не понимаю, — сказала Нина. — С какой целью вы пригласили людей?

— Есть идея, — неопределенно ответил Академик.

Выехав на прямую трассу, передняя «Волга» прибавила скорость. Академик же, поравнявшись с грунтовой дорогой, резко свернул вправо и, выжав педаль газа, начал резко уходить от главной магистрали.

— Куда? — Нина открыла сумочку, но Академик вырвал ее, швырнул за спину. — Сиди, стерва!

— Тимоша тебя убьет! Считаю, ты уже покойник! — Нина хотела вцепиться в руль, но Академик сильно, по-мужски ударил ее в лицо. Кровь запузырилась на перламутровых губах.

«Волгу» бросало на ухабах, Академик, пересыпая слова матом, кричал:

— Тимофей еще должен меня поймать, а Мустафа не дал бы доехать до города!

Навстречу «Волге», в которой ехали Гуров и Дитер, двигались два грузовика с покрытыми брезентом кузовами, в каких обычно перевозят солдат. Гуров глянул в зеркало заднего вида. Второй «Волги» не было.

Первый грузовик проехал мимо них, а второй встал поперек шоссе. Гуров резко нажал на тормоза, «Волга» дернулась, пошлаюзом и встала. Когда Гуров и Дитер выпрыгнули из машины, то выяснили, что противник выставил против них четыре «Калашникова».

— Это Мустафа, так что не дергайся, убьют мгновенно. — Гуров бросил «вальтер» подходившему с улыбкой Мустафе. — Вот, Дитер, ты хотел узнать, что с нами могут сделать...

Их не били. Лишь тщательно обыскали и усадили на заднее сиденье «Волги». Один автоматчик устроился рядом, уткнув ствол в живот Гурову. Второй занял место впереди, но сразу повернулся, положил автомат на спинку сиденья. Видно, Мустафа извлек уроки из предыдущей встречи и перестраховался. Он внимательно оглядел, кто и как сидит, остался доволен, тряхнул огромной смоляной головой:

— Полковник, все интересуются, зачем ты к нам приехал. Сейчас приедем в одно место, ты мне все расскажешь. Только знай: если ты или немчуря дернетесь, убьем! Ваши секреты закопаем, обычное дело. Ты мне веришь?

— Верю, Мустафа! — ответил Гуров.

— Вот! — Мустафа довольно улыбнулся и поднял палец. — Хотя и мент, а умный! — И сел за руль.

От удара, который нанес Академик, Нина сознания не потеряла, лишь в глазах на секунду потемнело. Она обмякла, повалилась на бок и тяжело сглотнула кровавую слюну. Посчитав, что девка вырубилась, Академик перестал обращать на нее внимание, сосредоточился на дороге. Нина опустила руку между сиденьями, начала шарить на полу и вскоре нащупала свою сумочку, открыла ее и вытянула газовый пистолет, который недавно получила в подарок от Тимоши. Нина помнила наставления ТТ и, большим пальцем нащупав кнопку предохранителя, двинула вверх. Если я выстрелю, он потеряет управление, мы слетим с дороги, можем перевернуться. Нужно сесть, чтобы успеть перехватить руль, думала Нина и начала, постанывая, неловко ворочаться.

— Очухалась, сука, сядь прямо, мешаешь! — Академик рванул ее за воротник, оторвав правую руку от руля, чем невольно сбавил скорость.

Нина села и выстрелила ему в лицо, затем ухватила за руль, пытаясь удержать машину. Академик выгнулся, его ноги соскочили с педалей. Машина сбавила скорость. Нина, стараясь не дышать, рванула ручной тормоз. «Волга» остановилась, и девушка выскочила из нее.

Вытащить бесчувственное тело из машины было трудно, но приступ охватившей ее ярости прибавил силы. Нина выволокла предателя на дорогу, села за руль, развернулась и поехала в город. Облизывая рассеченную губу, она вслух обзывала Академика различными словами, самые пристойные из которых были: «Подонок!», «Мразь!», «Покойник!».

Проезжая поворот, капитан увидел удаляющуюся по грунтовой дороге «Волгу». Рассмотреть номер на таком расстоянии он не смог. Прибавил скорость и чуть не налетел на грузовики и автоматчиков. Спасло то, что шоссе в этом месте изгибалось, а на обочине раскинул ветви старый дуб. Укрывшись за мощным стволом дерева, он увидел, как Гурова и Дитера заталкивали в машину. Понял, что действовал Мустафа, а отутюженная сука, так опер назвал Академика, всех продал и ушел по проселочной дороге.

При въезде в город грузовики свернули в первый же переулок, а «Волга» неторопливо выкатилась на центральный проспект. Василий перевел дух. Значит, в машине находятся всего два автоматчика. Должен справиться. «Волга» нырнула в переулок, затем во двор. Чтобы не «светиться», опер выскочил из «Жигулей», обогнул здание новой школы, которую начали строить лет двадцать назад, да так выше третьего этажа и не поднялись, оглянулся. Но ни во дворе, ни за грудями кирпича и разбитых строительных плит «Волги» не было.

Автоматчики, в пятнистой форме десантников, — мелкие, сопливые, одним ударом можно перешибить пополам. Один явно русак, второй — смуглый, узкоглазый. Спускаясь в подвал, Гуров оступился и замешкался, но щенок с автоматом повел себя

профессионально, не приблизился, встал, удерживая дистанцию. Мустафа, шедший последним, хохотнул:

— Еще раз споткнешься, велю ноги прошить, дотацим на руках.

— Не надо, Мустафа, я больше не буду,— миролюбиво сказал Гуров.

Подвал оказался просторным, с нарами, столом, табуретами и электрической печкой, которую Мустафа сразу включил.

Автоматчики закрыли железную дверь, присели на табуреты, но стволы не опустили.

— Садитесь,— пригласил Мустафа,— и помалкивайте, а ты, московский мент, слушай.

— Мустафа, ты совершаешь ошибку...— начал Гуров.

— Еще раз вякнешь, велю стрелять. Тебя не убью, говорил уже, только ноги перешибут. Я с тобой начну игру в вопросы и ответы. Видишь огонь? — Мустафа указал на раскалявшиеся спирали электропечки.— На его вопросы отвечают все. И ты ответишь.

— Мустафа,— прошептал один из автоматчиков.

— По очереди выйдите, примите и мне приготовьте,— отозвался Мустафа.— Мне двойную.

Полковник оперся на обитый жестью стол. Убедившись, что тот к полу не прикреплен, быстро взглянул на Дитера. Немец чуть прикрыл глаза, мол, понял. В момент решающего броска стол можно использовать как щит. Я со столом на автоматчика, пока он один, Дитер — Мустафе в ноги, решил сыщик. Взглянув на Мустафу, увидел оскал редких зубов, направленный на него пистолет, вздохнул и спросил:

— Можно вопрос?

Мустафа выстрелил. Осколок цемента, который пуля вырвала из пола, ожег полковнику голень.

Русский автоматчик вернулся, азиат ушел. Мустафа спросил:

— Хорошо?

— Достает, командир, сейчас будет хорошо.

Наркоманы, понял Гуров. Он взглянул на Дитера, который вновь прикрыл глаза и тронул ногой стоявшую рядом скамью.

Азиат вернулся:

— Мустафа, для вас готово.

Тот кивнул, сунул пистолет за пояс.

— Если только встанут, огонь, и только по ногам, убьете, шкуру спущу.— Он шагнул к двери, оглянулся на пленников и передумал: — Не могу оставить таких гостей, тащи сюда.

Азиат нырнул за дверь, тут же вернулся, протянул шприц. Мустафа поднес его к свету, оценивая уровень жидкости, и довольно зацокал языком. Затем прямо через брючину вколол в бедро, но выпустил наркотик не до конца, выдернул иглу.

— Больше нельзя, а то размякнут, пожалею людишек. Прикончу их сразу, потом век себе не прощу.— Он опустился на скамью. Сидел, наслаждаясь накаляющей истомой.

Полковник взглянул на автоматчиков. Они улыбались. Но оружие держали уверенно, на колени не опускали, стволы в сторону не отворачивали. Чувствовалось, пацаны не пьяные, но

уже и не вполне нормальные. Стоит шевельнуться, откроют огонь, казалось, соплякам даже хочется пострелять, развлечься.

Мустафа сидел у дальнего конца стола, ждал, когда наркотик окончательно прибудет по назначению.

Ну кто мог предположить, что Мустафа именно сейчас двинет против Академика и ТТ? С самого начала сыщику не нравилось гладкое и удачное начало. Следовало бы выждать. Так глупо попасться. Посчитал, что Нина является гарантом физической безопасности. Самое страшное, что они наркоманы, значит, никакая сила убеждения на них не подействует и страх за собственную жизнь у них отсутствует.

В кармане у сыщика лежала авторучка, якобы сильнейшее взрывное устройство. С одной стороны, это шанс. С другой — черт знает, когда она изготовлена и в каком сейчас состоянии? Он швырнет авторучку, она не сработает, автоматы полыхнут, а что потом?

Умирать не хочется, а уж долго умирать, глядя в лицо дебила!.. Полковник передернул плечами, вытер рукой лицо, взглянул сквозь пальцы на Дитера и указал на шприц. Немец чуть заметно кивнул: когда будет делать второй укол, тогда и атакуем.

Казалось, что лишь здесь, в подвале, ожидая мучительную смерть, они научились понимать друг друга.

Немец верил в русское, полагая, что тот может все, и удивлялся, почему полковник так медлит. Дитеру не хватало фантазии. Он не мог представить, что с ним сделают, когда он рухнет на цементный пол с раздробленными ногами. Гуров такие трупы видел. Что с ним, полковником милиции, сделают, примерно знал, и это парализовывало, вынуждало тянуть время, искать наилучший, выгоднейший момент. А он должен быть только один — ждать. Терпеть и ждать. Ведь где-то мечется Василий. Хоть какая-то помощь со стороны...

— Ты что-то спросил? — осклабился Мустафа. Наступил кайф, потянуло на общение. — Говори, мент. Вы же предоставляете нам последнее слово. От него вышка не становится ниже, а срок — короче, но поболтать разрешаете. Твое слово тоже ничего не изменит, но пусть будет по-честному.

— Я хотел, — неторопливо произнес Гуров, — лишь спросить. Зачем тебе все это надо? Ну, замучаешь ты нас, зальешь здесь все кровью. И что? В город понаедут сыскари, ты скроешься, тебя начнут искать и менты, и ребята ТТ. Долго пробегаешь?

Мустафа молчал, лишь улыбался.

— Я запишу твои слова на магнитофон, пошлю пленку Тимоше, он поймет, что я, Мустафа, спас его. А менты? — Мустафа облизнул толстые губы. — У них работа такая... Когда увидят твой труп, у них прыти поубавится.

— Наоборот, только озвереют.

— Озвереют? Эти дворняжки? — усмехнулся Мустафа. — Но ты говори, говори, интересно. Я сейчас еще уколую, разговор начнется другой.

Дитер наконец понял, в какое положение они попали и почему полковник тянет время. Если они не прострелят мне руки,

я задущу первого, кто подойдет. Дитер заметил, как полковник подтянул ноги под сиденье. Готовится к броску. Перехватив его взгляд, Гуров указал на Мустафу. Значит, я нападаю на старшего, а охрану полковник берет на себя. Как же он до них доберется?

— Мустафа, может, ты возьмешь деньги? — спросил полковник.

— Лимон с мелочью, что в ящике на даче? Я их и так заберу, да еще и «Волгу» прихвачу. Неплохо получается.

— Мы заплатим валютой, это совсем другие деньги.

— Заберу и валюту.

— Не получится. У Дитера кредитная карточка, по которой только он может получить валюту.

— Я тебе никогда не поверю, ты умрешь, как я и сказал. — Мустафа взял шприц. — Но, подыхая, расскажешь мне правду, которую я выложу Тимоше.

— Я тебе и так наговорю, что пожелаешь, — быстро отреагировал Гуров. Он боялся, что очередь ударит внезапно.

— Боишься?

— Боюсь!

— Я так и понял. — Мустафа воткнул иглу в бедро и на секунду прикрыл глаза.

Гуров, не веря в успех, швырнул авторучку под ноги автоматчиков. Опрокинул стол, упал за него. Одновременно с полковником Дитер метнулся в ноги Мустафе, который даже не успел схватить пистолет. Немец с такой силой шарахнул его головой о цементный пол, что череп треснул, и Дитер понял, что держит труп. Ударили автоматные очереди, пули прошли стол, зацокали по стенам, но Гурова не задели.

— Укройся за тело! — крикнул полковник. — Они не посмеют стрелять! — Быстро отпрыгнул в сторону. В голове пронеслось: ну и дерьмо вся эта техника. И, как бы подтверждая мысли сыщика, пули вспороли цемент в том месте, где он только что находился.

Пистолет Мустафы валялся в метре от Гурова, но, чтобы его схватить, надо было высунуться, а свинец чертил пол, как внезапно хлынувший дождь. У них сейчас кончатся патроны, а запасных рожков наверняка нет, подумал полковник. В этот момент подвал тряхнуло словно пустую картонную коробку. Свет погас, наступила тишина.

Гуров потряс головой и похлопал себя по ушам.

— Дитер? — позвал он, поднимаясь.

— Я здесь, господин полковник.

При тусклом свете остывающих спиралей электропечки сыщик нашел пистолет Мустафы.

— Твой клиент живой?

— Сожалею, господин полковник.

— Тогда пошли. Не поскользнься, у двери должно быть мокро. — Гуров добрался до двери, споткнулся о труп, отбросил ногой автомат и толкнул железную дверь.

Гуров и Дитер выбрались из подвала, но перед дверью на улицу сыщик остановил инспектора, оцупал плечи, похлопал по спине.

— Теперь ты знаешь, что такое хлебнуть горячего до слез. А на улицу не лезь, а то поймаем пулю на пороге победы.

Гуров толкнул дверь ногой.

Раздалась автоматная очередь, пули прошили дверную створку.

— Вот пристали, никаких нервов не хватит, — вздохнул Гуров. — Ну, теперь-то котятка умоются. — Он оттянул затвор пистолета, убедился, что патрон на месте. — Парень, тебе придется спуститься в подвал. Подбери автоматы, по паре патронов в рожках должно еще остаться. Да поаккуратней, там все в крови.

Дитер, брезгливо поморщившись, шагнул на лестницу. Вдруг со двора донесся пистолетный выстрел и знакомый голос:

— Лев Иванович! Дитер! Это я, Василий!

Увидев вышедших из подвала полковника и инспектора, опер по-бабьи всплеснул руками:

— Батюшки! Ну, слава Богу! Пронесло! Чего у вас там рвануло, аж дом вздрогнул?

— Мустафа какое-то взрывное устройство проверял. Неудачно, — сдержанно ответил Гуров. Подошел к трупу в пятнистом комбинезоне, рядом валялся автомат.

— Где ты столько времени шлялся? — недовольно спросил он.

— Шлялся? — Василий обиженно заморгал. — «Волга» свернула. Я здесь машину бросил, бегом. Заскакиваю, машины нет, парень с автоматом прогуливается.

Полковник, не слушая, направился к стоявшему в глубине двора гаражу. Вывел «Волгу», из «бардачка» достал свой «вальтер» и газовую «беретту». Но капитана распирала обида, ему хотелось объяснить:

— Стрелять в человека не могу. Подойти для проверки документов? Верная смерть. Звонить генералу? Вы, господин полковник, с меня шкуру спустите.

— И ты решил подождать, пока шкуру снимут с нас. — Гуров вытянул подсос, увеличил обороты, прогревая машину. — Интересно, зачем Мустафа завел нас в подвал? Думал, что решил угостить шампанским? Значит, стрелять в вооруженного автоматом человека ты не можешь? А ожидать с оружием в руках, пока твоих коллег разрежут на кусочки, выжгут им глаза?..

Василий начал заикаться.

— Я не знал ни о подвале, ни о гараже, — бормотал он, завороченно глядя, как полковник дрожащими пальцами выкопывает из пачки сигарету и долго щелкает зажигалкой.

— Ты ничего не видел, не знаешь. Если потребуется, рапорт я напишу. — Гурову удалось прикурить, и он жадно затянулся. — А этот? — Василий указал на труп автоматчика. — Ведь это я его. Он начал стрелять по двери, я и выстрелил.

— Значит, самозащита. Пока молчи. Начнешь объясняться, нас спалишь. Капитан, вам приказ понятен?

— Так точно, господин полковник!

— Позвоните генералу, скажите, слышали взрыв, и только. При осмотре обнаружат трупы, следы взрыва, наркотики, стреляные гильзы. — Гуров взглянул на часы. — И прошло-то всего

ничего, а кажется... — Он замолчал. — На дачу приезжайте к девятнадцати.

— Так точно, господин полковник! — почему-то шепотом ответил Василий и побежал на улицу.

Когда Дитер, все это время стоявший неподалеку, пошел к машине, его покачивало. Он тяжело опустился на переднее сиденье, прикрыл лицо рукой. Не успел Гуров вывести «Волгу» со двора на улицу, как, завизжав тормозами, им перекрыли дорогу «Волга» и «Жигули». Полковник увидел выскочившую из «Волги» Нину, убрал пистолет и обратился к Дитеру:

— Выйди на улицу, машину испачкаешь. — Он подошел к Нине. Увидел ее разбитые, опухшие губы, парней, набившихся в две машины.

— Значит, мы все-таки успели, — сказала Нина.

— Нет, опоздали.

— А где Мустафа?

— Погиб при невыясненных обстоятельствах, прихватил с собой охрану из трех автоматчиков.

— Круто, полковник. — Нина тронула запекшуюся губу. — А с ним что? Ранен? — Она кивнула на Дитера, который стоял, привалившись плечом к стене дома, и блевал.

— Как можно? Целехонек! — возмутился Гуров. — А блюет исключительно от радости, что вновь вас увидел.

Глава восьмая НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

255

Когда Нина встретилась с Олегом, им было по двадцать три. Их роман продолжался недолго. Расстались они тихо и мирно. Нина и забыла бы Олега в одночасье, если бы не одна история. За девушкой начал ухаживать грубый и надоедливый парень. По старой дружбе она пожаловалась Олегу, тот обещал разобрататься. Через два дня Нина узнала: на стройке, неподалеку от ее дома, нашли труп незадачливого ухажера. Девушка прибежала к Олегу, испуганно спросила:

— Олечка, неужели?

— Ты же просила, — ответил Олег.

Вспомнила Нина о телевизионном мастере, когда сошлась с Тимошей. Она познакомила мужчин, рассчитывая, что они друг другу подойдут. И ошиблась. Тимоша, хоть и небольшого ума, сразу почувствовал, что Олег совершенно не управляем, а такие люди «авторитету» были не нужны. Олег, в свою очередь, сказал Нине:

— Мне на людей плевать, но своей жизнью я не торгую, тем более за деревянные. Появится валюта, приходи, подумаем. И чтоб я был один в работе.

Однажды Олега вызвали на дом, починить телевизор. Олег сменил перегоревший предохранитель и уже собрался уходить, но хозяин, хитро улыбнувшись, хлопнул его по плечу и пригласил за стол.

— Молодой человек, предохранитель я мог сменить и сам, но у меня имеются проблемы более серьезные. Жизнь так сложна,

а люди так завистливы, — философствовал хозяин. — Каждый норовит ножку ближнему подставить, а то и за горло взять.

Олегпил кофе, молчал. Он уже все понял. Нинка-стерва навела, а может, и к лучшему?

— Слышал, вы человек без предрассудков и отличный стрелок, — сказал хозяин и замолчал.

— Выкладываете! — Олег постучал пальцем по столу.

Хозяин тотчас положил перед Олегом пять тысяч и бумажку, на которой печатными буквами были написаны все данные «горлохвата». Олег, как, впрочем, и многие в городе, этого человека знал, деньги и записку убрал в карман. Неторопливо допил кофе, подхватил свой чемоданчик и сказал:

— После выполнения работы заплатите столько же.

— Нет проблем, молодой человек, — заверил хозяин. Дважды побывавший в зоне, он удивился спокойствию телемастера и простоте, с которой был принят заказ.

Через два дня «горлохвата» с простреленной головой нашли в собственной машине.

Олег в этот же день пришел за расчетом. Но заказчик повел себя развязно и выплачивать оставшуюся сумму отказался наотрез. Олег всадил ему пулю в лоб. Затем отправился в «Алмаз». Выпил рюмку водки, расплачиваясь с Ниной, сказал:

— Дорогая, я же говорил, что только валюта...

Когда поступило предложение выехать в Мюнхен, Олег принял его не задумываясь. Выполнив «задание» и благополучно вернувшись в город, он честно отдал Нине половину «гонорара», решив в следующую поездку установить с заказчиком прямую связь, обойтись без посредников. Марка, как и доллар, стремительно дорожала. Олег стал миллионером, жил спокойно, ни в чем себе не отказывал и ждал, уверенный, что заказчики скоро объявятся.

И сегодня, когда Нина позвонила и предупредила, что вечером заглянет поболтать за жизнь, Олег не удивился.

Гуров подошел к «Волге», в которой на переднем сиденье сидел ТТ, и спокойно сказал:

— Привет, Тимофей Тимофеевич. У тебя в машине бутылочки воды не найдется? У моего немца от шуток твоего Мустафы все нутро повыворачивало.

Тимоша, не поднимая глаз, спросил:

— Где Мустафа?

— В подвале остался, — ответил полковник. — Ну, так вода найдется?

С заднего сиденья протянули бутылку коньяка.

— Мы воду не пьем.

— Спасибо. — Гуров взял коньяк. — Уезжайте, нечего вам тут светиться.

Гуров направился к Дитеру, около Нины задержался:

— Как же ты мне, девочка, надоела.

— Я позвоню, — нерешительно пролепетала Нина.

— Только завтра утром. И прошу, разговаривай с Дитером. Я к вашим делам отношения не имею.

Они сидели на кухне за столом и молчали. Наконец полковник не выдержал, налил два полных стакана коньяка.

— Не пригубивай, пей, как лекарство, одним махом. — И продемонстрировал Дитеру, как это делается.

Приехал Василий. Сыщик не дал ему войти, встретил на крыльце. Они сели в «Жигули».

— Возможно, девица поедет на встречу с человеком, который меня очень интересует. — Гуров вынул из кармана прибор, похожий на пульт дистанционного управления телевизором, и объяснил: — Это прибор слежения. Я приклеил к их «Волге» датчик. Когда зажжется вот эта лампочка, значит, ты находишься от «Волги» на расстоянии около десяти километров. Цифры на этой шкале указывают расстояние до объекта, стрелка фиксирует направление движения. Василий, сейчас все зависит от тебя, мне необходимо знать, с кем встретится наша дама. В поисках этого человека мы и прибыли в ваш город.

Насупив белесые брови, Василий кивал.

— Может случиться, что ты обнаружишь «Волгу» припаркованной у какого-то дома, спрячь свой «жигуль» и жди. Постарайся определить, из какого дома выйдет девица, дай ей уехать, затем ищи мужчину лет тридцати: худощавого, стройного, без особых примет.

— Постараюсь, господин полковник.

— И последнее, Василий. Побереги себя. Это приказ! — Полковник выждал, когда оперативник поднимет голову, встретился с ним взглядом. — При малейшей опасности уходи. Выявление даже самого важного преступника не стоит твоей жизни.

— Постараюсь, господин полковник, — вновь повторил Василий и уехал.

Гуров проводил взглядом «Жигули», вернулся в дом. Дитер все так же сидел за столом, рассматривал мощные ладони и что-то бормотал по-немецки. Гуров прошел мимо Дитера и сильно ударил его по плечу.

— Инспектор, твоя фамилия случайно не Достоевский? — Сыщик налил в кружку холодного чая и жадно выпил.

— Герр полковник, вы знаете, что походите на робота, запрограммированного на розыск и уничтожение?

— Я знаю про себя вещи и похуже, — жестко ответил Гуров. — Ты, парень, иди спать, завтра тебе петь первым голосом.

— Я ничего не хочу...

— Молчать! — рявкнул Гуров, подхватил Дитера под мышки, рывком поставил на ноги. — Инспектор, я приказываю вам немедленно лечь спать!

Старинная настольная лампа с зеленым колпаком стояла на тумбочке в изголовье тахты. Ее призрачный свет отражался в экране телевизора, стены комнаты утопали в полумраке, и казалось, что она огромная и не имеет границ.

Нина лежала, натянув простыню до подбородка, хотя не отличалась стыдливостью, и наблюдала за Олегом. Обнаженный Олег стоял у стола, переставлял бутылки, решая, что налить.

С тех пор, как Нина выяснила, что ему убить человека так же

просто, как выпить рюмку, она поняла: и ее жизнь для него, как плевка. И если он лишь только подумает, что она опасна, — убьет.

Олег присел на край тахты, протянул Нине бокал с вином и улынулся.

— А теперь выкладывай, подружка. Я понимаю, что ты прилетела ко мне не за любовью. Тем более и фасад у тебя сильно попорчен, даже свежая штукатурка не прикрывает.

Нина облизнула распухшую губу:

— Прибыли заказчики. Мы не уточняли детали, прежде я хочу получить твое принципиальное согласие.

— Странно. Твой работодатель вроде устранился. Меня в Мюнхене передавали из рук в руки, я своей визитки не оставлял. Как они нас разыскали?

Не моргнув глазом Нина соврала:

— У меня с Германией несколько каналов связи. Все-таки два года там прожила. Кстати, о визитках. Ты уверен, что ничего не обронил в Мюнхене?

— На все сто, — соврал, в свою очередь, Олег. — У немцев нет даже моего словесного портрета. Там я выступал неряшливым уголовником. Эдакий дебил. — Он взглянул на свою кисть, на которой в свое время тщательно нарисовал татуировку.

Олег не мог признаться, что один прокол у него произошел. Ожидая, пока немцы решат его судьбу, он вечерами прогуливался по улицам, заглядывал в бары. Олег раньше никогда за границей не бывал, ему все было интересно и в новинку. Догадывался, что хозяева приглядывают за ним, но страховку считал естественной и, так как двойной игры не вел и скрывать ему было нечего, шатался спокойно, пил пиво, ни о чем не беспокоился.

Как выяснилось, напрасно не беспокоился. Однажды, сидя в пивной, он услышал:

— Привет, приятель! Или я обознался? — К нему за столик подсел парень. — Не помню, как тебя зовут, но вроде мы вместе учились. Я Моня Шеин из «букашек».

Олег вспомнил Моню, который учился в параллельном классе «Б», отхлебнул пива и, растягивая слова на блатной манер, ответил:

— Вали отсюда, Моня! Если я тебя где и видел, так в гробу! — И, растопырив пальцы, ткнул однокашнику в глаза.

Моню как ветром сдуло. Инспектор Вольф, начав разыскивать наемника, Моню не нашел, но бармен рассказал, что еврей из России удивлялся: как же бывают похожи люди! Бармен знал, откуда родом русский еврей, — так всплыло название российского города, но больше о нем сведений не имел. Дитер получил описание русского, отказавшегося признать соотечественника, обнаружил его следы в других пивных и маленьких барах. Столь скудная информация и легла в основу розыска.

Если бы Олег Сергеев знал о последствиях своей случайной встречи в Мюнхене, то не только бы отказался от свидания с Ниной, а просто застрелил бы любовницу, порвав единственную ниточку.

— Надеюсь, люди серьезные? — спросил Олег.
— Очень серьезные, — искренне ответила Нина.

Олег, почувствовав эту искренность, кивнул:

— Прекрасно. Я от работы не отказываюсь. Только в этот раз и деньги будут другие, и обстановку я должен прояснить сам. Ты, подруга, обговори вопрос в принципе, реши финансовые проблемы. Если все сложится, сведи нас и уходи в сторону.

Такая постановка вопроса Нину вполне устраивала. Она села, обнажила грудь:

— Договорились, дорогой, иди ко мне.

Василий быстро нашел «Волгу» с работающим передатчиком. Она стояла в тупичке между трехэтажными домами. Оперативник проехал квартал, загнал «Жигули» во двор, прошелся по темному безлюдному переулку. Напротив тупичка, в котором стояла «Волга», кособочился домишко — как в сказках говорится, без окон, без дверей. Его, видимо, готовили под снос, жильцов давно выселили, но власть в очередной раз сменилась и о хибаре забыли. Василий вошел в подъезд. В нос ударило таким густым амбре, что опера заколдобило. Он пристроился в глубине подъезда. Теперь все зависело от осторожности Нины. Если девица находится в одном из ближайших домов, он заметит ее выход, а там и квартиру, в которой Нина была, установит. А вот если она перестраховалась и появится из-за угла, с улицы, тогда плохо. Нужна удача.

Опер беспокоился напрасно. Нина вышла из подъезда дома, расположенного вплотную к развалюхе, в которой прятался Василий. И хотя темень была глаз выколи, Василий отодвинулся в глубь дома, и лишь когда стук мотора «Волги» пропал в тишине засыпающего города, опер вышел на свежий воздух.

Оперативник вернулся на дачу около четырех утра.

Дитер уже спал. Гуров сидел в кабинете, развалившись в низком кожаном кресле и положив ноги на журнальный столик.

Когда полковник увидел оперативника, продрогшего, грязного, а главное, с лицом человека, явно потерпевшего поражение, то бодро сказал:

— Ладно, ладно, Вася, главное, не раскисай. Пойди умойся, переоденься. А я тем временем сварю кофейку. Оклемаешься, тогда и расскажешь о своих подвигах.

Василий благодарно взглянул на Гурова. Он облачился в тренировочный костюм, выпил чашку крепкого обжигающего кофе и начал рассказывать, как все хорошо начиналось и как плачевно закончилось. В доме, из подъезда которого вышла Нина, всего шесть квартир. В них прозябают люди, ничем не примечательные, постояльцев не держат, да и места для постороннего человека там нет. Лишь на втором этаже однокомнатную квартиру занимает одинокий мастер из телеателье. Живет свободно, даже богато. Так ведь человек, умеющий наладить телевизор, никак не беднее мясника. Гуров со столь очевидным выводом согласился.

— А как тебе ночью все это удалось выяснить? — любопыствовал он.

— Лев Иванович, мы не в Москве. У нас тут каждый второй если не приятель, так знакомый. Отыскал бухгалтера жэка, притащил в контору, пролистал книгу, расспросил.

— Вася, ты умница, — восхитился Гуров. — А кто этот телемастер? Почему ты его так категорически отмел в сторону?

— Лев Иванович, я Олега знаю. Мальчик из интеллигентной семьи. Сам при деньгах, одевадается франтом, девицы рядом вьются, никаких связей с блатными. Зацепил он Нинку давно, когда та еще студенткой-соплячкой была. Балуются по старинке.

— А как он выглядит?

— Нормально. — Василий пожал плечами. — Ростом чуть выше меня, стройный, ладный, одет всегда модно, вежливый, не пьет.

Гуров был почти уверен, что Олег Сергеев именно тот человек, которого он ищет. Прикинул, говорить ли об этом Василию, и, решив, что без помощи оперативника не обойтись, спросил:

— Василий, как ты полагаешь, нормально, когда женщина с надорванными нервами и разбитой губой бросает все дела и спешит в койку давнего любовника?

Оперативник смущенно улыбнулся, шлепнул ладонью по лбу.

— Верно! Нинке сейчас не до утех! Господин полковник, я же не знаю, какого человека вы разыскиваете?

— Мы разыскиваем наемного убийцу.

— Лев Иванович, но вы Олега не знаете, даже не видели.

— Чего на него смотреть? — удивился Гуров. — Ладно, дружок, ложись спать. А поутру двигай в город и выясни, не выезжал ли твой протеже в июне из города?

— Я и так знаю, — ответил оперативник. — Олег в июне ездил к родителям, они где-то под Москвой живут.

— Прекрасно, значит, сумеешь выспаться. — Гуров взглянул на часы. — Спасибо тебе огромное, капитан. — Он подмигнул и сиюминутно через плечо. — Скоро ты станешь майором.

Нина сидела в кабинете, в том же кресле, что и вчера, но за столом находился не полковник Гуров, а инспектор Вольф. Разговор не клеился. Никто не желал делать первый ход. Дитеру запретил полковник, а Нина не знала с чего начать. Вроде она подготовилась к встрече, но в дороге ее охватили сомнения, появилось предчувствие ловушки. Еще вчера, пикируясь с полковником, у Нины мелькнула мысль, что ее обманывают. Потом она уехала, началась схватка с Академиком, разговор с Олегом, возвращение домой, объяснение с Тимошей, и чувство опасности притушилось.

Дитер первым нарушил молчание.

— Вы красивая девушка. — Он протянул Нине чашку кофе. — Но по вашей вине нас с господином полковником вчера чуть не убили.

— Бедненькие и беззащитные. — Нина криво улыбнулась. — Мне утром позвонили и рассказали, что нашли в подвале. У Муштафы лопнул череп и переломаны шейные позвонки. — Она заметила, как Дитер побледнел, поняла: его рук дело. — А двух телохранителей соскребали с потолка и стен.

— Я заметил: там потолки были очень низкие, — неожиданно для Нины, да и для себя самого, насмешливо ответил Дитер.

Гуров, который слушал их разговор, находясь на втором этаже, рассмеялся, даже хлопнул в ладоши. Определив заранее, где будет происходить «встреча в верхах», он установил микрофон в кабинете, а приемник забрал с собой в спальню. Василий сидел напротив и пытался держаться спокойно, словно подобная операция для него работа обычная.

— Вы прибыли сюда на встречу с посредником, — решила наконец начать разговор Нина, — но человек не прибыл.

— Это проблема господина полковника.

— Но господин полковник работает на вас, — возразила Нина. — И не будем отнимать друг у друга время. Вы представляете силовые структуры, а я имею к нашим, российским, боевикам некое отношение. — Она скромно потупилась. — Дитер, перестаньте крутить, скажите прямо: какой специалист и на какой срок вам нужен? Я вам так же прямо отвечу, есть ли такой человек у нас и сколько он стоит.

После некоторой паузы Дитер ответил:

— Обсуждать с вами подробности я не намерен. Познакомьте нас со своим специалистом. Если он мне подойдет, я выплачу вам комиссионные... в разумных пределах.

Дитер следовал указаниям Гурова, который предупредил его, что в представлении русских немец должен быть очень аккуратным и скупым. Инспектор решил торговаться, хотя префектура Мюнхена на доставку наемного убийцы на территорию Германии предоставила ему практически неограниченный кредит.

Нина задумалась. Ясно, немец хочет отсечь ее от «специалиста», вести дела только с ним. В конце концов ей наплевать на Олега, главное, чтобы она получила достаточно солидную сумму.

— А что вы считаете «разумными пределами»?

— Сейчас ответить не могу. Прежде должен переговорить с вашим человеком. Имеет также значение, как вы желаете получить деньги. Если всю сумму сразу — это одно, а согласитесь на аванс, потом расчет, то значительно больше. Ведь, расплатившись с вами и улетев с вашим человеком в Гамбург, я рискую. Он может в последний момент отказаться от работы либо не суметь ее выполнить.

— Я желаю присутствовать при вашей встрече, — решительно заявила Нина. — Да и человек без меня не станет с вами разговаривать.

— Это ваши проблемы, — холодно ответил Дитер.

Нина поняла, что немец может прервать разговор, и решила:

— Хорошо, я приглашу его сюда, а сама уеду. Через два часа мы встретимся вновь и продолжим разговор.

— Прощу. — Дитер передал ей телефонный аппарат.

Нина набрала номер Олега:

— Здравствуй, ты адрес знаешь, подъезжай. Человек солидный, тебе есть смысл с ним встретиться.

— Выезжаю, буду минут через тридцать, — ответил Олег. — Наш уговор остается в силе?

— Естественно. — Нина положила трубку. — Скажите, Дитер,

а почему вы так категорически не хотите вести переговоры при мне? Я ведь лицо заинтересованное и оказала бы вам помощь.

Такой вопрос полковник и инспектор предвидели, и ответ был готов. Но Дитер выдержал паузу, словно пытался его сформулировать как можно четче.

— Я вам не верю,— ответил Дитер. Ему не пришлось наигрывать, возмущение было совершенно искренним.— В любом виде бизнеса соблюдаются правила, для вас же никаких правил не существует! Два дня назад вы впервые приехали в этот дом. Вы даже поцеловали меня. А вечером? Устроили засаду нашему человеку! Я уж не говорю о вчерашнем дне! Что вы сделали! Заманили нас в ловушку, в подвал... Если бы не высший класс господина полковника...

Нина молчала. Она неожиданно поняла, что ее ловко обманывают, и с ужасом увидела себя со стороны — самонадеянную девку, оказавшуюся в руках профессионалов.

Гурову очень понравилась речь Дитера. Еще бы! Человеку свойственно восхищаться собственным творчеством. Вдруг он замер и улыбка сошла с его лица. Ясно и четко полковник увидел свою ошибку. Кажется, Талейрану принадлежит фраза: «Это хуже, чем преступление, это ошибка». Она была кошмарной, нелепой, абсолютно детской, но у сыщика не оставалось времени для самоанализа. Он скатился с лестницы на первый этаж. В это время Дитер, провожая Нину, говорил:

— Я не прощаюсь. Сегодня мы еще увидимся.

— Безусловно.— Нина направилась к двери, но Гуров преградил ей дорогу.

— Привет, очаровательница! — развязно произнес он и взял Нину под руку.— Эти немцы такие скупердяи, присядем на дорожку, выпьем на посошок.

— У меня нет времени,— ответила Нина, пытаясь унять охватившую ее дрожь.— Я опаздываю...

— Пустяки.— Гуров сжал ей локоть.

— Но я не желаю! — воскликнула Нина, подняла голову и посмотрела сыщику в лицо.

Их взгляды встретились. Произошло «короткое замыкание», которое почти неизбежно происходит, когда скрещиваются взгляды преступника и сыщика. Полковник увидел, что Нина его ошибку обнаружила, а преступница поняла, что знаменитый сыщик понял о ее догадке.

— Ну вот и славненько,— миролюбиво сказал Гуров.— Теперь не будем путаться в словах и выяснять отношения. Дитер, ты принимай гостя, решай свои проблемы, а мы поднимемся наверх. Нам обоим есть в чем покаяться.

— Я арестована? — Нина попыталась придать голосу насмешливое выражение.— Тогда предъявите ордер.

— Ну зачем так грубо? — Гуров начал подниматься по лестнице, взяв Нину за руку, словно вел за собой непослушного ребенка.— Арестовывает прокуратура, милиция лишь задерживает.

— Вы ломаете мне руку!

— Как можно? — обиженно ответил сыщик. — Если не будете валить дурака, я вас пальцем не трону.

Однако, открыв дверь своей комнаты, полковник не удержался и так шлепнул Нину по заднице, что девица пролетела несколько метров и опустилась на диван.

— Извините. — Он плотно прикрыл дверь и заглянул в холодильник. — Выпьем на посошок? Нервы вдрызг, на пенсию рано, и куда бедному менту податься?

Нина испуганно смотрела. Гуров наполнил рюмки, разрезал лимон.

— Преступницей вы станете лишь после решения суда, сейчас вы даже не подозреваемая, только подозреваемая. Так что моя ментовская душа разрешает с вами выпить. — Он опрокинул рюмку, тяжело вздохнул. — Ну как я мог так опростоловиться? Вам простиительно, вы, извините, всего лишь Настасья Филипповна из местных, пожелавшая стать Анжеликой. Но я-то... Вот стыдоба! — Гуров постучал себя пальцем по лбу.

Преступления Нины Лобзенко недоказуемы, нет оснований даже для задержания, быстро просчитывал он. Ты, горе-сыщик, говори, наводи мосты. Как ни противно, а девица тебе, старый кретин, совершенно необходима. Полковник, улыбаясь, передал Нине рюмку и сигареты.

— Я ошибся, но успел. Вы ошиблись и опоздали, так что я частично реабилитирован. Вы прибыли сюда с Академиком и прилепили под столом магнитофон. Так ведь он рассчитан всего часа на два?

Нервный шок прошел, Нина напряглась, тряхнула головой, пытаясь освободиться от психологического прессинга полковника.

— Какого черта? Что вы городите? Я категорически протестую!

Гуров тихо рассмеялся.

Нина не сдавалась, повысила голос:

— Немедленно выпустите меня! Беззаконие! Произвол!

Сыщик запер дверь, положил ключ в карман. Сел, закинув ногу за ногу, и посмотрел на нее с неподдельным интересом.

Нина поняла, что провалилась и все кончено, ни валюты, ни красивой жизни за бугром не будет, следует думать только о себе. Этого супермена не обмануть, следует менять тактику.

— Значит, вы действительно господин полковник?

Сыщик кивнул.

— И вы прибыли сюда за... — Нина взглянула вопросительно, решая, не рано ли называть имя любовника.

— Именно. — Сыщик вновь кивнул. — За наемным убийцей Олегом Сергеевым.

— А Бунич? — воскликнула Нина. — Рекомендации? Финансист скурвился и работает на контору?

— Лев Ильич работает исключительно на себя. Сказал вам чистую, как слеза ребенка, правду, что я умный и крайне опасный. Мне непонятно, вы что же, решили открыть контору по сдаче внаем убийц? А нас, спецслужб, вроде бы и нет, выпали в осадок? — Гуров соорудил гримасу. — Оскорбительно. Но мы отвлеклись. Я вас спросил: магнитофон работает лишь часа два?

— Три.

— Вы установили магнитофон утром, а капитан Михеев приехал сюда поздним вечером. Так? А что это значит? Правильно. Магнитофон обнаружили, но весь разговор на пленке — сплошной обман.

— И что теперь? — спросила Нина.

Гуров подошел к окну, чуть отдернул штору, посмотрел в парк.

— Они прибыли, сейчас сядут за стол переговоров.

— Без моей команды он не полетит.

— Вы нас недооцениваете. — Гуров взглянул на часы. — Полетит. Завтра, утренним рейсом.

— Никогда. Мы уговорились, что я его встречу на шоссе.

— У дома стоит ваша «Волга», парень поймет, что вы здесь. Мы объясним, что для нас ваша встреча нежелательна. И Дитер сейчас назовет такую сумму, что Олег Сергеев вас забудет мгновенно и вещички соберет быстренько.

— А меня в прокуратуру?

— Никогда! — убежденно произнес Гуров, сожалея, что против девицы, ну, ничегошеньки нет, хоть обидно до слез.

Нина вспомнила, что на слово полковника можно положиться.

— Дайте слово, что не арестуете, и я не стану вам мешать.

— Честное — не арестую, а мешать просто не позволю. Никакой тюрьмы, прокуратуры, вы летите со мной в Москву.

Глава девятая НА ПОСЛЕДНЕЙ ПРЯМОЙ

В потаенном кабинете ресторана «Алмаз», куда допускались лишь избранные «авторитеты» города, за столом сидели ТТ, Академик и майор милиции Птушко. Майор был опытным, тертым ментом. На следующий день после столкновения с Гуровым он взял больничный и улетел в Москву. Разыскал друзей, однокашников. С одними водку пил, с другими вел задушевные разговоры за чашкой чая, собирал информацию о полковнике Гурове. На осторожные вопросы майора о возможной причастности полковника к коррупции ответ получал один и категоричный: НИКОГДА!

И сейчас майор, который видел ТТ лишь однажды, а перед Академиком стоял по стойке «смирно», чуть ли не кричал на «хозяев» города.

— Только больные и полные мудаки с пистолетом в руке прут на танк! — Майор был в расстегнутом милицмейском мундире, не брит, глаза налились кровью. — А ты, — майор повернулся к Академику, — тактик и стратег в белой рубашке! Да ты старый, выживший из ума педераст! — Он перевел дух и, не сдерживая злбу, продолжал: — Тимофей Тимофеевич, чего ворочаешь своими зыркалками? Видишь, я пришел без оружия! — Майор распахнул мундир, похлопал себя по карманам. — Стреляй! Когда Гуров тобой займется, в прокуратуре и суде моя жизнь тебе ничего не прибавит и не убавит!

Тимоша молчал, вертел между пальцев рюмку с водкой, смо-

трел в пол. Академик, еще вчера распрощавшийся с жизнью, бояться устал, слушал внимательно.

Майор сбавил тон:

— Ты, Павел Николаевич, полагаешь, что раз за тобой «мокрого» нет, так тебя в санаторий нервишки подлечить отправят? Тебе влепят червонец строгого режима! И знаешь, что с тобой в зоне сделают? — Он чиркнул пальцем по горлу. — Тимофей Тимофеевич, где твоя девка? Она в заповеднике у полковника и в обусловленный срок не вернулась. Значит, сыщик девушку расколол и запросто так не выпустит. Нина, спасаясь, завалит тебя со всеми потрохами.

Тимоша реагировал спокойно. Он грустно улыбнулся и сказал:

— Ты бы вышил, майор, перестал пугать и бренчать нервами. Ты мент, все хитрости знаешь, скажи путное.

— Сказать легко. — Майор налил стакан, выпил, натужно выдохнул. — Я вижу два пути. Один — собраться и уходить на юг, затеряться в войне, среди людей, у которых ни кола ни двора, ни документов.

Академик вздрогнул:

— Все нажитое бросить? У меня антиквариат, положение в городе...

Майор, закусывая куриной ножкой, покосился на Академика.

— У тебя есть другие предложения, майор? — негромко спросил Тимоша.

— Есть. Но опаснее. — Майор бросил косточку, вытер руки. — Уверен, у полковника важное задание. Пока с ним не покончит, на нас не кинется. Но вернется в Москву, доложится, а потом начнет разбираться с нами. Его нельзя упускать из города. Надо уничтожить всех: полковника, немца, девчонку и опера Михеева. Я проверил, полковник с нашей конторой связи не поддерживает, значит, никаких документов передать не мог, вся компра против нас у Гурова в голове да на языках остальных. Полковник мог позвонить в Москву и что-то сообщить верхам, но телефонную болтовню к делу не подошьешь и на стол прокурора не положишь.

— Значит, убить, — сказал утвердительно ТТ. — А кто нам мешает, майор?

— Знаешь, сколько людей пыгались убить чертова сыщика? — поинтересовался майор. — И сколько из них уцелело?

Академик впервые увидел, как Тимоша нахмурился, и после долгой паузы произнес:

— Ты прав, пистолет против танка не пляшет. Я обеспечу танк, а ты, майор, решишь, где и в какое время тот танк поставить.

Василий сидел в «Жигулях», стоявших неподалеку от ресторана «Алмаз». Капитан выполнил просьбу Гурова, поменял машину, сумел найти майора Птушко и проследить его до блатного кабака. Теперь Василий ждал, кто из «авторитетов» в ближайшее время выйдет из ресторана, с кем предположительно встречался майор.

Разговор Дитера с Олегом Сергеевым затянулся. Гуров его не

слушал, не хотел, чтобы Нина оказалась в курсе переговоров. Запирать же ее в соседней комнате было опасно, неизвестно, что может взбредить в голову несостоявшейся Анжелике. Нина лежала на тахте, повернувшись лицом к стене. Полковник сидел за столом и курил одну сигарету за одной.

— Откройте окно, задохнемся, — попросила Нина. — Я умом не двинулась, кричать не собираюсь.

Гуров поднял шпингалет, толкнул оконную раму, и чистый воздух ворвался в прокуренную комнату.

Переговоры Дитера с Олегом Сергеевым зашли в тупик.

— Я на таких условиях работать не согласен, — сказал Олег.

— Вы свободный человек, — ответил Дитер, памятуя наставления Гурова — уступить лишь в крайнем случае...

— Да поймите же, — взорвался Олег. — Как я могу взяться за дело, не зная, кого конкретно надо ликвидировать и каков размер вознаграждения?

— Все узнаете на месте. Вы ничем не рискуете. Получаете в Москве паспорт с необходимыми визами, билет на самолет, туда и обратно, двести марок в сутки на жизнь в Гамбурге. Если предложенные условия вас не устраивают, вы возвращаетесь в Москву.

Олег задумался. В конце концов немчура прав, если дело не понравится, развернуть на сто восемьдесят, и привет. Но он не хотел уступать, так как понимал, что подобный разговор неотвратимо возобновится в Гамбурге и необходимо поставить все на свои места. Видно, этот здоровяк ничего не решает, только выполняет полученные инструкции, а немцы — народ дисциплинированный, их с указанного пути не свернешь. Олег решил пойти на компромисс:

— Мое последнее слово. Вы мне выплачиваете аванс сто тысяч марок...

— Сорок, но в Москве. По кредитной карточке в вашей деревне мне марки не получить.

— Шестьдесят.

— Пятьдесят.

— Ну, хрен с вами, пятьдесят тысяч, но в Москве, до посадки в самолет.

— Согласен. — Дитер кивнул. — Обсудим второстепенные детали.

Зазвонил телефон, Гуров снял трубку:

— Слушаю.

— Майор, ТТ и Академик час двенадцать минут провели в «Алмазе», — доложил Василий. — Сейчас майор вернулся в отделение.

— Плохие новости тоже ценная информация. — Гуров помолчал, взглянул на Нину, решая, что следует при ней говорить, а от чего воздержаться. — Машину спрячь и на такси подъезжай, будем думать.

Нина резко села и язвительно спросила:

— А как вы мне билет на самолет возьмете, ведь у меня нет паспорта?

— Мне поверят на честное слово.

— И на кой черт вы тащите меня в Москву? Довезите до аэропорта, а когда с Олегом пойдете к трапу, я уже ничего успеть не смогу.

— Я ваших возможностей не знаю,— думая явно о другом, ответил Гуров.— Вам сейчас в любом случае оставаться нельзя, убьют...

— Меня? — Нина встала.— Кто посмеет поднять на меня руку?

— Тимофей Тимофеевич, и рука у него не дрогнет.

— Я считала вас умным.

— Сменим тему. Скажите, Нина, ваш парень, этот Олег Сергеев, он случайно не того? — Гуров покрутил пальцем у виска.

Нина долго не отвечала, взяла со стола сигарету, закурила.

— К чему этот вопрос?

— Он в Мюнхене ребенка из автомата расстрелял.

— Олег — патологический убийца. А почему вы решили, что Тимоша способен меня убить?

— Он только что переговорил с человеком, который прочистил ему мозги. У вашего Тимоши мозги имеются?

— У него мозги заменяет чутье.— Нина погасила сигарету.— Я вам не верю. Запугиваете.

— Возможно.— В это время на лестнице послышались шаги, дверь открылась. Дитер жестом пригласил Гурова выйти, сам вошел в комнату и закрыл дверь.

— Столько отличных мужиков, и ни один не снимает трусики. Первый случай в моей жизни,— усмехнулась Нина.

Дитер покраснел и отвернулся.

Гуров сбежал вниз, увидел Олега, не поздоровался, лишь кивнул.

— С немцем вы договорились,— сказал он брезгливо,— теперь меня выслушайте. Мы улетаем сегодня. Вы — завтра. Ночью я вам позвоню.

— Запишите телефон.— Олег смотрел на сыщика с любопытством, не понимая, как получается, что человек смотрит прямо в глаза, а взглядом не встречается.

— У меня ваш телефон имеется.

— Узнаю Нину.— Олег рассмеялся.— Кстати, я хотел бы ее видеть.

— Нежелательно.

— А мне очень даже...

Но Гуров перебил его:

— Если я ночью не позвоню, не вылетайте.

Олег от такой откровенной грубости смешался. Взглянул на Гурова прищурившись, как бы прицеливаясь. Представил, как, получив пулю в живот, тот сломается пополам, начнет валиться вперед, затем рассмеялся и спросил:

— Значит, уговор не окончательный, могут произойти коррективы?

— Договор окончательный. Придется вам кое-что пояснить во избежание недоразумений.— Гуров сделал паузу, подбирая наи-

более точные слова. — У нас с местными «авторитетами» произошла небольшая размолвка. К вам она не имеет никакого отношения. Они попытаются нас остановить. А так как вы дорого стоите, я обязан вас беречь. Иначе мы бы вылетели вместе. Впрочем, вы ведь отлично стреляете, может, хотите принять участие?

— Я не мушкетер и не люблю дуэли. — Собственный ответ Олегу понравился, он довольно хохотнул.

— Тогда быстренько убирайтесь. Дуэль начнется без бросания перчаток. Ночью позвоню.

— А вы герой. — Олег вышел на крыльцо, прикрыл за собой дверь.

Гуров посмотрел на дверь заворуженно, как на экран телевизора, затем перевел взгляд на часы. До вылета вечернего рейса на Москву оставалось ровно четыре часа.

Майор Птушко прекрасно знал дорогу от города до дач, где находился полковник, но для страховки расстелил на столе крупномасштабную карту. Одиннадцать километров отличного двухстороннего шоссе специально проложили для слуг народа. Шоссе вело только на дачи. На них сейчас не жили, шоссе пустовало, имелось два съезда на проселок. Встречу следует организовать перед первым съездом, но его на всякий случай следует перекрыть. Уж больно силен и удачлив полковник, вдруг проскочит. На этом повороте встану сам, решил майор и сделал пометку на карте. Уже пора двигать и все блокировать. Судя по всему, они хотят вылететь вечерним рейсом. Дорога одна, другого пути нет. Или у вас, господин полковник, имеется вертолет? Майор ухмыльнулся. Я тебе припомню, сука, «поцелуй в задницу»! Он снял трубку, позвонил на вахту, которая охраняла пустующие дачи.

— Мусин? Доложи обстановку. Приезжал молодой парень? Номер машины? Замазан? Ладно, черт с ним! Ракетница не подведет? Значит, через тридцать секунд после их выезда белая ракета. Если что не так, даешь красную. Да откуда я знаю, что он может придумать? Ладно, ни пуха!

Майор положил трубку, вынул из стола бутылку. Что полкаш может придумать? Дорога одна, машина у него одна, на которой приехала девка. Не пехом же, огородами, одиннадцать верст с чемоданами и девкой? Да и откуда ему знать о засаде? Предположить, однако, может, волчара опытный. А если он вызовет патрульные машины из города? И двинет в аэропорт с мигалками и сиренами?

Именно такая мысль и появилась у полковника, когда он обдумывал, как прорваться в город. Что «авторитеты» организуют засаду — ясно как день. Позвонить генералу и попросить две машины сопровождения — самое простое и естественное решение. Однако неприемлемое. Сегодня же о кортеже узнает весь город и убийца в том числе. Если бы Олег Сергеев сидел со мной в машине, я бы его запутал, рассуждал Гуров. Но он будет один, молва приукрасит все десятикратно, убийца испугается, и вся работа уйдет в песок. Никакого шума. Уходим огородами.

Охранника Мусина охватил мандраж. Попал как кур в ощиц. А какая сладкая жизнь была! Спишь, ешь, все от пуза и задарма, от гостей остается, еще и домой притащишь, на всех хватало. Оклад по сегодняшним меркам пустяковый, так ведь, считай, он как наградные к полному довольствию. И такая беда на голову! Один приказывает, другой требует, никому не откажешь. Хорошо если залетных гостей нормально порешат. А ежели нет? И ракету они видели. Правда, кто ее запустил, еще доказать требуется. Охранник оглядел ракетницу. Эту штуку надо в пруду утопить. Нечего психовать, майор не промахнется, иначе бы сам не полез.

В окно постучали. Охранник сунул ракетницу в стол, выскочил на улицу. У ворот стояли двое мужчин и женщина.

— Спасибо за приют, — сказал Гуров, протягивая ключи. — От дачи, от вашей машины. А свою «Волгу» девушка заберет через недельку. Пусть постоит, тут надежней.

Охранник ошарашенно слушал, чувствовал на себе внимательный взгляд и ничего не понимал.

— Как же вы? — От волнения он даже икнул. — До города десять верст с гаком.

— Действительно. — Полковник (Мусин уже знал, что он полковник) почесал в затылке, оглянулся на стоявших в стороне немца и девицу, словно раньше и не подумал, что пешком далековато. — У нашей «Волги» движок забарахлил, может, вы нас подбросите на служебной?

— Да вы что?! — испугался Мусин, но тут же постарался взять себя в руки, продолжил спокойнее: — Не положено, не могу оставить объект.

— Объект серьезный, а кругом лазутчики шастают.

— Зря шуткуете, господин, отлучусь на миг, разворуют.

— Понятно. — Полковник кивнул. — А напарник сегодня приболел?

— Конечно, живой человек. — Мусин уже взял себя в руки, улыбнулся.

— Капитан в отставке Мусин, твоя судьба в твоих руках. — Полковник скривил губы в улыбке. — Ты, главное, не сомневайся, я обязательно вернусь.

Гуров, Дитер и Нина вышли за ворота.

— Пустой номер, конечно, пытаться его придавить, — сказал сыщик. — Я-то уезжаю, а они здесь, рядом. Хотя не представляю, как он может нагадить?

— Передает по радию, что мы ушли пешком, — ответил Дитер.

— Мысль интересная. — Гуров свернул на полянку, на которой стояло такси.

Василий вышел из машины и зашептал:

— Водитель сначала согласился, а сейчас руль не отдает.

Сыщик обошел машину, открыл дверцу водителя:

— Здравствуйте.

— Привет, командир. — Водитель усмехнулся. — Ты меня не уговаривай, руль не отдам. Я эту тачку три года ждал. — Он похлопал по рулю. — Она еще девочка.

— Вас капитан предупредил, вы согласились. Машина нам

необходима.— Гуров старался говорить вежливо, но настойчиво.

— Ты командуй там, где командир, а здесь ты пассажир.— Шофер сплонул под ноги Гурова.— И еще. Ты в лучшем случае водила, а я мастер спорта международного класса.— Он вынул ключи, открыл багажник.— Грузись и кончай базар!

Полковник Гуров растерялся. Рисковать жизнью постороннего человека! Нельзя! Но этот водитель — профессионал экстра-класса! Вот он, шанс, который выпадает один на тысячу, и отказаться от него преступление. Он принял решение.

Из-за кустов за ними наблюдал капитан в отставке. Ему стало любопытно, куда это с чемоданами и с дамочкой на каблуках направился полковник. Увидев такси, Мусин запомнил номер, выждал, пока машина выедет на шоссе, и затрусил к своей сторожке, которую гордо именовал: КПП.

Василий, чтобы иметь большой обзор для стрельбы, сидел рядом с водителем, сыщик — прямо за его спиной, таким образом, они могли вести огонь в обе стороны. Нина сидела рядом с Гуровым. Дитер забился в противоположный угол, сжимал игрушечную «беретту» и ругал полковника по-русски, на немецком подходящие слова отсутствовали.

— Василий, — сказал полковник, — опусти стекло. Не стреляй до последнего, может, подфартит и проскочим. Мастер, выруби счетчик, пусть горит зеленый, скорость шестьдесят. После первого выстрела жми.

270 Майор Птушко перекрыл шоссе так, что преодолеть преграды возможно было лишь по воздуху. На первом проселке, по которому недавно пытался скрыться Академик, стояла «Волга», в которой сидели три автоматчика, а за рулем — сам майор Птушко.

Через три километра, у съезда на второй проселок, затаился грузовик, готовый выехать на шоссе и встать поперек. За рулем грузовика сидел автоматчик, рядом с ним Тимофей Тимофеевич, сжимавший свой любимый «ТТ».

Увидев зеленый огонек такси, Тимоша сказал:

— Возьми чуть правее, пусть проедет. Какого черта его сюда занесло? — И тут же увидел взмывшую над лесом красную ракету. — Назад! — рявкнул он.

Но такси уже просвистело мимо.

Гуров в жизни повидал многое, но такую скорость на земле ощутил впервые. Ноги ослабели, к горлу подкатывала тошнота. Мастер международного класса опустил стрелку спидометра направо и с нервным смешком спросил:

— А вертолеты будут?

— Не должно, — натужно ответил сыщик.

Словно откликнувшись на его голос, по машине защелкали пули. На шоссе выползал грузовик, перегораживая дорогу, а навстречу летела «Волга». Столкновение казалось неизбежным.

Не успел Гуров подумать, что все, конец, зря боролся, как таксист принял левее, чуть ли не в кювет, но правые колеса

машины удержались на асфальте. Через секунду «Волга» выровнялась и улетела от засады.

Нина прижалась к Гурову.

— Гаси свет, парень, ты действительно мастер, — сказал сыщик с уважением.

— Пост ГАИ. — Водитель сбросил скорость.

— Притормози, — приказал Гуров, приглядываясь к машинам, припаркованным у поста. Он увидел, как одна из машин мигнула фарами, облегченно вздохнул. — Все! Это свои! — отстранил валившуюся на него Нину и строго сказал: — Возьмите себя в руки, вам следовало бы иметь нервы получше.

Полковник взглянул на Нину. Она была мертва. Из рваной раны в горле брызнула кровь.

Еще за секунду до происходящих событий майор спокойно курил, ждал белую ракету, но увидел красную. Матюгнулся, хотя особо не взволновался. Чтобы там полковник ни придумал, вертолета у него нет. Лесом не пройдет, а на шоссе — грузовик. Майор прислушался. Сейчас застучат автоматы, «Волга» врежется в машину, и раздастся взрыв. Но было тихо. И вдруг из-за небольшого подъема выскочило такси. Майор крикнул:

— Это они! Огонь!

Первую ошибку майор допустил, когда доверился вахтеру, который вместо того, чтобы дать ракету сразу после ухода гостей, начал их выслеживать и потерял несколько минут. Вторая ошибка была еще грубее. Увидев красную ракету, майор должен был высадить автоматчиков из машины, а они даже не опустили стекла. Услышав команду, вывалились на дорогу, но такси уже летело дальше. Удалось лишь вдогонку послать несколько «слепых» очередей.

Парни опустили стволы, смотрели виновато. Майор выстрелами в упор уложил всех троих. Поднял с земли автомат и для верности прошел короткими очередями трупы. Затем сел за руль и выехал на шоссе.

Теперь, когда операция явно провалилась, приходилось убирать опасных свидетелей.

Майор вел машину не торопясь. Если Тимофей успел выкатить грузовик — торопиться некуда, а если полковник проскочил, то тем более. Грузовик шоссе перегораживал, такси отсутствовало. Назвать мое имя могут Академик и ТТ, рассуждал майор, останавливаясь. Опасен лишь Тимофей. Он здесь, тут его следует и оставить.

Майор сунул пистолет за поясной ремень. Вылез из «Волги» и направился к грузовику, обдумывая первую фразу, которая должна успокоить грозного «авторитета». Майор остановился у кабины, увидел, что водитель один, но не успел ничего сказать. Две пули ударили ему в спину.

ТТ вышел из-за кузова грузовика, сел в «Волгу», и машина покатила прочь от города.

Гуров перенес еще теплую Нину в милицейский «рафик», уложил на заднее сиденье.

— Полковник! — позвали его. Мужчина в годах заглянул в «рафик». — Вы что там застряли?

Гуров выпрыгнул на асфальт. Взглянул на седую голову незнакомца, на брюки с генеральскими лампасами, видневшиеся из-под плаща:

— Я здесь, Алексей Алексеевич. Пожалуйста, срочно свяжитесь с начальником гарнизона, пусть перекроет въезд в город.

— Я прошу доложить, полковник...

— Конечно, конечно, Алексей Алексеевич, — перебил Гуров, — все необходимые документы окажутся на вашем столе в ближайшее время.

Он увидел Василия, стоявшего у такси. Капитан правую руку прижимал к левому плечу.

— Ранен? — спросил Гуров. — Уезжайте с коллегами. Спасибо за все, завтра позвоню из Москвы. — Неожиданно для себя он поцеловал Василия в щеку и сел в «Волгу». — Давай, мастер, жми в аэропорт.

Мастер международного класса ехал осторожно, как водят под руку раненого или тяжело больного человека. Пули не тронули парня. Казалось, он и не понимал, что остался цел и невредим по счастливой случайности, и переживал только за машину.

— Я к пулям привычный. В меня и в Афгане всегда промахивались, а «Марусе» за что досталось? — Он хлопнул ладонью по приборному щитку. — Стекла побили, заменим, а зачем столько дырок наделали? Бандиты, да и только! А менты наши, что рядовые, что полковники, ни хрена мышей не ловят! — Он покосился на сидевшего рядом Гурова.

Гуров закурил, повернулся к Дитеру и спросил:

— Ты чего притих? — Он присмотрелся, заметил темное пятно под вытянутой ногой инспектора: — Слушай, водила международного класса, ты человеку жизнь спас, а он в благодарность тебе сиденье изгадил. — И, сорвавшись, закричал: — Ты что делаешь, немчура? Ты почему молчишь? Кровью изойдешь, чистошпой! Навязался на мою голову!

Дитер виновато улыбнулся, а мастер спокойно ответил:

— Не психуй, командир. Я давно вижу, что он подтекает, уже прибыли, сейчас перевяжем.

Бинты, йод и все необходимое в аэропорту нашлось. Водитель отложил медсестру-неумеху, уложил Дитера на клеенчатый диванчик, ловко распорол скальпелем штанину и занялся перевязкой. Увидев, что напарник оказался в руках профессионала, Гуров побежал за билетами. Бронь держали на каждый рейс, сложностей не возникло. Дюжий милицейский сержант и медсестра помогли Дитеру подняться в самолет. Гуров остался у такси, которому разрешили подъехать к самому трапу.

— В Афгане уцелел, а дома чуть пулю не схлопотал, — произнес тихо водитель. — Знал бы, что будет, не полез. — Он перекрестился.

Гуров согласно кивнул:

— Тебя как зовут?

— Тимофей, — ответил парень. Он погладил свою ненагляд-

ную «Марусю», вынул косо торчавший осколок стекла. — Кто же мне справку в парк даст, что я не банк грабил?

— Начальник вашей милиции.

— Это тот, седой, что толкался и шумел у поста гаишников? — Тимоша недовольно крикнул.

Сыщик достал из багажника чемоданы и два кейса, щелкнул цифровым замком, приоткрыл один из кейсов, захлопнул, бросил на заднее сиденье.

— Миллион с копейками, сегодня деньги пустячные, но на стекла, шпаклевку и покраску хватит, — сказал Гуров. — Спасибо, Тимоша. Прошу, не лезь без надобности, каждую дырку головой не заткнешь.

Полковник взбежал по трапу. Тимоша взглядом проводил его статную фигуру, не удержался, открыл кейс, увидел плотные пачки денег и присвистнул. Сел за руль и, выезжая с летного поля, вслух произнес:

— «Маруся», главное, живы, а дырки заделаем, покрасимся, станем как новые.

В городе только и говорили, что о бойне на шоссе. Слухи с каждой секундой становились все страшнее. Когда они докатились до Олега Сергеева, наемный убийца узнал, что в город прорвалась вооруженная банда, которую не смогли остановить даже танки. На шоссе остались десятки трупов, но при этом назывались лишь два человека: начальник отделения милиции майор Птушко и официантка ресторана «Алмаз» Нина Лобзенко.

Значит, красавица успокоилась, прокомментировал новости Олег. Что Бог не делает, все к лучшему. Теперь в городе обо мне знает лишь «авторитет» Тимоша. Словно подслушав его мысли, тренькнул телефон. Олег снял трубку и услышал:

— ТТ выскочил, местонахождение не известно. — И частые гудки.

Убийца не мог знать, что по приказу Гурова звонил капитан Михеев, и расценил звонок как заботу о его, Олеге Сергееве, драгоценной жизни.

Силен полковник, слов нет, танки не танки, но мешали ему прорваться люди серьезные, думал убийца, упаковывая чемодан. Теперь мне необходимо отсюда убраться. На Тимофея объявят в розыск, и, если задержат, он меня сдаст.

На следующее утро в аэропорту «Внуково» самолет приземлился по расписанию. Когда убийца выходил из багажного отделения, рядом оказался мужчина лет тридцати.

— Сергеев? — спросил он.

Олег встречающего никогда не видел, но голос узнал. Этот человек звонил ему ночью, интересовался, вылетает ли Олег в Москву, или нет. Если вылетает, то билет на его имя в аэропорту заказан и в Москве его встретят.

— Он самый, — ответил Олег. — Это вы звонили?

Мужчина не ответил, легко подхватил один из его чемоданов и кивком предложил следовать за ним.

Гостиница располагалась в центре Москвы, одноместный номер был не шикарный, но вполне приличный. Сопровождающий поставил чемодан, выложил на стол папку:

— Заполните анкету и дайте паспорт.

Когда Олег все заполнил, он взял у «гостя» анкету, паспорт, внимательно просмотрел их, положил в папку. Затем протянул плотный конверт:

— Отдыхайте, паспорт и билеты на самолет будут дня через два, — кивнул и вышел.

Убийца проводил сопровождающего взглядом, вскрыл конверт. Там лежали сто тысяч рублей и тысяча дойчмарок.

В своей квартире, подпоясавшись фартуком. Гуров жарил яичницу и философствовал:

— Не пойму, чего ты ко мне привязался? Богатый человек, можешь жить в «Метрополе», жрать ананасы...

Дитер сидел понурившись, вытянув забинтованную ногу.

— Ты даже пол вымыть не в состоянии, раненого изображаешь.

Утром из посольства принесли паспорта, билеты на самолет и личное послание Дитеру Вольфу, в котором сообщалось, что в мюнхенском госпитале скончалась единственная свидетельница по делу.

Гуров грохнул горячую сковородку на стол и закричал:

— Пожар!

Получилось так натурально, что Дитер вскочил:

— Где?

Гуров раскладывал яичницу по тарелкам и спокойно говорил:

— Мне тоже интересно знать, где горит? И что ты губу отвалил и носом шмыгаешь? Ах, свидетельница померла! Только ты не человека оплакиваешь, а свою судьбу клянешь. Вот, мол, расстарались, можно сказать, жизнью рисковали, и тут судьба карту перевернула. Так не конец света, инспектор. Соберись и работай. — Гуров скреб сковородку, и голос у него был такой же противный, металлический. — Тебе же сообщили, что парня, который столкнулся с убийцей в пивной, нашли. И парень вспомнил, что однокашника зовут Олег Сергеев.

— Господин полковник, извините, но у нас суд присяжных, адвокаты...

— Ты ешь, — сыщик подтолкнул Дитеру тарелку, — набирайся сил, думай. Доказать, что убийца находился в момент совершения преступления в Мюнхене, несложно. Кто-то ему дал автомат, найди оружие преступления, выясни, где убийца жил. Парень — франт, а перекрашивался в бродягу, это тоже твой козырь. Арестуй его сразу, дави психологически, поверь моему опыту: он внутри пустой. Если заговорит, ты выйдешь на десяток свидетелей, которые любому суду докажут, что он жил двойной жизнью. Я верю: ты сумеешь добраться до настоящих организаторов. Ешь, черт тебя подери, или убирайся в свой «Метрополь»!

Дитер ковырнул вилкой пережаренную яичницу, оттолкнул тарелку:

— Не хочу! Я честно работал и заслужил нормальную еду! У нас есть деньги, пойдем в ресторан, посидим, как нормальные люди.

— Какие деньги? Кейс, который мы получили в обмен на твои паршивые марки, я отдал Тимоше на ремонт.

— Весь? Там было больше миллиона!

— Инфляция. — Гуров пожал плечами. — А ты хотел, чтобы я половину себе оставил?

Дитер уже знал, что русский получает в месяц около тридцати тысяч, следовательно, он отдал сумму, которую может заработать примерно за десять лет.

Дитер встал и сказал, сдерживая улыбку:

— Значит, мы пойдем в ваш дрянной «Метрополь» и побеждаем на наши паршивые марки.

ЭПИЛОГ

Самолет набрал высоту. Табло погасло. Элегантные стюардессы катили тележки с напитками, улыбались, щебетали непонятное. Убийца ни немецкого, ни английского не знал, но девушек понимал. Ему хотелось взглянуть в иллюминатор, но слева громоздился угрюмый парень с лицом киношного гангстера.

— Дитер, возьми мне выпить, — попросил Олег сидевшего справа инспектора. — Только не размазывай по рюмке, купи бутылку виски.

Дитер поставил перед убийцей бутылку, сок, услужливо щелкнул зажигалкой. Вспомнил, как вчера во время обеда в «Метрополе» русский полковник сказал: «Учти, парень, почти все решает первый удар. И главное — не сила, а неожиданность».

Убийца взял бокал и продекламировал: «Прощай, немытая Россия!..»

Дитер сказал что-то по-немецки, сидевший слева «гангстер» быстро повернулся и защелкнул на кистях убийцы наручники.

— Я тоже люблю Лермонтова, — негромко произнес Дитер, достал из кармана магнитофон. — Мужчину и ребенка вы убили, но женщина осталась жива. Вчера по телексу передали, что вашего одноклассника, с которым вы столь неудачно столкнулись в пивной, нашли. Он вспомнил ваше имя и фамилию. Нас будет встречать пресса, если вы спуститесь по трапу с повинной... — Дитер включил магнитофон. — Выпейте и говорите.

В кабинете генерала Орлова никаких трагедий не происходило. Полковник Гуров стоял у окна, а генерал будничным тоном говорил:

— Меня не уволили, тебя не убили, нас можно считать победителями. Скажи, Лева, а в следующий раз против тебя двинут танки?

— Не нравится, как я работаю, Петр? Так ты меня прижми к сердцу и никуда не отпускай.

— Договорились. Как полагаешь, твой немец дожмет убийцу?

— Кто знает, должен. — Гуров пожал плечами. — Я сделал все, что мог.

ИРИНА АЛФЕРОВА:

«Люблю людей, умеющих прощать»

Ну что за банальность: если об Алферовой, то сразу — о красоте, о тяжелой женской доле красавиц и толпе поклонников. А она красивой себя не считает и даже устала об этом говорить во всех интервью. Не кокетничает, между прочим. Не верите? А что, собственно, в этом такого необычного? Быть недовольным своей внешностью — вполне нормальное и распространенное явление, тем более что критерии красоты у всех разные. Для кого-то и Мэрилин Мон-

ро — «ничего особенного», а для кого-то Мадонна — предел мечтаний...

Ее ужасает нынешнее время. Ей обидно за инженеров, торгующих «сникерсами», и врачей, спующих «челноками» из Турции и Китая. Она все пропускает через себя: пыталась как-то представить, что торгует в переходе тряпками в ряду прочей нищей интеллигенции — и у нее не получилось. И не потому, что она известна и узнаваема, просто — натура другая. Ни

продавать, ни продаваться не умеет, да и не хочет.

— Мне всегда казалось, что вы очень замкнутый человек...

— Я действительно замкнута, даже — скрытна. И мне не доставляет радости распахивать душу перед кем бы то ни было...

— А как же вы играете? Ведь актер, по идее, должен быть «распахнут», открыт для зрителя, это суть профессии, разве не так?

— Сама удивляюсь! Я не из тех актрис, которые чуть ли не с пеленок рвутся выразить себя на сцене. Наоборот, всегда была робкой, застенчивой. Мне было неудобно, да и не получалось играть то, что я не пережила сама — будто тем самым ломала свою природу. И сейчас не могу сказать, что хорошо чувствую себя во всех своих ролях. Большая их часть явно не моя. Не знаю, может, это и неправильное представление об актерской профессии, но хотелось бы как можно полнее отразить на сцене и экране то, что близко и понятно мне. Не хочу играть вульгарных, пошлых женщин, глуповатую простушку или душевно черствую леди. Мечтаю сыграть глубокую, тонкую, эмоционально богатую героиню, романтическую, непредсказуемую... Почему современные драматурги не замечают таких женщин в жизни?

— Видимо, им просто «не везет» на них?

— Не знаю... Но все последние роли, которые мне предлагали, весьма далеки от идеала... К сожалению, у нас нет продюсеров, импресарио, которые бы обеспечивали интересной, достойной работой, а ходить самой и просить — не в моих правилах. Я никогда не прошу. Знаю, что если нарушу это правило, потеряю гораздо больше, чем приобрету. Просто перестану себя уважать, что гораздо страшнее, чем остаться без роли...

— И вам всегда удается следовать однажды выработанным правилам?

— Стараюсь, хотя, бывает, нарушаю их, о чем потом жалею. Скажем, я не люблю шумные праздники и избегаю их. Но как-то летом, когда я сидела в пыльной и душной Москве без дела, меня пригласили принять участие в фестивале, проходившем на борту теплохода. Не устояла... Фестиваль проводился, естественно, на деньги какого-то спонсора. Он чувствовал себя королем. Когда нас представили ему, он не нашел ничего лучше, как заявить: «Наши фильмы, актеры — все дерьмо! Сталлоне, Шварценеггер — это я понимаю!..» Сказать так о наших гениальных актерах?! Когда первый раз посмотрела спектакль «Сорри» с Чуриковой и Караченцовым, не заметила, как пролетело время. Они работают просто потрясающе! Я уже не говорю о том, что прорыдала все второе отделение. Хорошо, что с собой было два носовых платка.

— Нечасто услышишь доброе слово в адрес коллег...

— Я независтлива. Зависть — она от бессилия, наверное, а меня жизнь заставила быть сильной.

— Вы разве не баловень судьбы?

— Пришлось многое испытать, но не хотелось бы вспоминать об этом. В жизни все получилось по-другому, не так, как хотелось. Много лет потрачено впустую... По натуре я однолюб, но это не реализовалось ни на сцене, ни в жизни. Никогда не чувствовала себя защищенной. Есть такое выражение — «жить как за каменной стеной». У меня никогда не было такого ощущения. Всегда рассчитывала только на себя. Все, чего я добилась в жизни, добилась сама, без чьей бы то ни было помощи и протекции. Всю жизнь

независима: сама кормлю себя и свою дочь... Конечно, эти обязанности принято возлагать на мужчин, но я не жалею. Так сложилась жизнь. Даже рада, потому что это только придает мне сил и уверенности. Знаю, всегда смогу заработать и чувствовать себя по-настоящему свободной.

— *Вот уж не ожидала увидеть в вас феминистку...*

— Применительно ко мне это, конечно, громко сказано. Хотя, если судить по самоощущению, это так. Я и дочку пытаюсь воспитывать самостоятельной и независимой.

— *Удается?*

— По-моему, да. Она сама выбрала профессию юриста, поступила на юридический факультет.

— *Не все родители взрослых детей могут похвастать полным взаимопониманием с ними. У вас хороший контакт с дочкой? У нее ведь такой возраст, когда появляются какие-то свои секреты, тайны...*

— И мне это нравится! Всегда говорю, что у нее и должны быть свои тайны. Это придает любой девушке, женщине загадочность и неотразимость... Какие-то вещи нельзя рассказывать никому! Должен быть свой мир, его нужно создать в себе — только тогда будешь интересным человеком. Но это не значит, что Ксюша скрывает от меня что-то очень важное, существенное... Наоборот, она такая болтушка!

А вообще я не понимаю, как мать не находит контакта со своим ребенком. Ты же сама его воспитывала! Мне, например, было важно заложить какие-то самые нужные и важные, на мой взгляд, вещи в ее характер, которые составили бы основу для нашего взаимопонимания на всю жизнь. Я имею в виду чтение. Помню, очень боялась (наслушавшись, что

современные дети и молодежь не любят книги), что моя дочь не будет читать. Вот тогда мы действительно были бы с ней как с разных планет! Но, к счастью, ничего подобного не произошло. Но это отдельная тема разговора — мать и дитя...

— *Тема, уже потерявшая свою актуальность для вас, матери взрослой дочери?*

— Ни в коем случае! Сейчас, как никогда, понимаю, что такое ребенок. Как и многие молодые мамы, не успела заметить, как выросла моя Ксюша. Столько интересного было вокруг, столько хотелось повидать, сделать, казалось, что самое интересное еще впереди... Я не успела насладиться теми радостями, которые нам дарит малыш, и до конца даже не осознавала, что это нужно делать — все казалось таким естественным... И только теперь понимаю, что женщина должна осознанно идти на рождение ребенка и быть счастливой уже только от того, что она — мать. Представляю, как бы я сейчас наслаждалась каждым мгновением общения с ребенком! Мне так хотелось бы вырастить еще и сына...

— *Что же мешает?*

— Я не могу позволить себе эту роскошь сегодня — нет возможности создать ему необходимые условия. Не понимаю тех, кто говорит, что это не главное. По-моему, ребенок не должен быть ни в чем обделен — ни хорошим питанием, ни игрушками, ни образованием! Он должен быть счастливым!

— *Ну да, а потом ему будет говорить: мы для тебя — все, а ты...*

— О, нет! Дети не должны реализовывать твои планы и мечты. Так же, впрочем, как и не обязаны быть твоим отражением. Это иная душа! До какого-то периода, бе-

зусловно, необходимо быть вместе с ребенком. Но он растет — и его нужно отпускать. И ни в коем случае не навязывать себя. Моя мама всегда говорила нам с сестрой: «Вы мне ничего не должны. Вы счастливы — я тоже счастлива. А если вам будет плохо — я всегда вам помогу».

Для меня дико слышать упреки в адрес сыновей или дочерей об их неблагодарности. Взрослые дети всегда заботятся о своих родителях, если, конечно, это нормальные люди. Но ведь нормальными их должны вырастить прежде всего сами родители! А навешивать на детей моральный груз — ты нам должен, должен... — это скорее даст обратный результат. Важно суметь оценить в собственном ребенке личность, помочь ему не сломаться, уважать его мир, может, совсем не похожий на твой, — и тогда не будет проблем одиночества при живых детях в старости. Убеждена в этом.

А вообще дети — это потрясающе! Когда они есть — не так страшно умирать: кажется, что какой-то его клеточкой и ты будешь видеть этот мир. Не знаю, как это объяснить, но я это чувствую. Поэтому, если детей несколько — шанс «остаться» в этой жизни увеличивается, тем более что уж один-то из них, может, все-таки будет похож на тебя...

— *А вы похожи на свою маму?*

— Пожалуй, нет. Моя мама — уникальная женщина. Очень красивая — все в нее всегда были влюблены. Она была доброй и никогда не злилась. Просто идеальная мама. Ни разу в жизни она меня даже не шлепнула, а ведь я была довольно тяжелым ребенком — вредная, замкнутая, настоящий зверек. А вот мама — всегда улыбалась. Ей все было не в тягость! Все легко! Это, по-моему, вообще черта, присущая многим женщинам ее поколения. А сейчас? Все ноют,

жалуются, всем безумно трудно. А как на детей орут? Как орут?! Мама никогда не повышала на нас голос. Помню, придет с работы усталая, а в доме все перевернуто — мы с сестрой постарались. Она же только засмеется и скажет: «Идите-ка погуляйте, а я уберусь». И от помощи нашей отказывается: «Не нужно! Успеете еще наработаться!» И при этом всегда подтянутая, аккуратная, все у нее наглажено, все сверкает. Когда все успевала? И всю жизнь — такая. Глядя на нее, я с детства поняла: когда человек многое умеет — ему ничего не страшно, он все преодолеет. За что бы мама ни бралась, все у нее получалось. Она никогда не вязала, но, если я приходила к ней и говорила, что мне нужен срочно какой-то там вязаный воротничок, брала спицы, немного колдовала — и он был готов. Как у нее это получалось — не понимаю, но вот такой она человек.

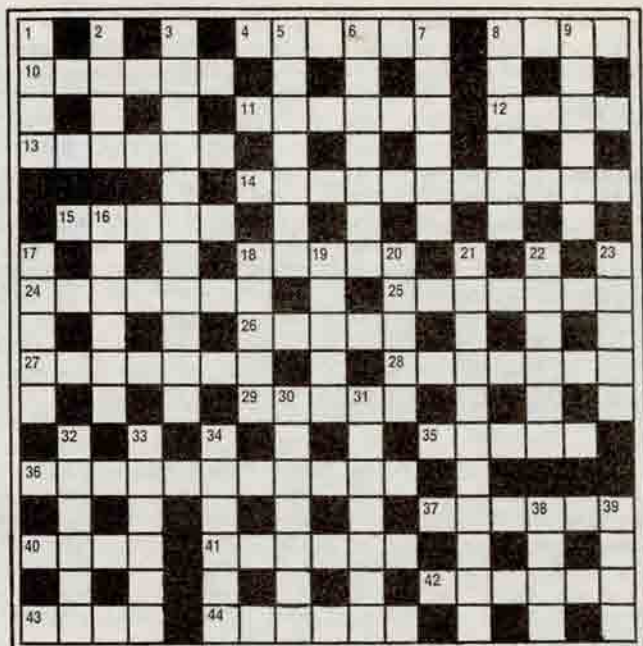
— *А что бы вы сказали о себе — какой человек вы?*

— Не знаю, ведь все относительно, правда? Можно сказать, что я оптимистка, хотя на самом деле страшный пессимист... Но, с другой стороны, по-прежнему доверчива и верю, верю во все!.. Какой я человек? Максималист, которому нужно все, и аскет, который может обходиться без всего. Потому что я — сильная. И горжусь этим. А еще тем, что никому не сделала подлости. Никогда в жизни. И даже если со мной поступали нечестно, я пыталась найти оправдание такому человеку, а значит, прощала.

— *Откуда такое великодушие?*

— Просто люблю людей, которые умеют прощать. Это редкое качество. Оно поднимает над серостью, обыденностью, пошлостью, над мелочами и суетой. А человек, как известно, становится выше ростом, оттого что тянется вверх...

Беседа вела ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА.

По горизонтали.

4. Тяжелый бес на спину влез (современная загадка). 8. Растение, из клубеньков которого в Испании делают оршад. 10. Французский писатель, публично хваливший Советский Союз, а в дневнике, для себя, написавший совсем иное. 11. Страна, куда Одиссей послал нарочного за ядом для стрел. 12. Веселое лекарство. 13. «Душа цветов», «улыбка материи» (по представлениям ботаников). 14. Одна из главных добродетелей рыцаря. 15. Титул японского императора, в переводе значащий «царь небесный». 18. Густой мясной суп, венгерское национальное блюдо. 24. Каша. Ее часто варили чумаки во время поездок за солью. 25. Небесное тело с самым глубоким в Солнечной системе — двадцать километров — ущельем. 26. Издатель первого Полного собрания сочинений А. Герцена. 27. Птица, символ долголетия в Корее. 28. Победитель соревнований у древних греков. 29. Фигура, располагающая двумя гамбитами. 35. Попавший на Сардинию племянник Геракла, который, по свидетельству Диодора, «сделал остров плодоносным и славным». 36. Лондонец, изобретатель цилиндра. Когда в январе 1797 года он вышел в нем на улицу, его чуть не растоптала толпа любопытствующих. 37. В первом послании Андрея Курбского Ивану Грозному начало тако: «Царю, от Бога препрославленному, паче же во православии пресветлу явившуся, ныне же грех ради наших, сопротивным обретеса» (суть слова «сопротивный»). 40. Музыкальный инструмент армянских овча-

ров. 41. Глава французской поэтической школы XVI века, провозгласивший принцип «подражания древним». 42. Каждое из южных деревьев, чьи плоды небезопасны для насекомых. 43. Французский художник, писавший девушек «такими красивыми, такими юными, что не хотелось сомневаться в их невинности» (Л. Гуртик). 44. Птичка, которую, по В. Арсеньеву, дальневосточные казаки называли беселушкой.

По вертикали.

1. Металл, повышенное содержание которого отмечено в черных сланцах. 2. Судно, упоминаемое в «Художниках» В. Гаршина. 3. Художница и теософка, первая жена Максимилиана Волошина. 5. Гора, про которую Гете в разговорах с Эккерманом заметил, что если рядом с ней и ей подобными поставить Монблан, он не стал бы повергать нас в изумление. 6. Одно из русских названий погреба, подполья. 7. Урочище близ Смоленска, где, стоя на могилах польских офицеров, К. Симонов перед кинокамерой утверждал, что их расстреляли фашисты. 8. Практически единственный пищевой продукт, содержащий германий. 9. Инструмент, на котором хорошо играл голландский мореплаватель Баренц. 16. Деревня в индийском штате Махараштра, близ которой в скалах высечены тридцать четыре буддийских, брахманских и джайнских храма. 17. «Запирайте... нынче будут грабежи!» (А. Блок. «Двенадцать»). 18. Один из двух видов спорта, в которых в Париже впервые в истории Олимпийских игр выступали женщины. 19. Полуобезьяна, называемая на Коморских островах «душой мертвых». 20. Насекомое, встречающееся вопреки мнению Ч. Дарвина на просторе чаще, чем у селений. 21. Фигура, символ плодородия у народов Кавказа и Востока. 22. Вечная спутница советского человека, с которой и новая Россия не расстанется. 23. Жемайты, зейгалы, курши, латгалы (общее название). 30. Французская императрица, при дворе которой культивировали стиль «второе рококо». 31. Одно из заведений, какие посетил с папой герой стихотворения С. Маршака «Хороший день». 32. Металл, который ищут на Земле, по мнению писателя В. Щербакова, пришельцы из других миров. 33. Длинный крытый проход от ворот во внутренний двор восточного дворца. 34. Французская певица, включившая романс А. Алябьева «Соловей» в оперу Д. Россини «Севильский цирюльник». 38. Выдающийся русский мастер игры на корнет-а-пистоне, автор военных маршей. 39. Композитор, после блистательного турне которого по Европе стала модной прическа из полудлинных волос.

281

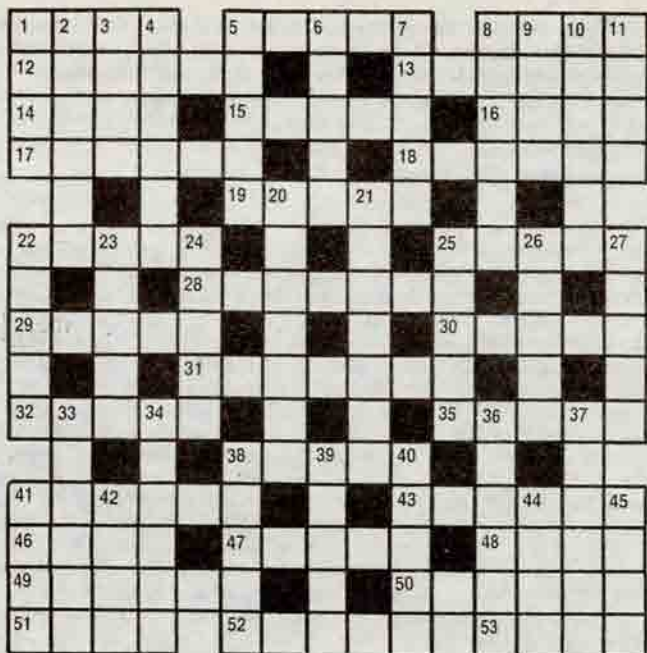
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали.

1. Тройка. 6. Дюлонг. 10. Ветер. 11. Платон. 13. Минога. 14. Покрышкин. 15. Язык... 17. Жига. 18. ...шоссе... 19. Минимум. 21. Цин. 23. «Кудруна». 26. Борец. 27. Скрипка. 29. Лаппа. 30. Аристид. 32. Пта. 34. Сикомор. 35. Хатиб. 38. Пуля. 40. Йитс. 41. Чжурчжэни. 43. Фейхоа. 44. Анилин. 45. Ворон. 46. Тракай. 47. Юкатан.

По вертикали.

1. Топляк. 2. Опарыш. 3. Клоп. 4. Ведро. 5. Гершвин («Порги и Бесс»). 7. Юрин. 8. Омоним. 9. Гранат. 12. ...нонсенс. 13. Мидия. 16. Коррупция. 17. Жуковский. 19. Министр. 20. Гусар. 22. Зефир. 24. Акр. 25. Яка. 28. Ариадна. 31. Ронжа. 32. Поярков. 33. Эпифит. 34. Слойка. 36. Биолит. 37. Есенин. 39. Ажгон. 41. Чона. 42. Инок.

КРОССВОРД
Составил
А. ДУПО,
Симферополь.

По горизонтали.

1. На обычных судах — отсек, на нефтеналивном — ... 5. Одно из немногих хвойных деревьев, годных для живой изгороди. 8. Среда распространения волн. 12. Государство на Армянском нагорье, в VI веке до н. э. завоеванное мидянами. 13. Помещение для овец. 14. Старинный сосуд. Из него пили вино. 15. Земляной окол. 16. Бог, ради которого изменил свое имя фараон Аменхотеп, муж Нефертити. 17. Чешский писатель, автор нескольких романов о гуситском движении. 18. Во Франции — принц, в Испании — .... 19. Камень, который брал с собой, идя на битву, бургундский герцог Карл Смелый. 22. «Пифагоровы ... во все стороны равны» — о чертеже с доказательством теоремы Пифагора. 25. Вертикальная труба водопровода. 28. Река, через Дие и Мораву попадающая в Дунай. 29. Имя Беринга. 30. Прибыль ростовщика с денег, отданных займы под проценты. 31. Зимовальное помещение на пасеке. 32. Перевод скота на летние пастбища. 35. Глупый, надменный, заносчивый человек (сравнение). 38. Народ в Испании, во времена владычества Рима сохранивший свой язык. 41. Злая, сварливая женщина. 43. Персонаж комедии «Мещанин во дворянстве», роль которого на премьере исполнял сам автор. 46. Участник традиционных номеров на представлениях дрессировщиков Дуровых. 47. Советский кинорежиссер. 48. «В

любви равно участвуют и душа и ...; в противном случае любовь неполна: мы не духи и не звери» (И. Гончаров. «Обыкновенная история»). 49. Острый шахматный момент. 50. Алюмосиликат, молекулярное сито. 51. Восточная повозка. 52. Извозчик, использующий собственную силу. 53. Денежная пеня в пользу князя за убийство в Древней Руси.

По вертикали.

1. Стихотворение, написанное М. Лермонтовым перед второй ссылкой. 2. Гора в Закавказье. 3. Приток Оки. 4. Сподвижник Ленина, мастер экспроприации. 5. Орудие. 6. Артистка, которую А. Луначарский назвал «первой восточной ласточкой». 7. Косвенный налог. 8. Помост для казни. 9. Свадебное покрывало невесты. 10. Скрытая насмешка. 11. Край, кромка. 20. Животное с пятью сердцами. 21. Охотничья плеть. 22. Хромовая кожа. 23. Шведская серебряная монета конца XIV века. 24. Город в Южной Корее. 25. Детская игра. 26. Маневр войск для нанесения внезапного удара. 27. Числовая оценка среднего содержания химического элемента в земной коре. 33. С. Жук, В. Лобановский, В. Тихонов по работе. 34. Героиня в балете П. Чайковского «Лебединое озеро». 36. Русский механик, создавший механизм для подъема «Царь-колокола». 37. Золотых дел мастер. 38. Рынок. 39. Зверек, символ сонливости. 40. Буква старой русской азбуки. 41. Граница земельных участков. 42. «Кладовая» верблюда. 44. «Вот в косматой папаше, с тяжкой саблею, ..., грек, черный раб иль турок бородатый,— он соплеменник самого Али» (Д. Байрон. «Паломничество Чайльд-Гарольда»). 45. Оттенок речи, выражающий чувство.

283

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали.

1. Потребитель. 9. Дисквалификация. 12. Уровень. 13. ...фазан. 14. Лемех. 19. Нума. 20. Регистратор. 21. Поле. 24. Калкан. 25. Волна. 26. Бирманка. 29. Антарктика. 30. Именитость. 32. Сагайдак. 33. Ершов. 34. Щетина. 37. Ишак. 38. Медвежатник. 39. Тори. 42. Жираф. 43. Ярило. 44. Шиповки. 47. Магнитобиология. 48. Малоземелье.

По вертикали.

2. Оркангер. 3. Риал. 4. Бригантина. 5. Тримаран. 6. Луар. 7. Битва... 8. Гилея. 10. Хромолитография. 11. Рекогносцировка. 15. Ыныкчанский. 16. Циновка. 17. Фолиант. 18. Девальвация. 22. Бахрейн. 23. Эмиттер. 27. Стратег. 28. Емкость. 31. Дружелюбие. 35. Зверство. 36. Силиколь. 40. Чабан. 41. Хорив. 45. Юнга. 46. ...горе...

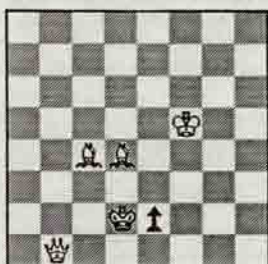
Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

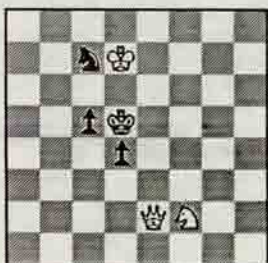
Продолжаем публикацию оригинальных миниатюр, присланных на III международный конкурс «Смена»-94. Приводим также ответы на задачи, опубликованные в №№ 5—8 за 1993 год. Успешнее других решали эти задачи **В. Гатилов** (п. Строитель Белгородской обл.), **М. Дерябин** (Казахстан), **В. Кожакин** (Магадан), **А. Кучеров** (Украина), **И. Некрасов** (Архангельск), **В. Станкевич** (Челябинск), **А. Тимофеев** (с. Аргаяш Челябинской обл.). Хорошая заявка на победу в конкурсе решения шахматных задач!

19. В. КЛИПАЧЕВ
п. Зеленоборский
Мурманской обл.

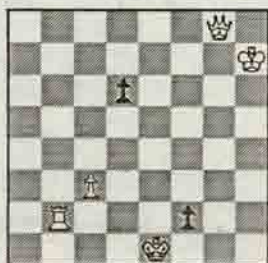
Мат в 2 хода

20. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск, Украина

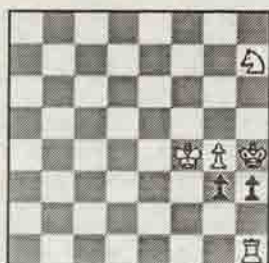
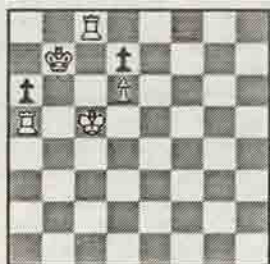
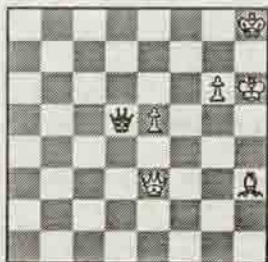
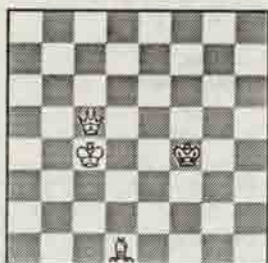
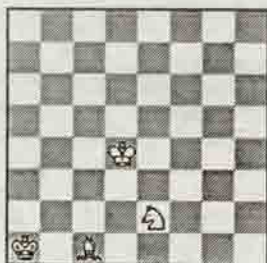
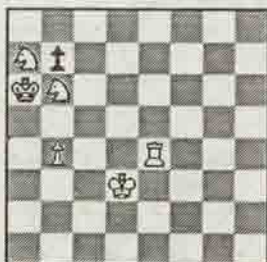
Мат в 2 хода

21. Д. ГУРГЕНИДZE
с. Чайлури, Грузия

Мат в 2 хода

22. С. РАДЧЕНКО*г. Ростов-на-Дону***Мат в 3 хода****23. З. ГНАТ***г. Стрый, Украина***Мат в 3 хода****24. В. КРИЖАНОВСКИЙ***с. Червоная Слобода,
Украина***Мат в 3 хода****25. С. ДЕМИДЮК***г. Брест, Белоруссия***Мат в 4 хода****26. В. ИВАНОВ***п. Повец, Карелия***Мат в 4 хода****27. Н. ЗИНОВЬЕВ***г. Усть-Каменогорск,
Казахстан***Мат в 4 хода**

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

-СМЕНА- № 5, 1993

25. Д. Басаев. 1. Kh5
26. В. Мельниченко. а) 1.Кf6!, б) 1.Ke5!, в) 1.Kb8!
27. В. Пильченко. 1.Cg5? Kpf7!, 1.Lg8? Kpf5!, 1.Kf6!
28. В. Мельниченко. 1.Lf8! g6 2.e8K!, 1...Kpg6 2.e8Ф!
29. В. Кожакин и О. Сакс. 1.Ld8! Кре3 2.Ld4 Кре2 3. Ле4х, 1...Кре4 2.Крг3 Кре3 3.Ле5х, 1...Крг4 2. Лf8 Крh4 3.Lf4х
30. М. Власов. 1.b4! Крс4 2.Фс5 Крд3 3.Сf3, 1...Кре4 2.Сс2 Крf3 3.Сd3, 1...Крд3 2.Фе5 Крд2 3.Фе2

-СМЕНА- № 6, 1993

31. В. Мельниченко. а) 1.e8C, б) 1.e8K!, в) 1.e8Л!, г) 1.e8Ф!
32. М. Чернушко. 1.Cg3
33. А. Дашковский. 1.Фа5!
34. В. Мельниченко. а) 1.Lf5! Крh2 2.Lf3, 1...f2 2.Крf2, б) ход черных! 0...d6,d5 1.Крf2, Лd5 d5,Крh2 2.Ld5, Лd3
35. Н. Чистяков. 1.Kbd2 dc 2.Kb3, 1...с4 2.Ke3
36. М. Марандюк. 1.Крf3 ~ 2.Cd7 и 3.Фс5х, 1...f5 2. Фс5 Кре6 3. Фd6х, 1...Кре6 2.Фd6 Крf5 3.Cd7х
37. Е. Беллев. 1...Крд7 2.Крf7, 1.a7! Крд7 2.a8C!
38. В. Жупиков. 1.Ke7 с3 2.Кс6 Крс4 3.b3х, 1...Кра5 2.Kd5 с3 3.b4х
39. Н. Зуев. 1.Kf5! Крг2 2.Ch3
40. М. Кормильцев. 1.Крг6 Крд7 2.Кс8, 1...Крf8 2. Кf5. Побочные решения: 1.Кс8, 1.Кс6, 1.Крf6
41. В. Шильников. 1.Cb8? Крг4 2.Cd6 Крh4 3.Kf2 — пат! 1.Cg1! Крг4 2.Ch2 Крh4 3.Kf2 d5 4.g3х
42. В. Гаврилов. 1.Cb5 f1Ф 2.Сс6 Фg2 3.Фс1, 1...Крг2 2.Сс6 Крf1 3.Фd2
43. В. Матзуш. а) 1.Лс3 Крд4 2.g3 Кре4 3.Кс7 (дуаль — 3.Kf4) Крд4 4.Kb5. Побочное решение: 1.Ла3 Крд4 2.Лс3 Кре4 3. Kb4 Крд4 4.Лс8, б) 1.Крс5 Кре5 2.f3 Кре6 3. Лг7 Кре5

4.g4. Побочное решение: 1.Кре6 Крд4 2.Лс3 и т.д.

44. М. Власов. а) 1.Сс6! Кра2 2.Ла5 Крb1 3. Са4 Кра2 4.Сb3. б) 1.Лс3! Кра2 2.Cd5 Крb1 3.Лс4 Кра2 4.Ла4
45. В. Гребешков. Не решается. Пешка d2 должна стоять на e2, что и предположили некоторые читатели. 1.e4 Кра8 2.e5 Крb7 3.e6 Кра8 4.e7 Крb7 5.e8C!, 1...Крс8 2.a8Ф Крд7 3.Фf8 Кре6 4.Сс7(с5)

-СМЕНА- № 7, 1993

46. М. Марандюк. 1.Lh3? с3! 1.Лс5? Крb3! 1.Cd5!
47. В. Мельниченко. 1.Фс4? Kh6! 1.Фf5? d5!, 1.Фе4? Ke5!, 1.Фс7! Автор предлагает новую редакцию. Белые: Крf7, Фf3, Cd7, Kb8; черные: Крд8, Ke7, п.с7. б) Фf3—f2. а) 1.Фb7!, б) 1.Фе1!
48. В. Иванов. а) 1.Lh2! Крf1 2.Ce2, б) 1.Ke6! Крf2 2.Kf4, в) 1.Cd1! Крг2 2.Kh3, 1...Кре1 2.Ke4
49. В. Кожакин. Не решается. Задача — мат в 4 хода. 1.Крс2! b3 2.Крс1 и 3.Кс3, 1...Kb6 2.Кс3 bc 3.Ль6
50. В. Мельниченко. 1.Фb6? с1Ф! 1.Kd6! Cf3 2.Kb5 Кс6 3.Фb6!
51. Ю. Лялюшкин. 1.Lh6 g3 2.Lg6! Кf6 3.Lg3 Kh5 4.Lh3. Побочное решение: 1.Lg6 Kf6 2.Lf6 Крh7 3.Lf1

-СМЕНА- № 8, 1993

52. Б. Былевский. 1.Фа8!
53. В. Матзуш. 1.Cd5!
54. М. Марандюк. а) 1.Ce7, б) 1.Ce7
55. В. Мельниченко. 1.f8Ф! Крf8 2.Кре6, 1...Крд7 2.Фh8!
56. А. Музыка. 1.Kh6! Крг2 2.Cf4, 1...Крг3 2.0-0!
57. В. Иванов. 1.Kf8 Крb4 2.Ke6 Кра4 3. Kf4 Крb4 4.Kd3 Кра4 5.Ke1 Крb4 6.Кс2 Крс5 7.b4х. Побочное решение: 1.Kb8 — с6 — d4 — с2

**ОБЩЕСТВЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ЗАЩИТЫ
ИНВАЛИДОВ
И СИРОТ**

ОАЗИС

Служба «**ОАЗИС-ТРУД**» готова помочь вам в поиске мест трудоустройства с учетом вашей специальности, квалификации и индивидуальных склонностей на основании современных методов психодиагностического анализа личности. Приглашаем как частично утративших трудоспособность, так и здоровых людей. Обслуживаем москвичей и жителей Подмосковья.

Фирмам и организациям гарантируем квалифицированную помощь в подборе необходимых специалистов, в том числе среди инвалидов.

Контактные телефоны: 368-03-20, 372-86-16; офис: 126-09-96
с 10.00 до 15.00,
кроме выходных.

Служба знакомств «**ОАЗИС-КОНТАКТ**» предлагает свое содействие инвалидам, страдающим от одиночества не менее, чем от физического недуга. Мы поможем вам обрести спутника жизни, друга, делового партнера или хотя бы доброго собеседника. Обслуживаем москвичей и жителей Подмосковья.

Контактный телефон: 372-86-16
с 12.00 до 17.00,
кроме выходных.

ЕСЛИ:

- вам нужны квалифицированные специалисты и вы хотите иметь надежные кадры;
- вы готовы проявить милосердие и сострадание;
- вы дальновидный руководитель и вас интересуют значительные льготы по налогам.

КАДРОВЫЙ БАНК СЛУЖБЫ «ОАЗИС-ТРУД» оперативно подберет для фирм и организаций (медицинских, строительно-ремонтных, юридических, учебных и других) необходимых работников, в том числе инвалидов, имеющих возможность эффективно трудиться в условиях вашего бизнеса.

Контактные телефоны: 368-03-20, 372-86-16; офис: 126-09-96
с 10.00 до 15.00,
кроме выходных.

Служба «**ОАЗИС-ИНФОРМ**» всем желающим дает бесплатную информацию о деятельности фирм и организаций наличного профиля, а также о разнообразных курсах (бухгалтерских, иностранных языков, моделирования одежды, медицинских и т. д.).

Контактные телефоны: 379-73-04, 464-10-82; офис: 126-09-96
с 10.00 до 15.00,
кроме выходных.

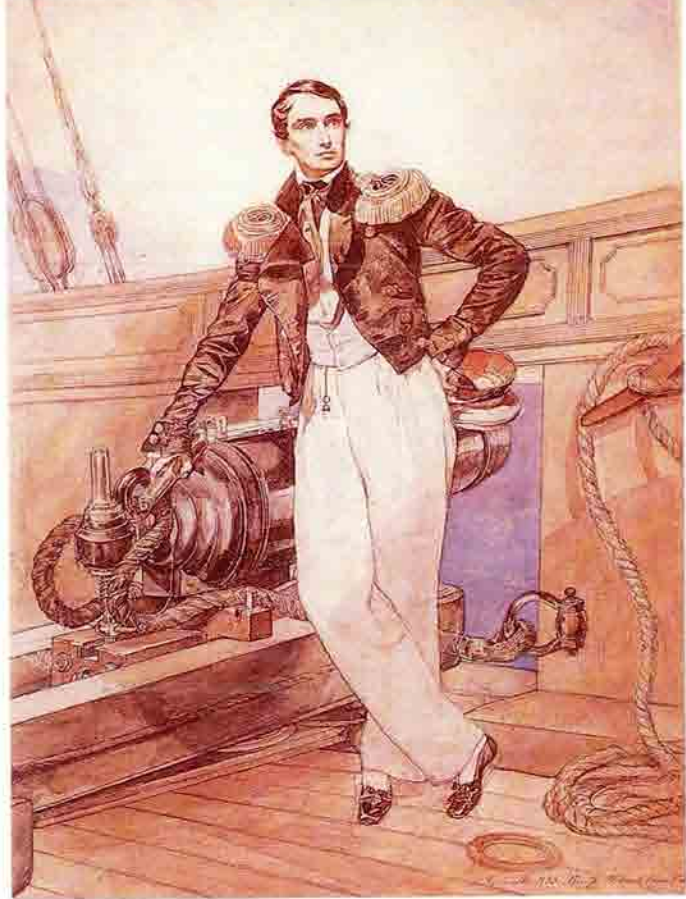
месте, стояло прямо, не криво и не косо; комнаты, здания, сады были нарисованы вполне правильно, согласно перспективной премудрости. Однако всегда отсутствовало главное. Души, темперамента, проникновения, истинного знания жизни и подавно *стиля*, который слагается из всего этого, в рисунке Брюллова не было нисколько. Если можно сказать, что Брюллов отлично рисовал, то это только с точки зрения Академии. До истинно великих рисовальщиков, умеющих одним *магическим* штрихом дать целый характер, развернуть бесконечные горизонты, передать любое настроение, ему безнадежно далеко.

Среди всей массы брюлловских произведений встречаются и такие, в которых громадный талант его все же пробился, несмотря на академическую вышколенность и собственное ломанье, до полного великолепия, но их очень не много — единственно только портреты. Их нетрудно все здесь перечислить. Не будь этих произведений, можно было бы сдать Брюллова совсем в архив, на одну полку с Пилоти и де Кейзером, но они должны спасти его от забвения. Чуть ли не на первом месте стоит акварельный портрет Олениных среди римских развалин, небольшая вещица, но изумительная по тонкости рисунка и скромному вкусу красок, могущая стать рядом с лучшими подобными произведениями Энгра. Затем следуют столь же прекрасный акварельный портрет П. А. Кикина, блестящая, во весь рост, с красивым пейзажем позади, «Всадница», портреты: И. Монигетти, Платона Кукольника (в черном плаще на светлом фоне), Нестора Кукольника (выдержанный в спокойной, черно-зеленой гамме) и более горячий портрет Струговщикова, любопытный, очень жизненный портрет князя Голицына, отдыхающего на кресле в своем кабинете, с полной воздуха и света анфиладой комнат позади, великолепный подмалевок к Крылову, и красивый собственный портрет, с знаменитой рукой, и еще десяток, преимущественно мужских. Среди женских портретов следует выделить из всей Винтергальтеровщины два, оба графини Ю. П. Самойловой. Хотя они так же безвкусны по общему замыслу, как и все прочие, но в головах их Брюллову удалось, вероятно, благодаря особенному отношению его к изображенному лицу, выразить столько огня и страсти, что, при взгляде на них, сразу становится ясной сатанинская прелесть его модели.

Продолжение следует.

КАРЛ БРЮЛЛОВ. Портрет В. А. Корнилова на борту брига «Фемистокл», 1835 г. ▼

▼ Спящая Юнона и Парка с младенцем. 1839—1845 гг. Эскиз.

ИНДЕКС 70820

ВЯЧСЛМ
ОЛЕГ

Музыкальная антенна представляет: